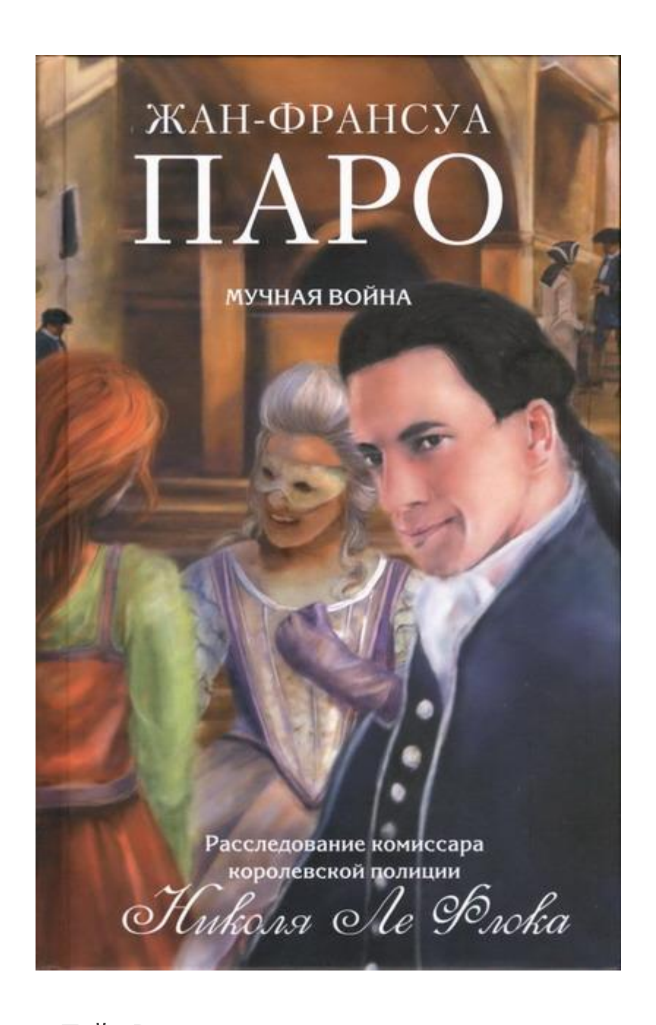
Паро Жан-Франсуа

Мучная война

Посвящается Андрэ и Тейе Росс

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Николя Ле Флок — комиссар полиции Шатле
Луи Ле Флок — его сын, ученик коллежа
Сартин — министр морского флота
Ленуар — начальник полиции Парижа
Альбер — его преемник
Пьер Бурдо — инспектор полиции
Сен-Флорантен, герцог де Ла Врийер — министр Королевского дома
Граф де Вержен — министр иностранных дел
Барон де Бретейль — посол Франции в Вене
Тестар дю Ли — судья по уголовным делам
Аббат Жоржель — секретарь посольства в Вене

Шевалье де Ластир — подполковник
Жак Мурю — булочник
Селеста Мурю — его жена
Юг Парно — ученик
Дени Камине — ученик
Анн Фриоп — ученик
Лепрево де Бомон — бывший секретарь
Матиссе — откупщик
Папаша Мари — привратник в Шатле
Сортирнос — осведомитель
Рабуин — агент
Эме де Ноблекур — прокурор в отставке
Марион — его кухарка Пуатвен — его лакей
Катрина Госс — бывшая маркитантка, служанка Николя Ле Флока
Гийом Семакгюс — корабельный хирург
Ава — его кухарка
Д'Арране — адмирал
Эме д'Арране — его дочь
Триборт — его дворецкий
Господин де Жевиглан — доктор
Тьерри де Виль д'Аврэ — первый служитель королевской опочивальни
Лаборд — его предшественник, в настоящее время генеральный откупщик
Шарль Анри Сансон — парижский палач
Ретиф де Ла Бретон — журналист, писатель
Мэтр Вашон — портной
Жак Ниверне — сапожник
Жюстен Белом — архивариус Ост-индской компании
Полетта — содержательница борделя
Гурдан — содержательница борделя
Колетта — ее служанка

Глава I
СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА КОРОЛЯ

Туман, что клубится вокруг, застилает твой взор.

Вергилий

Четверг, 2 марта 1775 года

В задумчивости Николя созерцал скопление надгробий, теснившихся на полу подземной часовни Капуцинов. Тяжелые металлические плиты, часть которых успела подвергнуться окислению, а часть еще поблескивала свежестью металла, пробуждали в нем мысль о кораблекрушении. Потемневшие от времени свинец, цинк и серебро, украшавшие надгробия, местами отражали неровный свет, проникавший сквозь узкие щели цветными полосками, словно на пути его поставили призму. Куда ни повернись, взор непременно падал либо на барельефные портреты, либо на изваяния бренных останков и прочих повергающих в трепет фигур, а также поверженных символов власти — корон и скипетров. В это пропахшее сыростью и свечной гарью подземелье, именуемое Императорской криптой, его привел монах-капуцин в

темной рясе с непременным капюшоном. Николя стоял и думал, насколько это захоронение Габсбургов, место паломничества каждого прибывшего в Вену иностранца, отличается от подземной часовни собора Сен-Дени, где покоятся Бурбоны. После смерти Людовика XV он спускался туда дважды: один раз самостоятельно, чтобы отдать последний долг своему покойному повелителю, а в другой раз — сопровождая мадам Аделаиду, пожелавшую преклонить колени перед небольшим кирпичным саркофагом, внутри которого был замурован гроб с телом ее отца. В ожидании он бродил по коридору, где по обеим сторонам тянулись строгие ряды гробов опочивших венценосцев, предусмотрительно водруженных на железные козлы. Последнее пристанище августейших особ в Сен-Дени выглядело мирным и домашним приютом, в то время как здесь на него со всех сторон взирали пробуждавшие ужас лица, а хаотичное расположение саркофагов создавало впечатление, что захоронения производились впопыхах и наугад. Прислонившись к колонне, он принялся вспоминать события последних месяцев. Успех его последнего расследования, позволившего снять с министра Королевского дома, герцога де Ла Врийера, крайне неприятные обвинения, снискал ему расположение Ленуара. Отныне новый начальник полиции полностью доверял ему.

В начале года ему поручили сопровождать эрцгерцога Максимилиана Австрийского из Брюсселя в Париж. Ему предстояло обеспечивать не только безопасность принца, путешествовавшего инкогнито под именем графа Бургау, но и оказание ему военных почестей по прибытии в расположение гарнизонов, равно как и необходимого почета и знаков внимания, положенных брату королевы. Привязавшись к Николя, молодой эрцгерцог потребовал, чтобы тот сопровождал его также и в столице во время официальных визитов. Во время одного из таких визитов Николя стал свидетелем сцены, позабавившей весь Париж: принимая важного гостя, господин де Бюффон с надлежащими почестями преподнес ему один из томов своей «Естественной истории», но тот отказался от подарка, любезно сообщив, что «не желает лишать гостеприимного хозяина столь редкой книги». С тех пор стоило кому-нибудь напомнить о простодушном неведении принца, как все вокруг принимались хохотать. Во время визита брата королева совершила оплошность, ставшую одной из первых в длинной череде промахов, стоивших ей утраты популярности среди своих подданных. Так как эрцгерцог известил заранее, что прибудет инкогнито, принцы крови Орлеан, Конде и Конти решили, что он должен первым явиться к ним с визитом. Узнав об этом, возмущенная королева устроила скандал герцогу Орлеанскому, но безрезультатно. Более того, принцы перестали посещать празднества в Версале, а вместо этого ездили в Париж, где появлялись в публичных местах и своим острословием вызывали бурный восторг простонародья.

Николя пришлось съездить на остров Сент-Маргерит за узником по имени Керель[1], бывшим стражником маршальского суда Франции, коего следовало доставить в парижскую лечебницу Бисетр, служившую одновременно тюрьмой. Вместе с двумя жандармами он галопом примчался на юг королевства и принял узника, чьи жалобы давно раздражали министра иностранных дел Вержена, под свое попечительство. На острове Николя узнал, что Керель обманул доверие Лорана, генерального прево Экса, поверившего добродушной физиономии и рассудительным речам стражника и выдавшего ему в качестве аванса изрядное количество луидоров. Когда же прево справился в казначействе маршальского суда, ему недовольно ответили, что Керель давно бросил службу, но мундир не вернул. Продолжив расспросы, комиссар узнал, что семь лет назад Керель выманил четыреста ливров у консула Пармы, за что суд в Монпелье приговорил его к повешению. А в сообщении кардинала де Берни, французского посланника в Риме, говорилось, что некий Керель преумножал свои преступления, изготовляя с незаурядной ловкостью фальшивые предписания, паспорта и ордонансы.

Вернувшись в Париж, Николя с удивлением встретил в полицейском управлении Сартина, немедленно ему сообщившего, что помимо управления делами Морского министерства он временно осуществляет руководство полицией, так как господин Ленуар подхватил тяжелую

кожную болезнь. Все рукописные новости, во множестве выпускавшиеся в столице, повторяли шутку маркиза де Бьевра: «Господин Ленуар совершил преступление против собственной кожи и теперь не может руководить полицией…»

К счастью, в доме на улице Монмартр царили спокойствие и размеренность. На Рождество прибыл из коллежа Луи. Те несколько дней, что он провел дома, Ноблекур, обрадованный и взволнованный, окружил его особым вниманием. Рождественским подарком Луи Ле Флоку, наряду с лакомствами и книгами, стала обустроенная под крышей дома комната с небольшим рабочим столом и книжными полками. На порядки в коллеже молодой человек не жаловался, однако Николя, как любящий отец, почувствовал, что у сына начались неприятности, которые тот изо всех сил старался скрыть. Но как бы он ни был благодарен окружающим за их внимание, сколько бы ни являл свою радость по поводу каждого подарка, отец, не подвергая сомнению его искренность, ощущал, что мальчика что-то тяготит, что кто-то сильно его обидел, и обида эта, словно заноза, засела в его сердце. Решив, что его задело изгнание матери в Лондон, он со всей возможной деликатностью попытался поговорить об этом с сыном. Однако Луи опроверг его подозрения — то ли потому, что не захотел рассказывать о своих переживаниях, то ли потому, что их причина была совершенно иной. И видя, с каким удовольствием сын подолгу беседует с почтенным прокурором и уплетает лакомства, которыми закармливали его Марион и Катрина, делавшие все, чтобы он хотя бы на время позабыл о не слишком аппетитной еде в коллеже, Николя успокоился и решил, что он ошибся.

В первое воскресенье января он повез сына в Версаль к большой утренней мессе. Мальчик с восторгом смотрел на королевский кортеж, следовавший по большой галерее в часовню. Увидев, как король дружески кивнул его отцу, а королева, слегка повернув изящную головку, одарила его милой улыбкой, Луи преисполнился гордости и на обратном пути засыпал Николя вопросами. Счастливый от того, что сына переполняла любовь к королю, комиссар, несмотря на усталость, отвечал ему. Вернувшись в восторге от увиденного, Луи немедленно принялся рассказывать обо всем слугам, и те слушали его, открыв рот и затаив дыхание. Унаследовав от отца талант рассказчика, мальчик приводил множество подробностей, из которых каждый слушатель выбирал то, что ему больше по душе. Партии в шахматы, несколько уроков фехтования и выездки, а также всевозможные развлечения заполнили оставшееся время недолгих каникул. Снабженный множеством свертков, советов и большим запасом айвового мармелада, Луи уехал. Прощаясь с сыном и глядя на его безмятежное лицо, Николя вздохнул с облегчением, однако пообещал себе пристально наблюдать за жизнью мальчика в коллеже и в ближайшее время съездить в Жюйи поговорить с отцами-ораторианцами.

Сам же комиссар полностью отдался страсти, подчинившей себе всю его жизнь, захватившей и тело его, и душу. Его особое положение аристократа, близкого к народу, наличие внебрачного ребенка и характер его ремесла обычно пробуждали в нем чрезмерную щепетильность. Но его связь с Эме д’Арране продолжалась, и он неожиданно для себя обнаружил, что не придает никакого значения условностям. Правда, сначала его постоянно снедала тревога за репутацию девушки, и однажды он осторожно поведал ей о своем беспокойстве. Вместо ответа она, рассмеявшись, принялась тормошить его, осыпать ласками и в конце концов закрыла ему рот поцелуем. Адмирал д’Арране, поглощенный своей новой работой в Министерстве морского флота, по-прежнему принимал его по-отечески доброжелательно, не давая оснований подозревать, что, уподобившись церберу, он примется караулить дочь. Решив с самого начала предоставить девушке полную свободу, он не заметил, как та мягко, но неуклонно начала диктовать ему свою волю, и он, во всем с ней соглашаясь, всегда принимал ее сторону. Впрочем, Николя был сыном маркиза де Ранрея, к тому же придворные во главе с Сартином осыпали его похвалами. Лучшей партии для дочери адмирал и желать не мог. За свою жизнь ему пришлось повидать немало страданий, а потому при виде влюбленных, казавшихся столь счастливыми, душа его радовалась, а сердце таяло.

Почтенное общество в составе Ноблекура, Семакгюса, Бурдо и Лаборда, знавшего мадемуазель д’Арране с самого детства, полностью попало под обаяние очаровательной плутовки. Когда она появлялась в доме на улице Монмартр, лицо старого прокурора, обрамленное пышным париком времен Регентства, мгновенно расцветало, а Семакгюс никогда не упускал возможности насмешливо заявить, что теперь он наглядно представляет, как великий король заигрывал с маленькой герцогиней бургундской. Эме подчинила себе и людей, и животных, включая Марион, Катрину и Пуатвена, что было не так-то просто сделать. Завидев ее, Сирюс и Мушетта мчались к ней навстречу и, выстроившись по обе стороны, словно почетный караул, не отходили от нее весь вечер и даже засыпали возле ее ног. То серьезная и молчаливая, то веселая и бойкая, она с равным удовольствием вела ученые беседы и рассуждала о хорошей кухне, чем окончательно пленила сердца мужского сообщества. И они за спиной Николя поздравляли друг друга с тем, что юной проказнице удалось, наконец, изгнать тяжкие воспоминания о госпоже де Ластерье. Даже Бурдо, обычно мрачно взиравший на любого, дерзнувшего приблизиться к Николя, снял оборону и всякий раз при виде Эме рассыпался в комплиментах. Поистине комиссар чувствовал себя счастливым. Урывая у работы каждую свободную минуту, он встречался с возлюбленной в скромных сельских трактирчиках, где пламенный жар их страсти каждый раз вспыхивал с новой силой, всегда неизведанной и никогда не уступавшей той, что снедала их в предыдущую встречу. Не имея возможности строить планы на будущее, Николя решил положиться на волю судьбы и наслаждался счастьем обладать женщиной, которую он любил и уважал без всяких оговорок.

…Внезапно черная тень, заслонив луч света, падавший в подвал через узкое оконное отверстие, вернула Николя к действительности. Перед ним стоял худой человек в пудреном парике, одетый, как обычно одеваются небогатые горожане; зажав шляпу под мышкой, человек изучающе смотрел на него насмешливым взором. Хотя новоприбывший расположился спиной к свету, Николя различил светлые глаза и плотно сжатые губы, придававшие лицу жестокое выражение; неожиданно незнакомец заговорил:

— Сударь, — произнес по-французски мрачный и унылый голос с едва заметным акцентом[2], — вы, я вижу, чужестранец, и это место произвело на вас впечатление.

— Вы правы, сударь, — вежливо ответил Николя, отвесив в ответ на любезное обращение изящный поклон. — Оно побуждает к размышлениям о тайнах времени и хрупкости человеческого бытия.

Встрепенувшись, неизвестный выпрямился, обнаружив привычку к военной выправке.

— Вижу, вы философ, а значит, француз! Что говорят в Париже о новой королеве французов?

— Подданные от нее в восторге.

— В Вене говорят, что она привязывает их к своим саням, в которых этой суровой зимой она часто ездила развлекаться на балы в Оперу.

— Завидев санки королевы, народ сбегается, чтобы благословить ее величество, и она без счета раздает милостыню.

— И это все, сударь? — В тоне незнакомца послышались скрипучие нотки. — Мне известно, что настроение французов меняется стремительно, и от пылких комплиментов они быстро переходят к яростным проклятиям. Любой успех, даже самый ничтожный, может считаться таковым только в том случае, если его одобрит общественное мнение. Мало найдется народов, чье настроение столь переменчиво, как настроение французов. Разве не вы прозвали предыдущего короля «Любимым»? Но когда его провожали в последний путь, чернь осыпала бранью и освистывала его эскорт!

— Он мог полагаться на преданных ему людей; все они до сих пор оплакивают сего достойного монарха.

— И вы были в их числе?

— Я имел честь служить ему.

— Пользуется ли новый монарх доверием народа?

— Разумеется, сударь. Вера в короля прочно укоренилась в душе французов. Наша преданность и честь не подлежат сомнению.

— Довольно, довольно, сударь, у меня и в мыслях не было оскорблять вас. Я всего лишь хотел поддержать беседу.

Воцарилась гнетущая тишина, затем незнакомец кивнул ему на прощание и удалился. Выходя, Николя спросил у капуцина, не знает ли он, случайно, кто тот человек, что разговаривал с ним. Капуцин поднял голову, явив жиденькую бороденку, и Николя понял, что он не понимает по-французски. Тогда он задал вопрос на латыни. На лице монаха появилось выражение ужаса, и он с поклоном прошептал:

— *Imperator, rex romanorum.*[3]

И комиссар Ле Флок понял, что он только что разговаривал с Иосифом II, австрийским императором и братом Марии Антуанетты. Интересно, была ли эта встреча случайна или император знал, кто такой Николя? Маловероятно. Тем более что сам император явно не хотел быть узнанным. Николя вспомнил, как однажды один из служащих Вержена сказал ему, что Иосиф II правит совместно с Марией Терезией, но та только время от времени советуется с ним и нисколько не намерена делиться с ним властью. Говорили, что такое положение императора крайне раздражает, и он, желая избавиться от бремени собственной бесполезности, путешествует по своим будущим владениям. Не склонный ни к роскоши, ни к публичным выступлениям, он выискивал изощреннейшие способы избавиться от самой тяжкой для него обязанности, связанной с его саном, дабы иметь возможность появляться на людях в качестве частного лица; таким его и увидел Николя. Ходил слух, что он умел очаровывать собеседников и всегда поощрял столкновения различных мнений, ибо считал, что из костра споров вылетают искры истины. Однако при всей его склонности к дискуссиям он не терпел бесцеремонности в отношениях. И как бы он ни старался устранить препятствия между собой и подданными, под обликом почтенного горожанина всегда угадывался самодержец.

Несмотря на по-зимнему холодный воздух, комиссар смел снег со ступеней фонтана Доннербруннен, в центре которого высилась статуя Провидения, окруженная по цоколю амурчиками, и сел. Почуяв иностранца, словно из-под земли возник чичероне; стараясь изо всех сил говорить так, чтобы его не было слышно, он сообщил приезжему, что нагие статуи, изображавшие четыре притока Дуная, сочли оскорбляющими нравственность, и их убрали по приказу императрицы. Получив от Николя несколько монеток, рассказчик удалился, а комиссар вновь погрузился в собственные мысли. Его пребывание в Вене становилось все более загадочным, и он стал вспоминать странные стечения обстоятельств, предшествовавшие сегодняшнему дню…

Две недели назад жизнь его помчалась галопом. Сартин призвал его к себе и, усадив в карету, молча повез в Версаль. В министерском крыле их немедленно проводили к министру иностранных дел Вержену. Мигая насмешливо взиравшими на окружающих глазками, выделявшимися своей живостью на длинном прыщавом лице с отвислыми щеками, министр небрежно, словно старого знакомца, приветствовал Николя. В качестве вступления Сартин напомнил, что Николя давно посвящен в тайну секретной службы покойного короля, и далее повторил все то, о чем рассказывал комиссару прошлой осенью. Аббат Жоржель, секретарь французского посланника в Вене принца Луи де Рогана, обнаружил, что секретная переписка короля перлюстрируется австрийским кабинетом. Бесспорные доказательства и материальные

тому подтверждения предоставил таинственный посредник в маске. Это подтверждало сведения, которыми располагал Версаль относительно шпионской сети перехвата, окутавшей не только государства, входившие в наследную монархию Габсбургов, но и многочисленные княжества империи. Сеть плелась на каждой почтовой станции, где имелась потайная комнатка. Ее агенты, обладавшие поистине дьявольской ловкостью, разгадывали самые сложные шифры. Новый посол в Вене, барон де Бретейль, не смог добиться от аббата Жоржеля необходимых разъяснений о перебежчике, поставлявшем сведения аббату. Тут Вержен обратился к Николя:

— Как вы понимаете, сударь, у этого аббата с повадками ястреба совершенно иная логика, нежели у меня. Он засыпает меня противоречивыми донесениями, утверждая при этом, что князь Кауниц[4] ему полностью доверяет. Как будто бы в этой сфере может идти речь о доверии! Этот Жоржель пишет, что Кауниц якобы постоянно ведет с ним доверительные разговоры. Но я на собственном опыте знаю, чего стоят подобные откровения властей предержащих. Опутав лестью простодушное сердце, они принимаются выдавать песок за овес.

Встав с кресла, он засеменил по комнате.

— Я недоволен, да, недоволен этим господином, столь щепетильным, что стоит мне только потребовать от него разъяснений относительно его деятельности и его тайных связей, как он немедленно встает на дыбы. Так что, сударь, буду вам весьма признателен, если вы разузнаете все возможное о загадочном поставщике новостей нашего аббата. Тем более что я не очень уверен в точности донесений Жоржеля…

Он вздохнул.

— …увы, такое случается, и весьма часто, ибо людей можно подкупить… С помощью Бретейля вы также доставите мне донесение о недавнем расширении границ империи, и в частности, в Молдавии: территория, численность и характер войск, расквартированных там, и разного рода сведения, кои мне весьма приятно получить, хотя господин аббат почему-то считает, что они интереса не представляют, а значит, не сыщут ему славы.

— А вы, господин граф, — обратился он к Сартину, — уточните все детали с господином комиссаром, который по такому случаю отправится в путешествие под именем маркиза де Ранрея. Позаботьтесь сообщить ему все, о чем мы с вами говорили. У меня в министерстве ему откроют неограниченный кредит. И позаботьтесь о паспортах…

Вернувшись в Париж, Сартин и Николя немедленно принялись за работу. Сартин, всегда очень предусмотрительный, когда ему приходилось лично заниматься каким-либо делом, поведал, какой предлог избрали для поездки Николя. Барон де Бретейль не сумел взять с собой бюст королевы, который та хотела подарить матери, ибо Севрская мануфактура не успела справиться с заказом до его отъезда. Николя поручалось сопроводить бюст и вручить его августейшему адресату. Чтобы придать больше блеска и правдоподобия его миссии, ему для сопровождения предавался шевалье де Ластир, имевший чин подполковника. Для путешествия выбрали просторную дорожную карету, в качестве лакея и телохранителя велено было взять Рабуина. Николя заметил, что Бурдо… Но Сартин не пожелал ничего слушать: он только что снова занял место начальника полиции, одновременно продолжая управлять своим морским министерством. Опыт инспектора и полное доверие, которым он пользовался у Сартина, делали его совершенно незаменимым в отсутствии следователя по особым делам.

Николя напомнил, что владеет только английским языком и без знания немецкого рискует провалить задание. Поэтому он абсолютно уверен, что ему следует взять в поездку доктора Семакгюса, и полагает, что генерал-лейтенант его поддержит.

Выдающийся ботаник, доктор часто высказывал желание посетить Ботанический сад императора Франца I в Шенбрунне и встретиться с учеником Жюсье Николаусом фон Жакеном, известным своими путешествиями на Антильские острова и в Колумбию. Растения, привезенные им из этой экспедиции, стали украшением императорского Ботанического сада.

Из духа противоречия Сартин немедленно воспротивился, заявив, что речь идет отнюдь не о научной экспедиции. Однако, узнав, что корабельный хирург прекрасно говорит по-немецки, изменил свое мнение. К тому же Семакгюс всегда был готов дать дельный совет, а в случае необходимости и обнажить шпагу. Наконец Сартин выдал комиссару солидную сумму наличными и векселя на один из венских банков. На следующий день Николя явился к утреннему туалету королевы; та, как обычно, одарила его обворожительной улыбкой, а услышав, что «Компьеньский рыцарь» сопровождает ее бюст, изготовленный для «дорогой маменьки», захлопала в ладоши. Австрийский посол Мерси-Аржанто, присутствовавший при встрече, заверил его в своей поддержке, предложил свои услуги и пообещал рекомендательные письма, кои ему доставят сегодня же вечером. Посол знал комиссара со времен визита эрцгерцога Максимилиана во Францию. Набросав записку для Марии Терезии, королева передала ее посланцу и, рассмеявшись, попросила подтвердить императрице, что записка написана ее собственной рукой. Спускаясь по лестнице, Николя пообещал самому себе непременно раскрыть тайну просьбы королевы; услышав торопливые шаги, он, обернувшись, увидел, что его догоняет австрийский посланник; настигнув Николя, Мерси-Аржанто, задыхаясь, сообщил ему, что с недавнего времени королева усердно работает над своим почерком, дабы он не походил на детские каракули.

Когда на улице Монмартр стало известно, какое путешествие предстоит Николя, все сначала пришли в восторг, а потом разволновались. Узнав, что ему не придется сопровождать комиссара, ибо Сартин посчитал его незаменимым, Бурдо встревожился и одновременно преисполнился гордости; после некоторых размышлений он решил, что высокое доверие, оказанное ему начальником полиции, вполне компенсирует его разочарование. Рабуин запрыгал от радости и тотчас помчался покупать ливрею, приставшую его временным обязанностям. Выслушав сообщение о предстоящей поездке, раскрасневшийся Семакгюс велел доставать его походный чемодан. Николя помчался в Версаль поцеловать мадемуазель д'Арране, которая так страстно умоляла взять ее с собой, что ему пришлось урезонивать ее и убеждать в неуместности подобной просьбы. Приготовления шли полным ходом. Николя обдумывал, что уложить в багаж, и в частности, какую взять с собой одежду, ибо ей следовало не только соответствовать погодным условиям, но и подходить для самых разных случаев. С помощью инспектора Бурдо он раздобыл также маскарадный гардероб, тщательно отобранные и разрозненные предметы одежды, подходящие для переодевания. Кухарки с улицы Монмартр, Марион и Катрина, а также присоединившаяся к ним Ава объединили усилия и снабдили путешественников обильной и удобной для транспортировки едой, а также бутылками, дабы было чем эту еду спрыснуть. В квадратной ивовой корзине выстроились, уложенные заботливой рукой, паштеты, всевозможные колбасы, бисквиты и сухарики, а также множество глиняных горшочков с желе и вареньями. Рабуин отыскал почти новую дорожную берлину, запряженную шестеркой лошадей, с кучером и форейтором. Во вместительный деревянный ящик, заполненный соломой, заботливо уложили бюст королевы, обернутый в два слоя тика.

В среду, 15 февраля, все, несмотря на холод, ранним утром собрались возле дома Ноблекура. Рабуин, в малиновой ливрее с серебряными кантами, наполовину скрытой плащом из грубой шерсти, притулился возле кучера, форейтор в высоких сапогах оседлал одну из лошадей в упряжке. Шевалье де Ластир, возраст коего не поддавался определению, возможно из-за гладко зачесанных назад и заплетенных в косу волос, прибыл вовремя, как и следует приятному попутчику; на нем был кавалерийский плащ темно-красного цвета.

Доктор Семакгюс зябко кутался в плащ с воротником из выдры, лицо его скрывала надвинутая на лоб шапка из того же меха. Николя облачился в творение мэтра Вашона, своего портного, соорудившего для него широкий плащ с собольим воротником и множеством карманов. Вокруг шеи он обмотал кашемировую шаль, подарок Эме д'Арране; он обещал Эме

носить шаль на протяжении всего путешествия, и сейчас с наслаждением вдыхал исходившей от нее аромат вербены.

Золото, которым его щедро снабдили Вержен и Сартин, явно не лишнее. Пятьдесят девять подстав отделяли Париж от Страсбурга, а так как ехали они в достаточно громоздкой карете, расходы только в пределах королевства наверняка достигнут многих сотен ливров. Во Франции им предстояло проехать Шалон, Сен-Дизье, Бар-ле-Дюк, Нанси, Люневиль, Фальсбург и Саверн. Заглянув в справочник королевской почты, они узнали, что не только в Страсбурге, но и в иных местах, в случае если карета приезжает после закрытия ворот, надо, помимо дорожной пошлины, заплатить станционному смотрителю по десять су с лошади. В Вене же лучше нанять тамошний экипаж, более приспособленный для передвижения в лабиринте городских улочек.

Разговоры об удобствах, доступных путешественникам, растопили лед в отношениях с шевалье де Ластиром. Он оказался знатоком денежных единиц различных государств, и даже раздал всем квадратные листочки бумаги с табличкой обменных курсов. Со знанием дела он объяснил, что австрийский кронталер равен двадцати четырем ливрам, или одному золотому луидору, но если в одном ливре двадцать су, а в одном су четыре лиара, то, следовательно, лиар эквивалентен пфеннигу, ну а отсюда вытекает… На этом месте он окончательно запутался в своих рассуждениях, и там, где речь явно шла о флоринах, у него почему-то появились крейцеры. В конце концов он попытался перевести пфенниг в индийские анны. Семакгюс, ходивший всеми широтами, попытался ему помочь, однако безуспешно. Компания, к которой присоединился продрогший на козлах Рабуин, развеселилась; корабельный хирург вытащил из-под скамьи маленькие деревянные ящички, обитые изнутри листовым железом и наполненные горячими углями. Походные грелки встретили с большим энтузиазмом, а когда на всеобщее обозрение был выставлен походный фарфоровый ночной горшок в кожаном чехле с золотым тиснением по краю, все дружно расхохотались. Но восторгам поистине не было конца, когда хирург извлек на свет божий маленький поставец из черного дерева, открыл его, и все увидели стаканы и четыре складных прибора с рукояткой из перламутра, заключавших в себе одновременно и вилку, и нож. В таких условиях они просто не могли не отведать своих запасов и все послеобеденное время посвятили приятному процессу переваривания пищи.

В дороге дни сливались воедино, отличаясь друг от друга только мелкими происшествиями. Если у одной из лошадей отлетала подкова, а ехать надо было в гору, они высаживались и шли пешком, чтобы облегчить вес кареты. Прибыв на подставу, они немедленно вступали в словесную перепалку, чтобы получить приличную упряжку. Останавливаясь на ночь в грязных придорожных трактирах, им приходилось вести яростное сражение с вездесущей и непобедимой армией клопов. Семакгюс раздал своим товарищам пахучую мазь собственного изготовления, где, судя по запаху, преобладала камфара; состав сей мази корабельный хирург держал в секрете. Обеды сменялись ужинами, иногда достойными внимания, иногда малосъедобными. Они сохранили трепетное воспоминание о пиршестве в гостинице Золотого льва в Витри-ле-Франсуа. Для возбуждения аппетита путешественникам подали лоснящиеся от жира сосиски из Труа, обжаренные на сковороде. За ними последовал великолепный паштет из кролика, для которого, как объяснила хозяйка, она лично несколько дней выдерживала кусочки мяса в маринаде из смеси красного вина и сливовой настойки, а для лучшего сохранения аромата она намеренно не отделяла мяса от костей. Затем замаринованное мясо долго упаривалось вместе со свиным салом под корочкой из теста, в серединке которой она проделала дырочку для выхода пара. Пир завершился кусочком террина из кабаньей головы. Местный мягкий сыр с плесенью послужил прекрасным дополнением к вину с виноградников Шампани. Однако они напрасно попытались разведать секрет вкуснейшего пряного сыра: хозяйка лишь уточнила, что перед подачей на стол она щеткой промывает его в большом количестве воды. Ее сообщение и вовсе окутало сыр покровом таинственности.

В довершение трапезы принесли огромное блюдо хвороста, воздушных ромбиков из легкого теста, обжаренных в масле и посыпанных сахаром. Семакгюс заявил, что это лакомство прекрасно дополнит омлет его собственного изобретения. Дабы слова не расходились с делом, он метнулся к очагу, схватил пару десятков яиц, решив, что их достаточно для четырех отменных едоков, и в мгновение ока разбил их, отделяя желтки от белков. Желтки были смешаны и взбиты с сахаром при помощи вилки, а белки взбиты венчиком в крепкую пену. Затем обе массы осторожно соединили вместе и аккуратно вылили на большую сковороду, где уже шкворчало сливочное масло. Под действием жара на глазах у изумленных путешественников омлет вздулся до невероятных размеров. Семакгюс обильно посыпал омлет сахаром, а затем, достав из-за пазухи фляжку выдержанного рома, вылил изрядное количество содержимого на сковороду и поставил ее на огонь. Ловко стряхнув пахнущий карамелью омлет на блюдо, он полил его алкоголем, подожженным с помощью головешки. Синеватый свет озарил радостные лица сотрапезников. Хрустящий хворост прекрасно сочетался с нежным сладким вкусом пышного омлета, глазированного сахарной корочкой. Путешественники надолго замолчали, и только чей-нибудь восхищенный вздох время от времени нарушал тишину.

Зима никак не хотела уходить; холод столь прочно укоренился в жилищах, что даже самый жаркий и постоянно поддерживаемый огонь не мог их согреть, невзирая на старательно законопаченные щели. По наблюдениям Николя, крестьяне, встреченные ими на почтовых станциях, выглядели чрезвычайно озабоченными: ведь суровая зима пришла на смену чрезвычайно холодной осени. Говорили, что щедрый урожай фруктов уже погиб. Многие опасались голода и разорения, двух бедствий, предвестницей которых обычно является долгая и холодная зима. Действительно, в иные дни иней не таял до самого полудня, и только когда солнце смягчало разлитый в воздухе холод и растапливало снег, начинали подтаивать и наледи. По ночам дули прилетевшие с севера ветры, приносившие с собой снеговые тучи, и природа вновь застывала до следующего полудня.

Страсбург поразил Николя своей красотой и богатством. Собор из розового песчаника, высившийся над покатыми крышами, привел его в восхищение; он вспомнил, как вечерами на кухне Катрина Госс, рассказывая о своих родных краях, непременно упоминала этот собор. Путешественники запаслись солониной, салом и копчеными ребрышками, для которых Семакгюс прикупил еще несколько горшочков с обожаемым им хреном. Николя приготовил спутникам сюрприз. Вспомнив, как однажды Ленуар вспомнил фуа-гра по рецепту маршала де Контада, он спросил про кушанье у повара в гостинице. Поломавшись, тот ответил, что Клоз, повар маршала, являющийся, как и он, уроженцем Нормандии, получил от хозяина приказ ни в коем случае не разглашать секрет приготовления паштета. Но, разумеется, земляки могли бы… Словом, перед отъездом путешественники насладились паштетом из фуа-гра в шубке из мелко нарубленного телячьего фарша запеченным в тонком слое теста, превратившемся в процессе пребывания в плите в хрустящую золотистую корочку. На протяжении всего вечера общество радовал сопровождавший трапезу сладкий *Trottacker* с виноградников Рибовиля.

Монотонность путешествия усугублялась усталостью и отсутствием движения. Незнакомые пейзажи, проплывавшие за окнами, то и дело застилали туман или снежная мгла. К счастью, шевалье де Ластир, с каждым днем раскрывавший все новые и новые свои таланты, умел оживить любой разговор, сделав его беззаботным и легким. Усиленно посещая парижские салоны, он познакомился со всеми модными нынче развлечениями. Из сложенного в несколько раз листа бумаги он с ловкостью вырезал силуэт, затем разворачивал лист и получал целую гирлянду забавных человечков. Всегда готовый вырезать очередной силуэт, он пользовался почтовой бумагой Семакгюса, пока, наконец, хирург не положил конец этой забаве, заявив, что чем дальше от Парижа, тем почтовые тарифы становятся все выше; следовательно, надобно экономить его прекрасную тончайшую бумагу и писать на ней самым что ни на есть убористым почерком. Раздосадованный шевалье обнаружил познания в еще одном, модном

среди мужчин занятии: он вытащил рукоделие и, натянув основу на пяльцы, с мрачным видом принялся вышивать собственный герб. Когда же к нему вернулось хорошее настроение, он стал развлекать общество рассказами о своих кампаниях. Как-то раз он с горечью признался, что надеется, что миссия в Вену принесет ему долгожданное вознаграждение за долгую службу. Если бы награды вручали на поле боя, то он давно бы имел все возможные отличия, но увы, лишком часто мужество оценивали в кулуарах, а награды раздавали незаслуженно. Поводом для отличий служили подвиги в придворных, а чаще всего в альковных баталиях, а потому самыми удачливыми чаще всего оказывались те, кто никогда не слышал канонады. Поэтому награда не раз уплывала у него прямо из-под носа. Друзья стали утешать заслуженного воина, а Семакгюс даже открыл очередную бутылку, дабы выпить за его будущие успехи.

Проехав Зальцбург, а затем Линц, 1 марта, в Пепельную среду, засыпанная снегом карета, направляемая двумя белыми, словно призраки, фигурами, незадолго до полудня миновала старинные укрепления, башни и бастионы и въехала в Вену. Затянутый в корсет из каменных стен, город казался маленьким — в отличие от скованных льдом обширных предместий. Ластир объяснил, что нынешние укрепления построены на развалинах стен 1683 года, когда город подвергся осаде турок. Первое мрачноватое впечатление быстро уступило восхищению множеством помпезных зданий, дворцов, церквей и памятников. Дома щеголяли роскошными лепными фасадами, многочисленные дорогие лавки полнились богато разодетыми посетителями. Но, пресыщенные, как и все парижане, путешественники посчитали имперскую столицу излишне провинциальной и принялись бурно обсуждать ее несовершенства; Семакгюс сначала только смеялся над их замечаниями, а потом напомнил, что им самим следовало бы избавиться от предвзятости, недостатка, в значительной мере присущего французам. «Когда приезжаешь в чужую страну, — изрек он, — надобно менять тональность, дабы смотреть беспристрастно и ничто ни с чем не сравнивать».

Николя, давно собиравший собственную коллекцию людских типажей, с жадностью вглядывался в лица встречавшихся им людей, облачение которых напоминало о различиях между народами, проживавшими на территории империи, а также о соседстве Блистательной Порты. Расположенная в самом центре города, на Зейлергассе, гостиница «Золотой телец», рекомендованная австрийским посланником, поразила его роскошью и чистотой. Николя подумал, что она вполне может соперничать с лучшими гостиницами Парижа: «Парк Руаяль» на улице Коломбье и «Люинь» в предместье Сен-Жермен.

Следующий день каждый провел согласно собственным желаниям, ибо все давно мечтали побыть в одиночестве. Николя направился в собор Святого Стефана послушать мессу, в то время как Семакгюс устремился в Шенбрунн, где, невзирая на снег, намеревался посетить сады и оранжереи. Ластир предпочел провести день под пуховой периной, покуривая и глядя в потолок. Рабуин пошел нанимать экипаж для поездок по городу. Всю первую половину дня Николя бродил по улицам, пока, наконец, его внимание не привлек вход в скромный погребок Капуцинов…

К вечеру мороз усилился, но Николя довольно быстро добрался до гостиницы, оказавшейся буквально в двух шагах от выбранного им погребка. Когда все вновь собрались вместе, оказалось, что выглядят они крайне утомленными, словно усталость, накопившаяся за время путешествия, внезапно тяжким грузом обрушилась на их плечи. После трапезы, состоявшей из горохового супа и блюда разнообразных колбас, к коему подали черный ароматный хлеб и янтарное пиво, они молча разошлись по своим комнатам.

Пятница, 3 марта 1775 года

Рано утром Николя покинул «Золотого тельца» и, сев в карету, направился в резиденцию французского посла в Вене. Рабуин в ливрее ловко пристроился на запятках. Величественное здание посольства вполне соответствовало той роскоши, которую завел для себя принц Роган. Комиссара без промедления провели в обтянутый красным дамастом рабочий кабинет, где теперь распоряжался барон де Бретейль. Среди перегруженной золотом мебели, лаковых шкатулок и китайских ваз его ждал корпулентный человек среднего роста во фраке цвета сухих листьев и большом старомодном парике. Его жесткое и энергичное лицо с большими, красиво разрезанными глазами несколько портил мясистый нос, нависавший над узкогубым ртом с приподнятыми, словно от смеха, уголками, являвшими некое противоречие с двумя пролегавшими по обеим сторонам глубокими горестными морщинами. Николя почувствовал, что добродушие этого высокопоставленного чиновника исключительно напускное, а посему доверять ему не следует. Несколько лет назад они встречались в апартаментах покойного короля, и он имел возможность оценить Бретейля. Однако с тех пор министр сильно постарел: беспощадное время делало свое дело.

Едва они завершили обмен положенными в таких случаях приветствиями, как посол, приложив палец к губам, призвал Николя к молчанию и, взяв за руку, через потайную дверь, спрятанную в темном углу кабинета, вывел в узкий коридор. Пройдя еще несколько дверей, каждую из которых Бретейль старательно запирал за ними на ключ, они, наконец, пришли в гардеробную, где из всей мебели стоял лишь обтянутый кордовской кожей стул с дыркой, скамеечка и серебряный источник для очистки воды. Посол сел и жестом пригласил гостя последовать его примеру. На лице его появилось подобие улыбки.

— Простите, господин маркиз, за столь — по меньшей мере странный — прием, но приходится соблюдать меры предосторожности. Как, полагаю, вы уже поняли, я не могу доверять ни служителям, оставленным мне моим предшественником, ни тем, кого мне удалось нанять самому. Мои люди шпионят за мной, и с этим ничего не поделаешь. Однако вернемся к вашей миссии; о ней мне все известно в подробностях. В этом уединенном месте, безопасность которого многократно проверена мною лично, мы можем говорить совершенно откровенно. Однако не встречались ли мы на одном из ужинов в малых апартаментах?

— Да, господин посол. Мы с господином де Лабордом восхищались вашим собранием китайских лаковых миниатюр.

Бретейль улыбнулся, и от этой улыбки лицо его резко помолодело. Николя вспомнил Сартина.

— Покойный король ценил вас…

Он вздохнул.

— Вот уже несколько месяцев, как секретной службы короля не существует, а наш новый повелитель, похоже, колеблется, стоит ли ему продолжать политику его деда…

Неоконченная фраза повисла в воздухе, и на некоторое время воцарилась тишина.

— Что вам известно об аббате Жоржеле?

Николя кратко изложил все, что поведал ему Вержен.

— В целом этого достаточно, подробности же я вам сейчас сообщу. Да будет вам известно, что, едва приехав, я заверил аббата в своей благосклонности и передал ему письмо министра, где тот приказывал Жоржелю подробно сообщить мне все, что он знает о своем агенте. Но аббат тотчас стал вилять и приводить кучу доводов, желая убедить меня, что у его агента нет никаких оснований мне доверять, и вообще для него это дело чести — не выдавать своего осведомителя. Словно я требовал его раскрыть мне тайну исповеди!

— Полагаю, таких намерений у вас не было?

— О чем вы говорите! Я не собирался лично встречаться с этим мошенником! О чем мне, Бретейлю, говорить с ним? Однако Жоржель, будучи поверенным в королевских делах, обязан

сообщить мне его имя, а также откуда и каким образом он добывает сведения, ибо я прибыл исполнять функции посла и обязан быть в курсе всех посольских дел. Но ничего, ничего! Только отговорки… неуклюжие отговорки! Его агент никогда не захочет обнаружить себя, он сам не знает его настоящего имени, ибо тот отказался ему его назвать, они связаны с ним через третьи лица, а этих третьих лиц уже не существует, ну и все в таком роде. После моих более чем настойчивых просьб он, наконец, позволил мне надеяться, что в скором времени я смогу получить ответы на все свои вопросы. Прошло несколько дней, и я напомнил ему о его обещании. Но он вновь попросил у меня отсрочки!

— И вы ее предоставили?

— Разумеется, нет. Полагаю, для вас, как и для меня, подобный демарш совершенно непозволителен. Признаюсь, я бы никогда не смог поверить, что можно действовать через голову королевского посланника и считать себя вправе хранить молчание о делах, напрямую касающихся службы. Ведь в обязанности аббата входит докладывать мне обо всем в мельчайших подробностях. Подобное упорство со стороны подчиненного по меньшей мере подозрительно.

— И как вы объясняете столь пагубное упрямство?

— У этого человека нет ни чести, ни принципов. Этот шустрый аббатик уже в ранней юности пустился в плавание по морю разврата. Его воспитанием не без удовольствия занималась наша жеманница и философка госпожа Жоффрен. Это от нее он научился той наигранной легкости манер, кою можно приобрести только при дворе или…

И он, улыбнувшись, вновь взглянул на Николя.

— …от рождения. С самого отъезда принца Луи…

При упоминании имени Рогана лицо Бретейля исказила исполненная ненависти гримаса. Николя вспомнил, что после падения Шуазеля место посла в Вене ускользнуло от Бретейля, ибо д’Эгийон назначил на него Рогана.

— …он решил, что его полномочия перешли к нему, и стал тешить себя иллюзиями, весьма для него лестными. Ему кажется, что именно он является здесь самым нужным человеком, а потому ему следует оказывать безоговорочное доверие. Император и Кауниц поощряют его претензии, но меня вызывающее поведение этого субъекта нисколько не устраивает. И я его уволил, так что через несколько дней, седьмого или восьмого числа, он уезжает. Не знаю, хватит ли вам времени распутать это дело. Я со своей стороны сделал все, чтобы убедить его, абсолютно все!

Тон Бретейля дал понять Николя, что посол использовал все имевшиеся у него полномочия и даже более. Однако по собственному опыту он знал, что когда люди в рясах идут на поводу у собственных страстей, от них ничего нельзя добиться. Не действуют ни мягкость, ни угрозы, ни напоминания о долге перед государством, ни призывы уважать власть. Совершенно очевидно, Жоржель имел свой интерес или же, будучи иезуитом, работал во славу ордена. Дело принимало дурной оборот, и увольнение аббата пришлось весьма некстати, ибо создавало лишние препятствия. Впрочем, как говорил господин де Ноблекур: «Зовут на помощь, когда пожар уже начался!»

— Не хотите ли, господин маркиз, остановиться у меня? Разумеется с вашей… свитой. Полагаю, вы привезли бюст севрского фарфора, предназначенный для императрицы?

— Да, и он имеет поразительное сходство с моделью. И у меня с собой письмо от ее величества к ее августейшей матушке.

Лицо Бретейля озарилось радостью, и он, молитвенно сложив руки, театральным жестом вознес их ввысь, словно воздавая благодарность судьбе.

— Итак, благодаря вашему рвению и усилиям нас ожидает аудиенция во дворце. Вы были представлены королеве?

— Как только она прибыла во Францию: я сопровождал в Компьень короля и дофина.

Бретейль не стал более расспрашивать, а Николя остерегся расцветить свой ответ подробностями, ибо посвященным фраза его говорила о многом. В разговорах с придворными он приучился напускать таинственности. Привычка заинтриговать собеседника лаконизмом и никогда не отвечать на незаданные вопросы часто служила ему щитом. Приняв рассеянный вид, он скромно опустил глаза, усмехаясь про себя собственной хитрости. Он чувствовал, что эту партию он выиграл, и выиграл ее у опытного и жесткого игрока. Заметив, что Бретейль с блаженным видом наслаждается хорошими новостями, Николя посчитал момент вполне подходящим, дабы начать разговор о другой стороне его миссии в Вене.

— Могу ли я, господин посол, рассчитывать на вашу помощь в составлении доклада господину де Вержену относительно расширения границ империи, каковой доклад министр хотел бы получить исключительно тайным и безопасным путем?

Бретейль сурово взглянул на него: вопрос напрямую затрагивал сферу его компетенции.

— Помимо особого поручения министра, мы составляем донесение относительно Молдавии, а также о волнениях в Богемии, эхо которых успело докатиться до Вены. Остается только узнать, как передать эти донесения, не подвергая их риску… Ваш статус курьера вам нисколько не поможет… Они вскрывают дипломатическую почту, обыскивают курьеров и забирают все, что их интересует. Мы пишем протесты, а князь Кауниц в перерыве между охотой на мух высказывает сожаления о неловкости своих агентов. Насколько мне известно от министров других иностранных дворов, он вообще не склонен выражать соболезнования и приносить извинения. А зло тем временем продолжается! Как вы намерены провезти депешу?

— Позвольте мне пока умолчать о моем способе.

— Разумеется, мы ее зашифруем, но мы же знаем, как быстро они подбирают ключи к нашим шифрам.

Неожиданно посланник бросился к двери, расположенной ровно напротив той, через которую они вошли, и Николя услышал, как он тихо, но крепко выругался; вернулся посол весь красный, кипящий от гнева.

— Ну, что я вам говорил! Я со всех сторон окружен шпионами и доносчиками. Этот мошенник лакей решил подслушать нашу беседу. Вы, наверное, подумали, что теперь я выгоню его. Увы, тот, кого я найму, будет еще хуже. К счастью, дверь обита толстой тканью, наподобие матраса. Принц Роган принимал здесь своих шлюх, переодетых аббатами… Знаете, в пользу кого они шпионят? Да в пользу Рогана, Эгийона и их своры. Об австрийском кабинете мы даже не говорим; не исключено, что они делятся подслушанными сведениями даже с самим грозным владельцем Сан-Суси.[5]

Он перевел дыхание.

— Господин маркиз, я рассчитываю на ваше рвение; вся ваша предыдущая деятельность позволяет надеяться, что на этот раз нам повезет. А сейчас я без промедления отправляюсь к ее величеству просить об аудиенции, день и час которой я вам сообщу. Долго искать Жоржеля вам не придется: он живет в гостинице «Золотой телец», ибо надменно отверг мое приглашение расположиться у меня в посольском особняке.

Пройдя через лабиринт коридоров, они вернулись в кабинет посла. Затем Бретейль проводил Николя до лестницы, по дороге громко расспрашивая его о парижских актрисах и сокрушаясь о холодной зиме.

Сев в карету, Николя подвел итог встречи с послом. Заручившись лояльным отношением Бретейля с первой же встречи, он мог считать себя счастливчиком: все говорили, что поначалу посол ведет себя с теми, кто ему представляется, исключительно грубо. Тем не менее за позолотой слов и дипломатическими софизмами ему почудилось некое противодействие. Но сейчас Николя был нужен послу, даже необходим, да и связи комиссара были таковы, что

пренебрегать ими не стоило. Теперь Николя предстояло выслушать аббата Жоржеля, второй голос дуэта, который он составлял с послом. Так как местопребывание аббата не секрет, задача упрощалась. Он чувствовал, что разговор не будет простым, ибо противник его не боялся навлечь на себя гнев ни своего непосредственного начальника, ни самого министра. Неизменно чувствуя себя слугой короля, комиссар не мог не возмущаться поведением аббата, хотя понимал, что поступать так Жоржелю позволяет как слава его ордена, так и уверенность в поддержке могущественного клана Роганов и его сторонников.

Он нашел аббата Жоржеля в салоне гостиницы: тот наслаждался чашечкой шоколада с пирожным. Прежде чем подойти к нему, Николя долго изучал его отражение в одном из висящих на стене зеркал. Маленький рост, завитые и напудренные волосы, черное, элегантного покроя платье со скромными брыжами, более напоминавшими галстук, нежели обязательную принадлежность облачения священника. Светлые глаза, узкий рот, стиснутый двумя асимметричными складками, и вздернутые плечи производили впечатление скучное и безрадостное. Он приблизился.

— Господин аббат, вы мне позволите потревожить вас, невзирая на трапезу? Разрешите представиться…

Аббат смерил его холодным взором, и плечи его еще больше заходили ходуном.

— Вы маркиз де Ранрей, более известный под именем Ле Флока, комиссара полиции Шатле.

Казалось, аббат нисколько не удивлен их неожиданной встречей. Похоже, его предупредили о ней заранее. Николя почувствовал в этом скрытую угрозу.

— Что ж, тем лучше, мне не придется представляться. Это упрощает мою задачу.

Губы аббата слегка искривились, видимо, обозначая улыбку.

— Садитесь, господин маркиз. Здесь прекрасно взбивают шоколад. Не хотите ли чашечку?

— Вряд ли можно отказаться от такого соблазнительного и высказанного в столь изящной форме приглашения, — опускаясь на стул, ответил Николя.

Он выбрал самый беззаботный тон. Сумеет ли он с его помощью растопить лед недоверия собеседника? Аббат умолк. Николя не терпелось узнать, насколько далеко простиралась его осведомленность. Не сумев подобрать подходящего предлога для начала разговора, он решил приступить прямо к делу.

— Полагаю, вам известна причина моего приезда в Вену?

— Вы правильно полагаете. Вы привезли бюст севрского фарфора, подарок нашей нынешней государыни, предназначенный для королевы Венгрии, и прихватили с собой записочку от дочери к маменьке.

Николя внутренне собрался. И тон, и форму высказываний аббата он считал неприемлемыми.

— Вы прекрасно информированы.

Он вспомнил аудиенцию в Версале. Помимо королевы, в покоях ее величества присутствовали посол Мерси-Аржанто и несколько придворных дам. Любой мог оказаться виновником утечки сведений. А аббат, без сомнения, получил их через Роганов.

— Итак, господин аббат, мне не стоит распространяться об истинной цели своей миссии, а именно встретиться с вами по указанию господина де Вержена и выяснить у вас причины, на основании которых вы отказываетесь информировать вашего посла относительно известного вам вопроса…

Он не стал придумывать замысловатого завершение фразы, ибо ему показалось, что слова его задели Жоржеля за живое.

— Сударь, — ответил тот, — разве я могу быть уверен в вашей беспристрастности? Вы выходите из резиденции посла Франции, и нет оснований сомневаться, что затворившийся там субъект не стал петь мне хвалы. Что я могу противопоставить словам этого высокопоставленного и могущественного чиновника, который, подобно фальшивому самоцвету, сверкает, но не имеет никакой ценности? Станете вы мне верить? Или даже слушать? Сможете ли с пониманием внимать моим словам после того злословия и клеветы, что высказаны в мой адрес?

— Однако, сударь, не вижу с вашей стороны оснований заранее испытывать предубеждение по отношению ко мне.

— Я сообщу вам несколько истин: я имел право надеяться на иное обхождение, ибо мое положение, и впрямь весьма завидное, предполагало некоторые виды на будущее. Но если говорить откровенно, то, оставив в стороне удовольствия, вкушаемые мною в Вене, я надеюсь со временем вернуться к своей работе. Ибо дипломатическая карьера привлекала меня прежде всего возможностью исполнить свой долг, и ничем иным. Так почему, скажите мне, я должен терпеть, когда меня увольняют как лакея?

— Я вас понимаю, однако барон де Бретейль весьма сожалеет, что вы отказали ему в искренности.

— Какая несправедливость! И это в то время, когда я, подвергаясь публичным оскорблениям, делаю все, что требует от меня долг, дабы представить его ко двору! Я уже не говорю о визитах, кои мне пришлось нанести министрам и прочим нужным лицам в Вене. Я рассказал ему обо всем: о моих осведомителях, об источниках сведений, о моих связях, подробно расписал характер и пристрастия государей, предубеждения, существующие против нас и в нашу пользу, но об этом забыл. Я рассказал ему о сети секретных агентов России, Англии и Пруссии, об их замысловатых ходах, направленных на ослабление нашего влияния, поведал о переговорах частных лиц, ведущихся негласно в нашу пользу. Чего вы еще хотите?

— И каков же был ответ? Разве он не выразил вам своей признательности за такое рвение?

— Сначала он и в самом деле оценил меня по заслугам. Но вскоре начал требовать, чтобы я раскрыл ему способы, с помощью которых мне удается добывать для его величества секретные сведения о венском дворе. Этого я сделать не мог. С его приездом источник пересох. Да и как я мог отыскать человека, всегда являвшегося в маске, ночью, незаметно, и предупредившего меня, что любая попытка распознать его личность и завербовать его по всем правилам успехом не увенчается, а, напротив, обернется прямой угрозой для меня?

— Но откуда такая сдержанность? Насколько я знаю, ваши отношения завязались еще во времена принца Рогана. Значит, тогда общаться вам было проще?

— Подобное утверждение повергло посла в гнев, и он обрушился на своего предшественника. Потом, забывшись, он обвинил меня в присвоении посольских денег, а затем воскликнул, что придет время, и он отомстит! «Когда я стану министром, Роган почувствует на себе всю тяжесть моей власти», — заявил он. — Памятуя о почтении, коим я обязан ему по должности, я ответил, что сообщу в Версаль о его поведении. Так поверите ли? После этой сцены он осмелился снова истязать меня расспросами, полагая, что я все еще хочу быть ему полезен.

— Итак, — подвел итог Николя, — вы считаете, что ничем не обязаны новому послу и не намерены использовать свое умение и влияние, благодаря которым наш двор по сю пору пребывал в курсе интриг австрийского кабинета. И все же, господин аббат, я надеюсь, что мне, прибывшему по доброй воле от имени вашего министра, вы согласитесь помочь. Само собой разумеется, при таких условиях я стану вашим самым надежным адвокатом в Версале.

Увы, с уст его сорвалось слово, произносить которое было противопоказано, и он, понимая это, глубоко впился ногтями в ладонь. Аббат же, услышав такое оскорбление, подскочил и

отшвырнул ложечку, угодившую в чашку со взбитыми сливками, кои разлетелись в разные стороны, забрызгав ему платье.

— Адвокат? Адвокат?! Я не ослышался? Так, значит, я уже обвиняемый, и меня нужно защищать? — зловеще прошипел он. — Так вот, и вы, и все остальные, знайте, что больше я вам ничего не скажу, ибо говорить мне с вами не о чем. Через четыре дня почтовая карета увезет меня из этого нечестивого места.

Закатив глаза, он прочувствованно произнес:

— Слава Богу! Надеюсь, наши друзья австрийцы выразят сожаление о моем отъезде. А император Иосиф удостоит меня прощальной аудиенции! Да, именно прощальной аудиенции!

Он выпрямился, буквально раздуваясь от гордости.

— Такой аудиенции удостаиваются только полномочные послы! А князь Кауниц осыпал меня комплиментами!

— Скажите хотя бы, как вы получали сведения от вашего осведомителя.

— Нет никакой тайны. Я уже тысячу раз рассказывал об этом. Записка без имени, буквы вырезаны из газеты. В полночь человек в маске передает мне стопку расшифрованных депеш австрийского кабинета и депеш короля Пруссии. Два раза в неделю. А так как он всегда просил меня возвращать эти бумаги, то бывший секретарь переписывал их. Надеюсь, сударь, вы в состоянии запомнить мои слова. Всегда к вашим услугам!

И, гордо вскинув голову, он с довольной улыбкой покинул гостиную. Николя с грустью подумал, что все его усилия оказались напрасны. Добровольно аббат ничего не расскажет. Ненависть при поддержке оскорбленного тщеславия всегда приводила людей такого склада к преступному запирательству. Соперничество принца Рогана и Бретейля, за которым издалека наблюдали постоянно пребывавший начеку Шуазель, уязвленный оскорблениями двора Эгийон и могущественный клан Роганов, порождало интриги, плетущиеся в ущерб и трону, и королевству. А так как при ходьбе ему лучше думалось, он решил побродить по городу.

Выйдя на улицу, он порадовался, что сменил парадные туфли на крепкие сапоги, щедро смазанные жиром неутомимым Рабуином. Подтаявший снег чавкал под ногами, разлетался грязными брызгами, и он непременно запачкал бы белые чулки. Он шел наугад, пока не вышел к императорскому дворцу; Хофбург, показался ему простым строением, без всяких излишеств. Дворец охранял немногочисленный отряд в мундирах, напоминавших восточные одежды, и он долго с любопытством их разглядывал. Еще он отметил, что дома в Вене пронумерованы. Сартин также хотел пронумеровать парижские дома, однако не сумел довести сей план до конца. Затем он вышел на широкую улицу под названием Грабен. В центре улицы, напоминавшей более вытянутую площадь, обстроенную домами с множеством лепных украшений, высилась искусно сооруженная колонна с символами Святой Троицы. В противоположных концах улицы разместились два фонтана, окруженных кованой решеткой и придававших этому уголку непостижимое великолепие. Более всего его поразили водостоки, воронки которых, выполненные в форме голов грифонов, возвышались над крышами жилых домов; сейчас клювы грифонов исторгали из себя причудливые потоки подтаявшего и вновь замерзшего льда. По краям площади расположились многочисленные лавки с деревянными навесами, защищавшими как от зимней непогоды, так и от яркого солнца. Повсюду царило оживление, ехали кареты, повозки, груженые телеги, галдела разноликая толпа. Вскоре он заметил, что, несмотря на страстное желание императрицы изгнать из собственной столицы проституцию, Грабен буквально кишел девицами легкого поведения, столь же дерзкими, как и их клиенты. На углу площади он в изумлении застыл перед фреской, нарисованной на слепом фасаде дома. На фреске изобразили слона, а у него на покрытой попоной спине сидел всадник с огромным крюком в руках. Голову всадника украшала высокая коническая шапка, напомнившая ему шапки азиатских язычников, которых его друг Пиньо де Беэнь, находившийся сейчас с миссией в Восточной Индии, показывал ему на картинках.

В крошечной лавчонке с тростниковой крышей он купил кусок зажаренного в сухарях карпа, завернутого в обрывок партитуры. Сверху рыбу посыпали какой-то красной пудрой, и он по достоинству оценил ее остроту и не изведанный доселе вкус. Пройдя еще немного, он зашел в заведение, привлекшее его своими начищенными медными кастрюлями, заказал чашечку кофе и, пристроившись у столика, принялся наблюдать за посетителями. Вскоре он заметил, что за ним следят двое субъектов; впрочем, преследователи его были столь неуклюжи, что даже менее опытный полицейский без труда смог бы их распознать. В Париже Сартин довел тактику наблюдения до совершенства, особенно когда речь шла о слежке за иностранцами в период войны; в этом деле его людям поистине не было равных. Одна из дверей кафе выходила непосредственно в галерею, и Николя, оплатив счет, воспользовался именно этим выходом. Сделав несколько шагов, он резко изменил направление и нос к носу столкнулся с двумя шпионами, источавшими запах давно не мытых тел. Не обращая более внимания на своих соглядатаев, он продолжил прогулку. Послеполуденное время он посвятил осмотру церквей и вернулся в гостиницу только когда окончательно устал и продрог.

Товарищи уже ожидали его; у всех было что рассказать, кроме Рабуина, посвятившего все свободное время ухаживанию за горничной некой знатной дамы, остановившейся в «Золотом тельце». Предприняв надлежащие предосторожности, Николя собрал спутников у себя в спальне и коротко описал стоявшие перед ними задачи. Чтобы выяснить, кто скрывается под маской тайного агента аббата Жоржеля, у них имеется четыре дня. Несмотря на заявления аббата, Николя полагал, что тот непременно встретится с агентом в последний раз. Следовало получить подтверждение сего предположения и раскрыть тайну личности осведомителя. Ластир, также присутствовавший на совещании, ибо Сартин заявил, что ему можно доверять во всем, насвистывал веселую песенку и, казалось, пребывал далеко от забот, одолевавших остальных. Задетый за живое его беспечностью, Николя счел нужным напомнить ему, зачем они приехали в Вену.

— Лучше поблагодарите меня, — ответил шевалье, — что я в такой холод отправился доставать билеты на первое представление оратории Гайдна «Возвращение Товия», что состоится в театре у ворот Каринтии.

И, не прекращая напевать, он совершил изящнейшее антраша.

— Вы только подумайте! Бас — Кристиан Шпех, тенор — Карл Фриберт, в роли Сары — Магдалена Фриберт, сопрано! Это будет великолепно, обещаю вам. А…

И он изобразил скрипача, настраивающего свой инструмент.

— …в перерыве между двумя действиями Луиджи Томассини концертирует на скрипке, а Франц Ксавье Морто — на виолончели. Добавлю, господа, что автором либретто является Джованни Гастоне Боккерини, отец итальянского композитора! Ля-ля-ля… ля-ля… ля…

— А когда состоится представление? — спросил Семакгюс.

— 2 апреля сего года.

— Как, — воскликнул корабельный хирург, — вы думаете, мы все еще будем здесь?

— О! — ответил Ластир. — Я очень на это рассчитываю. Мы же ждем аудиенции у императрицы, а она, насколько мне известно, торопиться не любит. Засим, господа, я вас покидаю, ибо, боюсь, вряд ли мои познания будут вам полезны: я человек военный. И да здравствует Мария Терезия!

План выработали быстро. Оказалось, за каждым следили по двое сыщиков, и, дабы они не воспрепятствовали исполнению поручения, следовало от них отделаться. Решили, что Николя в одежде Рабуина покинет гостиницу под руку с субреткой, которой за это пообещают приличное вознаграждение. Они выйдут через неприглядную дверь, предназначенную для слуг. Рабуин же, в плаще Николя, отправится мозолить глаза шпионам. Остальных Семакгюс возьмет на себя. Ластир останется в гостинице наблюдать за дверью аббата Жоржеля, и когда тот отбудет, сообщит об этом, поднеся к окну подсвечник; Николя, спрятавшись под портиком,

будет ждать его сигнала. Но они напрасно прободрствовали всю ночь; ничего не произошло, и им пришлось признать свое поражение.

Суббота, 4 марта 1775 года

К столу путешественники вышли поздно. Ластир и вовсе отсутствовал, и Рабуин отправился будить его. Через несколько минут он вернулся и дрожащим голосом сообщил:

— Господин де Ластир исчез. Его вещи — тоже. Комната пуста!

Глава II
ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

С самого детства политика воспитывает в королях неискренность.

Макиавелли

Изумление оказалось столь велико, что все буквально утратили дар речи. Первым молчание нарушил Семакгюс. Отставив в сторону поднесенную к губам чашечку кофе, он сказал:

— Пользуясь привилегией возраста, рискну высказать свои соображения относительно сей неожиданной новости. У меня есть две догадки, ибо третью — наш компаньон покинул нас, потому что испугался, — я отметаю сразу. Нашего товарища либо похитили, либо по какой-то настоятельной и загадочной причине он почел за лучшее исчезнуть. Исходя из этих предположений, что нам делать? Решать вам, Николя. Со своей стороны, я считаю, что самое разумное — сделать вид, что ничего не произошло. А так как мы не можем притвориться, что сами все устроили, по крайней мере притворимся, что мы в курсе событий. Ведь если мы начнем бить в набат, кто нас услышит? Жаловаться послу? Разумеется, он приедет, но вряд ли он будет доволен случившимся. Австрийцам? Если они являются причиной его исчезновения, значит, они не удивятся нашей неосведомленности. А если шевалье сам решил покинуть нас, то нам тем более не следует никому сообщать о его отъезде, причины которого нам неизвестны. Будем многозначительно молчать, будто все идет как надо.

Николя внимательно слушал Семакгюса, однако весь вид его говорил о том, что мысли его блуждают где-то далеко.

— Если его похитили, — осмелился вставить слово Рабуин, — полковник сможет постоять за себя. Он не только ловко орудует иглой, но и в бою спуску не даст. Однако ночью никто не слышал шума, хотя здешние стены пропускают любые звуки…

Его довольная физиономия залилась краской.

— …а я не спал целую ночь. Моя комната находится как раз над его комнатой. Так что могу вас заверить, всю ночь там было тихо.

Николя наконец вышел из задумчивости.

— Расспроси лакеев, — сказал он, — быть может, он забрал свои вещи в наше отсутствие. Не помню, говорил ли он нам вчера, чем он собирается заниматься…

Рабуин бросился исполнять приказание, но он остановил его:

— …Постой, это еще не все. Проверь, сам ли он приобрел билеты на ораторию Гайдна или же их выкупил посредник. Пока, пожалуй, все… Будем действовать в пределах разумного.

Взяв посыпанную кумином булочку, он принялся расковыривать ее, не замечая обильно сыплющихся крошек. В ожидании Рабуина друзья хранили гробовое молчание.

— Ну, что? — с нетерпением обратился Николя к прибежавшему агенту.

— Никаких посредников, однако я узнал странную вещь. Багаж господина де Ластира даже не относили к нему в комнату.

— Об этом мы могли и сами догадаться, — заметил Семакгюс, — ибо с самого приезда он ни разу не менял одежду. Следовательно, он заранее готовился к бегству… В субботу, после долгой дороги, мы падали с ног от усталости и не обратили внимания на эту любопытную деталь.

— Он ждал, когда мы сообщим ему наши планы, а потом бежал. Лишь бы…

— О билетах в театр у ворот Каринтии позаботились служители гостиницы. Они их мне вручили. Четыре билета!

И он помахал четырьмя маленькими бумажными квадратиками цвета слоновой кости.

Николя покачал головой, словно видя перед собой непреодолимое препятствие.

— Вот свидетельство в пользу одной из моих гипотез, — облегченно вздохнув, произнес Семакгюс. — Полагаю, что, включив себя в число зрителей, он, возможно, хотел нас о чем-то предупредить.

— Но о чем? По-моему, четвертый билет делает его исчезновение еще более загадочным. Что мы скажем барону де Бретейлю?

— Ничего, ибо он не станет спрашивать нас о нем.

— Дело в том, что шевалье внесен в список сопровождающих бюст королевы, а потому его присутствие на приеме обязательно.

— Аудиенция еще не назначена.

Разговор был прерван появлением аббата Жоржеля; обведя изящным жестом собравшихся, аббат приветствовал всех поклоном, а потом подошел к комиссару.

— Здравствуйте, господин маркиз. Смею надеяться, что вы не в обиде на меня за вчерашнюю резкость. Я говорил от чистого сердца.

Николя встал. Игра продолжалась. Семакгюс скромно удалился, увлекая за собой Рабуина.

— Нисколько. Я ценю язык искренности.

— Поэтому я взял на себя приятную обязанность передать вам приглашение на обед к князю Кауницу, государственному канцлеру и подлинному Нестору[6] среди министров Европы. Узнав от вашего покорного слуги о вашем прибытии в Вену, он просит вас оказать честь его гостеприимству, а меня просит сопровождать вас. Единственное условие: вы должны быть абсолютно здоровы.

— Полагаю, это условие я выполню, — улыбнулся Николя. — Однако оно меня заинтриговало.

— Здесь нет никакого подвоха. Дело в том, что у князя очень хрупкое здоровье. Еще в юности врачи опасались за его жизнь. Он делает все, чтобы избегать простуд. В 1751 году, будучи послом при французском дворе, он больше всего боялся гулявших в Версальском дворце сквозняков. Ему неоднократно приходилось оставлять дела для поправления подорванного здоровья. При слове «эпидемия» его охватывает паника. Его постоянно мучают различные болячки. От малейшего ветерка у него начинается насморк, а слишком жаркая погода угнетает его. А распорядок дня канцлера! О, это особая статья.

— Господин аббат, мой экипаж в вашем распоряжении.

— Что ж, поедем вместе, — насмешливым тоном произнес Жоржель. — Полагаю, сударь, вы понимаете, какую честь вам оказывают, позволив приблизиться к этому первостепенному дарованию, умеющему отменно извлекать выгоду из соединения прошлого с настоящим. Благодаря его приверженности этикету и обычаям Франции он является одним из самых надежных столпов альянса, созданного во многом его руками.

Николя поклонился.

— Да, должен вам сообщить, что у великого человека есть некоторые странности. Ему хочется, чтобы для него время текло беспрерывно, он не любит прерываться и делать паузы. Поэтому у него нет часов, ни карманных, ни настенных, и он никогда не отмеряет часы, отведенные на занятия делами. Он ложится очень поздно и встает тоже поздно. Завершив свой туалет, он велит подавать обед в четыре, пять или шесть часов, в зависимости от работы или развлечений, которым он предается перед обедом. Поэтому мы отправимся к четырем пополудни. Но приготовьтесь, что придется ждать.

И он оценивающим взором окинул дорожный костюм Николя.

— Разумеется, придворный костюм, шпага и парик. Жду вас в половине четвертого.

И он исчез, оставив после себя облако пудры и аромат бергамота.

Остаток дня Николя провел у себя в комнате, пытаясь понять, почему он недоволен собой. Прежде всего он упрекал себя за то, что не предусмотрел возможности предательства шевалье де Ластира. Он полностью доверился ему и, сознавая, что его предали, стыдился собственной глупости. Охваченный тревожными предчувствиями, он вспомнил о сыне. Неожиданно пред взором его предстал несчастный взгляд Луи, бывший у него в тот день, когда он приехал на Рождество из Жюйи. И мучительный вопрос, отчего беззаботный мальчик внезапно стал похож на воплощение скорби, принялся терзать его с новой силой. Правда, вскоре сын снова повеселел, но вот надолго ли? Что же все-таки случилось? Он не понимал, а потому опасался проглядеть что-либо важное и тем самым доставить разочарование Луи. И он вновь пообещал себе более внимательно следить за жизнью мальчика в коллеже.

Словно отражение принятого обязательства, на дне души вновь зашевелились сомнения, разбуженные упадком духа. Не слишком ли мало внимания он уделял сыну, ведь все его свободное время занимала Эме д'Арране. Разумеется, его размышления не вписывались в привычные рамки принятого поведения. Он видел, что в свете с детьми обращаются либо как с игрушками, либо как с маленькими взрослыми. Родители сами поддерживали дистанцию между собой и своим потомством, и проявления чувств чаще всего являлись наигранными и неискренними. Иной пример подавали семьи из народа. Бурдо открыто являл нежные чувства по отношению ко всем своим пятерым детям, и те отвечали ему взаимностью. Даже палач Сансон не стеснялся своей любви к сыновьям и старался скрасить их вынужденное одиночество, коим они расплачивались за ремесло главы семьи.

Сердце подсказывало ему, что именно такой дорогой надобно идти, ибо даже сдержанные проявления любви каноника Ле Флока и маркиза де Ранрея, скрывавшего от него свое отцовство, он вспоминал с великой нежностью. И он, как некогда во время исповеди у иезуитов в ваннском коллеже, принялся анализировать собственное поведение. Какой предмет заслуживает страстного к себе отношения? Как можно измерить риск, когда не знаешь, в чем он состоит: в стремлении вперед, в забвении всех и вся, в бегстве в крепость из двух тел и двух опьяненных любовью душ? Какое место в этом мучительном существовании он отводит сыну? Он задумался. Неужели в его возрасте он вновь по привычке скатился к прежним бесплодным рассуждениям? Следовало признать, что предстоит побороть еще немало недостатков, прежде чем разум поможет ему усмирить страсти. Господин де Ноблекур, обладавший даром ясновидения, давно предупредил его об этом. Так может, стоит сделать глубокий вдох, избавиться от давящего на него груза, перестать предаваться бесплодным рассуждениям и положиться на собственное чутье? От этой здравой мысли ему стало легче, и, успокоившись, он занялся своим туалетом.

Расшитый серебром фрак мышиного цвета показался ему вполне уместным. Он с нежностью вспомнил о покойном короле, обожавшем этот цвет. Поцеловав эфес придворной шпаги маркиза де Ранрея, он прицепил шпагу к перевязи; образы короля и отца сливались в его памяти воедино. Надев парик, он критически оглядел себя в зеркале-псише, стоявшем у него в комнате. Ему показалось, что он похудел и помолодел. Регулярные выезды на

королевскую охоту и долгие поездки в Версаль поддерживали его в форме. Любовь также заставляла его заботиться о своей внешности. Он накинул плащ.

Аббат уже ждал его; из-под его плаща выглядывала темная фиолетовая сутана из набивного шелка, делавшая его похожим на епископа. Небо вновь затянуло снежными тучами, стало совсем темно. Перед входом во дворец канцлера многочисленные лакеи с факелами освещали гостям дорогу. В залах, где толпились приглашенные, горело столько свечей, что было светло как днем. Жоржель вошел вместе с Николя; немедленно в их сторону повернулись сотни лорнетов, со всех сторон посыпались приветствия; среди гула имен он различал известные фамилии империи. Его провожатый вызывал бурю восторгов. Ловко лавируя среди толпы, он кланялся одному, отвечал другому и шутил со всеми. Его тесные отношения с австрийским двором, плод его долгого пребывания в Вене, бросались в глаза. Его манера вести себя, его остроумие и его платье свидетельствовали об устойчивой привычке льстить окружавшим его насмешливым и надменным личностям. Все вопросы вертелись вокруг принца Рогана, словно он все еще пребывал в центре общества, по-прежнему в него влюбленного. Николя подумал, что новому послу не скоро удастся истребить ностальгию по былой роскоши и изгнать воспоминания о своем предшественнике, дабы завоевать собственный авторитет.

Прошло четверть часа, но князь не появлялся. Каждый развлекался как мог. Многие садились играть в карты. Николя задавался вопросом, не являются ли карточные выигрыши здесь, в Вене, как и в Париже, одним из способов поправить денежные дела знатных домов. Пригласить людей и обчистить их карманы за карточным столом не считалось зазорным. Среди игроков встречалось немало разодетых в пух и прах мошенников, ошивавшихся возле карточных столов в надежде завести полезные знакомства с князьями и разбогатеть, передергивая в фараон.

Николя отметил, что здешний двор изрядно походит на версальский. Те же старательные поклоны, те же кивки, те же чувства — от презрения до обожания, от лести до язвительных острот. Жоржель ощущал себя в этой толпе как рыба в воде. Опасения Бретейля оказались оправданными. Неудивительно, что, очутившись в изоляции и став мишенью для нападок своего подчиненного, он желал как можно скорее удалить этого подчиненного из Вены. Николя услышал обрывки нескольких разговоров. Ад был вымощен изысканными фразами, скрывавшими подлинные и отнюдь не красивые мысли; речи же аббата, слегка завуалированные из соображений осторожности, для внимательного слушателя звучали весьма двусмысленно. Когда Жоржеля спрашивали, что он может сказать о новом посланнике Франции, тот отвечал, что не знает, каков у него характер, и выдерживал такую красноречивую паузу, что вокруг лишь неодобрительно качали головами. Казалось, сладкозвучные речи аббата обладали иным, неведомым Николя смыслом. Жоржель исторгал целый поток преувеличенных похвал, в ответ на которые слушатели многозначительно ухмылялись. Лицемерие аббата настолько возмущало комиссара, что он, с усилием сдерживая себя, молча кусал губы, считая, что в лице представителя короля оскорбляли самого короля. При этом аббат успевал то и дело кому-то представлять его, преувеличивая и его достоинства, и его полномочия. На него дождем сыпались приглашения, но он, не намереваясь продолжать подобного рода знакомства, вскоре даже перестал кланяться.

Иногда его чичероне, скользивший от одной группы к другой, куда-то исчезал, и при небольшом росте аббата комиссару стоило немалых трудов вновь его обнаружить. Внезапно ему показалось, что аббат обменялся знаками с лакеем, разносившим поднос с оржатом. Затем Жоржель приблизился к нему и, повернувшись вполоборота, подставил лакею ухо, а тот, опустив голову, что-то прошептал ему. К сожалению, Николя не удалось услышать ни единого слова. Тут раздался стук трости по мраморным плитам, и он обернулся. Двустворчатая дверь распахнулась. Толпа, шурша шелками, пришла в движение, приветствуя князя.

Князь обвел взором гостей, и все согнулись в поклоне. Николя отметил, что, несмотря на обрамлявший его причудливый парик, проницательное и умное лицо Кауница

свидетельствовало о возрасте, именуемом преддверием старости. Предложив руку одной из дам, князь прошествовал в зал, где был накрыт огромный стол; следом потянулись и остальные гости. Увлекая за собой своего подопечного, Жоржель пристроился непосредственно позади Кауница. Приглашенные рассаживались согласно указанным местам. Николя оказался напротив канцлера и получил возможность рассмотреть надменную и бесстрастную физиономию великого политика, оживляемую время от времени блеском зорких глаз. Сознавая, что любое, даже самое ничтожное его замечание воспринимается как глубокомысленное, он часто обращался к окружавшим его дамам. Еда оказалась скорее обильной, нежели изысканной; за стулом каждого гостя стоял лакей, чтобы сервировать желаемое блюдо. За спиной хозяина дома на небольшом столике находились овощи, белое мясо курицы и фрукты, предназначенные лично для него. Устремив на Николя долгий испытующий взгляд, канцлер гнусавым голосом обратился к нему:

— Я счастлив, господин маркиз, что наш друг доставил нам удовольствие видеть вас за нашим столом.

Николя склонил голову.

— Мне известно, сударь, что вы пользуетесь доверием господина де Сартина. Совсем недавно я задал ему загадку. Мы были заинтересованы установить личность некоего субъекта, сумевшего нас прогневать; его пребывание на свободе могло создать для нас великие затруднения. Говорили, что он скрывается в Париже под чужим именем, и мы отправили его описание начальнику вашей полиции с просьбой не жалеть средств для поисков сего субъекта.

Сидевшие за столом благоговейно молчали и словно зачарованные слушали министра.

— После трехмесячных поисков ваша полиция смогла обнаружить следы его пребывания…

— …благодаря сведениям, сообщенным содержательницей меблированных комнат в Куртиле.

— Полагаю, сударь, мы должны быть вам благодарны, — без тени удивления на лице заметил князь. — Мне также передали, что интересующая нас личность высадилась в Египте. Однако мы по-прежнему полагали, что личность сия скрывается в Париже, и я сообщил вашему поверенному в делах…

Приподнявшись, Жоржель отвесил сотрапезникам круговой поклон.

— …что прославленная парижская полиция на деле нисколько не лучше прочих.

— Господину де Сартину — и я тому свидетель, — ответил Николя, — было крайне неприятно узнать сие суждение, вынесенное одним из величайших министров Европы.

Жоржель с блаженным видом одобрительно кивнул комиссару. Кауниц улыбнулся.

— Тем не менее он нашел способ отыскать интересующую нас личность. Спустя некоторое время он сообщил мне, что сей субъект проживает в пригороде Вены, именуемом Леопольдштадт, в доме торговца-турка, ходит в восточных одеждах и один глаз прикрывает черной повязкой. Все оказалось верно: мы нашли этого человека и арестовали его. От имени императрицы я отправил Сартину благодарность. Сам же я и по сей день пребываю в восхищении от работы чудесного механизма вашей полиции. Люди, сумевшие привести его в действие, поистине заслуживают называться гениями!

И, подняв бокал, наполненный водой, он повернулся к другому гостю. Каждый получил свою долю внимания со стороны хозяина. Наконец канцлер перешел к рассуждениям. Содержание его речей касалось в основном деяний прошлого, нежели настоящего. Высказав несколько общих соображений о неопытности и горячности, свойственных юности, он принялся жаловаться на зрелый возраст, когда опыт прожитых лет побуждает умерять пылкость ума, а силу характера подменять его гибкостью.

— Вы только послушайте, — шепнул Жоржель. — Как может Иосиф II пропускать мимо ушей столь изящные речи?

Князь не любил долгих застолий, поэтому ужин завершился довольно быстро. Прежде чем встать из-за стола, он велел подать ему карманное зеркальце, коробочку с зубочистками, небольшую миску из позолоченного серебра и кубок, наполненный изумрудной жидкостью. Потом он старательно чистил зубы, полоскал рот, откашливался, сплевывал и наконец тщательно вытер губы.

— Даже на приемах у императрицы, — хихикнув, шепнул Жоржель, — князь не стесняется демонстрировать повелительнице свою не слишком аппетитную привычку. А она великодушно ждет его, даже когда он опаздывает к обеду.

Как только князь отбыл к себе в апартаменты, гости рассеялись. Николя с аббатом отправились разыскивать свой экипаж; вокруг сновали лакеи с факелами, с которых непрерывно капал воск. Садясь в карету, Николя почувствовал, как кто-то толкнул его. Обернувшись, он увидел закутанную в черную мантилью женщину; сунув ему в руку крошечный бумажный квадратик, она столь стремительно исчезла в толпе, что он не успел даже попытаться удержать ее. Ничего не сказав Жоржелю, он спрятал записку в перчатку, решив, что это приглашение на галантное свидание, написанное одной из тех женщин, что дефилировали подле гостиницы, привлекая к себе внимание путешественников. По дороге аббат многословно поздравлял его с успехом у Кауница. Прибыв в «Золотой телец», они церемонно раскланялись, и Жоржель отправился к себе в комнату.

Убедившись, что вокруг никого нет, Николя подошел к свету, развернул записку и увидел начертанное печатными буквами загадочное изречение: «TIMOR METUS MALI APPROPINQUANTIS». Он напряг память, вспоминая латынь, и тут заметил еще одну, написанную наискосок фразу: «MAXIMAS IN CASTRIS EFFECISSE TURBAS DICITUR». Заметив, что к нему с заговорщическим видом приближаются Семакгюс и Рабуин, он прервал свое занятие, отложив перевод на потом. Лица его друзей выражали живейшее нетерпение, и комиссар понял, что им необходимо поделиться новостями. Но едва он обратился к ним, как оба немедленно прижали палец к губам.

— Мы нашли, — заявил Семакгюс, — уютную таверну, где я заказал легкий ужин. Полагаю, там нам будет удобнее. И нечего смотреть на нас так, словно еда навсегда осталась для вас в прошлом! К тому же у нас есть что рассказать вам…

Его большой нос сморщился от беззвучного смеха.

— Тогда поспешим: я просто умираю с голоду. На том собрании, откуда я вернулся, гораздо больше говорили, нежели ели. Однако кто же присмотрит за аббатом, если тот пожелает выйти из гостиницы?

— О! — воскликнул Семакгюс. — Рабуин все предусмотрел. У нас есть подставы, осведомители… и даже девочки, расставленные в нужных местах. Чем больше флоринов, тем легче проложить дорогу к истине. Так что ни о чем не беспокойтесь.

Они отправились в маленькую темную таверну и поднялись на второй этаж, где их проводили в тесный кабинетик, отделанный деревом, отполированным свежим воском. Николя осмотрел комнатку, похожую на нависшую над темной улицей голубятню. Маленькие стеклянные квадратики окон складывались в простенький пейзаж. Чтобы никто их не беспокоил, Рабуин приказал принести сразу все блюда и поставить их на маленький столик вместе с бутылками белого вина. Семакгюс, изображая служителя, принялся нараспев называть кушанья, превознося их бесспорные достоинства:

— Суп с фрикадельками из телячьей печенки, заправленный яйцами и кумином…

Он указал на пузатую паштетницу.

— …паштет из тетеревов под хрустящей корочкой, а к нему маленькая кастрюлечка с шафранным соусом; сняв с паштетницы крышку, мы прежде проткнем корочку и вольем туда немного ароматного соуса… жареный гусь с яблоками, *nuddeln*…

— Что такое «нудельн»? — спросил Николя.

— Макароны, изготовленные по итальянскому рецепту и крайне употребительные в этой части Европы. К ним подходит любой соус, так как он сообщает макаронам свой вкус.

Долее не рассуждая, они сели за стол и принялись с наслаждением поглощать изумительно ароматный суп с нежнейшими фрикадельками.

— Если согласиться с теми, — начал Семакгюс, — кто утверждает, что суп для обеда то же самое, что портик для здания, то этот суп вполне претендует на звание перистиля!

— Всем здешним закускам, где преобладают сахар и зерна со странным запахом, я предпочитаю каплуна, запеченного в соли, как подают в Париже. А здесь даже горчица — и та сладкая, не похожа на горчицу!

— Эти зерна, как ты их называешь, Рабуин, и есть божественный кумин, невежда ты этакий!

Явив свои познания, корабельный хирург также объяснил агенту, мясо какой птицы скрывается под крышкой паштетницы. Тетерев, по словам Семакгюса, относится к птицам крайне пугливым, и охотнику трудно к нему подобраться, и только в сезон любви тетерев утрачивает и хитрость, и осторожность. Когда первый голод был утолен, и настала очередь гуся, Николя, наконец, спросил, что они хотели ему рассказать.

— Господа, — неожиданно серьезным тоном произнес он, — я вас слушаю.

Словно нашкодивший мальчишка, Рабуин потупил взор.

— О! — протянул Николя. — Чувствую, пора готовиться к худшему. Когда Рабуин прячет глаза, значит, недалеко до беды. Как говорит Катрина, знает кошка, чье мясо съела.

— Она выражается еще более смачно, — заметил Семакгюс.

— Но мы же в приличном обществе…

Рабуин умоляющим взором уставился на хирурга. Сделав большой глоток, Семакгюс, наконец, изволил перейти к делу.

— Знайте же, господин комиссар, когда вы нас покинули, мы решили провести время с пользой. А так как Рабуин не растерял за время путешествия своей сноровки, он убедил нашу птичку заговорить.

— О какой птичке идет речь?

— Разумеется, не о тетереве… Как мы уже сказали, поле оказалось свободным. Николя увез Жоржеля, и увез надолго. А мы этим воспользовались.

— И каким же образом?

— Я уже упомянул про птичку, каковая, отлично смазанная, перестает петь, зато влетает в любые отверстия. Словом, это «соловей», который входит в самые сложные замочные скважины и открывает любые замки.

— Я не хочу даже предполагать, чем вы занимались, — с трудом сдерживая смех, произнес Николя.

— Что ж, не стану вас долее томить: мы проникли в комнату аббата Жоржеля, — единым духом произнес Семакгюс.

Дабы скрыть волнение, он потянул на себя гусиное крылышко, оторвавшееся вместе с добрым куском поджаристой грудки.

— Мэтр Семакгюс, — вымолвил Николя, лукаво глядя на друга, — я спрашиваю себя, да, спрашиваю себя, правильно ли я поступил четырнадцать лет назад, когда вызволил вас из Бастилии? Впрочем, что сделано, то сделано. Довольно ходить вокруг да около. Каков результат?

Облегченно вздохнув, Рабуин вытащил из кармана куртки лист бумаги с наклеенными на него обгоревшими обрывками документа и протянул его комиссару; тот принялся внимательнейшим образом его разглядывать.

… открыто пытаться. Говорят, что…

сделать Шуазеля… что…

…им д… уп. Она, ем для нас…

… в Рейм…Сторонни… рабо…

Тюрго… нисколько… перед…

…коалиц… тот… был… повеление…

…у грожа… амок… посредством… то… вызваны

…ет… та…

…мятеж…

… посредство… ужасные последствия…

…корпора… столько… вля зерном…

…гийон… рламент…

— Все, что нам удалось спасти, выхватив обгорелый документ из камина в комнате аббата. Без сомнения, это письмо из Франции прочитали и бросили в камин, дабы уничтожить. Но дрова оказались сырые, а аббат, видя, как сильно они дымят, решил, что огонь будет столь же силен; и ошибся.

Николя с удовольствием слушал правильную и осмысленную речь, исходившую из уст Рабуина. Агент не переставал его удивлять.

— Скажу прямо: ваш крайне неосторожный поступок оказался весьма полезным. Какие выводы вы сделали? — спросил он.

— Мы с Рабуином, — начал Семакгюс, — попытались прочесть послание, ибо это не шифровка. Часть слов достаточно легко восстановить: Шуазель, Реймс, сторонники, Тюрго, коалиция, беспорядок, замок, мятеж, ужасные последствия, корпорация, торговля зерном, д’Эгийон, парламент. Остальные слова разобрать, увы, невозможно. Нам показалось, что за этим письмом кроется заговор, в котором Жоржелю отведена пока не известная нам роль.

— Господа, — произнес Николя, вытаскивая из кармана записку, врученную ему таинственной женщиной при выходе из дворца канцлера, — взгляните на этот листок бумаги. Полагаю, он также возбудит присущее вам любопытство. Гийом, не переведете ли вы мне эти фразы?

Водрузив на нос очки с круглыми стеклами, корабельный хирург вчитался в печатные буквы.

— Автор вашего послания, несомненно, знаток классической литературы: мне кажется, я узнаю строки Цицерона. «TIMOR METUS MALI APPROPINQUANTIS»: начинайте, а я за вами!

— Я бы, — произнес Николя, — перевел примерно так: «Стоит только начать бояться невзгод, как они тут как тут». Я никогда не перевожу исходя из чистой грамматики. Отцы-иезуиты из Ваннского коллежа всегда укоряли меня за это. Призвав на помощь воображение, я догадываюсь о смысле не только фразы, но и всего текста… И, скажу честно, в большинстве случаев правильно. Но, возможно, теперь я сбился со следа…

— Ваша стрела воткнулась совсем рядом с яблочком. Я бы несколько отточил вашу фразу, сделал ее более чеканой: «Страх — это предчувствие приближающегося зла». Но есть еще вторая фраза, а ее смысл передать не так-то просто. «MAXIMAS IN CASTRIS EFFECISSE TURBAS DICITUR». Я бы предложил перевести так: «Говорят, что в лагере следует ожидать больших затруднений».

— А я бы уточнил: «Говорят, в лагере скоро начнутся серьезные беспорядки».

— Вот именно «беспорядки», — заметил Рабуин, — как и в наполовину сгоревшей бумаге.

— *«Castris»* можно перевести также как «замок», — заметил Семакгюс. — Еще одно слово, обнаруженное в бумаге из камина!

— Вы правы, оба варианта вполне допустимы.

— Итак, — принялся вслух размышлять Николя, — мое первое предположение оказалось неверным. Записка исходит не от женщины, ищущей галантных приключений. Ее загадочные фразы придают совершенно иное звучание тем немногим словам из письма к Жоржелю, которые удалось разобрать. Надо ли понимать, что это предупреждение? Ведь лишь каприз судьбы и ваша собственная инициатива позволили нам сопоставить содержание обоих листков.

— Совпадение сие, — продолжил Семакгюс, — кажется мне весьма любопытным. Записка предупреждает об опасности, то ли настоящей, то ли будущей, грозящей либо здесь, в Вене, либо в некоем замке. А может, и в обоих местах сразу.

— Что, если, — робко произнес Рабуин, — говоря о замке, хотят сказать «Версаль»?

— Что же касается другой бумаги, которая не должна была попасть в наши руки, в ней тоже говорится об опасности, грозящей, по-видимому, Франции. Оба источника свидетельствуют об одном и том же, хотя между ними нет ничего общего.

— Совершенно верно, — согласился Семакгюс, — но как объяснить, почему ваш таинственный корреспондент не пожелал избрать более точную формулировку, нежели эти двусмысленные латинские фразы?

— Этот человек, — поспешно вставил Рабуин, — хорошо знает господина Николя и знает, что тот читает на латыни, а латинские изречения, в отличие от обычных записок, не возбуждают подозрений.

Собеседники замолчали, обдумывая сказанное и воздавая должное еде, и вскоре от жареного гуся осталась лишь кучка тщательно обглоданных костей. Вернувшись в гостиницу, они разошлись по комнатам, оставив Рабуина дежурить в коридоре. Николя долго не мог заснуть. Во-первых, он не умел думать, лежа в кровати, а во-вторых, обильный ужин изрядно тяготил желудок: за разговором, а затем за размышлениями он не заметил, как съел явно больше, чем следовало.

Воскресенье, 5 марта 1775 года

Дверь со скрипом отворилась и со стуком закрылась. Он высек искру, зажег свечу, и, в одной рубашке, осторожно приоткрыл тяжелую створку. Вместо привычного коридора он с изумлением обнаружил каменную лестницу, ведущую в парк. Спустившись в парк, он увидел садовников; они выкапывали из земли громадные кривые корневища и били их лопатами, словно хотели расплющить. В отдалении два человека пытались открыть гроб, колотя по крышке железными прутами. Глухие удары болезненно отдавались в голове. Обхватив голову, он заткнул уши, однако кровь по-прежнему бешено пульсировала в висках. Внезапно все рухнуло, и он очутился в своем удобном гостиничном номере: в дверь кто-то стучал. Пошатываясь и обещая себе отныне не доверять предательской легкости иностранных вин, он хриплым голосом спросил, кто там.

— Господин Николя! Это Рабуин. Лакей барона де Бретейля сообщил, что господин посол заедет за вами в одиннадцать часов. В полдень у вас аудиенция у императрицы Марии Терезии.

Николя открыл дверь.

— Который час?

— Четверть одиннадцатого.

Вот уж, действительно, повезло, усмехнувшись, подумал он. Ему оставалось менее трех четвертей часа на подготовку, и он попросил Рабуина помочь ему. Спустившись во двор, он

встал ногами в сугроб и велел вылить на него несколько ведер ледяной воды, стараясь не намочить ему волосы. Если он выдержит ледяной душ, значит, аудиенция пройдет успешно. После обливания он поднялся наверх, быстро побрился и надел серый фрак. Около одиннадцати он при полном параде спустился вниз и под восхищенными взорами лакеев проследовал к двери. На случай, если Жоржель, пользуясь его отсутствием, выкинет какую-нибудь штучку, Рабуину дали четкие указания. В урочный час показалась карета посла. Ящик с бюстом королевы был прочно приторочен к кузову, два лакея следили, чтобы веревки не порвались. Заняв место рядом с министром, Николя подумал, что он, похоже, никогда не привыкнет к парику. Он вспомнил об ухмылках в приемной князя Кауница: своим пристрастием к старомодным парикам Бретейль давал здешним придворным повод для иронии. Для сегодняшней аудиенции барон выбрал светлый каштановый парик времен Регентства; его наверняка бы одобрил приверженный привычкам и модам своей молодости Ноблекур, равно как и страстный коллекционер Сартин. Лицо посла раскраснелось; казалось, у него начиналась лихорадка. Он резко спросил Николя о причинах отсутствия Ластира. Тот не успел открыть рот, как Бретейль негодующе стукнул об пол своей тростью.

— И каковы же причины этого вопиющего отсутствия? Каковы? — гневно повторял он. — Это дезертирство, сударь, самое настоящее дезертирство! Надо уметь управлять вверенными вам людьми. Извольте немедленно сообщить мне причины столь недопустимого поведения. Императрица будет более чем удивлена.

Посчитав, что сейчас не время ни для правдивого ответа, ни для объяснений, Николя хранил спокойствие, делая вид, что не замечает возмущенных наскоков посла. Он решил действовать по обстоятельствам и попусту не лезть на рожон.

— Я сам весьма этим опечален, сударь. Господин де Ластир еще молод. Без сомнения, искушения, коим он подвергся в Вене, заставили его потерять голову. Разумеется, можете быть уверены, я непременно извещу его о вашем неудовольствии. Но оставим его. Я здесь, вместе с бюстом, и у меня с собой письмо королевы к ее августейшей матушке.

Такой компромисс успокоил барона, решившего, что собственноручное письмо ее величества заставит императрицу забыть о нарушениях этикета. Однако для проформы он еще некоторое время продолжал делать недовольный вид. Николя вспомнил совет Сартина: не вносить разлад в размеренную жизнь посольства. И сами посланники, и их подчиненные хотят и готовы слушать только хорошие новости. Поэтому, говорил начальник полиции, следует «обливать сиропом» любые сообщения и со всем соглашаться. Инцидент исчерпался, и посол принялся знакомить неофита с особенностями церемониала венского двора, несоблюдение которых могло иметь необратимые последствия. Он подробно поведал о том, как в 1725 году почести, оказанные здешним двором, столкнули лбами герцога де Ришелье и герцога де Рифферда, посла Филиппа V. Конфликт разгорелся вокруг первого по ранжиру места, доставшегося представителю наихристианнейшего короля.

— В результате, чтобы уладить недоразумение, пришлось отозвать испанского посла. Впрочем, Рифферда оказался предателем: он уехал в Марокко, там принял магометанство и имя Осман-паши.[7] Истории о конфликтах наших послов с послами иностранных держав заняли бы не один том. И все они завершились к вящей славе нашего короля, — назидательно изрек Бретейль.

Николя решил пока не сообщать о своем разговоре с Жоржелем и обеде у Кауница, иначе барон немедленно задаст свой вечный вопрос. Не желая омрачать настроение министра, а также из присущего ему любопытства, Николя стал расспрашивать министра о тонкостях этикета, принятого во время приемов императрицы в Шенбрунне. Проехав через городские ворота, карета, вырвавшись из старого города, покатила по ровной сельской дороге; по обеим сторонам ее тянулись бескрайние заснеженные поля. То тут, то там виднелись строящиеся дома, сооружение которых пришлось временно прекратить из-за сильных холодов. Свидетельствуя о ежедневной работе городских служб, на обочинах высились аккуратные кучи

снега, а укатанная дорога ровным полотном стелилась под колесами экипажа. Размышляя о предстоящей аудиенции, Бретейль умолк; одна рука его сжимала воротник шубы, в другой он держал трость и время от времени постукивал ею по полу.

— Господин маркиз, — вновь обратился он к Николя, — постарайтесь не выпускать меня из виду и все делать так, как делаю я. Чтобы случайно не нарушить этикет, вам лучше копировать меня во всем. Во всяком случае, все заранее продумано и предусмотрено: число шагов, поклоны, выбор стула и продолжительность беседы. Представляя нашего повелителя короля, я, согласно обычаю, имею право сидеть в кресле с подлокотниками. Вы останетесь стоять, если только вам не предложат сесть. Императрица очень снисходительна, но от нее ничто не ускользает. Господин де Роган злоупотреблял ее снисходительностью. Да, а как там Жоржель?

— А кто нас будет встречать? — быстро спросил Николя, сделав вид, что не расслышал вопроса.

— Во дворце имеется свой управляющий, он именуется главным гофмейстером, *Obersthofmeister*, и руководит дворцовой жизнью. Его помощник, обер-камергер, именуемый *Oberstkammerherr*, организует аудиенции, и поэтому считается лицом более влиятельным. Мы же будем иметь дело с обер-маршалом; этот *Oberstmarschal* и будет нас встречать.

По мере приближения к дворцу волнение Бретейля возрастало, однако Николя заметил, что эти переживания доставляют послу удовольствие. Впав в тревожное ожидание, он даже забыл о Жоржеле, что не могло не обрадовать его спутника. За окном проплывали холмистые пейзажи. Когда миновали деревню, где виднелись несколько строящихся домов, впереди показались ворота и протянувшаяся в обе стороны решетка. Проехав кордегардию, вдоль которой, приветствуя карету посла, выстроились солдаты с королевскими лилиями, они выехали на просторную площадь с двумя фонтанами, украшенными статуями; площадь обрамляли два дворцовых флигеля. Высунувшись в окошко, Николя увидел дворец Шенбрунн; в холодном воздухе, пронизанном пробившимися сквозь облака солнечными лучами, его светлые стены отливали золотом; с первого взгляда дворец показался ему маленьким Версалем.

— Помните, что я вам сказал, — шепнул ему Бретейль, скидывая шубу.

Усмирив закапризничавших лошадей, кучер подкатил к портику главного здания. Выскочивший им навстречу офицер подвел их к субъекту в ярком мундире со множеством регалий, и тот церемонно их приветствовал. Поклонившись комиссару, он отвел посла в сторону и что-то тихо сообщил ему, а потом пригласил обоих следовать за собой. Обер-маршал вел гостей долгим и запутанным путем. Поднявшись по парадной лестнице, они прошли через бесконечную анфиладу комнат, в каждой из которых Николя с удивлением отметил наличие изразцовых печей. Эти печи давали ровное приятное тепло, отличное от удушающего жара, исходившего из огромных каминов Версаля. Когда они наконец добрались до кабинета императрицы, их, несмотря на многочисленные предупреждения посла, безо всяких церемоний провели внутрь. Размеры кабинета, действительно, требовали ограничить поклоны и предписанные этикетом шаги. Барона де Бретейля пригласили занять место в кресле. Николя остался стоять, и двое лакеев осторожно опустили к его ногам ящик, содержащий драгоценный бюст, доставка коего явилась целью его приезда в Вену.

— Господин посол, я искренне рада вас видеть, — произнесла императрица по-французски с легким немецким акцентом.

— Осмелюсь представить вашему величеству маркиза де Ранрея, коему мой повелитель поручил сопроводить сей ценный груз, ожидающий, когда его вручат вашему величеству.

Мария Терезия перевела свой требовательный взор на Николя, но тот, отвесив изящный полупоклон, взгляда не отвел. Готовый к подобному испытанию, он принял отстраненный вид

человека, сызмальства привыкшего лицезреть коронованных особ. В свое время покойный король, память о котором не покидала его никогда, произвел на него неизгладимое впечатление. В дальнейшем, при встречах с его величеством, величайшее почтение и преданность помогли ему преодолеть страх и робость. А в исключительных обстоятельствах он начинал ощущать себя зрителем, взирающим на себя со стороны, и это чувство вытесняло у него все остальные эмоции.

Не дрогнув, он выдержал вопрошающий взор глубоко посаженных голубых глаз, являвший собой резкий контраст с добродушным, на первый взгляд, лицом. Черная кружевная косынка не скрывала редкие волосы. Огромное бесформенное тело, казалось, вот-вот утонет в глубоком кресле, и только пышные шелка не дают ему это сделать. Ее короткое свистящее дыхание, отчетливо звучавшее во всепоглощающей тишине кабинета, внушало сострадание. На покрасневшем лице выделялась улыбка, более похожая на гримасу. Несколько раз черты лица императрицы искажались, свидетельствуя о терзавших ее болях, а следом содрогалось и массивное обрюзгшее тело. Когда она с усилием попыталась усесться поудобнее, над полом мелькнули ее ноги, обмотанные бинтами и обутые в растоптанные туфли без задников. Николя вспомнил больные ноги Полетты, и охватившее его сочувствие поставило сводню и императрицу на одну доску. Соблюдая правила этикета, он почтительно ждал, когда к нему обратятся, а в ожидании любовался комнатой, украшенной резным декором в виде цветочных и фруктовых гирлянд, увенчанных китайскими зонтиками, раскрашенными под фарфор — в бело-голубых тонах. Сотни сценок из китайской жизни, выполненных синей тушью, и несколько портретов в рамах дополняли очаровательное убранство. Окна были тщательно законопачены, чтобы не уходило тепло, отчего в кабинете стоял смешанный запах духов и целебных бальзамов, многократно усиленный из-за духоты.

— Я очень рада, сударь, получить из ваших рук…

Она посмотрела на Бретейля.

— …и из рук министра его величества предмет, столь дорогой моему материнскому сердцу.

Сказано без излишней чувствительности.

— Перед тем как пуститься в путь, вас принимала королева?

Вопрос, заданный исключительно ради того, чтобы начать беседу. Австрийский посол Мерси-Аржанто, постоянно пребывающий в Версале, без сомнения, уже сообщил ей об этом.

— Королева не только соблаговолила дать мне аудиенцию и поручила мне сопровождать этот бюст, но и передала мне письмо для вашего величества.

Мария Терезия протянула отекшую руку, еще более красную, чем ее лицо, и Николя вложил в нее письмо, тотчас исчезнувшее в глубине рукава.

— Воспользуемся оказанной нам честью, — с усмешкой произнесла она, — дабы узнать из первых уст последние новости из Франции.

Бретейль заерзал в кресле, не решаясь вставить слово. Его движения, не ускользнувшие от внимания императрицы, явно позабавили ее.

— Но прежде, сударь, поставьте бюст вон на тот секретер.

Она повелительно указала пальцем на небольшое бюро цилиндрической формы. Ему оставалось только убрать несколько деревянных штифтов, размещенных так, чтобы коробку можно было открыть незамедлительно и без труда. Приподняв крышку, он осторожно разгреб солому, развязал шнурок, стягивавший чехол, и, словно дароносицу, поднял бюст Марии Антуанетты и поставил его на крышку указанного бюро.

— Боже мой! — всплеснула руками императрица. — Как она изменилась и похорошела! Я не узнаю мою маленькую девочку! Я вам обязана за труд, затраченный вами для доставки сюда

этого чуда. Впрочем, мы были вправе ожидать от вас подобного усердия, ибо о вашей преданности покойному королю ходят легенды. Говорят, он умер у вас на руках?

Еще один изящный и вместе с тем прямой способ сообщить ему, что здесь о нем известно все.

— Я присутствовал при его кончине, но скончался он на руках у господина де Лаборда.

Ответ явно не имел значения, ей важно было задать вопрос.

— Имеет ли бюст сходство с моделью?

— Никакое искусство и никакой, даже самый тонкий, бисквит не может передать красоту ее величества во всем ее блеске.

Испустив взволнованный вздох, господин де Бретейль с истинно придворной деликатностью подтвердил сказанное.

— Да, — произнесла императрица, — мы вас понимаем. Кстати, господин посол, когда у нас будут портрет короля и моей дочери?

— Ваше величество, — начал он, исполненный восторга, что, наконец, может вставить слово, — на сегодня нет ни одного оригинала, с которого можно было бы сделать копию. Несмотря на настойчивые просьбы, мы так и не смогли уговорить его величество позировать несколько сеансов подряд, так что художник Дюплесси, удостоенный чести выполнить эту работу, только завершает писать портрет короля; завершив его, он немедленно приступит к написанию портрета королевы.

— В самом деле, моя дорогая дочь пишет, что художники буквально убивают ее и приводят в отчаяние, ибо многие пытались написать ее портрет, но их попытки столь жалки, что она не решается мне их прислать. Кстати, сударь, до меня дошел слух, что она стала настоящим арбитром в вопросах элегантности и что именно благодаря ей распространилась мода на высокие прически, украшенные перьями?

— Чтобы подчеркнуть свою красоту, королеве не нужны никакие ухищрения. Ее величество следит за модой, дабы та не выходила за рамки разумного, и в частности, чтобы высокие прически с перьями не возбуждали общественного спокойствия. Заказы ее величества обеспечивают работой множество парижских ремесленников и швей. Впрочем, вашему величеству известно, что в эфемерном мире модных туалетов все меняется чрезвычайно быстро, и одна новинка стремительно сменяет другую.

— Разумеется, я вас прекрасно понимаю. Однако есть основания полагать, что мода на высокие парики является слишком вычурной, ибо, как говорят, в таком парике нельзя войти ни в одну дверь, не опустившись на колени, а если смотреть с балкона, то зрительный зал театра напоминают бурное море из перьев; вдобавок высокие прически заслоняют от зрителей сцену. А некоторые модницы сооружают на голове целые пейзажи: дома, горы, луга, серебристые ручейки, английские сады — словом, все, что сумеют придумать.

Он подумал, что она прекрасно обо всем осведомлена.

— Вашему величеству все известно. И все же позвольте заметить, что тревоги относительно высоких париков несколько преувеличены. Я видел в Опере парик, украшенный рогом изобилия, из которого сыпались фрукты, символизируя надежды, которые связывают с новым царством.

— Вы меня успокоили. Из-за большого расстояния я, увы, получаю весьма разноречивые сведения. Благодаря многочисленным подставам почтовые кареты беспрепятственно курсируют между Парижем и Веной, и мои подданные зачастую осведомлены лучше меня. Ах, мое материнское сердце сжимается при воспоминании о несчастном случае во время прогулки в санях…

Бретейль закашлялся.

— Ваше величество, — произнес Николя, — слух об этом незначительном происшествии изрядно раздули. Я могу рассказать все в точности, ибо я находился в санях, ехавших следом за санями королевы. Флаг, украшавший карету, испугал лошадь. Она понесла, и от толчка кучер свалился с козел. Проявив необычайное присутствие духа, королева схватила вожжи и направила санки на изгородь, остановившую обезумевшее животное. После этого случая его величество утверждает, что, так как во Франции не привыкли управлять санями, это средство передвижения представляет собой ощутимую опасность; и я заметил, что с тех пор королева отказалась от катания в санях.

Казалось, императрицу удовлетворил его рассказ, хотя, скорее всего, она обо всем уже знала.

— Вы прекрасный рассказчик, господин маркиз! Поэтому я позволю себе злоупотребить вашей снисходительностью. Совершает ли королева верховые прогулки?

— Она берет уроки верховой езды, и ей подают спокойных лошадей, не слишком молодых и приученных передвигаться шагом; также для нее готовят утоптанную площадку без каких-либо препятствий.

Ему показалось, что его осторожный ответ не удовлетворил императрицу; взор ее помрачнел.

— Период траура закончился, и, говорят, при дворе снова начались балы.

Он утвердительно кивнул.

— Ее величество пожелала, чтобы отныне, как и положено, двор собирался вокруг нее, а не вокруг мадам тетушек.[8] Во время карнавала не обходится без балов и маскарадов; последний бал состоялся накануне моего отъезда из Парижа. Король появился на нем в костюме времен Генриха IV.

— И эти развлечения заканчиваются под утро…

— Глубокой ночью…

— И королю это нравится?

Вопрос был поставлен прямо, и на него следовало отвечать.

— Его величество не увлекается подобного рода празднествами. Он участвует в них только потому, что они нравятся королеве, и именно поэтому он сам придумывает новые развлечения, в коих не без удовольствия принимает участие.

Неутомимая Мария Терезия продолжала допрос, напоминавший странную игру, в которой удрученному Бретейлю отводилась роль зрителя. Вопросы становились все более определенными, но Николя отвечал быстро и почтительно, делая вид, что сообщает совершенно секретные сведения. Его не в чем было упрекнуть. Постепенно любопытство императрицы исчерпалось, и она начала делать паузы; иногда в замешательстве она принималась терзать свою мантилью, в то время как нога ее мелко дрожала. Сумев сохранить хладнокровие, Николя продолжал защищать королеву, избегая давать прямых ответов. Посол с интересом наблюдал за их словесной игрой, в которой маркиз де Ранрей, словно мячик, куртуазно отражал настойчивые нападки государыни на ее венценосную дочь.

— Хорошо, — заключила наконец Мария Терезия, — не стану больше злоупотреблять вашей снисходительностью. Очевидно, господин маркиз прошел хорошую школу…

Она не закончила фразу.

— Господин посол, как вас встретила Вена?

— Ваше величество, в Вене я нашел прием вполне соответствующий тесному союзу, существующему между нашими двумя странами.

Императрица обсудила несколько вопросов, пока, наконец, не перешла к делам в Польше.

— Я знаю, — произнесла она, — раздел этого несчастного королевства темным пятном лег на мое правление. Однако обстоятельства оказались сильнее моих принципов; чтобы противостоять неуемным аппетитам русских и пруссаков, я сама, уверенная в их неприемлемости, выдвинула завышенные требования, полагая, что они приведут к прекращению переговоров. К моему великому удивлению и огорчению, король Пруссии и царица со всем согласились. Опечаленный до чрезвычайности господин Кауниц, рискуя навлечь недовольство на свое министерство, изо всех сил пытался противостоять столь жестокому решению вопроса. Как было бы хорошо, если бы мы наконец смогли положить этому предел!

Вздохнув, она промокнула глаза носовым платочком. Затем, покопавшись в кармане, она извлекла коробочку с собственным портретом, обрамленным бриллиантами, и протянула ее Бретейлю; Николя она вручила кольцо с бриллиантом.

— Примите, господа, эти вещицы на память, как знак живейшего удовлетворения, доставленного мне подарком королевы.

Сев в карету, Бретейль принялся обдумывать депешу Вержену; он шевелил губами, словно оттачивая чеканные формулировки и выстраивая гармоничные периоды. Видимо, размышления побудили его снова спросить Николя, каким образом он намерен передать в Версаль доклад о смуте в Богемии, известие о которой поступило к нему из первых рук. Ответ был прежний. Несмотря на разочарование, Бретейль поздравил Николя и заявил, что, судя по его ловким ответам, ему не чужд талант придворного.

Часто относившийся к людям сурово и придирчиво, Николя видел все недостатки барона, но он уважал в его лице слугу короля, старательно исполнявшего государственную службу и заботившегося о престиже Франции при иностранных дворах. Его восхищала безоговорочная преданность Бретейля службе и готовность многим пожертвовать ради служения королю.

Он принял предложение барона проследовать вместе с ним в посольство, дабы ознакомиться с официальными конфиденциальными бумагами, предназначенными для отправки во Францию. Устроив его в крошечном помещении рядом с рабочим кабинетом, Бретейль принес ему целую кипу пронумерованных листов, подчеркнув, что все донесения переписаны им самим, отчего у него до сих пор болит рука; не уверенный в своем персонале, он не хотел рисковать. Оставляя Николя одного, он попросил вернуть документы сразу по окончании работы. Через три часа Николя принес ворох бумаг Бретейлю и заверил его, что содержание их будет подробно изложено господину де Вержену. Отказавшись что-либо объяснять, он возбудил любопытство посла и после долгих уговоров показал ему маленькую бумажку с несколькими рядами цифр. При виде загадочной бумажки Бретейль вспомнил о Жоржеле и немедленно спросил о нем Николя. Тот ответил уклончиво, намекнув, что великое делание началось и скоро все арканы раскроются. На этой алхимической ноте он откланялся и отправился в гостиницу.

Своих товарищей он нашел в боевой готовности: аббат Жоржель заказал карету на семь часов вечера, о чем Рабуину, успевшему перезнакомиться едва ли не со всеми слугами в гостинице, сообщил один из лакеев. Удалось заполучить и еще кое-какие интересные сведения, дополнявшие картину: аббат потребовал смазать ему сапоги салом, из чего следовало, что, добираясь до цели своей поездки, ему придется идти по снегу и грязи, а значит, встречается он не в гостиной, что тем более загадочно, ибо на улице давно стемнело. Следовало как можно скорее подготовиться к новому повороту событий, а из-за исчезновения Ластира приходилось в корне менять план. Новую версию выстроили быстро. Незадолго до семи Семакгюс возьмет карету путешественников, устроится в конце Зейлергассе и, завидев Жоржеля, последует за ним. Николя и Рабуин снова обменяются одеждой. Агент покинет гостиницу незадолго до условленного часа, причем со скандалом, что непременно привлечет внимание подозрительных австрийских полицейских. Тем временем Николя в одежде Рабуина и под руку с подкупленной субреткой выйдет из гостиницы через черный ход. Дойдя до другого

конца улицы, где обычно стоят несколько экипажей, он, в случае необходимости, возьмет карету и последует за Жоржелем. У себя в комнате Николя сменил великолепный серый фрак на ливрею и грубый плащ Рабуина, в то время как славный малый, надвинув парик и треуголку, закутался в плащ с меховым воротником своего начальника. Взглянув в зеркало, они убедились, что в полумраке перепутать их ничего не стоит. Теперь для выполнения плана требовалось всего одно деликатное условие: солидная пригоршня талеров, дабы пробудить скромность возниц, с недоверием относившихся к иностранцам.

Начало операции, назначенной на семь часов, прошло беспрепятственно. Жоржель, явно нервничая, вышел на улицу и, окинув подозрительным взором улицу, сел в заказанную карету. Спустя несколько минут Николя, Рабуин и Семакгюс также покинули гостиницу. Случаю было угодно направить Жоржеля в сторону Николя. Потушив фонари, нанятый комиссаром экипаж покатил за каретой аббата.

Николя не слишком хорошо знал город, хотя отдельные уголки уже казались ему знакомыми. Начался снегопад, и он испугался, что потеряет след, так как в Вене, в отличие от Парижа, не было уличного освещения. Вскоре они выехали на просторные улицы, и он сообразил, что они приближаются к стенам старого города. Он разглядел засыпанные снегом массивные формы, без сомнения, те самые бастионы и куртины, встретившие их при въезде в австрийскую столицу. Экипаж остановился, и он выглянул из окошка. Кучер указал ему на аббата, вылезавшего из кареты в сотне туазов от них.[9] К счастью, карета аббата оказалась превосходно освещена. Николя покинул экипаж и, держась в темноте, пошел за Жоржелем. Отойдя достаточно далеко, он услышал резкий свист и по донесшемуся до него звуку понял, что его экипаж отбыл в неизвестном направлении. Никогда не следует расплачиваться с кучером заранее, подумал он, пытаясь утешить себя тем, что если бы он не заплатил сразу, кучер вряд ли согласился бы принять участие в загадочном и рискованном предприятии. Еще он подумал, что шум отъезжающего экипажа мог долететь до Жоржеля и спугнуть его. Продолжая слежку, он старался оставаться в тени, ориентируясь на огни кареты аббата. Неожиданно сердце его часто забилось, и он остановился: ему показалось, что за спиной он слышит шаги. Он обернулся, однако ничего не разглядел, ибо глаза его все еще не отошли от яркого света фонарей экипажа. Поднявшийся ветер швырнул ему в лицо солидную пригоршню снега, и он на миг полностью оглох и ослеп.

Неожиданно он услышал стук, словно где-то рядом высекали искру, и увидел, что стоит в окружении огней. Четверо или пятеро незнакомцев, поставив на землю фонари, взяли его в кольцо. А еще через минуту он очутился лицом к лицу с аббатом, показавшимся ему выше обыкновенного. Аббат смотрел на него и, видимо, не узнав, откинул плащ и выхватил шпагу. Николя мгновенно оценил свое положение: позади несколько неизвестных субъектов, впереди аббат, которого, скорее всего, тоже сопровождают наемные убийцы: он угодил в засаду. Теперь главное — сохранить хладнокровие и ясную голову. Медленно сняв плащ, он обмотал им левую руку и быстро выхватил шпагу из ножен. Понимая, что может отступить только к старым стенам, он прикинул в уме высоту старинных укреплений. Нет, прыгать с них нельзя: он переломает себе все кости. И, прислонившись к парапету, он приготовился к обороне. Численное превосходство противника оставляло ему мало шансов. Что ж, он заставит их дорого заплатить за свою жизнь. Испустив яростный вопль, он ринулся на ближайшего врага. Тот вздрогнул, уронил фонарь, и огонь потух. Отлично, подумал Николя, намереваясь таким же образом расправиться и со следующим. Он вспомнил Горация из пьесы старика Корнеля, и его знаменитое «умереть иль в дерзновении предсмертном одолеть».[10] Ему показалось забавным соединить театр с реальностью; впрочем, способность шутить никогда не покидала его. Теперь же речь шла о его жизни или смерти, и он играл ва-банк.

Из мрака донесся голос аббата Жоржеля: он резким, гортанным голосом отдавал приказы. Вторая атака Николя также увенчалась успехом: ему удалось опрокинуть еще один фонарь. Но тут раздался громкий хлопок, в ту же минуту вокруг его ног обвилась веревка, и он упал. Это

кучер аббата явил свое умение владеть хлыстом, и теперь Николя со стянутыми лодыжками лежал на снегу. Не собираясь сдаваться, он принялся распутывать узел, а когда тот поддался, он увидел, как к нему приближаются четверо здоровенных громил с обнаженными шпагами в руках. От неожиданности он упал на колени и, схватив шпагу, попытался от них отбиться. Вскоре ему даже удалось встать, но в эту минуту клинок пронзил богато изукрашенный галуном эполет ливреи, а его собственная шпага, встретив препятствие, с усилием в него погрузилась. Раздался сдавленный крик и шум упавшего в грязь тела.

Ему казалось, что число нападавших постоянно возрастало; без сомнения, к ним подходили все новые и новые силы. Устав отбиваться, он почувствовал, что еще немного, и он потеряет сознание. Оставалось пойти на риск и совершить прыжок в пустоту. Он уже приготовился совершить сей самоубийственный поступок, как послышался грохот, повергший убийц в замешательство. Он увидел, как на них во весь опор мчится экипаж. Удар кнута откинул нападавших, перед Николя вскинулись на дыбы две лошади, и чей-то повелительный голос велел ему садиться в карету. Схватившись за ручку дверцы, он вскочил на подножку, но тут карета так резко развернулась, что два боковых колеса завертелись в воздухе, а он едва не сорвался вниз. К счастью, колеса вновь обрели под собой твердую почву, его прижало к дверце кареты, лошади понеслись галопом, а он, вцепившись в дверцу, кое-как ее открыл и, задыхаясь, без сил рухнул на скамью. Град пуль, ни одна из которых не достигла цели, стал салютом в честь его победоносного отступления.

Глава III
ГРОМОВЫЕ РАСКАТЫ

Я люблю крестьян; они не настолько учены, чтобы делать неправильные заключения.

Монтескье

Переведя дух, Николя, ощупал плечо; позолоченный галун оторвался и болтался жалкой тряпкой. Еще несколько дюймов ниже, и лезвие задело бы кость. В голове теснились тысячи вопросов. Сколько событий сразу! Как разобраться в переплетении неведомых интриг? Преследовал он Жоржеля или его двойника? Какая песчинка застопорила прекрасно смазанные шестеренки разработанного им плана? Совершенно очевидно, их уловки обернулись против них самих. Значит, противник узнал об их замысле. Но от кого? Что могло послужить причиной столь откровенной попытки убийства? Кто, наконец, тот таинственный кучер, возникший ниоткуда, словно призрак? Почему он решил спасти его? Запрыгивая в карету, он выронил шпагу; к счастью, это оказалась не шпага отца, и он вздохнул с облегчением: потери фамильного клинка он бы себе не простил. Ритмичное покачивание кузова успокоило его; неожиданно карету тряхнуло, и она остановилась. Готовый ко всему, Николя весь подобрался. Дверца отворилась, и, сбросив кучерской плащ, перед ним предстал Ластир; лукаво подмигнув Николя, он приложил палец к губам.

— Маркиз, ни слова. Выходите и без промедления возвращайтесь в гостиницу: мы находимся в нескольких шагах от нее. Через четверть часа я доставлю свой багаж и присоединюсь к вам.

Николя открыл было рот, чтобы задать Ластиру вопрос, но тот уже прыгнул на козлы и стегнул коней. Быстро определившись, Николя отыскал Зейлергассе и вскоре уже открывал дверь своего номера. Переодевшись, он стал ждать возвращения Семакгюса и Рабуина. Впрочем, больше всего ему хотелось выслушать объяснения шевалье. Его желания были услышаны: в дверь раздался стук, и на пороге появился Ластир собственной персоной, в своем обычном костюме. Войдя в комнату, он, облегченно вздохнув, развалился в кресле и с самодовольной улыбкой уставился на Николя.

— Сударь, — произнес комиссар, — не сомневайтесь, я ваш должник, я обязан вам своим спасением, и признательность моя, поистине, не имеет границ. Но, черт побери, расскажите,

куда вы исчезаете и откуда появляетесь, словно боги в операх господина Рамо! Мы беспокоились за вас и терялись в догадках, что могло с вами случиться.

Ластир так расхохотался, что даже заколотил сапогами по полу.

— Вы правы, мне следует все объяснить. Но прежде всего хочу вам сказать: не думайте, что господин де Сартин с легким сердцем позволил вам уехать. Господь с вами, нет, конечно! Он слишком дорожит вами. В нем по-прежнему живет начальник полиции, особенно теперь, когда он временно замещает Ленуара. Неведомая и далекая заграница всегда вызывала у него подозрения. Моей главной задачей являлась отнюдь не охрана фарфорового бюста и сочинение смешных историй. Меня отправили в качестве вашего телохранителя, и во всем, что касается способов, как лучше оберегать вас, я получил полный карт-бланш.

Пришел черед улыбаться Николя.

— Хорошо, — внезапно посерьезнев, промолвил он. — Но понимаете, у нас с вами разная логика, и я при всем моем старании не могу понять вас. Что, если бы я отстранил вас от выработки плана действий, не посвятил бы вас в него? Я нисколько не желаю ущемлять ваши чувства, но, поверьте, мне было бы гораздо приятнее, если бы вы были со мной более откровенны относительно вида вашей деятельности и сами поведали бы мне о ней.

— Если бы все зависело только от меня, я бы с удовольствием все рассказал вам; но у меня был приказ. Однако как бы там ни было, господин маркиз, смею надеяться, наши отношения и далее будут складываться столь же прекрасно, как начались. И я с радостью замечаю, что дуэль с курносой не только не оставила на вас следа, но, напротив, привела в необычайно бодрое расположение духа.

Николя протянул ему руку.

— Простите, шевалье, мою запальчивость. Причиной тому щепетильность, возникшая, когда я неожиданно усомнился в вашей дружбе. Эта же щепетильность явилась причиной моих страхов по поводу вашей участи. Однако если бы вы сумели пролить свет…

— Что ж, придется постараться оправдать свое поведение. Впрочем, я и сам считаю, что оно могло показаться вам странным. Я принадлежу к службе, недавно созданной господином де Сартином… э-э… для обезвреживания интриг иностранных дворов, как в самом королевстве, так и за его пределами.

— Несколько месяцев назад министр намекнул мне на создание подобного рода организации.[11]

— Используя полицейские методы, эта служба, не являющаяся подразделением полиции, призвана также выявлять заговорщиков среди придворных, которые, как вам известно, иногда действуют на руку нашим врагам. Наша работа ведется в строжайшем секрете, дабы не нарушать ни согласия, ни дружбы, установившейся между нашим двором и рядом дворов иностранных. Особенно осторожно следует вести работу в Австрии, слывущей с некоторых пор нашей доброй союзницей. Поэтому, чтобы не скомпрометировать вас, мне пришлось исчезнуть. На карту были поставлены интересы крайне деликатного дела, а камень, брошенный в паутину, мог слишком сильно раскачать ее.

— Дозвольте задать вам один вопрос.

— С радостью на него отвечу — в пределах возможного.

— Оставив в стороне ваше неожиданное появление, словно призрака оперы, скажите, пытались ли вы, подобно призраку оперы, предупредить меня о грозящей мне опасности?

— Чувствую, чаровница в маске покорила ваше сердце.

— Так это были вы?

— Ваш покорный слуга! Простите меня за такую уловку, но чтобы, не привлекая внимания, приблизиться к кавалеру, проще всего надеть дамское платье.

— Но почему вы написали по-латыни?

— Мне известно, что вы учились у иезуитов… заметьте, это была не какая-нибудь там кухонная латынь, а сам Цицерон!

Семакгюс оказался прав, подумал Николя.

— Что вы хотели сказать этим посланием? Во всех смыслах…

— Всего лишь заставить вас вспомнить об осторожности. Я надеялся, что слывущий бесстрашным комиссар не станет пренебрегать элементарными мерами безопасности. Увы, я оказался неправ!

— Ваше послание нелегко понять. К чему столько загадок?

— Довольно придираться, сударь, хотя, разумеется, события сегодняшнего вечера оправдывают ваши придирки… Представьте себе, что записочка попадает в лапы одного из светских любезников, кои в этой стране с удовольствием подрабатывают шпионажем. Вражеский агент разворачивает послание, и — скажите мне — где бы мы сейчас находились с вашей ясностью?

Сапоги дробно застучали по полу.

— И все же любопытство мое не удовлетворено, а посему, рискуя истощить ваше терпение, я стану терзать вас до тех пор, пока оно не успокоится. Я прекрасно понял первое послание, но вот второе? Моя латынь с ним не справилась. О каких раздорах идет речь? И на какой замок вы намекали?

— На предполагаемую связь нашего аббата с теми, кто при дворе и в королевстве плетут интриги против тех, кого направили сюда. Сартину об этом известно, и он принимает меры.

Николя нисколько не удивился, ибо знал, что министр морского флота, скрывая более или менее успешно ностальгию по временам Шуазеля, пребывал в курсе всего, что затевалось против Тюрго и предложенных им реформ. Более того, строя далеко идущие планы для своей новой службы, необходимой, по его мнению, для спасения страны, он плохо переносил препятствия, возведенные генеральным контролером финансов на пути его постоянных просьб о кредитах. К тому же противодействие Тюрго являлось весьма ходовым товаром. Желая смирить быстро нараставшее раздражение шевалье, Николя рассказал ему о результатах обыска комнаты Жоржеля.

— Вот, что я вам говорил! — немного поразмыслив, воскликнул Ластир. — Заяц испугался. Он понял, что, играя с нами в прятки, он выдал свои истинные намерения! Все проясняется.

Николя же, напротив, казалось, что все запуталось еще больше. Неожиданно он сообразил, что Ластир по-прежнему принимает фальшивого Жоржеля за настоящего.

— Дичь замела следы, — с улыбкой заявил он. — Это не аббат скрестил со мной шпагу. Вы, как поначалу и я, изначально перепутали лошадей.

Ластир не сумел скрыть своего удивления.

— Вы в этом уверены? Значит, вы потеряли след, а так как он только что покинул Вену… Однако… Но он же точно вышел из гостиницы! Я следовал за ним как тень, ни на минуту не упуская его из виду.

— Значит, это был его брат! Уверяю вас, нападавший на меня не имел ничего общего с нашим аббатом из дипломатической канцелярии. Что ж, будем надеяться, что Семакгюс узнал настоящего аббата и проследил за ним. Это наш последний шанс.

— О чем это вы, маркиз?

Сообразив — не без некоторого злорадства, — что шевалье по-прежнему считал, что они действовали по плану, принятому до его исчезновения, Николя счел нужным поведать ему о вновь выработанной стратегии. Выслушав его, шевалье умолк и надолго задумался.

— Что ж, — наконец произнес он, — тогда, действительно, ничего не остается, как ожидать возвращения наших друзей.

Воцарилась тишина; каждый думал о том, какими еще соображениями не поделился с ним его собеседник. Вытащив трубку, Ластир протянул ноги, положил их на скамеечку и, запрокинув голову, с видимым наслаждением стал пускать колечки дыма. Николя чувствовал себя отвратительно: дурному настроению у него всегда сопутствовали недомогания. Чувствуя, что нервы его напряжены до крайности, он попытался выстроить логическую цепочку событий, однако каждый новый вопрос порождал целый ряд гипотез, неуклонно возвращавших его к отправной точке его размышлений. От бессилия вопросы множились, а мыслительный процесс становился крайне мучительным; вдобавок усталость от пережитых событий с каждой минутой давила на него со все большей силой.

Разумеется, если шевалье действительно принадлежит к тайной службе Сартина, значит, его первейшим долгом является сохранение тайны. Однако комиссар и сам принадлежал к числу посвященных… и все же… Тут он кстати вспомнил, что Сартин всегда скупо делился сведениями. Даже от близких к нему людей, среди которых числился и Николя, он с очевидным удовольствием скрывал то, что известно ему одному. Он всегда приберегал часть секретных сведений для себя лично, чтобы в нужную для него минуту воспользоваться ими к своей выгоде или для пользы дела.

Также его немало удивила дискуссия с Ластиром, превратившаяся в своеобразный поединок, разумеется, словесный, но от этого не менее острый, ибо из-под маски вежливости то и дело выглядывало лицо человека, обуреваемого яростными страстями. Теперь вместо легкомысленного вояки Николя видел в шевалье человека действия, исполненного решимости и холодного расчета. Он судил об этом по тому способу, каким он спас ему жизнь, умчав от возможных преследователей. Подумав еще немного, он решил, что его сомнения относительно шевалье проистекают оттого, что он, к собственному стыду, с самого начала не разглядел его истинного характера, совершив тем самым огромную ошибку; привыкший во всем доверять своей интуиции, он сделал выводы на основании внешности… Тем не менее он решил, что так как первое впечатление чаще всего бывает самым правильным, надо бы поразмыслить над ним как следует. А пока придется согласиться с тем, что с самого начала Ластир настолько успешно изображал человека недалекого, едва ли не дурака, приспособив и внешность, и манеры к этому образу, что никому в голову не пришло усомниться в его фальши.

Около полуночи появился Рабуин. Полагая, что его шпионская миссия завершена, он направил свои стопы в гостиницу. С умением, приобретенным за долгие годы работы полицейским агентом, он поводил полицейских ищеек по городу, а затем вернулся в «Золотого тельца». Полагая, что Николя отсутствует, он торопился отбыть к себе, дабы поскорее встретиться с хорошенькой субреткой с последнего этажа. Но надеждам его не суждено было сбыться: комиссар оказался на месте и приказал ему остаться в номере и дожидаться Семакгюса, дабы затем всем вместе оценить уроки, полученные этой бурной ночью. Пока же Николя поведал изумленному Рабуину о своих похождениях.

Время шло; Николя начал волноваться об участи корабельного хирурга и ругал себя за то, что вовлек его в это дело. Ночные часы тянулись медленно; наконец в половине третьего дверь с грохотом распахнулась. Пошатываясь, в комнату с ехидной улыбкой на лице ввалился Семакгюс и немедленно рухнул в кресло, издавшее громкий жалобный скрип. Николя испугался, как бы его друг вновь не вернулся к прежним вредным привычкам. Когда он четырнадцать лет назад впервые встретил Семакгюса, тот вел крайне распутный образ жизни; постепенно возраст и благотворное влияние Авы, его чернокожей кухарки, сумели обуздать его неистовый темперамент, но сейчас Николя пришлось констатировать, что сегодня вечером его хваленая интуиция вновь его подвела.

— Ах ты, черт! — выругался Семакгюс, насмешливо глядя на приятелей. — Главное, не старайтесь скрыть свою радость по поводу моего возвращения. Черт возьми, да у вас рожи кающихся грешников!

— Что поделаешь! — не скрывая досады, произнес Николя. — Однако зачем вы сюда пришли, если не собираетесь каяться?

— О-о! Должен сказать, мое первое впечатление подтвердилось: здесь шутить не расположены. И никаких каламбуров. И все же, рискуя вогнать вас в еще большее уныние, я, как говаривал мой учитель Рабле, сейчас расскажу вам про кающихся…

Почувствовав, что ничто не в силах остановить Семакгюса, Николя смирился и приготовился слушать.

— …Когда-то давно, во время остановки в Марселе, я почувствовал желание испытать свой скальпель и оправился на поиски трупа, пригодного для анатомических исследований. Во время этих поисков я наткнулся на братство милосердных людей, чья миссия заключалась в том, чтобы даровать утешение христианским душам осужденных, а после казни хоронить сих осужденных в освященной земле. Народ называл их монахами смерти. Излишне говорить, как они встретили мою просьбу. Вот уж истинно весельчаки! Так вот, сейчас вы мне их напоминаете. И нечего смотреть на меня такими большими глазами. Да, я злоупотребил огненной водой, но ради доброго дела!

— Всего лишь! — с облегчением вздохнул Николя. — Тогда давайте выслушаем новости сегодняшней ночи…

— Да я только об этом и мечтаю, — прервал его Семакгюс, — тем более что нас опять четверо.

Встав с кресла, он, пошатываясь, поклонился шевалье, попытавшись при этом исполнить еще и некий замысловатый реверанс.

— Сударь, тысяча извинений. Алкогольные пары помешали мне сразу обнаружить ваше присутствие, то есть я хочу сказать…

— …точнее, объяснить, — подхватил Николя, — где вы были.

— Но сначала Рабуин принесет мне кувшин свежего пива; когда надо вернуть мысли и мозги на место, лучше пива нет ничего.

Не дожидаясь возвращения Рабуина, Николя второй раз за вечер принялся излагать свои приключения.

— Ч’орт, — икнул Семакгюс, — провал по всем статьям. И я тоже хорош: ведь настоящий Жоржель валялся у моих ног!

— Откуда вы знаете, что он был настоящий?

— Да оттуда же, откуда вы узнали, что гонитесь за поддельным! — воскликнул Семакгюс и залпом осушил содержимое кувшина с гербом, поднесенного ему Рабуином.

Однако у этого малого поистине не счесть талантов, подумал Николя. Где, черт побери, он сумел отыскать кувшин с пивом в три часа ночи?

— Смейтесь! Хохочите! Я заслужил! Да, я пошел за настоящим Жоржелем, и он несколько часов таскал меня за собой по всей Вене, в кромешной тьме.

Корабельный хирург встал и, выбросив вперед руку, продекламировал:

Беги, дневное светило, предоставь царство теням,

Ночь, окутай мраком мир!

Тьма скроет наши похождения.[12]

— Ого! — не сумев сдержаться, расхохотался Николя, слушая басовитый голос друга, исполнявшего весьма уместные строки. — Жоржель встретился с Юаскаром, Заирой или с самим Адарио?

— Если бы! С самым что ни на есть невзрачным типом. Крупные черты лица, широкая спина, большие ноги и такой отвратительный парик, что даже мой приятель-моряк Габриэль не рискнул бы его надеть. Они долго разговаривали в тени церковного портала. Потом

произошел обмен. Разумеется, бумаг на золото. Затем Жоржель распрощался с типом, и я больше не стал за ним следить.

— Но почему? — спросил молчавший до сих пор Ластир.

— А что бы мне это дало? Конь всегда возвращается в конюшню.

— Вы не могли этого знать. Вдруг он отправился на следующее свидание?

— Господин шевалье, похоже, комиссар Ле Флок еще не сообщил вам, что самое главное часто заключается в том, чтобы сделать выбор между двумя неприятностями. Мне показалось более важным проследить за конфидентом аббата.

— Не сомневаюсь, сударь что вам это удалось.

— Разумеется, сударь, но с какими трудностями! Он сел к себе в карету, я — к себе и велел кучеру потихоньку двигаться за ним. Блажен будь снег, что делает нас глухими и слепыми… В Грабене он вышел из кареты и направился в кабак, а я за ним. Черт побери! Он же не Жоржель и не знал меня в лицо. Там он просто встретился с человеком в черном. Я очень много выпил.

— Но зачем?

— Я притворился, что пью много, а на самом деле я почти не пил… Ведь пьяниц бояться нечего. Я, знаете ли, обладаю некой способностью, кою как-нибудь вам продемонстрирую… В общем, там были отдельные кабинеты с деревянными перегородками. Я сидел с этими типами буквально спина к спине. Сами знаете, как дерево прекрасно проводит звук. Я отчетливо слышал их разговор, словно присутствовал при нем лично. Вот о чем они говорили, и вот какой вывод я сделал, их послушав.

Все повернулись к Семакгюсу, и тот с таинственным видом понизил голос.

— Знаете, о чем они говорили? Они сожалели об отъезде маленького аббата, такого безобидного и такого щедрого. Ибо эти типы продавали за большие деньги протухшие секреты. Своими регулярными и своевременными поставками пустых бумажек им удалось убедить аббата, что благодаря ему французская секретная служба работает бесперебойно, ибо они приносят ему подлинные документы австрийской канцелярии.

— Понимаю, — проговорил Николя. — Результат мы уже видели.

— Результат? Да дело в том, что секретная служба давно уже развалилась. Возможно, ее следовало бы организовать заново, но чтобы она заработала, понадобился бы не один месяц, а решения по таким вопросам имеет право принимать только сам король. Но король умер, а его преемник, похоже, не слишком интересуется австрийскими делами. В общем, приложив не слишком много усилий, Австрия сумела расстроить один из налаженных механизмов нашей дипломатии.

— Но при чем тут Жоржель?

— Аббата облапошили, а может, он просто делает вид, что ничего не понимает; не исключено, что он что-то заподозрил и потому упорно отказывается раскрыть своего осведомителя. Но на честь оказаться жертвой надувательства он точно не претендовал. И еще одно предположение, не исключающее предыдущие: документы, которые он доставал, являлись для него своеобразным способом подчеркнуть собственную значимость в глазах начальников. Короче говоря, сознательно или нет, но этот тип стал одной из причин развала созданной властью секретной службы. Подлинных причин мы, похоже, никогда не узнаем… В общем, в довершение скажу, что когда человечек аббата расстался со своим собеседником в черном, я, словно тень, приклеился к черному человеку и проследил за ним до самого его пристанища.

— И куда же он отправился? — спросил Ластир.

— Я видел, как он, достав из кармана ключ, отпер дверь дома, где располагается канцелярия *Statthalter bei der Regierung für Niederösterreich*.

— А если по-французски?

— Кабинет его высокопревосходительства господина губернатора Нижней Австрии, который в Вене исполняет обязанности начальника полиции. Это своего рода местный Сартин. Таким образом, Жоржель, претендовавший на особое знание политики венского кабинета, служил ширмой для прикрытия здешних шпионских служб. Они читают наши секреты и сплавляют нам свои заплесневелые тайны. И все это, чтобы окончательно парализовать работу наших дипломатов. Поистине мастерский ход! Засим, господа, я иду спать!

И, с трудом встав на ноги, он вышел из комнаты, оставив пребывавшее в полнейшей растерянности общество обдумывать услышанное.

— Немедленно отправляюсь в посольство, — вздохнул, поднимаясь, Николя, — отчитаюсь послу о невеселом исходе нашего расследования. Сомневаюсь, что эти новости его обрадуют.

— В самом деле, — заметил Ластир, — они вряд ли помогут ему вытащить засевшую глубоко занозу. Впрочем, когда все прояснилось, он знает, чего следует опасаться. А главное, он избавился от Жоржеля. Теперь, если сумеет, ему надобно заставить всех забыть о Рогане!

На этом они расстались.

Понедельник, 6 марта 1775 года

Если не считать изменившегося лица, господин де Бретейль встретил новость с достоинством, подобающим посланнику его величества. Не моргнув глазом, он выслушал отчет Николя, прозвучавший, вопреки обычаю, сухо и кратко. Высказав сожаление об оскорблении, нанесенном Франции, он принялся оценивать его возможные последствия. Затем, словно стремясь убедить самого себя в реальности того, о чем он только что узнал, Бретейль стал задавать себе вопросы об удручивших его известиях. Попытка убить посланца двора в расчет не принималась; подобные покушения являлись частью дипломатической игры.

— Итак, австрийский кабинет в курсе нашей секретной переписки? А через этого мошенника-аббата нам всучивали заведомо устаревшие сведения? Более того, для вящей достоверности и чтобы мы как следует заглотили наживку, нам наряду с фальшивыми бумажками подсовывали незначительное количество подлинных документов, утечка содержания которых для нынешней политики никаких последствий иметь не будет. Не так ли? А?

И, нехорошо усмехаясь, он принялся терзать кружевной галстук.

— Верхом безобразия в этом деле является поведение Жоржеля, намеревавшегося затруднить мою работу, скрыв от меня свои источники получения сведений. Но на самом деле он оказал мне неоценимую услугу. А вы, господин маркиз, заслужили мое расположение, оказавшись столь действенным инструментом моей разведки. В своем докладе Версалю вы, полагаю, укажете и на измену, и на непроходимую глупость этого посредственного субъекта в рясе.

Далее господин де Бретейль стал изливать свою ненависть к Рогану, обвиняя принца в том, что тот легкомысленно позволил австрийцам заманить себя в ловушку. Подождав, пока гроза пройдет, Николя поведал послу содержание наполовину обгоревшей бумаги, найденной им в камине аббата, после чего ураган забушевал с новой силой. Последовала резкая критика, завершившаяся саркастическим смехом, а затем громы и молнии вновь обрушились на Рогана. Императрица не переносила развращенного прелата, и королева унаследовала от нее неприязнь к признанному ухажеру госпожи Дюбарри. Так что рано или поздно настанет день, когда он, Бретейль, все ему припомнит.

— Итак, — подвел итог Николя, — дело, к сожалению, улажено. И у нас нет более оснований продолжать свое пребывание в Вене. Теперь вы знаете все, а ваши депеши требуют, чтобы мы попрощались с вами и как можно скорее сопроводили их к месту назначения.

— Ваши товарищи вполне могут отбыть и без вас. А что вы имеете в виду, говоря о сопровождении моих депеш? Вы же меня уверили…

— Вопрос в наименовании. Речь идет о безопасной переправке их содержания.

— Вы что же, можете убедить меня прямо сейчас, что доставите их в целости и сохранности?

— Попробую…

Закрыв глаза, Николя сосредоточился и принялся монотонно, нараспев, произносить текст:

«В Богемии начались волнения. Жители нескольких деревень недовольны принудительными работами, которые их заставляют выполнять их господа, и они, собравшись вместе, заявили о своем отказе от работ. Прибыв в город Кенигсгретц, они подали прошение, чтобы их освободили от принудительных работ. Однако в город их не пустили. Гуситы, чья секта по-прежнему многочисленна в Богемии, настроены наиболее решительно…» Хотите услышать начало второй депеши?

Ошеломленный Бретейль молча кивнул.

«Крестьянские волнения приняли широкий размах, а вытекающие из них последствия гораздо более серьезны, нежели я сообщал вам в предыдущем донесении. Так как здесь всеми силами стараются скрыть сии беспорядки, мне показалось разумным не выдавать свою осведомленность, ибо так желательно министру, и не распространяться о причинах несчастья, постигшего Богемию и землевладельцев, коим причинили невосполнимый ущерб…»

В растерянности Бретейль прижал палец к губам.

— Господин маркиз, это превосходит мое понимание. Каким чудом? Вы должны немедленно успокоить мое любопытство.

— Объяснение очень простое. В детстве я много заучивал наизусть. Мои наставники иезуиты довершили мое образование в этой области. Мне достаточно вызубрить начало и конец абзаца. Я их шифрую по одной лишь мне известной системе. А затем все запоминается само собой.

— Сударь, вам следует создать собственную школу! Так можно решить проблему секретности!

— При условии, что вас не станут допрашивать с пристрастием, — с улыбкой заметил Николя.

— Но я, увы, все равно не могу разрешить вам покинуть Вену, ибо императрица желает передать вам пакет и послание для королевы. Мы зависим от ее доброй воли, а она может проявить ее совсем не скоро… Я понял, что по ее приказу спешно изготовляют некий медальон. Так что я вынужден задержать вас, ибо медальон еще не прибыл. Советую вам пока насладиться теми удовольствиями, кои может предоставить вам Вена.

Вернувшись в гостиницу, Николя собрал друзей и изложил им нерадужные перспективы. Оказалось, у каждого уже имелись свои предпочтения. Семакгюс обрадовался, получив возможность продолжить ботанические штудии. Рекомендации господина Жюсье открыли ему множество дверей, и за несколько дней багаж его знаний о тропических растениях изрядно пополнился. Рабуин был готов следовать за Николя, куда бы тот ни приказал. Шевалье де Ластир, полагая, что дело Жоржеля окончательно прояснилось, решил, что нападения на комиссара вряд ли возобновятся, а потому вознамерился покинуть Вену. Он оставит им свой багаж, а сам верхом отправится во Францию, дабы известить Вержена и Сартина об их открытиях. С собой он захватит только личные письма, ибо любые иные, будучи перехваченными на землях империи или подвластных ей территориях, грозят ему опасностью. С таким разумным решением согласились все. Шевалье намеревался отбыть в тот же день. Николя отправился писать письма сыну и Эме, а также дружеское послание инспектору Бурдо,

который, как он и предчувствовал, несмотря на уловку Сартина, явно досадовал, что не смог принять участие в поездке. В два часа дня шевалье со всеми попрощался, предоставив Николя возможность еще раз выразить ему свою признательность за помощь. Всем было немного грустно расставаться с шевалье; он показал себя хорошим товарищем, а его выдумки и забавы скрасили монотонность путешествия. Правда, имея возможность оценить различные стороны его личности, они пришли к выводу, что, несмотря на решительность, необходимую в борьбе с происками иностранных государств, характер шевалье отличается излишней суетливостью. Ужин прошел в мрачном молчании. После наполненных тревогой и опасностями дней напряжение спало, и каждый забился к себе в угол.

Со вторника 7 марта до понедельника 10 апреля 1775 года

Время, которым они располагали, проходило не без удовольствий, но в конце концов оно стало их тяготить. В первые дни Николя усердно осматривал столицу империи; город оказался невелик, и вскоре он уже ходил по нему с закрытыми глазами. Озаботившись подарками для друзей и близких, он отыскал тонкую придворную шпагу с богато инкрустированным эфесом для Луи, зная, что такой подарок доставит мальчику огромное удовольствие. Для Эме он выбрал коралловое ожерелье, привезенное с острова Корфу. Не забыл он и об очередной игрушке для Сартина. Вспомнив, что аббат Жоржель, будучи в курсе увлечения министра, в прошлом году прислал ему великолепный парик, он обратился к местному постижеру. Результатом стала покупка чудесного парика с длинными, туго закрученными мягкими буклями, единственная модель, выполненная по заказу внезапно скончавшегося *Magistrato Camerale*[13] города Падуи. Любуясь серебристым блеском парика, Николя подумал, что сей экземпляр, без сомнения, имеет шанс стать лучшим экспонатом в коллекции министра морского флота, размещенной в специальном шкафу с музыкой.

Подарок для Ноблекура он искал долго, и наконец остановил свой выбор на «Жизни двенадцати цезарей» Светония, изданной поэтом Францискусом Ван Гудендорпом. Он был уверен, что великолепный экземпляр в переплете из телячьей кожи с двойной золотой окантовкой понравится старому магистрату, библиофилу и великолепному знатоку латыни. Николя вспомнил, что перед отъездом Луи в коллеж в Жюйи Ноблекур, желая сделать мальчику подарок, скрепя сердце, расстался с одним из коллекционных экземпляров Овидия. Для Бурдо были куплены бутылка сливовицы и табакерка, для Катрины и Марион — кружевные головные платки, а для добрейшего Пуатвена, всегда державшего голову в тепле, — меховая шапка. Завершив покупки, он облегченно вздохнул: кажется, никого не забыл.

Однообразие дней изредка нарушалось неожиданными событиями. Эрцгерцог Максимилиан, которого Николя в свое время сопровождал от границы с Фландрией до Парижа, узнал о его присутствии в Вене и, вспомнив, сколько удовольствия ему доставило общество комиссара, пригласил его на дружеский ужин. Трапеза завершилась за полночь, но эрцгерцог никак не отпускал гостя, засыпая его тысячью вопросов о дворе, о нынешних министрах, об отправлении правосудия и о применении пытки при уголовном расследовании. Мария Терезия намеревалась запретить пытку в подвластных ей государствах. Принц полагал, что пытка нисколько не способствует выявлению истины; скорее она являет собой слепой инструмент, заставляющий признать вину не только преступника, но и невиновного. Принца нельзя было назвать красавцем, ибо, несмотря на привлекательные черты, лицо его было лишено живости, придавая ему сходство с не слишком любезным и общительным императором.

Николя посетил представление, данное труппой Итальянской оперы в Бургтеатре на Михаэль-платц, непосредственно перед дворцом Хофбург. Здание поразило его своими большими окнами и просторным длинным балконом. Многочисленные светильники, от которых было светло как днем, совершенно ослепили Рабуина. Вместе с ним и Семакгюсом он побывал в театре у ворот Каринтии на премьере оперы «Возвращения Товия», которой дирижировал

сам Гайдн. Вся Вена съехалась послушать творение капельмейстера герцогов Эстергази. Роскошная постановка в превосходном исполнении снискала восторженные аплодисменты зрителей, пораженных гармоничным сочетанием экспрессии и естественности. Пылкий темпераментный хор, прежде считавшийся уделом одного лишь Генделя, превзошел себя. Николя насладился великолепным сопрано Магдалены Фриберт.

Наконец Бретейль положил конец ожиданиям Николя. В посольской резиденции барон, снабдив комиссара тысячью всевозможных советов, вручил ему медальон и письмо, запечатанное печатью императрицы. Произошел обмен любезностями, и Николя поспешил к друзьям. Сборы не заняли много времени. Правда, Николя пришлось вмешаться, дабы вырвать Рабуина из объятий венских соблазнительниц. 11 апреля, во вторник, покидая утром своих плутовок, агент был преисполнен, поистине вселенской скорби.

Весна, наступление которой ожидалось уже давно, никак не вступала в свои права, и усилившиеся холода затрудняли обратный путь. Мороз чередовался с потеплением, а грозовые дожди — со снегом. Резкие перемены погоды превратили дорогу в сплошные колдобины, и Николя и его друзья по нескольку раз в день вылезали из кареты и помогали кучеру и форейтору вытаскивать колеса из рытвин, заполненных грязью, покрытой тонкой коркой льда. Погода настолько испортилась, что им пришлось на несколько дней задержаться в Аугсбурге. К счастью, они сумели найти пристанище в лучшей в городе гостинице под названием «Золотая гроздь». Хозяин ее, любезный Иоганн Зигмунд Майер, оказался неутомимым рассказчиком. По вечерам, когда все собирались у камина в общей гостиной, он с помощью Семакгюса, выступавшего в роли переводчика, рассказывал им забавные истории, в том числе и об авантюристе Казанове, некогда останавливавшемся в этой гостинице, где его запомнили по пристрастию к гратену из макарон. Когда Николя еще только осваивал полицейское ремесло при комиссаре Лардене, он принимал участие в аресте Казановы и сопроводил его в парижскую долговую тюрьму.[14] Но благодаря снисходительности Шуазеля авантюрист пробыл в Фор-Левеке всего несколько дней.

В чистом поле между Аугсбургом и Мюнхеном карету путешественников остановил отряд гусар. Вдалеке от мест, где можно было позвать на помощь, практически безоружные, они не могли дать достойный отпор солдатне и вынуждены были выйти из кареты. Командовал отрядом субъект в штатском; на ломаном французском он обвинил их в шпионаже. Пытаясь объяснить ему, что он не прав, Николя предъявил свои письменные полномочия, где красовался герб Франции, но субъект лишь отмахнулся, заявив, что сейчас их подвергнут личному досмотру и обыщут их багаж. Письмо императрицы осмотрели со всех сторон, но когда какой-то солдат вознамерился вскрыть его, субъект в штатском ему не позволил. Николя поторопился заявить, что вскрытие письма будет приравнено к оскорблению величеств, причем как одного королевского дома, так и другого. Находившийся в том же пакете медальон с изображением Марии Терезии осматривали долго, вертя во все стороны. Неудовольствие начальника возрастало, но солдаты, копавшиеся в их вещах, по-прежнему ничего не находили. Наконец, не сказав ни единого слова, отряд удалился, оставив после себя разбросанные по снегу вещи. Ликвидация последствий обыска заняла более часа. Николя заметил, что Рабуин то и дело посматривает в сторону окутанного туманом холма. Интересно, что он там заметил? Он спросил агента, однако тот не ответил.

Начало темнеть, когда они, наконец, смогли тронуться в путь. Холод сковал дорогу и засыпал ее снегом, быстро превратившимся в лед. Что искали сбиры, начальник которых велел обыскивать их столь тщательно, что они даже проверили содержимое ночного горшка Семакгюса? Николя еще раз порадовался, что для доставки депеш королевского посланника использовал свой метод заучивания текстов. На всякий случай он даже выучил наизусть список цифр, замещавших начало каждого абзаца, иначе говоря, ключ к своей системе. Если бы этот список нашли, он мог бы стать предлогом для их ареста. Нападение вооруженного отряда

вполне вписывалось в череду чрезвычайных событий, случившихся со времени их приезда в Вену.

Когда они прибыли во Францию, погода настолько испортилась, что иногда трудно было ехать даже шагом. Ужасная зима, не собиравшаяся уходить, преподносила все новые сюрпризы. За городом в низинах снег сбивался в огромные, словно дома, кучи, быстро превращавшиеся в лед. Нередко приходилось буквально откапывать дорогу, и тогда все молча брались за лопаты. Временами сыпал ледяной дождь, и дорога немедленно покрывалась коркой льда толщиной в три дюйма; колеса с жутким треском ломали лед, разбрызгивая во все стороны острые мелкие льдинки. А вскоре началась оттепель и по дорогам хлынули потоки грязи.

Хозяева почтовых станций с большой неохотой предоставляли лошадей, и чтобы сделать их сговорчивыми, Николя приходилось использовать всю врученную ему власть. Повсюду ходили слухи, одни тревожнее других. Сырая осень, а следом суровая зима, холодные март и апрель, нескончаемые снег и лед препятствовали проведению сезонных сельских работ. Земля страдала и не могла родить. Как можно в таких условиях получить урожай зерна? Вдобавок говорили, что по ночам, когда шел ледяной дождь, на небе вспыхивало северное сияние. Некоторые уверяли, что видели, как из туманной мглы на землю падал кровавый град. Все эти дурные знаки, бередившие чувствительные умы, предсказывали беду. Способствуя нарастанию страхов, книгоноши, торговавшие альманахами, рассказывали перепуганным людям про солнечное затмение, ожидавшееся в 1775 году.

Чем ближе они подъезжали к Парижу, тем более противоречивыми и угрожающими становились новости. На подъезде к Шалону дорогу им преградила толпа враждебно настроенных крестьян. Обеспокоенный Николя отправил к ним Рабуина в качестве парламентера: Рабуин вышел из народа, и ему было проще найти с ними общий язык. Когда он вернулся, Николя сразу отметил его обеспокоенный вид.

— Народ ропщет, — сказал агент. — Как уже случалось при покойном короле, снова ходит слух о сговоре вельмож, что хотят уморить народ голодом. Эти люди не хотели говорить со мной, но в конце концов их прорвало, и они все мне выложили. В соседней деревне народ обрушил свой гнев на богатого мельника…

— Интересно, — заметил Семакгюс, — я никогда не слышал, чтобы говорили про бедных мельников. По нынешним временам, а тем более по тем, что наступают, это ремесло становится воистину привилегированным.

— И не без причины! Мельника обвинили, что из-за него подорожало зерно. Узнав о волнениях, силы охраны общественного порядка вышли на площадь и пригрозили недовольным, но угрозы остались без внимания, а отряду пришлось отступить под градом камней. Менее чем за час мельницу и прилегающие к ней постройки разрушили и сожгли. Ярость народа оказалась столь велика, что некоторые с налету хватали домашнюю птицу и отрывали ей головы.[15]

— Фи! — воскликнул Николя. — Мужланы! А что же власти? Никакой реакции?

— Обижаете. В село прислали отряд канониров, арестовали более двухсот мятежников. Судья по уголовным делам Шалона уверяет, что этот случай будет иметь самые серьезные последствия. К волнениям прибавляется страх, кочующий из деревни в деревню, словно сказки волшебной феи, и доводящий людей до безумия.

— Не преувеличивайте! — проворчал Семакгюс. — Не надо нас пугать новым зверем из Жеводана! Его давным-давно истребили.

— Смейтесь, сударь, только от этого ничего не изменится. Рассказывают, что в окрестных лесах появилась женщина со змеиной головой, которая воет на луну. Говорят, она появляется всякий раз, когда королевству грозит опасность. Впервые ее заметили в 1740 году.

— О! — удивился Николя. — Почему именно в тот год?

— Сразу видно, что вы еще молоды, — ответил Семакгюс. — Это был жуткий год, самый худший среди всех в этом веке. Зима, как и сейчас, казалось, не кончится никогда. Первые всходы на полях появились только в мае. Тогда то и дело устраивали молебны и процессии с реликвиями. Жара и засуха были ужасны. Десятки тысяч людей умерло. Это время осталось в памяти как эпоха бедствий.

— Все знают, — подал голос Рабуин, — что начиная с 1740-го, каждые семь лет несчастья повторяются.

— Что ж, посчитаем, — произнес Николя, загибая пальцы. — Итак, 1747-й?

— Началась война за Австрийское наследство, — подхватил Семакгюс.

— 1754-й?

— Выбирайте: рождение Людовика XVI, изгнание епископа Парижа.

— Нет, этот год не подходит для рокового! 1761-й?

— Шуазель ведет борьбу и… Ле Флок становится комиссаром!

Все рассмеялись.

— 1768-й.

— Новая любовница: госпожа Дюбарри!

— 1775-й, он сейчас на дворе. Насколько я понимаю, нам надобно остерегаться 1782 и 1789 годов!

— Что касается вашей женщины со змеиной головой, — начал Семакгюс, — то она напомнила мне одно старинное предание. Замок Лузиньян в Пуату прославился тем, что в нем время от времени появлялась фея Мелюзина, чье тело оканчивалось хвостом как у змеи. Явившись глубокой ночью, она трижды вскрикивала нечеловеческим голосом. И так каждые семь лет, всякий раз, когда Франция оказывалась накануне бедствия. Нет сомнений, что ваша змея — внучка той феи, но, проделав путь от Пуату до Шампани, сказочная дама, благодаря воображению и местным поверьям, обрела несколько иной облик.

По мере приближения к Парижу им навстречу все чаще попадались бредущие по обочине крестьяне. При виде господской кареты некоторые опускали головы, а некоторые провожали ее ненавидящим взором. Во время одной из остановок Рабуин поведал своим спутникам, что крестьянские волнения распространяются как масляное пятно по воде. Они затронули Мо, где беспорядки и разбой наносили земледельцам, торговцам и мельникам большой ущерб, вынуждая отдавать запасы ниже существующих цен. Волнения и грабежи охватили всю округу, открывая дорогу мятежу. Благоразумие, честность, искренность — все было пущено в ход, но ничто не смогло утихомирить ярость народа.

Озабоченные тревожными известиями, 30 апреля после полудня Николя и его спутники въехали в Париж через предместье Сен-Мартен. Про себя Николя отметил, что квартал, где болотистые почвы еще не осушили, является не самым приятным местом для встречи со столицей королевства. На заставе их остановили для досмотра, но он назвал себя чиновнику, и их багаж немедленно пропустили не досматривая. Кучер проложил путь через толпу трактирщиков, улещавших своими речами иностранцев и провинциалов, убеждая их остановиться у них во «дворце». Хозяева гостиниц, успевших снискать известность, не опускались до таких вульгарных уловок: сведения о них печатали в путеводителях. Словно хищное воронье, гостиничные зазывалы, более смахивавшие на висельников, налетали на клиента и клялись честью, что только у них можно найти настоящие удобства, в то время как их конкуренты — жалкие мошенники без чести и совести, готовые на все, лишь бы опустошить карманы простодушных постояльцев, имевших неосторожность поверить их лживым речам. Под бесстрастным взором Людовика XIV, изображенного в виде Геракла на монументальной арке заставы, кучер несколькими щелчками кнута разогнал сладкоголосых зазывал, и экипаж проследовал по грязным и узким улочкам квартала, где обитало простонародье.

На часах церкви Сент-Эсташ пробило три, когда они добрались до дома Ноблекура на улице Монмартр. Отдав Николя его багаж, Семакгюс покатил дальше, мечтая поскорее оказаться у себя на улице Вожирар и вновь обрести Аву. Войдя в дом, комиссару показалось, что обитатели его погрузились в летаргический сон или, еще хуже, вовсе его покинули. На кухне царила тьма. Никаких следов ни Марион, ни Катрины, ни Пуатвена. Что могло нарушить привычки обитателей дома? Перепрыгивая через ступеньки, он взбежал по лестнице и в гостиной увидел Ноблекура; бывший прокурор, сосредоточенный и печальный, сидел за секретером розового дерева и что-то писал. Забившиеся под кресло Сирюс и Мушетта не выразили, как обычно, буйной радости по поводу его прихода и, разом повернув к нему печальные мордочки, тревожно уставились на него своими глазками. Наконец, песик вильнул хвостом, а кошечка издала чуть слышное урчание. Опасаясь резко нарушить пугающую тишину, Николя негромко кашлянул. Подняв голову, Ноблекур сложил исписанный лист и неловким, не ускользнувшим от Николя движением прикрыл его рукой. Облегченно вздохнув, старый магистрат улыбнулся, и его морщинистое лицо озарилось радостью.

— Слава Богу, вы приехали!

Он отложил перо в сторону.

— Мы без вас скучали.

— Что случилось? Мне кажется, за время моего отсутствия произошли какие-то печальные события.

— От вас бесполезно что-либо скрывать. Призовите на помощь все свое хладнокровие и выслушайте мое сообщение.

Николя почувствовал, как внутри у него леденеет.

— Что-то случилось с моим сыном?

— Не пугайтесь больше, чем следует, пока ничего непоправимого не произошло. Начальник коллежа в Жюйи сообщил мне, что Луи исчез. Скорее всего, он убежал из коллежа.

— Скорее всего…

Леденящий холод сменился обжигающей волной, разделившей его пополам и лишившей возможности дышать. Он стал задыхаться; бросившись к нему, Ноблекур усадил его в кресло-бержер. Быстро, насколько ему позволяли больные ноги, почтенный магистрат заторопился к буфету, достал из него графинчик и наполнил стакан.

— Держите, выпейте это. Вы часто рассказывали об укрепляющем папаши Мари из Шатле; эта горькая полынная настойка обладает не менее живительными свойствами. Прекрасное лекарство, чтобы снять излишнее волнение.

Он снова сел и взял в руку лист бумаги, на котором писал до прихода Николя.

— Не думайте, что мы здесь бездействовали. Сейчас я вам расскажу, что нам удалось сделать.

Николя встал.

— Я немедленно еду в Жюйи.

— И речи быть не может, — твердо ответил Ноблекур. — Будьте столь добры и выслушайте меня. Как только мне сообщили об исчезновении мальчика, я тотчас предупредил господина Ленуара.

— Ленуара?

— Да, Ленуара. Он окончательно выздоровел и приступил к исполнению своих обязанностей начальника полиции. Я также успел перехватить Сартина. Они поговорили и единодушно решили отправить Бурдо в Жюйи, дабы провести расследование на месте. Кого еще они могли туда направить более надежного, чем наш друг? Сегодня он должен вернуться, и, без сомнения, он привезет нам необходимые сведения. Дождитесь его, а пока отдохните.

Потом вдвоем вы все обсудите и решите, что надо делать. Вы — совершенно справедливо — полностью ему доверяете, и он сделает все так, как сделали бы вы сами. А пока нет смысла что-либо обсуждать на пустом месте. Я только что составил письмо судье по уголовным делам, чтобы привлечь его внимание к происшествию. Уверен, это всего лишь побег, детская выходка. Но, похоже, я не убедил вас?

— Уже на Рождество он показался мне каким-то странным, словно он чем-то сильно взволнован. Надо вам сказать, пока я находился в Вене, меня пытались убить; признаюсь, я был на волосок от смерти…

— Опять!

— …и теперь я задаюсь вопросом, не связано ли исчезновение Луи с этим покушением.

Ухватившись за подбородок, Ноблекур задумался.

— Постарайтесь не терять присутствия духа. Я знаю, для отца это очень непросто. Но тут нельзя ошибиться. Разум желает испытать нас, но когда-нибудь вы посмеетесь над сегодняшним испытанием.

Сейчас Николя не мог по достоинству оценить мудрые рассуждения Ноблекура. Потрясенный до глубины души, он физически ощущал пронзавшую его тревогу: в животе все ныло и завязывалось узлом.

— Наверное, можно было бы и не говорить, что Ленуар отдал приказ установить наблюдение над всеми дорогами в Лондон и всеми пакетботами, отплывающими в Англию из портов Ла-Манша. Есть основания полагать, что Луи взбрело в голову повидаться с матерью.

— Действительно, это необходимая мера.

— У него были деньги?

— Нет. Ежегодная плата за пансион в Жюйи равна девятистам ливров, и я заплатил сразу всю сумму, как только его зачислили. Остались сущие пустяки. Разумеется, я оставил ему денег на мелкие расходы, а также на обратную дорогу в Париж. Совсем немного, недостаточно, чтобы оплатить проезд до Англии.

На лестнице послышались торопливые шаги. В темном рединготе и кавалерийских сапогах, в комнату, запыхавшись, ворвался раскрасневшийся от бега Бурдо. С тревогой уставившись на сидящего в кресле Николя, он не бросился, как обычно, обнимать его, а вопросительно взглянул на Ноблекура. Тот, предчувствуя его вопрос, утвердительно кивнул.

— Я в отчаянии. Кто мог такое предвидеть?

— Я, — произнес Николя, — уже на Рождество. Я заметил некоторые перемены в его поведении, и меня, как отца, они были обязаны насторожить…

— Что сделано, то сделано, — вздохнул Ноблекур. — Бывают необъяснимые и неотвратимые поступки, совершенные в согласии с нашим характером и сиюминутной необходимостью.

— В свое время надо будет выяснить и причины, и повод. Бурдо, я счастлив вновь видеть вас, мне вас очень не хватало…

Инспектор моментально расцвел. Слова Николя, произнесенные им не в самую радостную минуту, наполнили его неизъяснимым ликованием. Он подтянулся.

— Я встретился с начальником коллежа, с наставниками, слугами и товарищами Луи. Все хвалят ум, воспитанность и честность вашего сына. Действительно, начиная с Рождества успеваемость его несколько ухудшилась. У него появилась какая-то навязчивая идея. На чердаке коллежа состоялась своеобразная дуэль на острых циркулях. Детская выходка, результат ссоры с одним надменным учеником. Дуэлянтов развели. Повод? Все молчат. Никто ничего не говорит. Луи бежал, бросив все свои вещи, за исключением печатки и томика «Метаморфоз», подаренного господином де Ноблекуром.

Взволнованный старый магистрат направился к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Сирюс тихо поскуливал, царапая ногу хозяина.

— Он раздал друзьям остатки айвового мармелада.

— И все?

— Никаких следов. Вам лучше меня известно плачевное состояние наших дорог. Я расспросил всех, кто проживает поблизости, спрашивал на почтовых станциях, тамошних крестьян. Ничего! Никто его не видел. Хуже того, начальник поведал мне весьма тревожный факт: за два дня до его… отъезда прибыл какой-то человек и попросил встретиться с Луи, чтобы передать ему от вас письмо…

— От меня? Но я не писал ему никаких писем!

— У начальника не было оснований запретить просителю увидеться с мальчиком.

— Равно как и соглашаться на это свидание!

— Узнав ваш почерк, Луи какое-то время беседовал с этим человеком наедине. На следующий день он выглядел таким мрачным, каким его еще никто ни разу не видел.

— Вам описали загадочного незнакомца?

— Это был капуцин.

— Опять капуцин! Не люблю капуцинов. Мне довелось сталкиваться с ними не в самых приятных обстоятельствах. Особенно мне запомнился один субъект. Настоящая тень в плаще из ночи! Помните, когда…

— Вы правы, темная ряса с капюшоном является надежнейшим прикрытием, когда хочешь остаться неузнанным.

— Я опасаюсь, что Луи похитили, и это похищение связано с моей поездкой в Австрию. Мой мозг уже заработал в этом направлении.

Бурдо вздрогнул.

— Вы подвергались опасности; так я и знал!

— Потом я вам все в подробностях расскажу. Сейчас же…

— Не могу поверить, что Луи добровольно не сообщил отцу мотивы своего поступка, — вмешался в разговор Ноблекур; когда он повернулся к друзьям, стали видны его покрасневшие глаза. — Не верю, что он может быть столь скрытным, и по-прежнему полностью ему доверяю.

Николя встал и протянул руку старому другу.

— В тот день, когда я переступил порог этого дома, я оказался под одной крышей с мудростью и добротой…

— Теперь, — продолжил Ноблекур, — попробуем успокоиться и рассуждать логически. И запасемся терпением. Не сомневаюсь, Бурдо поставил на ноги всю нашу полицию, которой так завидуют в Европе. Будем ждать новостей, и те не замедлят на нас обрушиться.

Бурдо кивком поддержал его.

— Господин Ленуар, господин де Сартин и господин де Вержен хотели встретиться с вами сразу после вашего приезда. А королева, как говорят, трижды спрашивала, когда вы вернетесь.

Покопавшись в секретере, Ноблекур вытащил оттуда два письма и протянул Николя.

— Доставлены несколько дней назад. Исчезновение Луи так взволновало меня, что я о них совершенно забыл.

Николя узнал привычный маленький квадратик цвета морской воды и беспорядочный почерк Эме д’Арране. При виде его, несмотря на царившее в голове смятение, на сердце у него потеплело. Другое письмо заинтриговало его: почерк незнакомый размашистый, с длинными вертикальными линиями, ложившимися под таким большим углом, что казались скорее горизонтальными; темно-красная, почти черная печать. Сунув письмо Эме в карман, он

попросил друзей извинить его и, отойдя в сторону, со священным трепетом сломал загадочную печать. Внутри лежала еще одна записка, тоже запечатанная. При виде герба и почерка ему стало дурно, и ему снова пришлось сесть. Обменявшись тревожными взорами, Бурдо и Ноблекур окружили его.

— Дурные известия?

— Прошлое стучится в мою дверь, и я не знаю, что уготовано мне судьбою.

Глава IV
НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ

Я только что прочел шедевр Тюрго. Похоже, мы наконец-то обрели и новые небеса, и новую землю!

Вольтер

Взор Николя затуманился; он тяжело вздохнул.

— Это письмо от моей сестры, Изабеллы де Ранрей. Сами понимаете, сколько волнений… Я поднимусь к себе переодеться. Затем я отправлюсь к Ленуару, а завтра с раннего утра поеду в Версаль. Пьер, мне бы хотелось, чтобы вы вместе со мной отправились на улицу Нев-Сент-Огюстен. Можете быстро найти экипаж?

— Надеюсь, вы с нами поужинаете? — спросил господин де Ноблекур. — Полагаю, и вы тоже, Бурдо? Я пригласил Лаборда. Только друзья! Вы сможете отвлечься от мрачных мыслей. Все домашние отправились к вечерне в Сент-Эсташ, они хотели помолиться за… Но все будет подано вовремя. Вы же знаете Катрину!

— Если бы я отказался, вы были бы вправе счесть меня неблагодарным.

С тяжелым сердцем он поднялся к себе в комнату. Сев на кровать, он развернул письмо Изабель и принялся читать:

3 апреля 1775 года,
в замке Ранрей
Сударь брат мой,

Впервые я с превеликой радостью называю вас братом, именем, связавшим нас навек. Когда вы получите это письмо, я уже приму постриг. Я совершенно сознательно приняла решение стать монахиней в обители королевского аббатства Фонтевро. Древность нашего рода и наследство моей тетушки Генуэль позволяют мне совершить сей исполненный гордыни поступок. Матушка настоятельница, урожденная Пардальян д'Антен, приходится кузиной моей покойной тетке. Я сложила к стопам моего божественного супруга весьма существенное приданое.

Поэтому я распорядилась, чтобы наследство нашего отца перешло к вам полностью. Друзья, которые у меня еще имеются при дворе, сообщили мне, что вас называют «наш дорогой Ранрей». Мне известно, что в свое время вы отказались принять из рук нашего короля звание и титул, принадлежащие вам по праву. Так примите же их из рук сестры, предоставив, таким образом, своему сыну шанс на блестящее будущее. Вам даровали должность комиссара; вы ни единым поступком не запятнали ее; более того, вы прославили ее своими подвигами. Так носите же без всяких угрызений титул маркиза де Ранрея. Исполните желание вашего отца, которое, будь он жив, он сам бы вам сообщил. Но, увы!.. Вы можете не делать достоянием гласности сей вполне законный поступок, лишь знайте, что замок наш отныне принадлежит вам, и наш управляющий Гийар будет теперь отчитываться вам. Не терзайте ни вашу душу, ни вашу совесть, а просто примите этот дар от той, которая добровольно решила заживо похоронить себя в могиле, примите его, как некогда приняли перстень и шпагу нашего отца.

Как бы вы ни смотрели на нынешнее положение вещей, вы не сумеете убедить меня отказаться от моего смиренного дара, ибо я уверена, что вручаю его в надежные руки. У вас

нет более верного друга, чем я. Пятнадцать лет назад вы удостоили меня этим званием, и я не собираюсь слагать его с себя даже у подножия алтаря, а посему я навечно остаюсь вашей верной и любящей сестрой

Изабеллой Мари Софи Анжеликой де Ранрей, Ставшей в монашестве сестрой Агнессой из ордена Милосердных сестер.

Он даже предположить не мог, как сильно может взволновать его письмо, внезапно воскресившее для него годы юности. В ту минуту, когда ему пришлось приложить все силы, чтобы не согнуться от нанесенного ему удара, письмо это затронуло самые чувствительные струны его души. Его нравственные опоры заколебались. Ему немедленно представилась очаровательная головка сестры и ножницы, отрезающие ее волосы. Пытаясь взять себя в руки, он улыбнулся при мысли о том, что Изабелла так и не сумела избавиться от напыщенного стиля, усвоенного ею из сочинений прошлого века. Ее настроение редко было подвержено колебаниям, отчего все слова ее дышали уверенностью и искренностью. Тем не менее полученные им известия еще больше усугубляли его текущие заботы. Надеясь найти поддержку в записке Эме д'Арране, он развернул квадратик цвета морской волны.

26 апреля 1775 года,
в Версале
Сударь,

Над кем вы смеетесь? Когда вы уверяли меня в вашей преданности, я должна была уже тогда заподозрить неладное. С вашего отъезда прошло почти два месяца. Вас удерживают в Вене? Но меня-то никто не удерживает в Версале!

Эме д'Арране

Неужели, когда прошлое напомнило ему о себе, настоящее решило его покинуть? Сначала сын, а теперь возлюбленная. В нем закипал гнев: почему шевалье де Ластир не передал его письмо? Ведь прошел уже целый месяц, как он расстался с ними и уехал во Францию!

Схватив привезенные из Вены подарки, он заспешил вниз. Ноблекур пришел в восторг от роскошно переплетенного томика Светония. Принимая в подарок бутылку водки и табакерку, Бурдо сначала побледнел, а потом покраснел. Вернувшись из церкви, Марион и Катрина дружно заплакали, сначала умилившись красоте кружев, а потом от мысли об исчезновении Луи, причинившем столько горя его отцу. А старик Пуатвен немедленно напялил на себя меховой колпак и засеменил разжигать огонь в плите.

Бурдо быстро нашел фиакр, и вскоре они уже тряслись по парижским улицам. В нескольких словах Николя изложил другу то, что ему следовало знать об австрийской экспедиции, сделав упор на самых тревожных происшествиях. Несмотря на разговор с глазу на глаз, Николя, бросая редкие взоры в окошко, не мог не отметить скопления народа вокруг булочных. Пока они ехали на улицу Нев-Сент-Огюстен, он вновь с радостью впитывал атмосферу искренней, без всяких уверток и расчетов, дружбы. Это чувство помогло ему обрести былую уверенность. Завидев Николя и его помощника, старый мажордом поспешил доложить господину Ленуару об их приезде, и тот, велев немедленно вести их к нему, сам вышел к ним навстречу, распахнув дверь своего кабинета. Возникшее между ними в самом начале совместной работы непонимание давно кануло в Лету, и сейчас добродушное лицо начальника полиции озаряла улыбка.

— Господин маркиз, я благодарю Марию Терезию за то, что она, наконец, соблаговолила вернуть нам комиссара Ле Флока!

— Воистину я счастлив, сударь, вновь видеть вас в добром здравии.

— Благодарю. Болезнь прошла… О ней напоминают лишь редкие приступы усталости, кои должность моя заставляет немедленно забыть. Как говорят остроумцы, что фланируют по аллеям Тюильри, полиция вновь обрела завидное здоровье…

Они рассмеялись.

— …но обо всем по порядку. В двух словах: как ваша миссия?

— В четырех! Официальная часть прошла как нельзя лучше. Не зная, кто мой собеседник, я разговаривал с императором; я говорил с императрицей, зная о ней слишком много; и я внимал господину Кауницу.

— А как прошла встреча с Бретейлем? Беседовать с ним зачастую дело не из легких.

— Великолепно! Разумеется, у королевского посланника есть свои недостатки, но даже они поставлены на службу его величества. В главном мы с ним были совершенно единодушны.

— Вы меня несказанно обрадовали, Бретейль — не тот человек, которым можно пренебрегать, особенно во времена, когда достойных слуг короля становится все меньше. А как обстоят дела с конфиденциальной частью вашей миссии?

— Результаты ее должен был сообщить вам шевалье де Ластир. Жоржель…

— Ластир? О чем вы говорите? Он здесь не появлялся. Я полагал, он вернулся вместе с вами.

— Как! — изумленно воскликнул Николя. — Он выехал из Вены почти месяц назад, чтобы доставить мой доклад. Мы задержались по просьбе императрицы, пожелавшей доверить мне письмо и медальон для королевы. Что могло случиться? Неужели ему помешали… Мне очень тревожно, особенно после моих приключений.

И он подробно поведал начальнику обо всем, что случилось во время его путешествия, а также о разоблачении Жоржеля.

— Тем не менее, — добавил Николя, — шевалье вел себя необычайно храбро и спас мне жизнь.

— Если Ластира схватили, что кажется наиболее правдоподобным, то депеши нашего посольства уже находятся в руках венского кабинета. Увы!

— К счастью, нет, — ответил Николя, поднося руку ко лбу, — ибо они здесь и доставлены с соблюдением полнейшей секретности.

И он объяснил Ленуару свою систему запоминания, приведя начальника полиции в полный восторг, ибо благодаря этой системе главная часть миссии увенчалась успехом. Воспользовавшись отличным настроением генерал-лейтенанта, Николя поделился своими дорожными наблюдениями: рассказал о толпах недовольных крестьян, о бунтах и грабежах, плачевные последствия которых ему довелось увидеть в городах и деревнях, особенно на подступах к столице. Лицо Ленуара помрачнело.

— Все, что вы мне сейчас рассказали, в точности совпадает с поступающими со всех сторон донесениями. С тех пор, как опубликовали эдикт о свободе торговли зерном, принятый по настоянию Тюрго, народ не прекращает роптать. Люди взволнованы заявлением, что полиция более не вправе контролировать торговлю зерном и мукой, а значит, и снабжение хлебом, являющемся основным продуктом питания. Урожай 1774 года был более чем средним, полагаться на обильный урожай нынешнего года тоже оснований нет. Дурное состояние дорог, не позволяющее проехать груженым телегам, компрометирует идею о доставке зерна из богатых районов в те уголки, где его не хватает. Каким образом мы сможем безболезненно исполнить принятый эдикт? Повсюду назревает брожение умов. Когда 15 апреля поступило уведомление, что четырехфунтовый хлеб теперь будет продаваться за тринадцать су, вокруг булочных начался ажиотаж.

— И, насколько я мог заметить, продолжается до сих пор.

— И даже по воскресеньям! Ходит слух, что народу грозит голод, потому что правительство спекулирует зерном, дабы заплатить долги покойного короля! Этой песней хотят заставить всех поверить в существование заговора против народа. 26 апреля, то есть четыре дня назад, цена на хлеб снова поднялась. Так вот, когда в тот день на рынке метрдотель

из знатного дома заплатил семьдесят два ливра[16] за одну шестнадцатую буассо зеленого горошка нового урожая, вокруг него тотчас образовалась шумная толпа. Кто-то вырвал у него из рук корзиночку с горошком и, швырнув ему в лицо, завопил, что если его негодяй-хозяин может истратить три ливра на зеленую горошину, значит, он вполне может поделиться с народом хлебом. Мне немедленно доложили об этом происшествии.

— Боюсь, — заметил Николя, — как бы эти волнения не приняли более широкий размах.

— Ваши опасения справедливы. На рынках Версаля и Парижа, наблюдается необычайное скопление крестьян, или, скорее, людей, выдающих себя за крестьян; проделав 15 или 20 лье, они приходят и сеют тревогу, держа речи, будоражащие непросвещенные умы. Что прикажете думать? Похоже, существуют два движения, и оба поддерживают и подкрепляют друг друга. Одно из них спонтанное, порожденное обеспокоенностью народа, а другое согласованное, организованное неизвестно кем… Полагаю, очень скоро вы нам понадобитесь. Но сначала поезжайте в Версаль. Король, Вержен и Сартин ждут вас, не говоря уж о королеве.

— Я именно это и собирался сделать, сударь, но мне хотелось вам первому дать отчет о своей поездке.

Подойдя к Николя, Ленуар положил ему руку на плечо.

— Я ценю вас, Николя. Идите, получайте распоряжения от двора, но знайте, что я хочу — и я уже сказал об этом кому следует — поручить это дело вам. В нем есть темные места, очевидно угрожающие безопасности короля. Нам придется причаливать к крутым берегам. Только человек, обладающий вашим опытом, сможет отделить правду от лжи и принять надлежащие меры. Еще раз напоминаю, что я полностью доверяю вам. И, поверьте мне, я делаю все возможное, чтобы сдвинуть с мертвой точки дело, касающееся лично вас, отягощающее ваше сердце и ради разрешения которого я не стану щадить даже высокие авторитеты.

— Сударь, я вдвойне ваш должник. Увы, боюсь, что это исчезновение связано с тем, что случилось с нами в Вене.

— О Боже! — воскликнул Ленуар. — Все же давайте не будем предполагать самого худшего.

— В настоящее время, — произнес Бурдо, — мы можем лишь уповать на новые сведения или улики, позволившие бы нам определить, в каком направлении предпринимать шаги.

Возвращаясь на улицу Монмартр, Николя чувствовал, что открытость и поддержка Ленуара придала ему сил. У этого доброжелательного человека он находил целый букет положительных качеств, приправленных здравым смыслом, что делало его достойным преемником Сартина, хотя и в ином ключе. Отныне его верность не делала различий между начальником прежним и начальником нынешним; оба заслуживали его безоговорочной преданности. Когда он переступил порог особняка Ноблекура, пробило ровно семь. Несколько зевак с неприятными физиономиями толпились возле пассажа Рен д’Онгри. Поглядывая на разместившуюся на первом этаже особняка булочную, они о чем-то тихо переговаривались.

Кухня гудела как растревоженный улей; над гулом голосов выделялся звучный глас Катрины. Она ворчливо изгоняла с кухни Бурдо, утверждая, что ему нечего вертеться вокруг нее накануне ужина; даже когда она служила маркитанткой в армии короля, ни один солдат не смел приблизиться раньше времени к подвластному ей котелку. Вместе с Марион они не скрывали радости вновь видеть Николя. На втором этаже господин де Ноблекур мирно беседовал с Лабордом, бывшим первым служителем королевской опочивальни и нынешним генеральным откупщиком. С Лабордом Николя связывали общие трогательные и печальные воспоминания, так что встреча их стала теплой и взволнованной. Николя спросил о здоровье супруги Лаборда, постоянно терзаемой приступами нервного изнурения, дамокловым мечом висевшими над молодой парой с первых дней их брака. Появилась Марион; она сообщила, что пора идти в библиотеку, где, по обыкновению, накрыли стол. Заметив, что Ноблекур исподволь

наблюдает за ним, Николя дал себе слово сделать все, чтобы своим печальным видом не портить встречу друзей, устроенную, как ему казалось, специально для того, чтобы отвлечь его от грустных мыслей. Так что когда его принялись расспрашивать о Вене и о его поездке, он с таким юмором живописал свое путешествие, что все пришли в восторг, как некогда приходил в восторг покойный король, высоко ценивший присущий Николя талант рассказчика.

— А теперь, — промолвил комиссар, завершая рассказ, — пришла моя очередь спрашивать вас о том, что произошло при дворе и в городе за время моего отсутствия.

— Ах, — воскликнул Лаборд, — Каин, наш затасканный великий актер, тяжело заболел.

— Да, — продолжил Бурдо, — болезнью, названною «нормандкой», ибо девица, с которой он проводил время, родом из этой провинции!

— 23 февраля ваш друг Карон представил на суд зрителей своего «Севильского цирюльника». Пьеса, наконец-то получившая разрешение цензоров, не оправдала ожиданий публики. Только неделю спустя этот полупровал превратился в подлинный триумф…

Ноблекур прервал Лаборда.

— …мощные ладони сотворили чудо! Главное — уметь организовать зал…

— …и предупредить клакеров!

— Будьте справедливы, пьеса хороша, особенно после того как автор внес в нее необходимую правку. Сокращенная до четырех действий, она стала не только короче, но и, на взгляд многих, в число коих я не вхожу, менее занудной.

— Вы так говорите, словно сами были на спектакле!

— Но я действительно был там! Под ручку с господином де Лабордом и в самой лучшей ложе, откуда с удовольствием лорнировал красоток и в зале, и на сцене.

— Вижу, — со смехом заметил Николя, — наш друг сохранил кое-какие связи среди актрис!

— Назначен день свадьбы мадам Клотильды, сестры короля, с князем Пьемонтским, — продолжил Лаборд. — Вы его наверняка встречали, такой грузный и рыхлый. Теперь в Париже в моде куплет:

Доброму Савояру в подарок

Приданое отдали за Мадам.

Добрый Савояр подарочек принял,

Только захочет ли он принять Мадам?

Появление Катрины прервало беседу. Со всей серьезностью, приставшей моменту, она водрузила на стол серебряное блюдо, где, как она гордо заявила, находилось «тюрбо а-ля Сент-Мену». Блюдо придвинули к хозяину дома, и тот, вдохнув аромат, мечтательно закатил глаза. Ко всеобщему удивлению, он разложил кушанье гостям, обнеся собственную тарелку.

— О да, господа, — с мученическим видом заявил он, — я воздерживаюсь, избегаю, издеваюсь над собой. Отметьте, однако, мою сознательность, ибо я делаю это сам, добровольно, в отсутствие доктора Семакгюса. Надеюсь, ему сообщат о моем героизме, а он, оценив его, проявит снисходительность и дозволит мне хотя бы несколько дней в неделю обходиться без шалфея и чернослива…

Пока хозяин дома расписывал свой героизм, Катрина взирала на него с неодобрением.

— Нечего бридворяться баинькой. Вы бреркрасно знаете, что для вас бригодовлено зпециальное плюдо. Голупь с молодым горошком. А если хотите снать мое мнение, так и его тля вас злишком много!

— Поистине королевское блюдо! — воскликнул Николя. — По нынешним временам оно может взбудоражить многолюдную толпу на рынке. Госпожа Катрина, мне кажется, вы слишком расточительны и не печетесь об интересах сего благородного дома.

— А вот и нет, господин назмешник. Горошек брислал господин де Лапорд, и вы можете сбросить у него.

— Да, — скромно потупился Лаборд, — друзья, заведующие королевским огородом в Версале, не забывают меня и присылают мне все ранние овощи, какие только появляются в тамошних теплицах. Они хотели осчастливить меня спаржей, но мне кажется, что при подагре спаржа не приносит пользы, а, напротив, лишь способствует учащению приступов. Поэтому ради здоровья нашего друга я предпочел, чтобы мне прислали горошек.

— Не просто горошек, а наисвежайший! — отметил Ноблекур при всеобщем одобрении.

Катрина сняла крышку, явив воздушное соте в окружении нежных зеленых горошинок, и — к явному сожалению Ноблекура — заботливо удалила сверху золотистый ломтик сала, посыпанный хлебными крошками.

— У этой рыбы-тюрбо потрясающе вкусное мясо! — восторженно заметил Николя. — Плотное, но как тает во рту!

— Пора удвоить удовольствие, получаемое от дегустации сего восхитительного блюда, — напомнил Лаборд. — Как вы готовили эту рыбу, прекрасная Катрина?

— Пудете змеяться, так я ее унесу, вы и ахнуть не узбеете! Главное — это броварить ее в равных долях молока и воды. Чтопы мясо ее оставалось пелым, надопно, чтоп кур-пульон бокипел допрые четверть часа. Затем спину рыпки натираем лимоном, обускаем в пульон и варим до готовности, не добуская, чтопы рыпка закибела. Ботом остужаем, вынимаем, делим филе на кусочки, обускаем их в густой соус пешамель, зтавим на злапый огонь и забекаем, боместив зверху переносную жаровню.

Ноблекур зааплодировал.

— Это напоминает мне, — начал он, — историю времен моей юности. Старый брюзга герцог д'Эскар всем рассказывал, как ему за двадцать лет до рождения малыша Бешамеля подавали нарезанное тонкими ломтиками белое мясо птицы со сливками, а ему даже в голову не приходило дать свое имя этому простенькому соусу!

Ноблекур с таким сладострастием грыз крошечное крылышко и обсасывал косточки, что смотреть на него было одно удовольствие. Как всегда, к пиршеству подали вино из Иранси.

— 10 марта, — начал Бурдо, — королева отправилась на равнину Саблон, где граф д'Артуа устроил английские бега. На лошадях, резвых и горячих, сидели конюхи принцев. Выиграл герцог де Лозен.

— Он соревновался в качестве жеребца? — рассеянно спросил Николя.

В ответ раздался взрыв хохота.

— Нет, как владелец жеребца. Говорят, король не оценил подобное развлечение, так как толпа изрядно потеснила королевское семейство.

— Интересно, следует ли он советам своего ментора? — спросил Ноблекур. — Мне сообщили, что во время одного из балов, что состоялся накануне поста, король остался без кресла, и толпа чуть не затоптала его. После этого Морепа заявил, что монарх, помнящий о своем достоинстве, должен не выскакивать из-за угла, а высылать вперед себя герольда и выходить под охраной капитана своей гвардии. «Мы во Франции не привыкли, чтобы наш король появлялся на публике запросто, как простой горожанин», — добавил он.

Бурдо вновь вступил в разговор:

— 29 марта опубликовали список новых маршалов Франции. Получивших чин сравнивают с семью смертными грехами.

— И как же грехи распределились? — поинтересовался Николя.

— Аркур — леность, Ноайль — алчность, Николаи — обжорство, Фиц-Джеймс — зависть, другой Ноайль, тот, который граф, — гордыня, Де Мюи — гнев, Дюра — похоть.

— 30 марта, — продолжил Лаборд, — король в раздражении приказал разрушить выстроенные павильоны на равнине Саблон. В это же время в городе тайком распространили брошюру, полную исторических аналогий и анекдотов, касающихся Бастильского замка. Брошюру выпустили с целью предупредить «патриотически настроенных граждан», что их рвение может привести в Бастилию. Пасквиль арестовали, но найти подпольную типографию не удалось.

— Подобное сочинение, — задумчиво произнес Бурдо, — должно заставить задуматься тех, кто исповедует неограниченный деспотизм.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Ноблекур. — Вы подрываете основы порядка, которому служите?

— Нет… Но я уверен, что порядок не должен противоречить ни законам естественного права, ни нашему просвещенному веку. Честно говоря, использование «писем с печатью», приговаривающих людей без суда и следствия, мне кажется недопустимым.

— Все меняется, — вмешался Николя, желая умерить пыл собеседников, грозивших превратиться в спорщиков. — Брат императора заявил мне, что в ближайшем времени в Австрии отменят пытки.

Вошла Катрина и убрала со стола. Лаборд снова наполнил бокалы. Внесли второе блюдо, названное приготовившей его Марион «рулетиками из говяжьего языка». Пока они раскладывали кушанье по тарелкам, Марион слабым писклявым голосом излагала рецепт его приготовления. Следовало промыть язык и проварить его вместе с добрым куском говядины, дабы язык остался сочным. Когда кожица начнет завиваться, язык вынимают из кастрюли, снимают кожицу, остужают и режут на тоненькие ломтики, в которые потом заворачивают фарш для кнелей.

— А что входит в этот фарш? — поинтересовался Лаборд.

— Это секрет, сударь, однако вам я его открою. Я беру фунт мякоти телятины, а также бедренную часть или рульку и, убрав сухожилия и хрящи, как следует измельчаю все мясо вместе с фунтом говяжьего жира, приправив полученный фарш петрушкой, солью, перцем и специями по вкусу. Затем, одно за другим, вбиваю два яйца и все хорошенько размешиваю, чтобы фарш приобрел однообразную консистенцию. Раньше я подмешивала к нему немного воды, но Катрина посоветовала мне брать вместо воды шнапс. Он дает превосходный аромат. Надо сказать, яйца обычно не кладут в фарш, но ломтики языка очень тоненькие, а нам надо, чтобы наши рулетики не расползлись.

— Отлично! — потер руки Лаборд. — Настоящая сказка «Тысячи и одной ночи»! Кончается одна история, и тут же начинается другая. Продолжайте, прекрасная Шехерезада!

Старая кухарка не заставила себя упрашивать. На каждый кусочек языка она укладывала немного фарша, а потом ножом, обмакнутым в яйцо, приминала его и разглаживала, чтобы он лучше склеился. Затем скатывала рулетики, оборачивала их ломтиками сала и нанизывала на вертел. Когда рулетики обжарились, она присыпала их хлебными крошками, дабы они приобрели золотистый цвет, и подала с острым соусом.

— Предвидя ваш следующий вопрос, сразу рассказываю рецепт соуса. Пассируем на сливочном масле одну морковку, пару луковиц и нарезанный тонкими ломтиками пастернак; все обжариваем до золотистого цвета. Потом добавляем горсточку муки, бульон и полстакана уксуса, и, разумеется, приправы: букет гарни, пряности, чеснок, перец и тертый мускатный орех. Все увариваем на медленном огне, пока не загустеет, иначе говоря, не будет ни жидким, ни крутым. На этом, господа, если хозяин мне позволит, я хотела бы удалиться, ибо старые ноги устали стоять.

Николя встал и обнял Марион; его порыв растрогал старушку до слез. Сирюс радостно лаял, в то время как Мушетта, перевернувшись на спинку, помахивала лапами, поворачиваясь то на один бочок, то на другой, испуская тихое урчание.

— Ах, как вкусно, — произнес Бурдо. — Это блюдо стоит моего паштета.

Он аккуратно разрезал рулетик, дабы всем стали видны перемежающиеся слои языка и фарша. Из разреза вырвался ароматный пар.

— Хрустящую корочку следует немедленно обмакнуть в соус!

— Кстати, о хлебной корочке, — начал Николя. — Полагаю, вы заметили подозрительное скопление народа прямо напротив дома?

— Разумеется, — ответил Ноблекур. — Я разглядывал их, сидя у окна в своем любимом кресле. Что вы хотите, цена на хлеб растет, и люди недовольны. Это уже не первый раз на моем веку, но, полагаю, не последний. Помнится, я был совсем зеленым юнцом, когда 14 июля 1725 года мятежники разгромили булочные в Сент-Антуанском предместье.

— Подъезжая к Парижу, я видел большие скопления возмущенного народа, — произнес Николя, — и возмущение его было направлено прежде всего против богатых мельников.

…Мельник мошенник,

Он крадет зерно,

Что вы хотите,

Это его ремесло! —

пропел Бурдо.

— В Бретани эти куплеты поют на другой мотив, но смысл тот же:

Взмахнет мельница крылом,

А мельнику уже лепешка.

Все захихикали, и только Лаборд мрачно качал головой.

— Этими неразумными созданиями, среди которых немало мошенников, кто-то манипулирует, и явно с дурными намерениями. Генеральный контролер финансов, видимо, забыл, что не следует подталкивать наш старый и скрипучий механизм. Свобода торговли зерном, введенная приказом сверху, привела к страхам, беспорядкам и открыла путь к злоупотреблениям и махинациям монополистов.

— В самом деле, — произнес Ноблекур, — то, что пытается сделать Тюрго, уже сделал аббат Террэ, упразднив хлебные откупа в пользу королевского управления и сбором акциза с поставок зерна. Каким образом добиться равного распределения зерна, гарантируя бедным провинциям поставки из богатых уголков? Он придумал верное средство, дабы установить равновесие цен на хлеб во всем королевстве.

Ноблекур говорил, не переставая поглощать лежавший у него на тарелке зеленый горошек, горошинка за горошинкой, и при этом не отрывал взора от рулетиков.

Лицо Лаборда приняло таинственное выражение.

— Друзья мои, волею случая у меня есть особое мнение по этому вопросу. Вы знаете, как сильно я интересуюсь всем, что связано с Китаем, с его традициями, с его безделушками…

— Но какое отношение могут иметь Конфуций и сиамские жрецы к нашим историям про мельников?

— Самое непосредственное. Слушайте. В последнее время я близко сошелся с господином Бертеном, разделяющим мою страсть ко всему китайскому. Подчиненная ему государственная канцелярия управляет земледельческими делами. Покойный король, мой повелитель, доверил ему вести переписку с французскими иезуитами, обосновавшимися в Китае. Его увлечение Китаем превратилось в страсть, ставшую модной в обществе. Он собрал множество предметов искусства, тканей, гравюр и рисунков. На почве общего увлечения мы сблизились, а потом и подружились.

— Его очень ценила маркиза де Помпадур… особенно когда он был начальником полиции. От него она узнавала все обо всех!

— Он также был генеральным контролером финансов и стремился найти новые способы изыскания денег на ведение войны. Однако его попытки встретили сопротивление Парламента, а Шуазель сказал, что с новшествами Бертена «нельзя будет и далее обделывать свои делишки». Несколько дней назад я пригласил его на ужин. Разговор шел откровенный и искренний. Он крайне огорчен, видя с каким трудом пробивает себе путь реформа и какие мысли она внушает.

— Но, говорят, господин Тюрго, будучи интендантом Лимузена, преуспел со своими реформами?

— Наш друг Ноблекур прав, именно на это всегда указывают сторонники Тюрго, твердолобые экономисты, поддерживающие его доктрину. Они поют ему хвалы, в то время как, будучи в Лимузене, сей великий человек всего лишь экспериментировал и проводил опыты…

— Он упразднил натуральную дорожную повинность, а это большое облегчение для тех, кому приходилось ее выполнять! Следовало бы распространить этот опыт на все королевство.

— Согласен, — произнес Бурдо, — но в остальном нельзя сказать, что он преуспел, ибо край по-прежнему остается очень бедным. Он успешно выступил против спекулянтов и скупщиков. Он пытался заменить зерно картошкой и пресечь спекуляцию с помощью закупок за границей. Более того, он пожертвовал частью собственного состояния, чтобы облегчить положение нуждающихся. Его повышение — назначение на должность генерального контролера — привело в восторг его искренних приверженцев. До сих пор они изъяснялись языком философов, ораторов и моралистов, отныне они в качестве законодателей готовы выступить даже против трона. Они издают кипы брошюр, прежде всего против откупщиков и финансистов. Но что из этого выйдет? Могущественные силы, против которых ополчился Тюрго, но чья поддержка ему необходима, стакнутся против него и постараются поставить заслон его реформам.

— Так что же говорит Бертен? — спросил Ноблекур. — А главное, что он думает о человеке, возглавляющем сейчас наше правительство? Каков у него характер? Ведь это главное, ибо действие есть лишь отражение того, кто его совершил. Никогда законодатель не бывает столь бессилен, как в тех случаях, когда нрав его не соответствует его честолюбию. Умение мыслить последовательно еще не означает быть справедливым.

— Прежде всего, министр отмечает невероятную гордыню генерального контролера. Он снисходительно внимает слухам, что род его якобы восходит к датскому королю Торготу, потомку самого бога Тора! Затем, не надо забывать, что он под именем аббата Ранкура окончил семинарию Сен-Сюльпис. Увлеченный новыми идеями, он сначала вошел в состав Парламента, но сохранил по причине своего семинарского образования вкус к полемике; обладает тяжелым стилем речи, а его разговоры более всего напоминают утомительное отступление от темы…

— Тот, кто снабжает меня свежими новостями[17], утверждает, что у него хрупкое здоровье и он подвержен приступам подагры. В его семье все умирали молодыми: его брат скончался в сорок девять лет, а ему уже сорок восемь…

— В самом деле, — продолжил Лаборд, — мне кажется, его неотступно преследует какая-то мысль. Он часто болеет, нередко бывает медлительным и рассеянным в работе. А иногда он торопится, перескакивает сразу через несколько ступеней, не считает нужным подготовить общественное мнение, требует немедленного проведения реформ и не желает считаться с последствиями.

— Никогда не следует забывать, — назидательно изрек Николя, — что лучшим союзником государственного мужа является время; без него не бывает решительной и окончательной победы.

— Бертен крайне обеспокоен. Число противников Тюрго возрастает даже в совете. Лучшие качества и добродетели генерального контролера по причине его неловкости и

неуклюжести зачастую оборачиваются против него. Например, госпоже де Брион, просившей у него о каком-то незначительном послаблении, он ответил, что она должна понять: царство женщин осталось в прошлом.

— Неужели достойная дама не нашлась, что сказать в ответ?

— О, разумеется, она немедленно, словно мячик, бросила: «Да, я это вижу; но, увы, этого нельзя сказать о царстве мужланов».

Неожиданно посерьезнев, Лаборд извлек из кармана листок бумаги.

— Бертен передал мне письмо аббата Галиани от 17 сентября 1774 года, адресованное госпоже д'Эпине. Содержание его настолько поразило меня, что я попросил разрешение скопировать его. Слушайте:

«Остается слишком мало времени, чтобы претворить в жизнь его систему. Он накажет нескольких мошенников, будет ругаться, сердиться, захочет сделать что-нибудь хорошее, но всюду наткнется на противодействие, трудности, оппозицию. Кредит уменьшится, его возненавидят, скажут, что он не справляется со своими обязанностями, и восторги начнут остывать. Снова станут говорить, что тот, кто предоставил столь добродетельному философу место, которое он занимает в нашей монархии, совершил ошибку. Свободная продажа зерна сломает ему шею. Мы уже видим начало конца».

— Аббат Галиани — это тот самый знаток античности и толкователь надписей, что начал раскопки в Неаполе и откопал остатки античного города? Похоже, сей авгур гадает по птицам высокого полета. Но, боюсь, он прав в своих рассуждениях.

— Господа, — произнес Лаборд, — я склоняюсь, да, именно склоняюсь, перед поистине универсальными познаниями нашего хозяина. Галиани одним из первых отыскал руины Геркуланума, похороненные со времен извержения Везувия, о котором сообщает Плиний Младший.

— Сей льстец не только не имеет уважения к моим сединам, точнее, к тому, что от них осталось, но вдобавок принимает меня за глупца, удивляясь скромному багажу моих познаний. Я заслужил добрый стакан ирански.

И Ноблекур, схватив бутылку, наполнил свой стакан и разом осушил его.

— Это позволит мне на время забыть вкус шалфея! Но вернемся к моей… моему корреспонденту; он пишет, что в наш сложный период, когда король проводит время, то глядя в телескоп, то изливаясь в жалобах, то рассуждая попусту, то разгоняя всех и вся, проявляя при этом то слабость, то нерешительность…

— Но он так молод! — воскликнул Николя; ему пришло в голову, что Людовик XVI всего лет на пять или шесть старше его сына Луи. — Он еще себя покажет.

— Разумеется! Мы его еще увидим, как говаривал его великий дед, при котором, господа насмешники, я имел честь появиться на этот неблагодарный свет.

Катрина принесла поднос с треугольными пирожками.

— Это, — начала она, предупреждая вопросы, — фатрушки, начиненные молодым сыром, которым торгуют на ярмарке в Сен-Дени.

Ужин завершился весело; каждый старался развлечь Николя, и в конце концов лицо его прояснилось. Он проводил Лаборда до экипажа. Тот предложил комиссару воспользоваться его опытом и знаниями, полученными на службе у покойного короля. Поднимаясь к себе в комнату, Николя увидел, что у подножия лестницы его ждет господин де Ноблекур.

— Друг мой, позвольте мне выразить восхищение вашим мужеством. Вы ни единым намеком не омрачили нашу дружескую встречу. Мужество переносить страдания телесные даруется нам природой, переносить же страдания духовные так, чтобы никто этого не заметил, намного труднее. И я благодарю вашу учтивость, которая помогла вам из уважения ко мне и тем, кто любит вас, сдержать свои чувства.

— Сударь, за этот вечер вы имеете право на мою бесконечную признательность, ибо я сумел пусть не забыть, но подавить тревогу.

Направляясь к себе, Николя ощущал, как от волнения часто бьется его сердце. Он думал о той удаче, которую жизнь подарила ему в лице почтенного магистрата. Ноблекур стал для него тем, чем прежде были каноник Ле Флок и отец, то есть примером порядочности, стойкости и верности. Ему хотелось бы, чтобы маркиз де Ранрей увидел его в деле, и он надеялся, что оттуда, где маркиз сейчас находится, он одобряет его поступки. Привыкнув в детстве молиться на ночь, он и сейчас, ложась, попросил святую Деву и Пресвятую Анну защитить его сына. И тут же заснул тяжелым сном под тихое мурлыканье Мушетты.

Понедельник, 1 мая 1775 года

Николя резко проснулся. Откуда-то издалека до него долетал приглушенный шум. Ему показалось, что он слышит крики. Он высек огонь и зажег свечи. Мушетта шипела, задрав кверху распушенный хвост. Он услышал тяжелые шаги: кто-то с трудом поднимался по лестнице. В дверь постучали. Попросив минутку подождать, он натянул чулки, штаны, рубашку, камзол и надел башмаки. Собрав волосы в хвост и завязав их лентой, он открыл дверь и обнаружил перекошенную физиономию Пуатвена, полуодетого и запыхавшегося. У него сжалось сердце. Несомненно, что-то случилось с Ноблекуром или до улицы Монмартр дошли дурные вести о Луи. В один миг перебрав в уме все возможные несчастья, он пригласил Пуатвена войти. Не в силах отдышаться, слуга не мог вымолвить ни слова. Николя усадил его и дал выпить стакан воды.

— Ах, сударь, — наконец произнес тот, — какое несчастье! Какой ужас!

Николя по привычке взглянул на часы. Они показывали четыре часа пятнадцать минут. Стараясь не выдать своего волнения, он спросил:

— Но что случилось?

— Ах, сударь! Какая страшная смерть! Ах, он несчастный!

В груди комиссара похолодело.

— Думаю, вам надо спуститься вниз.

Со стороны лестницы снова послышались тяжелые шаги и прерывистое дыхание.

— Уф-ф! Ох, уж эта лестница… такая крутая. Прекратите… мой добрый Пуатвен… пугать Николя. Лучше расскажите… Насколько я его знаю, я… вот он, весь бледный, взор обезумевший… ох, похоже, он, как истинный друг, оказал мне честь: перепугался, решив, что я умер.

Господин де Ноблекур, закутанный в узорчатый халат и в платке, обмотанном вокруг головы, величественно вплыл в комнату. Направившись к кровати, он, кряхтя, опустился рядом с Пуатвеном.

— Ну вот! Ох, ну и подъем! Дайте отдышаться… Только представьте себе, мой жилец, булочник Мурю, найден мертвым в кадушке с тестом.

— Апоплексический удар? — спросил Николя, вспомнив полнокровное лицо мэтра Мурю.

Ноблекур изобразил на лице сомнение.

— Не думаю. Тут что-то иное. Собственно, поэтому я вас и разбудил. Я спустился, чтобы самому все увидеть и понять, что случилось. Уверен, вы, как и я, немало удивитесь. Боюсь, понадобится опытный полицейский комиссар и, возможно даже, познания старого прокурора, ибо есть подозрения относительно природы смерти булочника.

Порывшись в ящике бюро, Николя достал черную записную книжечку, где он делал заметки, когда вел расследование.

— Прежде чем мы спустимся вниз, мне бы хотелось услышать из ваших уст рассказ о том, что там произошло.

— Хорошо. Спустя несколько минут после того, как пробило четыре… Я услышал бой своих часов, тех, что с Минервой… В мои годы часто просыпаешься среди ночи и берешь книгу, чтобы заснуть… Короче говоря, я читал роскошное издание Светония, которое вы мне презентовали. Тиберий на Капри… впрочем, не будем отклоняться. Я услышал крики и шум, совершенно не свойственные ночному времени. Когда я вознамерился спуститься вниз, появился Пуатвен. Вы знаете, он спит в комнате над конюшней. И он сказал мне… но, может, он сам вам это повторит?

— Сударь, я спал, но меня разбудили крики. Затем кто-то забарабанил в дверь, ту, что выходит на узкую лестницу, ведущую к моей комнате. Я кое-как оделся и спустился вниз. Там стояли Парно, мальчишка-ученик булочника, и Фриоп, тоже ученик, оба в полной растерянности. Они только что выскочили из пекарни, где нашли своего хозяина, мэтра Мурю, без сознания. Он был…

— Больше не говорите ничего. Я хочу сам, непредвзято, составить мнение о месте преступления. Что случилось потом?

— Они стояли словно потерянные, перепуганные и отказывались входить в пекарню. Тут дело взяла в свои руки Катрина. Она отвела мальчишек в кухню и предложила им подождать. Я отправился за господином. Мы вместе констатировали смерть булочника.

— Я не стану вам ничего описывать, Николя, только сообщу одну важную деталь. Ученики булочника передали мне ключ от пекарни. Что касается двери, ведущей из пекарни в…

— Как? — удивился Николя. — Какая дверь? Я ничего про нее не знал, хотя каждый день проходил мимо пекарни.

— Понимаете, когда двадцать лет назад я сдал свой первый этаж, мэтр Мурю уже арендовал антресоль соседнего дома. Получив мое согласие и согласие другого владельца, он за свой счет проделал проход между двумя домами. Теперь в том доме живут его жена и один из его учеников.

— Один из этих двух?

— Нет, эти живут в городе.

— Однако обстановка усложняется.

— Мы оставили Катрину в пекарне следить за тем, чтобы никто не вошел и ничего не сдвинул с места. Зрелище смерти ее не пугает; на поле боя она видела картины и пострашнее.

— Еще один вопрос. Вы полагаете, это естественная смерть?

— Не стану утверждать, а положусь на вердикт, который вынесут в Шатле.

Все трое спустились вниз. Николя бросил взор на двух подмастерий, ютившихся на скамеечке. Бессильно свесив руки, они выглядели совершенно подавленными.

Подмастерья хорошо знали Николя, и при его появлении встали, приветствуя его. Под портиком, преграждая служебный вход в булочную, словно часовой перед оружейным складом, стояла Катрина. С каменным выражением лица она протянула Николя большой ключ. Когда они спустились на несколько ступеней вниз, в свете двух подсвечников, где, как отметил Николя, свечи были почти целые, перед ними предстало зрелище страшное и в то же время курьезное. Неверный свет, дрожащий от ветра, задувавшего сквозь выходившие на улицу отдушины, освещал стоявший посреди комнаты огромный чан, откуда торчали ноги и нижняя часть тела; верхняя часть тела утопала в чане. Поза тела напоминала сломанного паяца или чистильщика, мешающего белье в моечном котле. Николя попросил всех сопровождавших не ходить дальше, а сам осторожно, на цыпочках двинулся к котлу, внимательно глядя себе под ноги. Если при входе он лишь мельком бросил взгляд на труп, теперь он остановился, дабы внимательно его разглядеть.

Его поразил наряд мэтра Мурю: он никогда не видел его в таком костюме. На мельнике был фрак из грубого сукна гранатового цвета, панталоны в серую крапинку, черные чулки, рубашка с кружевными манжетами и башмаки с начищенными до блеска медными пряжками (он отметил, что на них налипли капельки грязи). Словом, воскресный костюм зажиточного парижанина. Пока он не знал, какой из этого следует сделать вывод. Трупное окоченение еще не наступило. Голова утонула в квашне, виднелись только узкая полоска затылка и хвост парика из конских волос. Лицо полностью скрывало поднявшееся тесто, приготовленное для первой утренней выпечки. Карманы мельника торчали в разные стороны, словно кто-то их вывернул, а затем не озаботился убрать на место. Присев на корточки, он поднял закатившийся под котел двойной луидор и крошечную, свернутую трубочкой бумажку; развернув ее, он прочел: «Евлалия, улица Де-Порт-Сен-Совер». Удивленный, он вложил находку в свою записную книжку. Наконец он ощупал труп. Почему курносая, сопровождавшая его и в светлые, и в мрачные дни, последовала за ним сюда, в эту мирную гавань, в жилище, столь дорогое его сердцу? Он зарисовал расположение предметов и набросал позу трупа. На собственном опыте он убедился, как легко подводит память, и сколь быстро забываются первые впечатления. Господин де Ноблекур сидел на скамеечке, внимательный и бесстрастный.

Николя попросил Катрину помочь ему. Придвинув к чану стул, он крепко схватил тело за плечи и медленно потянул на себя. Сначала из теста показались безжизненно висевшие руки, а затем голова, потащившая за собой нити и веревки из теста, прилипшего к лицу и парику. Опустив труп на пол, Николя откинул голову и увидел открытые и слегка помутневшие глаза и плотно сжатые губы. Сорвав висевшую на гвозде тряпку, он отчистил лицо от муки и теста. На бледной коже не было заметно следов удушья. Но так как он прекрасно помнил, что пятидесятилетний булочник вдобавок к короткой шее отличался полнокровием, он вполне мог скончаться от апоплексического удара. Но почему он упал носом в тесто?

Помыслив, Николя решил, что самым правильным будет отправить тело в Шатле, вызвать Сансона и Семакгюса, ибо он доверял только им, и, как обычно, провести вскрытие в мертвецкой. Но прежде следует как можно точнее запомнить обстановку пекарни, где нашли тело булочника, предупредить госпожу Мурю, расспросить свидетелей, посмотреть, как они будут отвечать на его вопросы, и при этом не пропустить ничего важного. За годы службы он понял, что малейшая невнимательность, ничтожнейшая деталь, забытая или незамеченная, равно как и спешка, всегда чреваты ложными версиями и досадными ошибками. Также следовало предупредить квартального комиссара и убедить его передать это дело ему. Последнее, впрочем, сделать легче всего, ибо его имя, репутация и авторитет, приобретенный и подкрепленный доверием двух начальников полиции, устраняли предубеждения и помогали избегать недовольства, нередко приводящего к ссорам. В данном случае дело упрощалось, так как комиссар Фонтен являлся давним знакомцем Николя. Когда господин де Ноблекур подвергся нападению возле дверей собственного дома[18], Фонтен вел расследование в доме старого магистрата. Катрина, привыкшая видеть смерть на поле битвы, удалилась и, предупреждая просьбу комиссара, вскоре вернулась с большой мешковиной, взятой, судя по исходившему от нее запаху, в конюшне. С усилием закрыв глаза покойнику, она накрыла тело. Помещение вновь приобрело свой повседневный облик. Николя еще немного пошарил по углам, останавливаясь и что-то записывая в черную книжечку.

— Что ж, вроде я ничего не упустил. Думаю, надо закрыть входную дверь на засов. А чтобы никто не вошел через соседний дом, запрем и вторую дверь.

Провести процедуру закрывания дверей поручили Пуатвену.

— Отлично, теперь мы выйдем отсюда и запрем за собой дверь. Пуатвен, а вас я попрошу покараулить — разумеется, сидя на стуле, — чтобы никто сюда не проник.

— Тем более, — вмешался господин де Ноблекур, — что после известного вам нападения в проездных воротах сделали маленькую дверцу и ключи от нее раздали у меня в доме и в доме булочника. Так что есть риск…

— Мы с Бурдо договорились встретиться в шесть и обсудить детали. Интересно, обе наши испуганные птички одеты в городское платье. Где же они переодеваются для работы? Сейчас мы у них спросим.

— А чего спрашивать? — вставила Катрина. — В здешнем отхожем месте, насколько мне известно.

— Совершенно верно, — поддержал ее Ноблекур. — Когда я снял дом и часть его отдал в аренду, этого чулана еще не было. Вы же знаете, ничто так не удивляет посетителей нашего прекрасного Парижа, как зрелище расположенных амфитеатром отхожих мест, примостившихся, словно бородавки, вдоль домов, одно над другим, рядом с лестницами, с кухнями, и распространяющих зловонный запах. А когда сток засоряется, жижа поднимается, и вот уже дом затоплен! Но никто не протестует, носы парижан закалены!

— Это столь же нездорово, как и справлять нужду на улице. Если рядом не случается нашего друга Сортирноса и его переносного нужника, людям приходится справлять нужду где придется. Чтобы хоть как-то решить проблему, господин де Сартин приказал установить на углах улиц специальные бочки.

— Мысль полезная и благородная! К несчастью, сей гуманный замысел навлек на его автора шквал насмешек. И замысел не осуществился.

Выйдя из пекарни, они направились к искомому нужнику. Увидев царившую там грязь, Николя содрогнулся.

Постепенно азарт расследования вытеснил обуревавшую его тревогу, но внезапно она решила напомнить о себе с удвоенной силой. Неожиданно у него перехватило дыхание, словно он получил удар кинжалом. Что случилось с его сыном? Где Эме д'Арране? На колокольне церкви Сент-Эсташ пробило пять. Он попросил господина де Ноблекура разрешить ему допросить мальчишек-булочников в кухне, где Катрина разжигала плиту. Глядя на кухарку, его осенило: почему в пекарне не развели огонь? Прежде чем ставить в печь первую партию хлеба, печь следовало разогреть, а для этого требовалось время. Эта мысль не давала ему покоя. Надобно все проверить.

Ноблекур отправился к себе, а Николя вошел в кухню и устроился за столом. Молодые люди, держась за руки, смущенно приблизились к нему. Он прекрасно знал их, но только теперь понял, что привык считать их принадлежностью дома, и ему никогда не приходило в голову поинтересоваться, как их зовут. А ведь они столько раз держали узду его коня, подносили чемодан, просто почтительно кланялись, когда он шел через двор! В сущности, они оставались для него совершеннейшими незнакомцами.

— Молодые люди, я намерен выслушать вас поодиночке, сначала одного, потом другого.

Самый юный умоляюще взглянул на того, кто постарше, и тот, выпустив его руку, храбро шагнул вперед.

— Не возражаю, — произнес Николя, — начнем с тебя. Твой товарищ может подождать во дворе.

Подмастерья снова обменялись взглядами, и младший с нескрываемым сожалением отправился во двор.

Николя отметил стоптанные башмаки старшего, легкие тиковые штаны, слишком короткие для его роста, изношенные до дыр рубашку и куртку; большие глаза, выделявшиеся на бледном худом лице, казались поистине огромными.

— Как тебя зовут?

— Юг Парно, господин Николя.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— Родители?

— Мать умерла при моем рождении. Отец был солдатом, сейчас в отставке. Инвалид…

— Ты ученик?

— Да, уже три года.

— Твой отец платит за тебя?

— Нет, он не может. У него, бедного, плохо с головой, и его поместили в Дом инвалидов.

— Кто же оплачивает твое обучение?

— Церковный староста, а также комиссар, что помогает беднякам нашего прихода.

— Почему ты не живешь в доме своего хозяина, как это принято?

Он вспомнил, как, служа клерком нотариуса в Ренне, помогал составлять договоры, которые мастера заключали с учениками… Такой договор составлялся по единому образцу, и память услужливо напомнила многократно переписанные фразы: «Хозяин обещает и обязуется обучать ученика вышеозначенному ремеслу и всем его тонкостям, ничего не скрывая, а также обещает кормить его, давать ему кров, свет, тепло, стирать его верхнее платье и нижнее белье, давать ему постель, простыни, одежду верхнюю и прочую, коя ремеслу его соответствует…»

— Вы же знаете, какой тут дом, господин Николя. Места нет. Пришлось бы спать по трое в комнате, да к тому же…

— Что к тому же?

— Да нет, ничего. Не каждый способен стать пекарем… Я все понимаю. В общем, мы с Фриопом живем в нескольких шагах отсюда. На седьмом этаже, под самой крышей. Дом принадлежит хозяину, и он сдает в нем меблированные комнаты, может сдать на неделю или на месяц.

— Хорошо, мы это проверим. Что случилось сегодня утром?

— Вчера вечером мы просеивали муку, чтобы отделить отруби…

— Мэтр Мурю при этом присутствовал?

Подмастерье замялся.

— …Да, но недолго, потому что он собирался выйти и не хотел пачкаться. Он издалека наблюдал за нашей работой, а когда тесто замесили, он ушел, но перед уходом предупредил, что идет ненадолго, а когда вернется, разожжет печь. Оставалось только сформировать хлеб, положить в печь дрова, подождать, пока прогорят, вычистить специальным скребком, чтобы не осталось угольков, и можно ставить хлеб.

Николя слушал, не перебивая. Не следовало прерывать сбивчивую речь свидетеля: иногда среди потока слов всплывала истина.

— Так что же произошло сегодня утром?

— Мы проснулись без четверти пять. Там еще оставалось немного кофе, и, чтобы не пить холодным, мы подогрели его на свечке. Съели по краюхе хлеба. Пришли к пекарне, отперли дверь в воротах…

— У вас есть ключ?

Внезапно Николя сообразил, что он уже уверен, что мэтр Мурю умер не своей смертью. Иначе зачем бы он задавал эти вопросы? А если его предположение оправдается, он выиграет немало времени! Нет ничего более важного, чем снять показания по горячим следам, сразу после происшествия, пока лица, к нему причастные, не успели придумать собственную версию случившегося.

— Да, ключ от маленькой двери, что проделали в больших воротах, и еще ключ от пекарни, той двери, что выходит во двор. Ключ от пекарни я отдал господину де Ноблекуру.

Николя повертел в руках ключ, извлеченный Парно из глубин кармана.

— А дальше?

— Мы удивились, что там свет горит: нам всегда велят следить, чтобы свет ненароком не оставили… А то до пожара недалеко. Мы первыми приходим в пекарню, а уж потом, через четверть часа, приходит хозяин. Мы вошли в пекарню еще не переодевшись и сразу увидели чан, куда упал хозяин. Мы… мы позвали на помощь, а потом подошли поближе.

— Вы не пытались оказать ему помощь?

— С Фриопом сделалось что-то вроде припадка. Он стал задыхаться, вращать глазами и стучать зубами.

— Но вы все же убедились, что господин Мурю действительно скончался?

— Я подошел поближе, чтобы послушать, но он не дышал. Я потрогал его руку, она оказалась холодной. Я хотел пойти за помощью, но Фриоп вопил, и мне пришлось успокаивать его. Я даже дал ему пощечину. Потом мы вместе пошли к конюшням, я разбудил Пуатвена, и…

— Не торопись. Когда вы пошли за Пуатвеном, вы заперли дверь на ключ?

— Нет, мы толком не понимали, что делаем.

— Вы уверены, что в пекарне не было никого, кроме вас?

На лице подмастерья отразились мучительные раздумья.

— Честно говоря, нет, тем более что мы не открывали склад с мукой. Но ворота были закрыты.

— А где находится этот склад?

— Надо войти в чулан и повернуть шкаф, куда складывают рабочую одежду.

— И там большая клеть?

— Да нет, настоящий погреб, просторный и сухой. Мука там хорошо хранится. Хозяин не хотел о нем говорить, точнее, не хотел, чтобы о нем говорили.

— Почему?

— Потому что он набил его мукой, так как думал, что скоро будет голод.

— Что-то тут не так. Объясните поточнее.

— Хозяин хранил на складе муку, потому что считал, что скоро в городе муки будет мало и цена на хлеб вырастет. Цену уже повысили, покупатели недовольны, и нам угрожают.

— В какой форме?

— Пишут углем на стенах, Фриоп еле успевает отмывать надписи.

— И что пишут?

— Оскорбления разные… Сулят все разгромить и разграбить… а нас повесить.

— Что за человек был мэтр Мурю?

— С виду вроде добродушный, а как работать заставлять, настоящий зверь. И до барышей жадный.

Ученик едва заметно усмехнулся.

— А госпожа Мурю?

— Она торговала в лавке. Мы были для нее ничто. Мы никогда не ели у нее за столом…

— А где третий ученик?

— Это у него надо спросить. Он может делать все, что захочет.

В последней фразе прозвучала неприкрытая ненависть.

— И даже опаздывать утром на работу?

— И опаздывать тоже.

Николя вышел позвать Фриопа; мальчишка сидел на каменной тумбе и кусал кулаки.

— Идем, теперь твоя очередь.

Когда он взял мальчика за плечи, ему показалось, что руки его легли на плечи скелета, столь тощим и хрупким был подросток. Он дрожал и на каждом шагу спотыкался. Попросив Парно выйти, Николя встал между двумя подмастерьями, чтобы не дать им возможность обменяться какими-либо знаками. Фриоп был одет еще хуже, чем его товарищ. Допрос начался с обязательных вопросов. Фриоп, пятнадцати лет от роду, отец крестьянин, проживающий в Мо. Пока речь не зашла об их третьем товарище, ответы Фриопа мало чем отличались от ответов его друга. Но стоило ему услышать о третьем ученике, как на него накатил гнев; но страх мешал ему говорить. Николя сделал вид, что знает о третьем сообщнике гораздо больше; уловка его оказалась сравнимой с открытием шлюза, откуда немедленно хлынули долго сдерживаемые слова…

— Он не работает, он ничего не делает, прячется за спиной хозяина… Вечно всем пакостит, а на нас все сваливает, на меня или на Парно. Он считает нас… животными. Он доносит на нас, а сам все врет… он… нас… Тогда нас бы…

Мальчишка замолчал, прикусив губу и растерянно озираясь по сторонам. Сказал ли он лишнее или же испугался, что проговорился о том, о чем говорить запрещено? Николя решил не настаивать и переменил тему.

— Где вы берете муку для работы?

Облегченно вздохнув, Фриоп приободрился.

— Зерновой рынок бывает два раза в неделю, в среду и в субботу. Но у хозяина муки много. Подводы приезжают и уезжают…

— Расскажи мне об этом подробнее.

— Муку привозят в обход закона, на телегах, закрытых холстами; эти же телеги увозят пустые мешки. Когда телега приезжает, она всегда полна. Тут целая система, ее организовала шайка монополистов. Через своего шпиона они узнают, когда присяжные корпорации придут с инспекцией к кому-нибудь из булочников, и немедленно увозят к своим людям излишки, а те их прячут. Тот, кто прячет, получает свою долю за помощь. Они все связаны страшной клятвой.

— И твой хозяин входит в эту шайку? — спросил Николя, озадаченный тем, что ему только что на одном дыхании выпалил мальчик.

— Так я вам про то и говорю! И не только это, он отщипывает от каждого каравая, потому что совсем не жалеет бедняков. Он щиплет тут, щиплет там, все больше и больше. «Ку-ку, — говорит он, — ку-ку, а какой ни есть доход». Но Господь и Святая Дева все видят, и иногда эти общипанные кусочки поднимаются, становятся пышными, и из них получаются самые красивые булки, самые золотистые и ароматные. А хозяин очень злится.

Внезапно возбуждение мальчика прошло, и он залился слезами. Николя подумал, что ему, похоже, столько же лет, сколько его сыну. Подождав, пока Фриоп успокоится, он спросил:

— Тебе очень плохо? Ты мне всегда казался славным малым.

— Вы всегда были добры к нам, господин Николя, — произнес мальчик, с восхищением глядя на комиссара. — И господин прокурор тоже, и кухарки, и Пуатвен, который всегда подсовывал нам вкусные кусочки.

И он снова зарыдал.

— Нам не позавидуешь. Работаем полуголые, работаем и утром, и вечером, передохнуть некогда, только разве в воскресенье. А мы все терпим. Иногда мне кажется, что в чистилище и то легче. Ведь я не железный. Ночь тоже не приносит отдыха, потому что только заснешь — как уже пора на работу.

Внезапно раздался громкий шум, дверь в кухню распахнулась, и вошел Бурдо в сопровождении двух приставов и двух солдат из городского караула. Бурдо поманил к себе Николя.

Глава V
ПЕКАРНЯ

Если слепой окажется во мраке, он этого не заметит, зрячий же содрогнется.

Госпожа де Пюизье

Инспектор отвел Николя в сторону.

— В городе назревают беспорядки. Повсюду собираются люди. Пока они ведут себя мирно, только разговаривают и спорят. По дороге к вам я повстречал караульный отряд, патрулировавший улицу Монмартр; тут находится несколько булочных, и булочники чувствуют себя неспокойно.

— Все так серьезно?

— Хуже, чем можно было себе представить. Всю ночь в полицейское управление приходили донесения, подтвердившие ваши опасения. Лихорадочное оживление наблюдается вокруг Парижа, в Бовэ, Пасси, Сен-Жермене, Мо, Сен-Дени. Начались грабежи. Тысячи людей собрались в Виллер-Котре. В Понтуазе все вверх дном, толпа все крушит и ломает на своем пути, в деревнях на берегах Уазы все бурлит. В Лиль-Адане задержали баржу с зерном, мешки вскрыли, а зерно растащили.

— Но чего они хотят?

— Говорят, некие таинственные эмиссары убеждают народ, что его намерены уморить голодом, и для этого все зерно свозят в Париж, чтобы потом по завышенной цене продать его за границу. Вспомните пресловутый «голодный сговор». Он снова всплыл на поверхность! Хуже всего, что порядок можно восстановить только ценой жестких мер, но никто не хочет их применять.

В душе Николя обрадовался, увидев, что в Бурдо вновь пробудился полицейский, для которого волнения являются нарушением существующего миропорядка.

— Ни полиция, ни жандармерия, ни войска не получают никаких инструкций, ибо все те, кто по должности обязаны отдавать приказы, отказываются это делать. Я узнал, что господин Ленуар требует письменных предписаний и в ожидании сам ничего не предпринимает. Положение тем временем ухудшается. Но что вы намерены сделать с учениками булочника?

Николя, одно за другим, пересказал ему все события прошедшей ночи и поделился своими первыми выводами.

— Только вскрытие сможет либо подтвердить, либо опровергнуть ваши подозрения, — заключил, выслушав его, Бурдо.

— Вы знаете, сегодня мне непременно надо съездить в Версаль. Поэтому все необходимые действия я поручаю произвести вам. Велите отвезти тело в мертвецкую, вызовите Семакгюса и Сансона. Я не могу доверить столь важную для следствия процедуру первым попавшимся квартальным докторам, с некомпетентностью которых мы с вами успели познакомиться. Но прежде надо допросить вдову и третьего ученика; правда, этот третий все еще где-то ходит. Надо также расспросить соседей и жильцов того дома, где живут оба ученика. Эти двое…

И он, повернув голову, указал на обоих подмастерьев, что, понурив головы, ожидали возле двери.

— Мы видим их каждый день, — добавил он, обращаясь к самому себе. — Живем в одном с ними доме, но ничего о них не знаем. Мне бы хотелось, чтобы их поместили в одиночки — до той поры, пока показания их не подтвердятся. Найдите в Шатле две камеры для

привилегированных узников. Пусть их кормят за мой счет, а тюремщикам поручи незаметно наблюдать за ними. И, разумеется, камеры подальше друг от друга.

Он решил не рассказывать Бурдо все сразу. Дело было не в скрытности или недоверии. Просто некоторые подробности казались столь ничтожными, что они смогут привлечь интерес только в случае, если… Словом, ему не хотелось сообщать инспектору, обладавшему богатейшим опытом работы, свои выводы. Пусть он сделает их сам, пойдет своим собственным путем; разумеется, пути их, без сомнения, пересекутся, но лучше, когда каждый приходит к месту встречи с собственными выводами. Этот метод до сих пор работал прекрасно. И он подвел Бурдо к молодым людям.

— Кто из вас курит трубку?

Удивленные его вопросом, мальчишки переглянулись.

— Никто, — ответил Парно, и Фриоп, поддерживая его, замотал головой.

— А хозяин?

— Тоже нет. Тесто — продукт деликатный, оно впитывает все окружающие его запахи.

Ничего не понимая, Бурдо тем не менее покачал головой.

— В пекарне стоял запах крепкого табака.

— Быть может, кто-нибудь что-нибудь сжег в печи?

— Невозможно! Печь не растапливали.

— И какой вывод вы из этого делаете?

— Прежде чем рухнуть носом в тесто, мэтр Мурю принимал посетителя. Но тогда возникает вопрос: умер ли он вследствие удара, и тогда речь идет о естественной смерти, или же его убили. И еще один вопрос — о ключах. Каким образом булочник мог умереть естественной смертью, запершись у себя в пекарне, если у него в карманах нет ключей от входной двери?

Подойдя к подмастерьям, Николя сообщил им принятое решение. Фриоп тотчас зарыдал, ломая руки. Бурдо приказал приставам и караульным вывести молодых людей как можно незаметнее, дабы не спровоцировать новых уличных волнений. Понимая, насколько бессмыслен его вопрос, Николя тем не менее спросил Бурдо, не приходило ли каких-нибудь новых сведений об исчезновении его сына Луи. Инспектор отрицательно покачал головой, давая понять, что он тоже ждет и он в отчаянии, что не может ни приободрить его, ни дать хотя бы крошечную надежду. Они вышли на улицу. Светало. На улице Монмартр собралась толпа, враждебность которой Николя ощутил сразу.

Толпа являла собой плотную бесформенную массу, посреди которой то тут, то там взмывал вверх то факел, то фонарь, освещая то бесстрастные, то искаженные злобой лица, то безучастные, то гневные взоры. В этом людском сборище явственно чувствовалась новая, незнакомая грозная сила, пока еще сдерживаемая, но малейшее движение, даже самое безобидное, любой невинный жест мог в один миг спустить ее с цепи. Появление полицейских в воротах дома Ноблекура вызвало глухой ропот, напоминавший гул ветра в верхушках деревьев, предвестника грозы, расчищавшего путь разъяренной стихии. Стараясь не смотреть в сторону пока еще спящего зверя, Николя и Бурдо двинулись дальше. Какой-то тип выкрикнул: «Хлеб по два су!» В ответ раздался одобрительный рев, в едином порыве толпа зааплодировала, закричала, но вскоре успокоилась и вновь замерла в тревожном ожидании. Николя взялся за дверной молоток соседнего дома и постучал. На пороге возникла простоволосая женщина; это была старая служанка семьи Мурю, ее иногда видели в булочной. Она недовольным тоном спросила, чего им надо, а на просьбу повидать хозяйку злобно бросила, что не станет ее беспокоить раньше обычного часа ее пробуждения. Сменив тон, Николя схватил мегеру за руку и втащил ее внутрь дома.

— Я требую, чтобы вы немедленно разбудили свою хозяйку.

— Не спорь, Евлалия, лучше проводи сюда комиссара Ле Флока, — раздался из глубины коридора раздраженный голос: — Это наш сосед, жилец господина де Ноблекура. Надеюсь, вы простите ее упрямство. В ее возрасте трудно должным образом исполнять свою работу.

Изрыгая цветистую брань, старая служанка заковыляла по темному коридору. Следуя за ней, Николя очутился в клетушке, оборудованной под будуар. Неяркий свет, проникавший через круглое матовое окно в потолке, позволял разглядеть камин, ширму, сервировочный столик со стаканами и длинный складной шезлонг, из тех, что легко превращаются либо в кровать, либо в кресло. В шезлонге сидела женщина в домашнем платье и внимательно рассматривала непрошеного гостя.

— А теперь оставь нас, — велела она служанке. — Она считает, что раз она присутствовала при рождении мэтра Мурю, значит, ей позволено командовать и в лавке, и дома.

Женщина рассмеялась, однако смех ее прозвучал не по-доброму.

— Никогда не думала, что мне придется носить это имя, постоянно что-то делать… ведь, полагаю, вы пришли из-за Мурю?

Возраст госпожи Мурю явно перевалил за тридцать. Ухоженное лицо с нежным румянцем обрамлял ночной чепец с плоеными барежевыми оборками, накинутая на плечи короткая пелерина из белой тафты, отделанной блестящим шелком, не столько скрывала плечи женщины, сколько подчеркивала их красоту. Расходящаяся книзу, пелерина колоколом нависала над пышными волнами юбки. Шею обхватывала черная шелковая ленточка; этот узенький и явно неуместный кусочек шелка придавал ее утреннему неглиже капельку строгости дневной одежды. Туфля без задника вызывающе покачивалась на стройной ножке. Задумавшись, Николя уставился на туфлю, и хозяйка, заметив направление его взгляда, мгновенно спрятала ее под пышными юбками.

— Сударыня, — продолжил Николя, — к вам пришел не сосед, а комиссар, который очень сожалеет, что ему пришлось вторгнуться к вам в дом против вашей воли. Знаете ли вы, где находится ваш муж?

— Мой муж вполне взрослый мальчик, и я слишком уважаю его и себя, чтобы указывать ему, что ему следует делать.

Вопрос явно не застал ее врасплох.

— Разумеется, мы вполне согласны с вами. Однако, скажите, у него есть привычка опаздывать?

— Но, послушайте, господа, он должен быть у себя в пекарне.

Эти слова ей следовало сказать с самого начала.

— Вы его видели сегодня ночью?

— Ночью я отдыхаю. Отправляясь в пекарню, он обычно столь любезен, что не сообщает мне об этом, и к тому же…

— К тому же?

— У нас отдельные спальни.

— Что ж, сударыня, тогда поставим вопрос по-иному: когда вы видели вашего мужа в последний раз?

На лице ее не отразилось ни малейшего беспокойства. Предчувствуя нечто нехорошее, женщина, не обладающая твердым характером, наверняка выдала бы свое волнение…

— Господин Мурю, — произнесла она с презрительной гримаской, — скушал свой суп и кашу в моем обществе, можете мне поверить.

— Он собирался куда-нибудь выходить?

— Судя по его одежде, да. Впрочем, он и сам мне об этом сказал.

— Куда он отправился?

— На свидание.

— Он сказал вам, с кем?

— Вы меня утомляете, сударь! Насколько я смогла понять из высыпанного на меня мешка слов…

«Мешок слов» отдавал лавкой, тем не менее он все время ощущал некую неестественность ее тона.

— …он должен был встретиться с каким-то человеком…

Сообразив, что, поторопившись, ответила на следующий вопрос, она закусила губу. Это движение позволило Николя узреть еще одну деталь, поначалу скрытую от него полумраком будуара. У госпожи Мурю было две мушки, одна — «игривая» — возле ямочки на щеке, а другая — «скромница» — возле нижней губы. Любопытно, зачем простой булочнице налеплять на ночь мушки. Маленькие кусочки черной тафты, предназначенные подчеркнуть белизну кожи, как, впрочем, и уже отмеченная черная ленточка, не принадлежали к числу привычных украшений богатых горожанок, а потому показались ему странными и в определенной степени подозрительными. Почувствовав направление его мысли, она резко сменила тон; похоже, настроение ее испортилось окончательно.

— Да будет вам известно, я не вмешиваюсь в дела моего супруга. Я не знаю, где и с кем он имеет дело.

— А вы сами, сударыня?

Николя часто задавал неопределенные вопросы, которые иногда попадали в цель.

— На что вы намекаете, сударь? Что, по-вашему, я могла делать? Я спала, пока вы меня не удивили… я хотела сказать, разбудили.

И снова она проговорилась, подумал Николя; в своей работе следователя он всегда крайне внимательно относился к оговоркам свидетелей. В большинстве случаев они были обусловлены тревогой, сквозь которую иногда прорывались подлинные чувства.

— О, сударыня, в моих вопросах нет никакого злого умысла. Однако иногда бывает легче поймать мушку, нежели отыскать истину.

Он почувствовал, как стоявший рядом с ним Бурдо вздрогнул, а госпожа Мурю покраснела и вновь закусила губу.

— Есть у вас ключ от двери, отделяющей ваше жилище от пекарни?

— Нет. Он есть только у мужа и у ученика, который живет с нами в доме.

— Как его зовут?

— Дени.

— А полное имя?

— Камине. Дени Камине.

— Почему он не проживает в соседнем доме, вместе с другими учениками?

Она вздохнула.

— Он самый старший из них. Ему скоро становиться мастером. Он сын пропавшего друга моего мужа, поэтому муж относится к Дени как к члену семьи.

Николя показалось, что, отвечая на этот вопрос, она внутренне напряглась, стараясь не сказать лишнего. Сейчас она напоминала ему Мушетту, когда та с преувеличенным вниманием двигалась по кромке карниза.

— И где же он теперь, в такой час?

— В пекарне, полагаю.

Фраза подчеркивала, что дома его нет.

— Нет, сударыня, там его еще нет.

— Но, в конце концов, сударь, — воскликнула она злым голосом, — как все это понимать? Вы ни свет ни заря вламываетесь ко мне в дом, будите меня, мучаете вопросами. Что все это значит? Я требую, чтобы вы мне немедленно все объяснили. Как вы смеете так обращаться с людьми? Кто вам дал такое право? Вы что, считаете, что такая женщина, как я, не сможет себя защитить? Уходите, довольно меня терзать. Или объяснитесь!

Он давно ждал, когда у нее сдадут нервы. Интересно, почему она продержалась так долго? Пора наносить решающий удар.

— Хорошо, сударыня, я удовлетворю ваши требования и пожелания… Но прежде окажите мне любезность и проводите меня до дверей, что выходят в переход между домами.

— Для этого надо спуститься в погреб, а там холодно!

Запахнув полу своей короткой накидки, она зябко поежилась.

— Мы не собираемся там долго находиться. Мне хотелось бы вместе с вами кое-что проверить, а затем я в вашем распоряжении и готов подробно объяснить причины моего визита. Прошу вас пройти вперед, а мы последуем за вами.

Она молча протянула полицейским подсвечник, Бурдо подхватил его и зажег. Низенькая дверца, расположенная в коридоре, выходила на узкую каменную лестницу. Между ног непрошеных гостей с шипением проскользнули две кошки. Ощупав громоздившиеся мешки, Николя понял, что в них не мука, а зерно. Госпожа Мурю не обратила внимания на его исследования. Дойдя до двери, Бурдо направил на нее свет и тотчас с удивлением обернулся к Николя:

— Ключ торчит в замке!

Оценив важность открытия, Николя быстро выстроил цепочку событий. Если убийство булочника подтвердится, факт, что пекарня оказалась запертой с обеих сторон, становится дополнительным доказательством преступления. Кому понадобится выдавать естественную смерть за убийство? Если бы Мурю сам запер двери, прежде чем угодить носом в тесто, они нашли бы ключи, а здесь уперлись бы в запертую дверь. Ведь других выходов из пекарни не было. Внезапно он вспомнил о лавке. А вдруг из нее тоже можно попасть в пекарню? Почему он об этом раньше не подумал? В начале расследования из вороха фактов нередко выпадали весьма существенные подробности.

— Сударыня, каким ключом запирается лавка? От нее свой ключ?

— Опять вопросы. Лавка запирается изнутри железными засовами.

Итак, все сошлось: два ключа, две двери, два выхода. Хорошо бы прочесать частым гребнем лавку, пекарню и погреб. Взяв подсвечник, он склонился над земляным полом и принялся его рассматривать. Затем прошептал несколько слов Бурдо, и тот немедленно удалился. Воцарилась тишина, и Николя не хотел нарушать ее первым. Госпожа Мурю дрожала то ли от холода, то ли по иной причине. Через несколько минут раздался глухой шум. Она испуганно вздрогнула. Дверь задрожала и медленно, со ржавым скрипом открылась, и в проеме появился массивный силуэт Бурдо. Он передал подсвечник Николя, и тот поднял его высоко над головой. Мерцающее пламя отбрасывало слабый свет на помещение пекарни, высвечивая распростертое тело. Инспектор сдернул прикрывавшую тело мешковину. Обгоревший фитилек свечи съежился, затрещал и на миг озарил полумрак снопом искр.

— Господи, что это?

Николя нашел вопрос неуместным.

— Увы, сударыня, а как вы сами считаете? С сожалением я вынужден вам сообщить, что мы нашли вашего мужа мертвым, упавшим в собственный чан с тестом.

Ему показалось, что это сообщение обрадовало ее. Неожиданно она рассмеялась и долго смеялась нервным отрывистым смехом.

— Простите меня, сударь… Ах, я сейчас задохнусь.

Закрыв лицо руками, она тяжело дышала; ее прерывистая речь напоминала квохтанье. Николя решил развить свое преимущество.

— А кого вы надеялись увидеть?

Она дернулась, словно ужаленная.

— Никого. Сударь, вы безжалостны к моему горю.

Однако тон ее отнюдь не выдавал в ней убитую горем вдову. Она смотрела ему прямо в глаза.

— Сударь, почему убили моего мужа?

— Но, сударыня, кто говорит об убийстве? Мы констатировали его кончину. Теперь, принимая во внимание сопутствующие обстоятельства, нам необходимо установить причину его смерти. Вы полагаете, ему кто-то угрожал?

— Парижская чернь часто шныряла вокруг нашей лавки.

И снова его удивили тон и речи булочницы. Ее манера изъясняться явно не соответствовала ее положению в обществе.

— Он был нездоров?

— У него очень тяжелая работа. Жар, влажность… Постоянно приходится вдыхать мучную пыль.

Вдова быстро обрела прежнюю самоуверенность. Николя размышлял, как ему лучше поступить. Надо ли ее тоже запереть в Шатле? Когда речь шла о двух подмастерьях, он не сомневался, ибо почувствовал их слабость и страх; значит, их следовало защитить; к тому же превентивное заключение выводило обоих из игры.

С госпожой Мурю дело обстояло иначе; если ее заключить в тюрьму, все соседи моментально свалят на нее всю вину. Тем не менее совершенно необходимо изолировать ее, чтобы она не смогла согласовать свои показания ни с кем, особенно с третьим подмастерьем, который все еще не явился в дом. Видимо, придется посадить ее под домашний арест и приставить к ней дежурного пристава.

— Сударыня, я в отчаянии, однако я вынужден применить к вам меру превентивного задержания и воспрепятствовать вашему общению с кем-либо.

Она так побагровела, что ему показалось, что она сейчас взорвется.

— Ради всего святого, сударыня, не надо так волноваться! Я не собираюсь арестовывать вас, вы просто посидите дома под домашним арестом. Один из приставов станет следить за выполнением моего приказа, а также чтобы с вами ничего не случилось. Уверяю вас, эта мера направлена прежде всего на то, чтобы защитить вас, в случае если выяснится, что супруг ваш умер не своей смертью.

Она промолчала, но ее поза говорила красноречивей слов; и все же было в ней что-то наигранное… Не в состоянии определить причины ее поведения, Николя почему-то был уверен, что она не сказала ни слова правды. Про себя он сравнил ее показания с обманчивым свистом манка, которым птицелов подманивает свою добычу.

Пока Николя отводил госпожу Мурю к ней в комнату, Бурдо сходил за приставом, которому предстояло следить, чтобы отнюдь не безутешная вдова не пыталась покинуть дом. В коридоре они столкнулись со старухой-служанкой; она сидела на скамеечке, держа в руках метлу, и внимательнейшим образом наблюдала за всеми, кто проходил перед ней. На губах ее играла зловещая улыбка. Николя решил не идти в лобовую атаку, тем более что при виде его она встала и устремилась к нему навстречу, явно желая что-то сообщить.

— И зачем только так шуметь? В моем возрасте любой шум действует на нервы. Вот натаскали грязи, а мне потом спину гни, чтоб вымыть пол! Чего она натворила? Надеюсь, вы

ее как следует припугнули! Мерзавка заслуживает исправительного заведения, это я вам точно говорю. А где хозяин, почему его нет, когда роются у него в доме? Пойду-ка я предупредить его!

Ее старческое морщинистое лицо с глубоко посаженными глазами терялось в оборках пожелтевшего холщового чепца, на тощем теле болтались бесформенные серые отрепья. Николя подумал, насколько положение слуг различалось в зависимости от дома. Разве можно сравнить участь этой бедной женщины, озлобленной и усталой, с положением Марион и Катрины, любимых и уважаемых всеми в доме Ноблекура? Подобная мысль посетила его скорее для успокоения совести. На миг он вообразил, что мог бы сказать по этому поводу Бурдо. Впрочем, сейчас следует успокоить служанку, даже если она является лицом заинтересованным, и постараться извлечь из вырвавшегося потока словесной лавы интересные крупицы застывшего шлака.

— Успокойтесь! Как вас зовут?

— Как? Евлалия, а прозывают Бабен. Я с детства у них служу. О! Я хорошо вас знаю! Вы тут давно… а все такой же шустрый. А уж как повезло Марион и Катрине! Мне, наверное, скоро семьдесят стукнет, здесь я лет пятьдесят, а то и больше. Родом-то я из Ле Мана.

Из Ле Мана! Тогда точно внушит ему доверие! — усмехнулся про себя Бурдо.

— Почему вы так настроены против своей хозяйки?

— О, у меня есть, что про нее рассказать, сударь, будьте уверены! Вы, небось, думаете: «Бедная женщина!» Как же, стану я по ней плакать! Да и жалеть не буду, чего бы с ней ни случилось! Наоборот, я даже очень этому буду рада.

Она не скрывала своих чувств, однако опыт научил Николя не доверять слишком разговорчивым свидетелям, чья нарочитая искренность порой скрывала за собой ложь.

— Кто я для нее? Метла, что у меня в руках. А когда хозяин был маленьким, и на моем столе был белый хлеб. А ей бы не стоило нос задирать, ведь ее из сточной канавы вытащили!

— Из сточной канавы?

— О! — плотоядно оскалилась старуха. — Я вижу, господин комиссар ничего не знает. Эта гордячка — падшая женщина. Ее отец был дворянин, офицер, а когда его изгнали из полка за карточные долги, он пустился в разврат. Свою единственную дочь, надменную и властную барышню Селесту Эмилию Бидар де Гране, он отдал в учение к швее с улицы Тиктон…

Отставив метлу, она, сделав на цыпочках полный оборот, присела в воображаемом реверансе, подхватив уголки своего балахона.

— Заметив ее во время воскресной службы, хозяин втюрился в нее, ну и вытащил из сточной канавы, куда она, держу пари, успела упасть! Не зря я сказала про улицу Тиктон: там иначе не бывает!

Она расхохоталась.

— Вы только подумайте, как может ливень питать водой ручей, ежели у того нет ни склона, ни русла? Швея выгнала ее, потому что та соблазняла клиентов.

— Клиентов?

— Вот именно, мужей клиенток, когда относила им на дом готовую работу. Но хозяин видел в ней только светлое, она ж ему наврала, как распоследняя мерзавка. Да что говорить, шлюха она и есть, и всегда такой была. С виду она хоть куда, но я-то знаю, кто она такая. А вы, как я погляжу, себе на уме, соображаете, где правда, а где ложь. Вы не из тех, кто уши развесит и ждет, пока ему красотка напоет с три короба, а он все примет за чистую монету. Ну да ладно, заболталась я, а вы ненароком решите, что я, мол, выступаю против собственных хозяев.

«Интересно, а как прикажешь расценивать твои слова?» — подумал Николя.

— И это делает вам честь, так что не смею настаивать. Еще две маленькие подробности: третий подмастерье, что живет в хозяйском доме… И заодно скажите, как его зовут?

— А, этот! Прилизанный щенок, которому хозяин прощает все. А вот хозяйка… Это точно Дени, Дени Камине. Только этому щенку палец в рот не клади!

— Давайте попытаемся разобраться и расскажем обо всем по порядку. Скажите, куда он пропал?

— А я почем знаю? Сами у него спросите. Шляется, как обычно, без дела. С утра до вечера болтается по улицам, потом отправляется к сводням; говорят, они уже все его привычки изучили.

— Кто сказал?

— Да разве упомнишь? В этом городе всем все известно, будто и не город вовсе, а деревня.

— И это считается обычным поведением ученика булочника?

— Я этого не говорила, — важно произнесла она. — Но если хозяину так нравится и он ему позволяет, значит, у него есть на то свои резоны. По мне, так этот Дени наглый паразит.

Во время расследований Николя приходилось сталкиваться со многими соперниками, однако Бабен, пожалуй, превзошла всех. Было ясно, что она знает гораздо больше, чем согласна рассказать. Однако он не позволил себе надавить на нее, ибо был уверен, что подобная метода приведет лишь к тому, что свидетель вообще перестанет говорить. Она вручила ему кончики стольких нитей, что, если расследование направится по пути, подсказанному его интуицией, он с помощью этих ниточек сумеет извлечь немало улик, полезных для ведения поисков.

— Похоже, вы его не слишком жалуете. Кто его родители?

В тусклых глазах служанки блеснула молния. Она опустила веки, наморщилась и неуверенно начала:

— Да кто его знает… Подозревают, что у него их и вовсе нет.

— Но ведь кто-то должен платить за его обучение.

— А я почем знаю? Нечего ко мне с такими вопросами приставать. Лучше спросите у нотариуса, который за него расплачивается.

Решительно, она многое знала о доме мэтра Мурю, гораздо больше, чем рассказала. Знала ли она о смерти булочника? До сих пор она ни разу об этом не обмолвилась. Как она расценила вторжение полицейских в дом ее хозяина и допрос госпожи Мурю? Вряд ли она скажет прямо, лучше подождать, она, может, и сама обмолвится, подслушивала она под дверью или нет.

— А двое других, Парно и…

— Фриоп. Такие же бедняки, как я, угнетенные, живут из милости, едят плохо, обращаются с ними плохо. Особенно третий. А хозяйка и вовсе презирает. Надо сказать, они, конечно, они дают повод… В общем, вы меня поняли.

— Скажите, Евлалия, как по-вашему, почему мы явились к вам сегодня утром? Мне кажется, вас это нисколько не удивило.

Она смотрела на него, и лицо ее ничего не выражало.

— Я ничего не знаю. Разумеется, из-за хозяйки.

— Есть причина, заставляющая вас так думать?

Приблизившись и озираясь по сторонам, она шепотом произнесла:

— Она уходит по ночам.

— Откуда вы знаете?

Вытянув вверх палец, она поднесла его к глазу.

— О! Я всегда начеку.

И таинственным голосом добавила:

— Она отправляется на поиски приключений!

— А сегодня ночью она выходила?

— Сегодня не знаю.

— Тогда когда же?

— Вчера было воскресенье. По воскресеньям я не работаю. Я провела вечер у своей приятельницы, привратницы с улицы Тир-Буден.[19] Это недалеко отсюда…

Вышеназванная улица пользовалась дурной репутацией из-за кишевших там проституток. Сартин, знавший Париж не хуже своей коллекции париков, напомнил ему однажды, что прежнее название улицы, Тир-Вит[20], настолько возмутило Марию Стюарт во время ее торжественного въезда в столицу, что в 1558 году улицу переименовали.

— Значит, вчера вечером не вы подавали хозяевам ужин?

Она в нерешительности уставилась на него.

— Кто вам это напел?

— Что напел?

— Что я вчера вечером подавала хозяевам ужин.

Решив, что свидетельнице неуместно задавать вопросы, он не ответил, дабы использовать самое простое средство вынудить свидетеля продолжать рассказ.

— Да как же это было возможно, ежели я вернулась только ранним утром?

— В котором часу?

— В половине пятого. Я слышала бой часов на колокольне Сент-Эсташ.

В это время мэтр Мурю уже находился в пекарне.

— Полагаю, ваша хозяйка еще спала?

— Она! Да господь с вами! Бьюсь об заклад, она под утро только вернулась.

— А мэтр Мурю?

— В этот час он уже трудится, погоняя подмастерьев.

— Значит, вас ничего не обеспокоило?

— А чего мне беспокоиться? Меня в этом доме уже ничего не беспокоит. Все, что здесь происходит, не радует меня, но и не огорчает. К счастью, с возрастом приходит спокойствие, а потому мне тут волноваться не о чем.

— Евлалия, должен вам сказать, что сегодня утром в пекарне обнаружили труп.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Подойдя поближе, он принялся вплотную разглядывать ее неприятное, исхудавшее лицо с желтоватой кожей, усеянной черными точками.

— Итак, — прошептала она, — они решили это сделать… Тот, кто больше всех дрожит за свою шкуру, тот и рискует… больше всех… Если слишком яростно прогонять крыс, они на вас набросятся… Стоит их только с цепи спустить…

Она явно разговаривала сама с собой; на губах ее играла жестокая усмешка. Когда она схватила Николя за руку, ему показалось, что руку его сжали гигантские когти.

— Эй, слышите меня? Она знает? Скажите мне, ради всего святого, она это знает?

— Знает что? — спросил Николя, высвобождая руку. — Кто, по-вашему, скончался?

— Да этот хлыщ, чертов Камине, гнусенок, что марает этот дом. Он угрожал им, а они за него платили. Да оборонит их Господь!

Слова Бабен подкрепляли подозрения комиссара. Жилище булочника источало запах преступления. Чем дальше углублялся он в лабиринт предварительного расследования, тем крепче становилась его уверенность, что мэтра Мурю убили. Физиономия Бурдо красноречиво свидетельствовала, что он думает точно так же. Долгая совместная работа позволяла им понимать друг друга без слов.

— Вы ошиблись. Мы по-прежнему не знаем, где сейчас находится Камине. Увы, речь идет о вашем хозяине, о мэтре Мурю.

— Что? — переспросила она, окидывая его своим мутным взором.

Неожиданно она расплакалась, издавая звуки, напоминавшие кваканье. Подойдя к комиссару, Бурдо шепнул ему на ухо:

— Или она говорит правду, или она бесподобная актриса. В обоих случаях, если убийство подтвердится, ее надо бы тоже посадить под домашний арест, как и булочницу.

— Предупредите пристава, Пьер, и заприте ее. А приставу прикажите следить за булочной, которую мы закроем до дальнейших распоряжений. Если вернется Камине, доставьте его вместе со всеми остальными в Шатле. А сейчас я, к сожалению, должен вас покинуть: мне пора мчаться в Версаль. Я доверяю вам дальнейшее ведение дела. Когда я вернусь, вы мне подробно обо всем расскажете. Сейчас главное — это вскрытие. В остальном мы приняли упреждающие меры. Порасспрашивайте на улице Тир-Буден и в доме, где квартируют подмастерья. И не забудьте предупредить комиссара Фонтена. До скорой встречи.

Оставив растерянную Бабен в обществе инспектора, Николя пошел домой. За несколько минут завершив туалет, он взял письмо Марии Терезии и медальон и, пройдя сквозь враждебно гудящую толпу, вышел к Сент-Эсташ, где взял фиакр и велел везти его на улицу Нев-Сент-Огюстен: там он намеревался сесть на коня и верхом отправиться в Версаль. Теперь он мог не обременять себя чемоданом: когда ему приходилось подолгу оставаться при дворе, в его распоряжении была комната в особняке д’Арране, где он хранил охотничий костюм, ружья и придворные костюмы.

Он не узнавал город. Повсюду так же, как на улице Монмартр, напротив булочных и на перекрестках толпились мужчины и женщины. Между ними шныряли субъекты с мрачными неприятными рожами и что-то нашептывали им на ухо. И все же он надеялся, что эти скопления не приведут к беспорядкам. Город лихорадило, тревога носилась в воздухе, и все чего-то ждали.

В полицейской конюшне ему повезло: ему дали кобылу в яблоках, выносливую и высокую в холке, встретившую его радостным ржанием, означавшим, что они быстро договорятся. В превосходном настроении, кобыла исполнила парочку кульбитов, но он мягко успокоил ее, и вскоре всадник и лошадь почувствовали, что они созданы друг для друга. Пустив кобылу рысью, Николя быстро оставил позади городские стены и поехал по направлению к Севрскому мосту. Над рекой стелился утренний туман, отчего казалось, что лодки и баржи плывут по воздуху. Первые лучи солнца озарили пирамиды, сложенные из свежеобтесанного камня, предназначенного для строительства в Пре-о-Клер, возле заставы Пуэн-дю-Жур. Над островом Лебедей, где в котлах из отходов скотобоен выпаривали жир, поднимался черный дым. Повсюду радовала глаз долгожданная зелень припозднившейся весны.

Николя предоставил кобыле самой выбрать подходящий для нее ритм и погрузился в размышления. Уверенный, что вновь столкнулся с преступлением и смертью, он попытался не соединять эти мысли с тревогой за участь сына. Бессилие в деле, касавшемся его лично, приводило его в отчаяние. Нанесенный по самому дорогому, удар отличался изощренной жестокостью. Полагая такое наказание незаслуженным, он с большим трудом прогнал печальные картины, навеянные неуемным воображением. Неужели из-за страсти к Эме д’Арране он утратил сына? Этот вопрос, презрев разум и логику, все чаще задавало его сжимавшееся от горя сердце. Словно вторя его мыслям, перед ним предстало суровое, но такое

родное лицо каноника Ле Флока, всегда говорившего, что даже самые совершенные Божьи создания не могут пребывать с нами вечно. Его сестра Изабелла избрала любовь неизбывную и бесконечную. Интересно, подумал он, что за ошибку она хотела искупить, покинув мирскую жизнь.

Он еще не размышлял о ее подарке. Теперь он попытался его осмыслить и довольно быстро осознал, что с самого рождения ощущал себя скорее дворянином, нежели разночинцем. Ах, если бы в то время, когда он, ничтожный помощник нотариуса, бегал с поручениями по улочкам Ренна, он знал о своем благородном происхождении! Впрочем, даже тогда он был уверен, что скроен по тем же меркам, что и дворянин, коим силою обстоятельств он в результате стал. Но ведь все люди одинаково входят в этот мир и в урочный час одинаково его покидают. В конце жизненного пути равны все — и дворянин, и простолюдин. Последние мгновения одного из королей навсегда запечатлелись в его душе.[21] Священник, молившийся у изголовья Людовика XV, обращаясь к нему, называл короля не «величеством», а «христианской душой», как назвал бы самого скромного из его подданных. При этом воспоминании его охватила священная дрожь.

Несмотря на равнодушное отношение к титулу, он решил исполнить пожелание Изабеллы. Не ради того, чтобы именоваться маркизом: к нему все чаще обращались именно так, хотя он и не давал для этого поводов. Титул позволит ему лучше вооружить сына в борьбе за место в окружающем его суровом мире, ведь каковы бы ни были обстоятельства его рождения, ему предстоит занять место в долгой череде предков, от которых он произошел. Луи — последний представитель рода Ранреев. Придя к такому выводу, Николя почувствовал облегчение.

За годы своего пребывания при дворе ему удалось не стать маятником, раскачивающимся по воле тех, чьи капризы задают тон, и отбивающим время согласно чужой воле.[22] Придворный ни за что не отвечал, никогда не совершал добрых дел, был щедр на обещания, расточителен на комплименты и плодовит на ложь. Придворный ни во что не вмешивался, делал вид, что ничего не знал, а сам тем временем плел запутанные интриги в пользу тех, кто оказался на коне. Придворный не мог позволить себе быть самим собой, он жил, сообразуясь с волей других. Будучи принятым при дворе, Николя гордился тем, что служит королю, и считал, что только так он может достойно нести имя Ранреев. Сумеет ли и Луи не потерять себя при дворе?

По сравнению с оживлением, царящим в столице, дорога в Версаль показалась ему пустынной. Проезжая лес Фос Репоз, сердце его сжалось. Здесь он впервые встретил Эме и прижал ее ко груди… Завидев особняк д’Арране, расположенный в конце величественной липовой аллеи, где несколько месяцев назад он едва не простился с жизнью, он почувствовал, как сердце его учащенно забилось. Недолгая, в сущности, разлука с возлюбленной заставила его осознать всю глубину своего чувства. Соскочив с лошади, он привязал ее к вделанному в стену кольцу и взбежал на крыльцо, удивляясь, отчего, как обычно, его не встречает суетливая толпа слуг. Взяв дверной молоток, он постучал. Через некоторое время дверь открылась, и в проеме появилось иссеченное шрамами лицо дворецкого Триборта, расцветившееся при виде Николя радостью и удивлением. Привычная ливрея отсутствовала, на голове вместо парика сидел шерстяной колпак.

— Черт возьми, господин Николя! А мы и не надеялись…

— Ваши хозяева дома? — спросил комиссар; его беспокойство нарастало с каждой секундой.

— Да нет же! Я один на борту. Мадемуазель Эме взяла курс на Сомюр и отбыла к своим кузинам, а адмирал маневрирует из порта в порт. Сейчас, думается мне, он где-то в Шербуре.

Увидев, сколь разочаровали гостя его ответы, он поспешно добавил:

— Мне поручили предоставить в ваше распоряжение каюту и камбуз, если вам нужно пожить здесь в их отсутствие.

— Я действительно хотел бы переночевать у вас, ибо завтра рассчитываю принять участие в охоте его величества. А сейчас я еду во дворец и, возможно, вернусь очень поздно.

— Вы будете ужинать здесь?

— Нет, в Версале. Не беспокойтесь из-за меня. Только один вопрос. Из Вены я отправил мадемуазель д'Арране письмо. Не знаете ли вы, она его получила?

— Думаю, что это оно. Какой-то субъект, в тюрбане, похожий на турка, проезжал вчера мимо и передал его. Отличный у него был скакун, горячий. Передал мне письмо и попросил как можно скорее доставить его мадемуазель. Ну а я его сохранил. Если я отправлю его в Анжу, то, пожалуй, она сама быстрее вернется, нежели оно туда прибудет.

— Откуда вы знаете, что это письмо от меня?

— Точно, от вас. Я узнал печать с вашим гербом. Как бы ни было располосовано мое лицо, глаза еще способны отличить корвет от фрегата!

Николя протянул ему несколько луидоров, и бывший моряк, удовлетворенно крякнув, сунул их в карман.

— Услужить вам для меня великая честь. До вечера.

Прибыв во дворец, комиссар попросил конюха позаботиться о своей лошади, которая с великим неудовольствием взирала, как удаляется ее всадник. Конюх, давний знакомец Николя, подтвердил, что народ в Версале ожесточен, и беспорядки могут начаться в любую минуту; особенно следует опасаться волнений завтра, во время рынка. Добравшись до особняка Министерства иностранных дел, он отправился с отчетом к господину де Вержену. Его немедленно проводили к министру. Тот, не переставая писать, выслушал Николя, периодически подтверждая свой интерес легким мычанием и беглыми взорами, устремленными на докладчика. При имени Жоржеля он так разгневался, что принялся постукивать ладонью по откидной столешнице своего бюро.

— Человек без стыда и совести! Представьте себе, он имел дерзость просить у меня аудиенции. Я его не принял. Я намерен обойтись без его услуг. Раз он не соглашается признать наши решения, то есть решения короля, мы вправе….

Он посмотрел на комиссара, и во взоре его запрыгала смешинка.

— …превратить его в заговорщика и конспиратора, плетущего злые козни. Для этого надобно сделать всего один шаг, и я мог бы его сделать; но не сделаю. Ваше воображение заблуждается. Захваченные нами бумаги являются всего лишь разрозненными страницами легкомысленных писем, рукописными новостями, которыми обменивались несколько остроумцев, полагающих себя важными персонами. Что же касается покушения, коего вы столь удачно избежали благодаря шевалье де Ластиру, занесите его в дебет австрийских шпионских служб.

Гораздо больший интерес Вержен проявил к рассказу о встрече с Марией Терезией. С присущей ему выразительностью, всегда восхищавшей его собеседников, Николя рассказал о своих впечатлениях.

— Мария Терезия, бесспорно, заслуживает той блестящей репутации, которой она пользуется в Европе. Как никто иной, она обладает удивительным талантом покорять сердца надолго и навсегда. Подданные любят ее и, несмотря на критические высказывания в адрес своей повелительницы, искренне ей преданы. Она столь энергична и трудолюбива, что даже во время прогулок читает записки министров. Ежедневно в течение трех или четырех часов она дает аудиенции, куда допускаются все без исключения. Во время этих аудиенций она рассматривает любые дела, собственноручно раздает милостыню, выслушивает жалобы, претензии, проекты… и отчеты шпионов. Она задает вопросы, отвечает, советует, сглаживает углы и улаживает дела. К недостаткам же ее относится склонность к сплетням, а также поистине неистовое желание привязать жен к своим мужьям, что часто производит обратное

действие. Стоит ей только намекнуть, что та или иная женщина склонна к галантным похождениям, она немедленно сообщает об этом ее мужу, внося тем самым в семью не мир, но раздор.

— А каковы ее отношения с сыном?

— С виду прекрасные; но она ревнует его к власти, ибо не намерена ни с кем ее делить. После смерти супруга она завела разговор о том, чтобы покинуть престол и передать бразды правления в руки сына. Но ее страсть к господству оказалась сильнее, и она больше не возвращается к мысли, рожденной в горестные минуты траура. Говорят, она дорожит союзом с Францией и рассматривает брак дочери как средство укрепить сей союз и обеспечить его стабильность.

— Прекрасно! Но где секретные депеши нашего посла? Вам удалось их провезти? Каким образом вы это сделали?

Когда Николя поведал ему о своей системе, министр ему не поверил. Встав из-за стола, Вержен позвонил; тотчас появился секретарь и, заточив перо, приготовился писать. В течение почти трех четвертей часа он записывал текст под монотонную диктовку Николя.

— «…общество обвиняет императора в том, что тот решил разом отобрать у землевладельцев власть над крестьянами. При этом все единодушно утверждают, что императрица хотела оставить все по-старому, а новшества, даже продиктованные соображениями человечности и справедливости, вводить постепенно и не сразу. Во всяком случае, при настоящем положения вещей Богемии угрожает повальная эмиграция ее жителей в Пруссию, что пойдет на пользу прусскому королю. Постоянное состояние войны между крестьянами и землевладельцами может сделать эмиграцию долговременной, нанеся тем самым большой ущерб Богемии и предоставив столь же большой выигрыш Силезии, принадлежащей Пруссии». Это все, сударь.

— Господин маркиз, — в восторге воскликнул Вержен, — никогда бы не поверил… Вашей системе надо обучать наших дипломатов!

Схватив записи, он вернулся в кресло и погрузился в изучение документов. Аудиенция окончилась, и Николя удалился.

Его вторая аудиенция у Вержена оставила после себя неприятный привкус. Из его доклада министр обратил внимание только на то, что затрагивало непосредственно интересы его министерства. Тут же Николя отругал себя за испытанное разочарование. Имея возможность много лет наблюдать за государственными людьми, он убедился, что из тысячи забот, их одолевавших, первейшей являлась забота о сохранении своей должности и положения. Вынужденный переходить от одной темы к другой, не имея возможности углубиться ни в одну из них, министр нередко не понимал сути дел. Без сомнения, точно так же действовал он и сегодня; для него, долгое время пребывавшего с дипломатической миссией вдали от двора, комиссар Ле Флок, каким бы известным он ни был, являлся всего лишь курьером, а потому ему не следовало рассуждать о материях, не входящих в его компетенцию. Способность комиссара распутывать сложные интриги и раскрывать загадочные преступления никак не давала ему права иметь свое мнение относительно вопросов, касавшихся всего королевства. При дворе не место сомнению и скептицизму, тем более по отношению к сильным мира сего.

Николя направился на поиски Сартина: по утрам тот работал в особняке, где размещалось Морское министерство, а после полудня отправлялся во дворец. Он надеялся, что бывший начальник полиции, более осведомленный о происках иностранных держав, должным образом воспримет привезенные новости и сумеет сделать из них необходимые выводы.

Войдя в министерское крыло дворца, он собрался попросить доложить о себе, как дверь кабинета приоткрылась, и из нее выскользнул субъект с невообразимым тюрбаном на голове. Только когда субъект с распростертыми объятиями бросился к нему на шею, Николя узнал шевалье де Ластира. Обмениваясь любезностями с шевалье, комиссар разглядывал тюрбан,

видимо, тот самый, что произвел неизгладимое впечатление на Триборта. При ближайшем рассмотрении сей головной убор оказался повязкой, наложенной столь искусно, что она вполне могла обмануть невнимательного наблюдателя.

— Меня гложет совесть, — произнес шевалье. — Я не сдержал обещания и не передал ваши письма. Правда, вчера вечером я доверил их центральной почте, все, кроме письма, адресованного мадемуазель д'Арране; по дороге в Версаль я завез его к ней домой.

— Но что с вами случилось?

— Это слишком долгая история, чтобы рассказывать ее на ходу в коридоре. Скажу лишь, что австрийцы не позволили мне покинуть страну без приключений. Могу я вас пригласить сегодня на ужин? Я плохо знаю город, поэтому выбор заведения за вами.

— Проще всего встретиться в семь часов в гостинице «Бель-Имаж». Я часто там останавливался и могу утверждать, что кухня там отменная.

Они расстались, и Николя заторопился в кабинет, где, расхаживая от нетерпения из угла в угол, его ждал Сартин.

— Наконец-то! А вы не слишком торопитесь, господин путешественник! По Версалю пронесся слух, что вы предпочли перейти на службу к императрице, которая, не устояв перед вашим обаянием, решила, что не сможет обойтись без кавалера из Компьеня. А император Иосиф, несмотря на весьма мрачное место вашей встречи, расхвалил ваш дар вовремя подавать реплики.

К вящему удовольствию собеседника, Николя изобразил на лице удивление. Сартин обожал заставать людей врасплох и демонстрировать свою феноменальную осведомленность, плод созданной им службы осведомителей, равной которой не было во всей Европе. А когда ему удавалось еще и посмеяться над посетителем, он и вовсе пребывал в прекрасном расположении духа.

— О! О! Вы делаете вид, что удивлены?

— Приходя к вам, сударь, я готов к любым неожиданностям! Увы, если бы все зависело только от меня, я бы давно вернулся. Но обстоятельства сложились не в мою пользу. Позвольте же мне доказать вам, что время, проведенное в Вене, нельзя считать потерянным.

И он поставил на стол овальную картонную коробку.

В одно мгновение Сартин вновь превратился в мальчишку, гонявшего волчок на улицах Барселоны. Он сразу понял, о чем идет речь. Схватив коробку, он, словно бесценный дар, поднял ее на уровень глаз, затем поставил обратно на стол, склонился, словно обнюхивая ее, и только потом приподнял крышку, раздвинул шелковую бумагу и, заглянув внутрь, с блаженным выражением на лице закрыл глаза. Заметив, как Сартин весь дрожит, Николя подумал, что страсть к коллекционированию, видимо, действительно сродни болезни. С глазами, увлажнившимися от умиления, министр со сладострастным вздохом погрузил руки в коробку и извлек оттуда водопад серебристых кудрей, раскинувшихся, словно гибкие щупальца неведомого морского зверя. Не удержавшись, Сартин зарылся в них лицом.

— Николя, — выдавил он умирающим голосом, — я благодарю небо, что императрица предоставила вам время отыскать это сокровище. Какая красота! Какое чудо! Какие переливы, какое совершенство формы, какой блеск ниспадающих кудрей! Где вы его нашли?

— У одного постижера в Вене. Когда Жоржель еще честно служил секретарем принца Рогана, он рекомендовал мне его. Это единственный экземпляр, парадная прическа *Magistrato Camerale* города Падуи.

— О! — воскликнул Сартин. — У меня он будет появляться под музыку Альбинони.[23] Шевалье де Ластир рассказал мне…

Николя знал о привычке Сартина резко менять тему разговора, а потому остался невозмутим.

— Я знаю, что вы были у Вержена, и что часть вашей миссии завершилась весьма удачно, хотя мы и потерпели поражение. Вот что случается, когда духовному лицу не дают покоя лавры Альберони.[24] В сложившейся ситуации прибытие Бретейля стало своего рода фитилем… Оба сильно раздражены… Полагая, что он больший проныра, чем его бывший начальник, Жоржель хотел стать незаменимым. Но он забыл, что мы служим высшим интересам, ради которых обязаны ограничивать собственные амбиции, добиваться успехов не для себя, а для тех, кто над нами, и смиренно исполнять приказы.

Николя улыбался про себя. Какой бы глубокой ни была его преданность Сартину, она не мешала ему трезво оценивать своего бывшего начальника. Он неоднократно бывал свидетелем невинной склонности Сартина украшать себя чужими перьями и строить свою репутацию за счет успехов своих подчиненных.

— Секретная служба короля потеряла свой смысл, ведь покойный король был ее душой… Не стоит цепляться за прошлое; лучше сберечь силы для будущего, нежели растрачивать их в ностальгических вздохах. Надо перестраивать нашу систему, переделывать ее… Именно этим я теперь и занимаюсь в своей новой должности. Впрочем, я вам уже об этом говорил. Господин де Ластир, адмирал д'Арране и вы сами являетесь винтиками моей новой системы, моими фигурами на шахматной доске.

— Полагаю, сударь, что в истории с Жоржелем необходимо привести в соответствие ущерб и выгоду, оценить которые для вас не составит труда, ибо все необходимые документы у вас в руках. Однако бумага, о которой вам должен был сообщить Ластир, имеет совершенно иное происхождение, а потому вызывает особое беспокойство.

Он протянул лист с наклеенными остатками письма, найденного в камине Жоржеля в Вене. Сартин взял лист, окинул его беглым взглядом и, видимо, не придав ему значения, небрежно помахал им.

— Обычная мешанина, пригодная для ежедневных отчетов инспекторов, отбросы черного кабинета. Все это не имеет смысла. Тюрго сам принес розги и уговорил себя высечь. Ему не на что жаловаться и не на кого сваливать вину.

— Значит, вы не видите здесь ни малейшего намека на грядущие волнения?

— Успокойтесь, Николя. Вас всегда одолевают подозрения и страхи, но именно этого от вас и ждут, ведь вы обязаны заботиться о безопасности государства и короля. И именно поэтому вы работаете под моим началом.

Весь Париж утверждал, что под прикрытием Ленуара, своего доверенного лица, Сартин по-прежнему руководил столичной полицией. А если кто-то в этом сомневался, то его последняя реплика убедила бы даже завзятого скептика.

— Могу ли я узнать, действительно ли нападения на меня связаны с происками аббата Жоржеля?

— Нападения продолжились, и жертвой последнего стал Ластир. Ах, друг мой, вы только подумайте! Австрийские власти мстят нам за то, что нам удалось их спровоцировать. Но это не наш друг Кауниц, крайне осторожный и чрезвычайно предусмотрительный. Возможно, это император и Венская канцелярия: они вряд ли заблуждались относительно истинной миссии маркиза де Ранрея.

«Значит, на шевалье напали, и это объясняет его повязку», — подумал Николя.

— Однако, сударь…

— Лучшее, что вы можете сделать, Николя, — это постараться, чтобы трупы не сопровождали вас до самого дома нашего друга Ноблекура…

Он всегда все узнавал раньше других. Пока министр Королевского дома Сен-Флорантен, герцог де ла Врийер, пребывал в опале и боролся с недугами, Сартин вновь вошел во вкус

полицейских расследований, особенно когда во время болезни Ленуара ему пришлось временно исполнять его обязанности.

— …устилая свой путь покойниками, вы еще тепленькими передаете их вашему хирургу для безнравственных и опасных экспериментов, в проведении которых ему помогает палач!

Когда Сартин садился на своего любимого конька, следовало сменить тему.

— Сударь, меня два месяца не было во Франции, и за это время волнение народа и его тревожные настроения усилились. В столице наблюдается лихорадочное оживление. Но никаких распоряжений не отдано…

— Господин Тюрго не оставляет нас в покое со своими новшествами. Бывают случаи, когда проявление активности не только свидетельствует о слабости, но и дает противнику повод для начала действий. Не будем поддаваться панике, последствия могут оказаться непредсказуемы. Господин Тюрго намеревается потрясти основы государства. Что ж, посмотрим, кто в конце концов одержит победу: господин Тюрго или реальность.

— Но…

— Никаких «но», господин упрямец. Идите к их величествам и пожинайте заслуженные вами лавры, а потом возвращайтесь в Париж и исследуйте ваш свежий труп. Будем надеяться, что речь не идет об убийстве! По нынешним временам смерть булочника может иметь поистине чудовищные последствия!

— Поэтому дерзну еще раз напомнить, что в провинции уже творится насилие. Я сам…

— Достаточно. Вы меня утомляете. Идите и спойте вашу песнь Тюрго. Ох, какого черта он ведет нас этим путем?

И Сартин погрузился в созерцание нового экспоната своей коллекции.

Как это часто случалось, Николя вышел от морского министра совершенно разбитым. Зная из собственного опыта, что никогда не следует отвечать на незаданный вопрос или поднимать деликатную тему, о которой никто не вспомнил, он не стал напоминать, что Ленуар приказал ему следить за развитием событий, связанных с волнениями, порожденными повышением цены на хлеб и свободой торговать зерном. Он обязан подчиняться приказам Ленуара. Интересно, что сказал бы Сартин, если бы в бытность его начальником полиции Николя пошел бы получать распоряжения от министра морского флота? В сущности, речи Сартина мало чем отличались от речей Вержена. Но если доводы Вержена были прозрачны, то доводы Сартина, поданные в обертке из тысячи уловок, всегда оставляли место для догадок. И только сварливый тон при упоминании о генеральном контролере финансов ясно свидетельствовал об отношении Сартина к делу, начатому реформатором Тюрго… К сожалению, Николя подозревал, и подозрения его медленно переходили в уверенность, что во всем, что касается Тюрго, Сартин выражал позицию сложившейся при дворе клики противников реформ. Похоже, со смертью короля его бывший начальник обрел свои прежние наклонности и теперь стремился осуществить их. Без сомнения, министр морского флота пребывал в постоянном конфликте с генеральным контролером, ибо службы, руководимые Сартином, по определению требовали постоянного вливания средств, что увеличивало дефицит королевской казны. Кроме того, немощность герцога де Ла Врийера побуждала Сартина надеяться с помощью королевы занять пост министра Королевского дома, тем более что никто не сомневался, что там он был бы более уместен, нежели в своем департаменте, где ему приходилось всему учиться.

Отказ признать необходимость принятия срочных мер, неуместная, по его мнению, ирония в отношении возможности опасного развития событий привели Николя в замешательство. Сердце его горестно сжималось, стоило ему подумать, сколь велик риск, если не пресечь волнения в самом зародыше. Ему уже довелось видеть, как коромысло весов народной любви к государю то стремительно взлетало вверх, то не менее стремительно падало вниз. В лабиринте корыстных интриг нелегко отыскать тропу, ведущую к интересу общественному. Он надеялся, что новый король отыщет этот путь, и старался помочь ему уверовать в свои силы.

Его служба все больше походила на рыцарское служение, о котором он в детстве, в Геранде, при свете одинокой свечи читал в романах. И вновь его пронзила боль: всезнающий Сартин ничего не сказал ему про Луи; значит, и ему ничего не известно о судьбе его сына.

Глава VI
КОГДА КОРОЛЮ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Верховную власть можно поколебать только с помощью инструментов, кои она сама изобрела для своего укрепления.

Д’Аржансон.

Удача ему улыбнулась. Задумчиво прогуливаясь по Зеркальной галерее в поисках кого-нибудь, кто смог бы проводить его к королеве, он столкнулся с австрийским посланником Мерси-Аржанто. Не проходило и дня, когда бы он ни появился при дворе вместе со своим приятелем, аббатом Вермоном, чтецом королевы, и не получил бы приватной аудиенции. Посланник немедленно рассыпался в сладких комплиментах по поводу удачно завершившейся поездки, подробности коей, судя по всему, были ему прекрасно известны. Спросив у Николя о цели его прибытия во дворец, он предложил провести его к королеве и, взяв под руку, повел в сторону королевских апартаментов. По дороге, строго следуя заведенной привычке, он засыпал собеседника пустыми словами, дабы, усыпив его бдительность, лукаво ввернуть коварный вопрос.

— Дорогой маркиз, сотни слухов донесли до нас эхо вашего венского триумфа. Держу пари и надеюсь, вы это подтвердите, что господин де Бретейль выразил свое удовлетворение по поводу того, что его первые шаги в новом амплуа оценили столь высоко, что направили к нему такого посланца, как вы. Вот что называется безоговорочным успехом. А что говорит Кауниц?

От его вдохновенного многословия и цветистых речей Николя едва не оглох. Сам он говорил мало, а на вопросы, становившиеся все более настойчивыми, отвечал кратко. Добравшись до прихожей королевы, они подозвали привратника, и тот направил их к одной из придворных дам, которая тотчас провела их в кабинет, находившийся позади спальни королевы. Малые приемы, напоминавшие скорее встречу гостей в доме простой горожанки, не уставали удивлять рьяных хранителей придворного этикета. Больше всего королеву утомлял церемониал утреннего пробуждения. Не желая более чувствовать себя угодившей в тенета жертвой, она наконец решилась сбросить с себя это иго, и теперь, одетая и причесанная, она утром выходила приветствовать тех, кто собрался в ее парадном покое, а затем, в сопровождении преданных ей людей, исчезала во внутренних кабинетах дворца. Там ее обычно ожидала модистка мадемуазель Бертен. «Министра моды», как вскоре стали называть Бертен, ввела в окружение королевы герцогиня Шартрская сразу после смерти Людовика XV. Сейчас в покое королевы находился только аббат Вермон, читавший вслух «Историю Франции» Анкетиля. Увидев посетителей, дремавшая от скуки королева не смогла скрыть своей радости.

— Друзья мои, — весело воскликнула она, — идите сюда и развлеките меня, а то наш дорогой аббат огорчает меня своими рассказами о каких-то войнах и перемириях! Господин кавалер из Компьеня, вы так долго путешествовали…

Получается, его не хватало очень многим, но только не тем, к кому он сам испытывал привязанность, с горечью подумал Николя, немедленно исключив из списка обитателей дома Ноблекура.

— …Как поживает моя дорогая матушка?

— Ваше величество может не беспокоиться, насколько я могу судить, удостоившись чести пробыть более часа в ее присутствии, она чувствует себя превосходно.

Королева восторженно всплеснула руками, однако в этом жесте ощущалась некая наигранность.

— Она хорошо расспрашивала о своей дочери?

Вопрос прозвучал на удивление коряво.

— Императрица полагает, что дочь ее очень счастлива.

— Я в этом не сомневалась. Надеюсь, она не показалась вам слишком мрачной? — спросила она, вызывающе поглядывая на Мерси-Аржанто.

Николя был уверен, что посланнику известны все подробности его разговора с Марией Терезией. Но рассказал ли он об этом королеве? Разумеется, рассказал, но, скорее, в общих чертах. Взглянув на прическу Марии Антуанетты, он отметил, что та непомерно высока. Вопросы императрицы во многом касались туалетов дочери. Ходил слух, что именно мода на высокие прически явилась причиной отказа от публичной церемонии одевания, ибо отныне рубашку приходилось надевать снизу, что исполнить на публике пристойным образом невозможно. Заметив, что королева ждет ответа, он принялся вспоминать значения немецких слов.

— Ее императорское величество отнеслась ко мне исключительно с самой возвышенной благосклонностью и оказала мне честь, избрав меня посланцем от нее к моей королеве.

Кокетливо наклонив голову, она одарила его грациозной улыбкой. Склонившись в полупоклоне, он протянул пакет и письмо. Повертев в руках послание матери, словно предчувствуя грозные родительские назидания, она молча положила его на каминную полку и, испустив нетерпеливый возглас, вскрыла пакет. Увидел вделанный в медальон портрет, она, украдкой взглянув на Мерси, театральным жестом поднесла его к губам. Николя показалось, что поведение ее продиктовано скорее заботой о том, как о нем сообщат императрице, нежели естественным порывом дочерних чувств.

— Я вам так благодарна, господин маркиз, что вы согласились стать посланцем моей матушки. Она выразила удовлетворение вашим визитом: посланник поведал мне о нем со всеми подробностями. Как вы нашли Вену?

— Вашему величеству известно, что я впервые посетил этот город цезарей. Его неописуемая роскошь восхитили путешественника, оценившего бесценный вклад в его убранство, сделанный во время нынешнего царствования. Я имел счастье присутствовать на премьере оратории Гайдна «Возвращение Товия» в театре Кертнертор у ворот Каринтии и ужинал в Пратере, запивая ужин пивом, как настоящий венец!

Расхохотавшись, королева захлопала в ладоши, немедленно став похожей на ребенка.

— Несколько дней назад я вас вспоминала…

Николя поклонился.

— …Мой деверь представил мне механика, умеющего оживлять автоматы. Один из его автоматов нарисовал мой портрет. Разве это не прелестно? И вы знаете, в чем секрет? Автоматы господина Вокансона[25], которые…

Николя приложил палец к губам.

— О! Вы правы, это наш секрет.

Взгляд, которым обменялись Мерси и Вермон, не ускользнул от королевы.

— Да, именно секрет! У нас с маркизом, господа, есть свои секреты. Моя добрая маменька, надеюсь, не слишком утомила вас вопросами о моих туалетах?

— Я отметил ее императорскому величеству, что королева должна быть законодательницей мод и совершенным идеалом, дабы вкус французов мог на нее равняться.

Королева одобрительно кивнула и снова настойчиво уставилась на Мерси.

— Вот что следует говорить моей матушке. Помните, нам не нравится, когда вы надолго покидаете нашу особу.

Понимая, что аудиенция окончена, Николя поклонился и, двигаясь спиной к двери, удалился. В прихожей он поздравил себя с успешным маневром, позволившим ему в присутствии хитроумных свидетелей провести свою лодку через все рифы. И хотя на протяжении аудиенции он мысленно смеялся над самим собой, по существу ему удалось, изъясняясь на языке придворного, не пожертвовать истиной. Между ним и государыней всегда присутствовало воспоминание об их первой встрече в Компьеньском лесу, наполненной удивительной легкостью и веселым смехом. Застенчивый и лукавый подросток, скрывшийся под маской ее величества, по-прежнему видел в нем юного рыцаря из далеких времен. Спускаясь по лестнице, Николя почувствовал, как чья-то рука легла ему на плечо. Это оказался аббат Вермон.

— Сударь, хотел вас заверить, что я всегда к вашим услугам. Господин де Бретейль — мой старый друг. Он расписал мне вас самыми лучшими красками. Надеюсь, мы еще встретимся!

И он взбежал обратно по лестнице. Двор всегда виделся Николя настоящим государством, где каждый вынужден следовать тропой, проложенной в соответствии как с писаной, так и с неписаной иерархией. За открытыми ярусами имен, титулов, званий, обязанностей и почестей располагались тайные лестницы оккультных обществ, закулисных влияний и загадочных союзов. Кланы и группы плели интриги и укрепляли влияние, проталкивая наверх своих родственников и наперсников. Столкновения кланов влияли на расстановку сил и нередко нарушали хрупкое равновесие. Он вспомнил, что аббат Вермон по-прежнему являлся другом и должником Шуазеля, каковыми — по иным причинам — были также Бретейль и Сартин. Зная об этих связях, можно было предположить, что бывший министр, надменный и с задорно вздернутым курносым носом, по-прежнему лелеял мысль вернуться к делам, а пока вербовал сторонников. Чтобы обладать весом в государстве под названием двор, следовало непременно принадлежать к какой-либо существующей группировке. Понимая, что он сильно рискует, Николя тем не менее не примыкал ни к какому клану и служил исключительно королю. Пусть каждый думает, что именно он сумеет склонить его на свою сторону, в то время как сам он останется холоден как мрамор. Он знал, что королева, то ли из признательности к организатору ее брака, то ли из пристрастия к интригам, активно способствовала возвращению Шуазеля. Однако ее каприз, похоже, не встречал поддержки в Вене. Австрия не стремилась вновь иметь дела с человеком, чья карьера оборвалась несколько лет назад и, следовательно, чьи взгляды не соответствовали изменившимся временам.

Желая поразмыслить над этими и другими вопросами, он направился в парк и там свернул на берег Швейцарского озера. Долгое время он сидел неподвижно, и только вечерняя прохлада заставила его покинуть уединенный уголок. Солнце село, и природа, все еще ощущавшая на себе тяжесть оков долгой и суровой зимы, словно оцепенела. Мрачные сине-зеленые воды Большого канала казались безжизненными. Внезапно он подумал, что когда-нибудь Версаль, подобно Афинам или Риму, канет в небытие, превратившись в бесформенную груду руин, пробуждающую ностальгические сожаления о былом величии.

К счастью, его работа являлась для него своего рода спасительной соломинкой, ибо не давала ему возможности постоянно предаваться рефлексии. Он дошел до больших конюшен и, вознаградив конюха за старания, забрал отдохнувшую, обтертую соломой и накормленную лошадь. В порыве услужливости конюх, вспомнив их утренний разговор, доверительно сообщил ему свежие новости, еще больше омрачившие уже известную ему картину. Замок герцогини де Ларошфуко в Рош-Гийоне подвергся нападению. Будучи владельцем большей части мельниц, построенных вокруг Парижа, эта семья фактически обладала монополией на помол зерна, что, по мнению народа, причисляло ее к сообщникам «пакта голода». Никем не сдерживаемая толпа, численностью в две или три тысячи человек, принялась угрожать герцогине, которая от ужаса едва не лишилась чувств. Наконец, оставив в покое замок, вопящее отребье отправилось грабить баржу, перевозившую зерно. Кто-то призвал идти на Версаль и заставить короля установить твердые цены на хлеб в размере двух су за фунт. А

утром этого дня толпа оборванцев разграбила рынок в Сен-Жермене. В семь часов Николя встретился за столом с шевалье де Ластиром: им подали жареного ягненка и большое блюдо бобов нового урожая, приправленных жю.[26]

— Я должен рассказать вам о своих невероятных приключениях, — начал шевалье. — Покинув Вену, я довольно долго ехал совершенно беспрепятственно…

— Тысяча извинений, что перебиваю вас, — произнес Николя, — но правильно ли я вас понял? Выехав на месяц раньше, вы прибыли в Париж почти одновременно с нами!

— Увы, на то есть свои причины. Путешествие мое, начавшееся как увеселительная прогулка, в конце превратилось в сплошной кошмар. Поначалу стояли холода, так что, несмотря на обледенелые участки, грозившие падением и лошади, и всаднику, в целом земля была твердой и дороги проходимы. Признаюсь, я предпочитаю холод, нежели слякоть, в которой мы вязли по дороге в Вену. Проявляя осторожность, я часто сворачивал на пустынные проселочные дороги и приближался к жилью, только чтобы сменить коня. Уверенный, что о моем отъезде тотчас станет известно австрийским шпионам и они попробуют меня задержать, я петлял, как заяц. На первых порах у меня все получалось. Обстановка усложнилась, когда дорога пошла по наследственным владениям императора; проверки и патрули преследовали меня буквально на каждом шагу. Дважды я избежал ареста только благодаря резвости своего коня. Необходимость менять лошадей выводила меня на тракты, ведущие к почтовым станциям. Погода ухудшилась, участились метели…

— Но в конце концов вы избежали всех засад и ловушек…

— …Увы, нет! На дороге из Линца в Мюнхен меня остановил отряд людей в черном; их сопровождал взвод гусар. Угрожающий вид противника, оружие, направленное в сторону вашего покорного слуги, пустынная местность и надвигавшаяся ночь подсказывали мне проявить осмотрительность. Притворившись, что ищу бумаги, я наклонился к седельным сумкам и, выхватив пистолеты, выстрелил. Воспользовавшись эффектом неожиданности, я пришпорил коня. Вслед прозвучал общий залп. Пуля оторвала ухо моему коню, и от боли тот помчался во весь опор. Другая пуля оцарапала мне кожу на голове. Обливаясь кровью, я ничего не видел. Вжавшись в седло и намотав на руку поводья, я мчался вперед, сам не зная куда. Прошли недели…

— Каким образом?

— Мой бедный конь прискакал на хутор, где меня, потерявшего сознание, подобрал его хозяин. Ни о чем не спрашивая, он преданно за мной ухаживал. Когда я пришел в себя и вспомнил, что произошло, оказалось, я довольно долго пролежал без сознания. Хозяин мой был уверен, что я поранился об острые обледенелые ветви деревьев. Сами понимаете, я не стал его разубеждать. Человек этот сберег мой багаж. Хотя я чувствовал себя отвратительно, я щедро наградил гостеприимного хозяина и пустился в путь. Теперь я передвигался маленькими переходами. Слава Богу, больше ничего не случилось, и до самого Парижа я ехал спокойно. Но на подступах к столице я встретил грозные сборища людей. Однако скажите, почему вы вернулись столь поздно?

Николя объяснил, а потом рассказал, как их задержали и подвергли обыску.

— Но так как наш багаж не мог нас скомпрометировать, мы позволили им обыскать его.

— А я вез письма и чуть не погиб, защищая их. Теперь мне приходится носить этот тюрбан; впрочем, уже не в первый раз.

Они выпили и принялись разделывать ягненка, хрустящая кожа которого скрывала нежное мясо, обладавшее изысканнейшим вкусом.

— Шевалье, я с удовольствием вспоминаю о нашем с вами путешествии, и сожалею, что вторая половина пути прошла у вас не слишком гладко. Ваше присутствие в Вене оказалось для меня спасительным, и мне жаль, что теперь наши пути расходятся.

Ластир весело хлопнул ладонью по столу.

— Никогда не жалейте и не радуйтесь слишком рано. Господин де Сартин желает, чтобы в это смутное время я оставался подле вас, тем более что вас одолевают семейные заботы.

— Я рад, — ответил Николя. — Однако…

Его фраза повисла в воздухе, и за столом воцарилась тишина, а так как никто не отважился нарушить ее первым, то собеседники целиком посвятили себя трапезе. Николя не понимал, почему ответ Ластира вызвал у него раздражение. Привыкнув постоянно анализировать свои чувства, он постарался непредвзято взвесить радость от возможности продолжить сотрудничество с Ластиром и досаду на Сартина, навязавшего ему под предлогом возможных волнений в Париже присутствие свидетеля, а точнее, соглядатая. Подобное решение вполне соответствовало привычке Сартина бежать за всеми зайцами сразу, дабы оправдать репутацию «удачливого охотника». Расставленные им силки часто переплетались столь тесно, что начинали рваться, и клубок запутывался окончательно. Также ему показалось, что беднягу Ленуара отстранили от принятия решений. С этим он скрепя сердце готов был согласиться, но знать, что Сартин рассказал о его личных делах малознакомому субъекту, при этом ни словом не обмолвившись об этом ему самому, было крайне неприятно. Поразмыслив, он решил не обращать на это внимания, и возобновил беседу.

Он рассказал о происшествии на улице Монмартр, не забыв подчеркнуть, что убитый являлся булочником. Ластир проявил живейший интерес к подробностям расследования, словно открывал для себя новую сферу деятельности. Они решили завтра встретиться у господина деНоблекура, так как утром Николя собирался на королевскую охоту. Шевалье много говорил, и в конце концов Николя почувствовал, как предубеждения против Ластира покинули его. Поездка в Вену установила незримую связь между обоими слугами короля. Зная, насколько болезненно относится Бурдо к каждому, кто претендует на место рядом с ним, Николя испытывал живейшее беспокойство. Но так как придумать он ничего не смог, то решил, что будет действовать по обстоятельствам.

Продолжая разговор, Ластир, как и комиссар, задавался вопросом о причинах начавшихся волнений. Он возлагал ответственность за них на генерального контролера, слишком резко и грубо насаждавшего свои реформы, и в частности, свободу торговли зерном. Ластир проводил Николя до площади и, не сообщив, где собирается ночевать, сказал, что знает, где найти комиссара в Париже. В особняке д'Арране Триборт и конюх ждали его. Николя вручил им лошадь и попросил не кормить ее: затягивая подпругу, он обратил внимание на ее раздувшиеся бока — результат двойной порции корма, полученной от конюха королевской конюшни. Направляясь к себе в комнату, он обдумывал итоги сегодняшнего дня; потом он долго не мог заснуть, терзаемый мыслями об опасностях, которым мог подвергаться его исчезнувший сын.

Вторник, 2 мая 1775 года

Удары градом сыпались на дверь. Однако его редко будили столь бесцеремонно. Он встал, зажег свечу, увидел, что часы показывают шесть, и велел стучавшему войти. Появился Триборт, полностью одетый, с озабоченным лицом.

— Погода свежеет, сударь, — с тревогой в голосе начал он. — Бьюсь об заклад, вскоре нас накроет жуткий шторм. Гаспар, лакей, проживающий возле дороги Сен-Жермен, видел ватаги оборванцев, двигавшихся к рынку. Подозрительные люди, прибывшие из Парижа, патрулируют здешние дороги. Я вот о чем хотел вам сказать: не доберетесь вы до дворца в охотничьем костюме. Надо бы вам переодеться.

Николя задумался. Он прекрасно знал, на что способен поддавшийся неосознанному порыву народ. Сейчас предлогом для волнений могло стать все что угодно. *Vox populi* не имел ушей, он ревел и не слышал самого себя. В речах импровизированных ораторов правда

переплеталась с ложью, непроверенные слухи смешивались в кучу, обретали собственную жизнь и под маской правды шествовали дальше. Сплетни, пасквили, подстрекательские листовки, надписи на стенах, речи ораторов в публичных садах и кафе поддерживали состояние напряженности. Триборт прав: броситься в костюме для королевской охоты в самую толщу народного моря означало спровоцировать конфликт. Он не имеет права допускать подобных ошибок. Однако в такой ситуации он чувствовал, что его место рядом с королем. И он велел дворецкому раздобыть для него костюм, который позволит ему слиться с толпой. Тот отправился на поиски. Николя посмотрел на ружья, подаренные ему юным королем, те самые ружья, которые Людовик XV когда-то доверил ему во время охоты, и сердце его сжалось от сожалений. Его повелитель умер слишком рано, корона перешла к слишком юному монарху, почти мальчику. Времена наступали суровые, история ускоряла свой ход. Народ еще до коронования понял, что договор между ним и юным монархом, на которого возлагали столько надежд, оказался нарушенным.

Едва Николя завершил свой туалет, как появился Триборт с ворохом одежды. Панталоны до колен из потертой шерсти, рубашка из грубого небеленого полотна, темная бархатная куртка, стоптанные башмаки и старая треуголка составили вполне подходящий по случаю костюм. Вручив Николя кинжал с тонким лезвием, чтобы легче было спрятать, дворецкий посоветовал ему сунуть руки в остывший камин и, зачерпнув немного золы, испачкать себе лицо, чтобы чистота не выдала его маскарад. Беспокоясь за комиссара, Триборт велел ему идти не по главной аллее, а свернуть на лесную тропинку, чтобы потом, как ни в чем не бывало, оправляя одежду, выйти из леса, словно он сворачивал туда справить нужду. Бывалый моряк, сейчас Триборт испытывал такое же волнение, какое охватывало его, когда, заслышав барабанный бой и звон бортового колокола, созывавшего экипаж по тревоге, он вместе с товарищами бросался разбирать койки и перегородки, чтобы выкатить на позиции пушки.

Последовав его совету, Николя осторожно выбрался на дорогу, ведущую в Версаль. Свет фонарей оставлял на ней темные полосы, постепенно светлевшие под натиском пробуждавшегося дня. По дороге бодрым шагом двигались мужчины и женщины; кое-кто нес факелы. Тишину нарушал только стук подошв, да время от времени раздавался призывный выкрик. Он подстроился и пошел в ногу с толпой, стараясь не сливаться с ней. Чем ближе толпа подходила ко дворцу, тем она становилась больше, прирастая все новыми и новыми людьми, вливавшимися в нее с двух сторон. Дважды навстречу выезжали всадники и каждый раз поворачивали обратно. Он подумал, что наконец поступили приказания, но служителей порядка видно не было. Если полиция и присутствовала здесь, то только в качестве подсадных уток, смешавшихся с толпой переодетых агентов. Два каких-то типа догнали его и завязали разговор; чтобы не вызвать подозрений, пришлось поддержать беседу.

Они рассказали ему, что сами они из Пюто и Буживаля. Их предупредили, что народ собирается идти на Версаль, и они решили присоединиться. Один был цирюльник, другой — каменщик. Пытаясь понять, что все-таки побудило их присоединиться к толпе, Николя пошел вместе с ними. Оба искренне возмущались повышением цен на хлеб и не уставали повторять, что этот продукт питания является единственным, который они могут себе позволить.

— Понимаешь, — говорил каменщик, крепко сбитый парень лет тридцати, — когда больше ничего нет, только хлеб и спасает. Иначе остается подыхать или идти с протянутой рукой. Нельзя повышать на него цену, два су за фунт и то много!

— Особенно, — добавил цирюльник, низенький, желтушного вида плюгавенький человечек с острым носом, — когда по нынешней цене тебе продают темный хлеб, полный отрубей. Куда это годится? Богач и аристократ жуют белый, а мы после тяжелого трудового дня должны, значит, отруби жрать? Разве это справедливо? А что ты думаешь, приятель?

Николя вспомнил, как совсем ребенком он неловкими пальчиками выскребал мякиш из небольших ржаных хлебцев. Он обожал этот кислый мякиш. Но сейчас такие воспоминания были явно неуместны, и он промолчал, кивком одобрив слова непрошеного попутчика.

— А ведь парижанин давно не ест хлеба вдоволь, — продолжал цирюльник. — Но ни кровельщик, ни поденщик, ни грузчик не смеют поднять голос против скупщиков и продолжают есть кислый хлеб, не способный толком поддержать наше существование. А теперь и его у нас из глотки выдирают… Молодой король должен об этом узнать. А ты, приятель, чем занимаешься?

— Я ученик печатника, — ответил Николя, скромно опустив глаза. — В настоящее время безработный.

Собеседник уставился на него в упор; внезапно в глазах его мелькнул злой огонек, и он, схватив руку Николя, принялся внимательно ее изучать. После долгого обследования он, похоже, остался доволен. На миг Николя показалось, что его маскарад раскрыт; к счастью, от золы ладони и ногти его стали такими черными, что в сером свете пробуждавшегося дня эту черноту легко можно было принять за следы жирной типографской краски.

— Ты такой же, как мы, без работы и без хлеба.

Толпа, словно река, притекавшая ручейками и речушками, полнилась все новыми и новыми людьми, и вся эта людская масса двигалась в Версаль, на рыночную площадь. Не рискуя покинуть ряды недовольных, Николя решил следовать за ними и наблюдать за сменой настроений, дабы потом рассказать обо всем во дворце. По утверждению его новых приятелей, у них в деревнях побывали специальные эмиссары, сообщившие о месте и времени сбора. Пока люди шли по дороге, они вели себя вполне мирно. Но стоило им вступить на улицы королевского города, как поведение их резко изменилось. Когда впереди показалась булочная, от толпы отделилось несколько вожаков; увлекая за собой наиболее рьяных, они в один миг сорвали двери с петель и, ворвавшись в лавку, растащили все, что попалось на глаза. Добравшись до рынка, толпа окончательно разъярилась. Охваченные всеобщим гневом, новые приятели Николя вместе со всеми побежали громить прилавки. Растрепанные женщины вспарывали лежавшие на прилавках мешки с мукой, горстями сыпали муку в карманы передников, а потом озверелым взором озирались по сторонам, готовые любой ценой защищать то малое, что им удалось раздобыть. Присмотревшись, Николя обнаружил в толпе немало подозрительных субъектов, переодетых крестьянами. Эти личности, явно впервые облачившиеся в лохмотья, во весь голос заявляли, что они всего лишь хотят помочь королю исполнить обет, данный Генрихом IV, и зла никому не желают — кроме спекулянтов и скупщиков. Какие-то люди с упитанными физиономиями и в добротных сапогах, слишком дорогих для бедняков, кричали, потрясая заплесневелыми кусками хлеба, что этим хлебом собираются отравить народ. В ответ звучал гневный ропот, быстро сменявшийся дикими выкриками и бранью.

Ложные слухи, переходя из уст в уста, порождали новые приступы ярости. Какая-то гарпия с полуобнаженной грудью, выпятив карман, наполненный испорченной, по ее словам, мукой, громко заявляла, что пойдет с этой мукой к королеве. Бесчинства продолжались, даже когда появились силы охраны порядка во главе с капитаном гвардии принцем де Бово. Швейцарские и французские гвардейцы при поддержке кавалерии двинулись на толпу. Началась паника, людские волны заплескались в разные стороны. Тем временем несколько наиболее дерзких субъектов, подбадриваемые криками своих сообщников, стали горстями швырять в принца муку. Белое облако тотчас окутало лошадь принца, и та встала на дыбы. Николя с удивлением обнаружил, что верховодил дерзкими субъектами сьер Карре, главный виночерпий графа д’Артуа, брата короля; бегая от одного оборванца к другому, Карре подстегивал чернь словами и жестами. Не дождавшись приказа, один из французских гвардейцев с громким криком бросился на него и пронзил его штыком. Карре упал, обливаясь кровью. В конце концов Бово удалось восстановить спокойствие, и он спросил у народа, чего он хочет.

— Хлеба по два су за фунт! — раздался в ответ единодушный вопль.

— Да будет так! — ответил Бово.

Сообщение встретили с радостью; оно успокоило мятежников; народ устремился в булочные запастись хлебом по твердой цене. Словно по волшебству, порядок был восстановлен; пользуясь затишьем, Николя поспешил во дворец. По дороге ему встретилась новая толпа людей, состоявшая, как ему показалось, не столько из мятежников, сколько из любопытствующих. Прибыв на Оружейную площадь, он обнаружил, что дворцовые ворота заперты. Но ему повезло: он встретил придворного, который, подивившись его маскараду, сообщил, что при виде грозной толпы, наводнившей дорогу Сен-Жермен, король решил не ехать на охоту и приказал запереть все ворота. Сделав крюк, Николя добрался до известной ему калитки на углу улиц Оранжери и Сюринтен-данс, проник во двор и направился в министерское крыло, где долго убеждал привратников пропустить его. Оказавшись во дворце, он, желая увидеть полную картину происходящего, немедленно помчался наверх.

Три дороги, сходившиеся на площади перед дворцом, с высоты напоминали гусиную лапку: левая дорога шла на Сен-Клу, центральная — на Париж, и правая — на Со. На двух последних волнений не наблюдалось, и только по дороге в Сен-Клу двигались людские потоки, издалека походившие на гусениц; гусеницы медленно ползли, изменяя на ходу свои формы. Кучки любопытных толпились возле Резервуаров, на улице Абревуар и справа от большой ограды. Дворцу очевидно ничего не угрожало. Николя спустился вниз, добрался до Лувра[27], прошел мраморную лестницу, дошел до кордегардии и направился в королевскую переднюю. Там он встретил господина Тьерри, первого служителя королевской опочивальни; увидев его наряд и перемазанное золой лицо, Тьерри расхохотался. Ничего не объясняя, Николя сказал, что ему надо немедленно повидать короля. Не задавая лишних вопросов, Тьерри, безоговорочно доверявший Николя, провел его через зал под названием «Бычий глаз» и привел в зал советов. Там Николя увидел, как, сбросив охотничий костюм и оставшись в рубашке и панталонах до колен, король, опустив голову, расхаживает между залом советов и соседней комнатой, где год назад скончался его дед. В отсутствии министров, а именно отправившихся в Париж Морепа и Тюрго, там заседал своего рода постоянный совет. Волнение, царившее вокруг короля, казалось, нисколько не нарушало его безмятежного настроения. При появлении Николя король остановился и с удивлением посмотрел на пришельца: он явно не узнал его. Приблизившись к королю, Тьерри что-то шепнул ему на ухо. Монарх улыбнулся.

— Ранрей, мы вас не узнали. Ваш костюм!..

— Сир, прошу меня извинить за то, что я позволил себе предстать перед вами в таком виде. Но мне было необходимо получить подлинное представление о народных волнениях. Я побывал на рынке и…

— Ах, наконец хоть кто-то сможет рассказать мне, что происходит. Я не знаю, куда делись мои министры. Тюрго и Морепа в Париже. Остальные…

Не закончив фразы, он повернулся и близорукими глазами уставился на Николя.

— Сир, рынок разграблен, разгромлены несколько булочных. Капитан гвардейцев, принц де Бово, сначала подвергся оскорблениям, а потом его засыпали мукой. Но когда он объявил, что цена хлеба снова опустится до двух су за фунт, толпа успокоилась.

Ему показалось, что молодой король неожиданно покраснел.

— Он осмелился взять на себя такое решение?

— Да, сир.

В эту минуту в комнату вошел офицер и протянул монарху послание; нацепив на нос очки, тот немедленно принялся его читать…

— Ранрей прав. Бово сообщает, что он, действительно, дал это глупое обещание; он утверждает, что если бы он не позволил опустить цену хлеба до той, которую они требуют,

пришлось бы штыками заставлять их принять нынешние тарифы. Все это противоречит моим приказам: речь шла только о том, чтобы восстановить гражданский мир; я категорически запретил моим солдатам пускать в ход оружие.

Николя подумал, что такой приказ было легче отдать, чем исполнить.

— Сегодня утром я написал Тюрго, что он может рассчитывать на мою поддержку. После неправильного шага Бово каждый будет считать себя вправе принимать решения, которые потом припишут мне. Ранрей, у вас хороший почерк?

— Надеюсь, сир.

— Тогда берите перо и пишите под мою диктовку. Потом сами отвезете эту записку господину Тюрго.

И король усадил его за стол советов.

— «Мы совершенно спокойны. Мятеж набирает силу. Находившиеся здесь войска успокоили мятежников. Господин де Бово спросил мятежников, каковы их требования, и большинство заявили, что у них нет хлеба, поэтому они пришли сюда в надежде получить его. Они показали дурно испеченный хлеб из ячменя, который, по их словам, они купили за два су, и утверждали, что им продавали только такой хлеб. Сегодня я весь день провел во дворце, но не потому, что меня охватил страх, а чтобы все успокоилось. Рынок окончен, но впервые приходится предпринимать многочисленные предосторожности, дабы мятежники вновь не вернулись и не начали вершить свой закон; сообщите мне, какие, по-вашему, следует принять меры, ибо положение весьма тягостно».[28]

Умолкнув, король в задумчивости уставился на Николя. Неловко наклонившись, словно высокий рост мешал ему, он взял письмо, прочел его и подписал. Опираясь кулаками о стол, он приблизил свое лицо к лицу Николя и со слезами на глазах произнес:

— Совесть наша чиста, и в этом наша сила. Ах, если бы я был столь же красив, как мой братец граф Прованский, и обладал бы таким же красноречием! Я бы обратился к народу, и все было бы прекрасно! Но я начинаю мямлить, и это все портит.

Николя ощутил, как у него сжалось сердце. Внезапно он отдал себе отчет, что в глазах короля он принадлежал к старшему поколению, к тем, кто служил его деду в то время, когда он был еще ребенком. Закивав головой, словно разгоряченная лошадь, сверху вниз, он с трудом подавил охватившее его волнение. Чтобы выразить всю свою преданность, ему ужасно захотелось сделать что-нибудь необыкновенное. Но он не мог себе этого позволить. Его внутренняя борьба не ускользнула от короля; Людовик улыбнулся, и между ними возникло молчаливое согласие, о котором он никогда не забудет. Выпрямившись, король негромко сказал, чтобы он докладывал лично ему, и никому другому, обо всех беспорядках, происходящих за пределами Версаля.

Выйдя из дворца, Николя пешком отправился в особняк д'Арране. Там его ждал взволнованный Триборт. По его старческому, изборожденному шрамами лицу то и дело пробегала судорога.

— Мадемуазель вернулась из путешествия…

Наконец-то хорошая новость, с облегчением вздохнул Николя; глядя на лицо дворецкого, он успел подумать, что его настигла очередная неприятность.

— …и тотчас уехала.

— Как уехала?

Триборт застенчиво переминался с ноги на ногу.

— Как бы вам сказать… Уехала! Узнав о вашем прибытии, она приказала поворачивать. Короче говоря, кучер стегнул коней, ну и вот!

Видимо, на лице Николя отразилось столь великое изумление, что Триборт дерзнул пуститься в объяснения.

— Не берите в голову, я совершенно уверен, что когда они вот так убегают, то это потому, что очень уж им хочется остаться.

Пожав старику руку, Николя заскочил к себе в комнату, переоделся; затем отправился на конюшню и, вскочив на лошадь, галопом помчался в Париж. Всю дорогу он старался убедить себя, что слепа не любовь, а самолюбие. И пытался сосредоточиться на поручении, доверенном ему королем. Письмо, адресованное Тюрго, свидетельствовало о чистосердечии его величества и его доброжелательности. Тем не менее он задавался вопросом, не слишком ли суверен нарушил субординацию в отношениях с генеральным контролером, ибо подобные нарушения свидетельствовали об излишней наивности, что не могло не беспокоить. Однако хладнокровие, проявленное им при встрече с опасностью, подтверждало, что король, перестав быть робким и застенчивым подростком, не намеревался ни следовать чьим-либо влияниям, ни позволить поработить себя. Это умозаключение приободрило его. Каждому уготованы свои испытания: королям, влюбленным, отцам семейства, ибо все они всего лишь марионетки в руках провидения, дергающего за ниточки, пробуждая в них страсти и желания. На подъезде к столице царило спокойствие, однако он не обольщался: как только слух о версальских событиях дойдет до Парижа, волнения вспыхнут с новой силой, ибо заинтересованные люди, без сомнения, представят эти события в искаженном виде. Аферисты не преминут преувеличить опасность создавшегося положения.

К генеральному контролеру, чье ведомство находилось на улице Нев-де-Пти-Шан, он прибыл после полудня. Его тотчас проводили в кабинет премьер-министра; они не раз видели друг друга при дворе; сейчас министр писал; его правая нога, окутанная повязкой, покоилась на покрытой ковром квадратной подушке. Подняв голову, Тюрго с не слишком любезным видом уставился на посетителя. Министр отличался полнотой, его красивую голову украшали густые, завитые крупными кольцами волосы, глаза были голубые, левый чуть меньше правого. Приятное лицо выглядело напряженным, скорее всего, из-за нравственных терзаний. Представившись, Николя передал записку короля. Во время чтения на бледном от природы лице генерального контролера отражалась вся гамма обуревавших его чувств. Когда же он приступил к повторному, более внимательному, прочтению, щеки его пошли пурпурными пятнами. Он поднял свой кроткий и отстраненный взор на Николя, и тот немедленно задался вопросом, не был ли министр столь же близорук, как король.

— Сударь, кто поручил вам поехать в Версаль? Вы ведь из приближенных Сартина, не так ли?

Тон был испытующим и оскорбительным.

— Сударь, я ездил в Версаль передать посылку от императрицы Марии Терезии нашей государыне и принять участие в королевской охоте. Случаю было угодно, чтобы сегодня утром я очутился в самой гуще мятежников; став свидетелем известных событий, я отправился доложить о них его величеству. Я служу нынешнему королю так же, как служил прежнему королю, моему покойному повелителю.

Подобное заявление не смягчило Тюрго, и он надменным тоном продолжил его расспрашивать, а исчерпав вопросы, без всяких церемоний выпроводил его.

Улица Нев-де-Капюсин находилась совсем рядом, и он решил отправиться к Ленуару с отчетом о событиях сегодняшнего утра. Начальника полиции обуревали мрачные предчувствия. Едва увидев Николя, он принялся с возмущением жаловаться на распространившийся слух, что полиция якобы приказала продать все имевшиеся запасы зерна для скорейшего возмещения ущерба булочникам. Слух о волнениях в Версале, неизбежное следствие так называемого обещания короля вернуть прежнюю цену на хлеб — два су за фунт, — распространился со скоростью огня по пороховой дорожке. Ленуар уже знал, что Николя принимал король и Тюрго, равно как и о расследовании, начатом на улице Монмартр; по его словам, последствия волнений могут оказаться весьма плачевны.

— Предчувствую наступление тяжелых дней, — произнес Ленуар. — Нас заставляют принимать решения, не думая о последствиях. Необдуманные, неподготовленные реформы превращаются в злоупотребления, а те, кто жестко их проводит, слывут разрушителями, хотя намеревались стяжать славу созидателей. Но… коготок попался — всей птичке увязнуть. Франция — это давным-давно запущенный механизм, настолько дряхлый, что развалится при первом же ударе! На всякий случай я отдал приказ охранять завтрашний зерновой рынок. Постараемся, чтобы версальские беспорядки не повторились в Париже. На подмогу городской охране я вызвал драгунов и мушкетеров, но велел ни под каким видом не открывать огонь, даже если чернь начнет оскорблять их и швырять камни. Как вы нашли его величество?

— Встревоженным и безмятежным одновременно; он полностью полагается на первого министра.

— В этом-то и весь вопрос! Господин де Сартин считает, что надобно пробудить в короле интерес к делам. Увы! К сожалению, единственной областью, где самому господину де Сартину нет необходимости подстегивать свои мыслительные способности, является коллекционирование сплетен, пересудов и клеветы, собранной в злачных местах. Он слишком увлекается чтением чужих писем, которые господин д'Уани приносит ему из черного кабинета. Действительно, нет ничего проще, чем просеивать сведения, а потом придумывать интриги, пятная грязью всех вокруг. Из-за перлюстрации почтовых отправлений письмам нельзя доверять ни тайн, ни секретов, даже самых безобидных. Печально, мой дорогой Николя, что наш юный монарх, подобно покойному королю, думает обо всех дурно: от этого он становится излишне подозрительным и мрачным.

Крайне взволнованный размышлениями своего начальника, Николя расстался с Ленуаром. Чреватое риском смятение начальника полиции могло иметь непредсказуемые последствия. Возможно, Ленуар также считал, что в борьбе с Тюрго и его реформами хороши все средства, в том числе и провокации. Уже в кабинете у Сартина он заподозрил двойственное отношение вышестоящих лиц к происходящим беспорядкам. Разница заключалась в том, что разглагольствования Сартина отличались циничной иронией, а слова Ленуара звучали неуверенно, а порой даже жалко. Честолюбивый, обладавший большими связями, министр морского флота был достаточно ловок, чтобы казаться честным человеком, но он никогда не был настолько глуп, чтобы являться таковым на самом деле. Сартин часто упрекал Николя за прямоту. Слава Богу, кажется, он все же сумел сохранить ее! И хотя за пятнадцать лет работы в полиции он утратил остатки иллюзий о порядочности сильных мира сего, преданность своему бывшему начальнику он сохранил. Зная о неприятных сторонах его характера, он делал все, чтобы не позволять себя обманывать. Не исключено, что Ленуара, оказавшегося честным человеком, подхватил ураган, справиться с которым у него не нашлось сил; в отличие от вышестоящих лиц он, похоже, являлся противником чрезвычайных мер.

Отведя лошадь в конюшню полицейского управления, Николя взял фиакр и поехал в Шатле. Там уже собрались Бурдо, Семакгюс и палач Сансон, оживленно спорившие, начинать ли вскрытие тела мэтра Мурю или подождать Николя. Появление комиссара положило конец дискуссии. У подножия большой лестницы толпились люди, жаждавшие попасть в мертвецкую, дабы вволю поглазеть на снесенные туда со всего города трупы.

— Объект сегодняшнего любопытства, — сказал Семакгюс, — выловленное в Сене тело красивой девушки.

— Увы, в этом нет ничего необычного, — отозвался Николя. — Здесь каждый день выставляются для опознания останки утопленников.

— Согласен. Но сегодня народ привлекает не столько само тело, сколько чудо, с помощью которого его сумели обнаружить. Семья, подозревавшая, что дочь их утонула, спустила на речные волны деревянную чашу с зажженной свечой и кусочком хлеба, освященного в часовне Святого Николая Толентинского в монастыре августинцев. Старинное поверье гласит, что чаша

останавливается там, где находится тело; в нашем случае она остановилась напротив садов Инфанты в Лувре.

— М-да, а я думал, что эти суеверия давно забыты, — проговорил Бурдо. — Уж очень они опасны. В 1718 году какая-то старуха в поисках тела сына чуть не подожгла город. От свечи загорелась спускавшаяся вниз по течению баржа с мукой, а от нее занялись дома на Пти-Пон; сгорел целый квартал.

Не переставая разговаривать, они спустились в подвал, где обычно производили вскрытия, именуемые Сартином «похоронным промыслом». К великому удовольствию Сансона, Николя расспросил его о госпоже Сансон и детях; внимание комиссара всегда умиляло палача. Семакгюс и Сансон разложили инструменты. Вопреки своим привычкам, Бурдо не стал раскуривать трубку, а вытащил привезенную Николя из Вены табакерку и, прежде чем взять понюшку самому, предложил Николя. Последовала долгая и звонкая череда чиханий. Анатомы подошли к трупу, а Николя достал маленькую черную записную книжку.

— Итак, дорогой собрат, — церемонно проговорил Сансон, — поверхностный осмотр не выявляет никаких подозрительных следов или повреждений.

— Позвольте мне не во всем согласиться с вашим высказыванием, — ответил Семакгюс, — ибо на ладони правой руки я вижу небольшую царапину в окружении некротических тканей.

Наклонившись, Сансон приступил к дальнейшему осмотру.

— Незалеченная царапина, припухлость, откуда вылилось немного экссудата. Я бы сказал, что тело начало разлагаться; что ж, холода закончились…

— Не смею сомневаться в вашей правоте.

С помощью металлического инструмента анатомы исследовали рот.

— Совершенно очевидно, удушье от погружения в тесто не является причиной смерти, — вымолвил корабельный хирург. — Хотя…

— Что «хотя»? — спросил Николя.

— Полагаю, — проговорил Сансон, — доктор хотел сказать, что смерть наступила не от удушья, однако все сделано так, чтобы именно это и подумали.

Замечание удивило Николя. Вскрытие, процедура, свидетелем которой он становился уже не раз, всегда вызывала у него нервное потрясение; признавая ее необходимость, он болезненно переносил скрежет инструментов, рассекающих плоть, треск костей и чавкающие звуки переворачиваемого тела, протестующего против столь варварского обращения. К сожалению, без этих неуклюжих попыток разгадать тайны трупа многие преступники остались бы безнаказанными.

Закрыв глаза, он принялся вспоминать мелодию, некогда услышанную им от старого учителя коллегиала в Геранде, наигрывавшего ее на свирели. Потом он узнал, что это был мотет, обычно исполняемый на органе в сопровождении бретонской свирели. Негромкий разговор Семакгюса и Сансона вернул его к делам сегодняшним. Придав телу привычное положение, анатомы обмыли руки в тазу, принесенном подручным палача, и молча повернулись к обоим полицейским.

— Господа, — произнес Николя, — мы слушаем ваши выводы.

Сансон с бессильным вздохом воздел руки к небу.

— Честно говоря, нам кажется почти невозможным определить причины смерти и, как следствие, утверждать, идет ли речь об убийстве или же мы имеем дело с естественной смертью.

Семакгюс поддержал его молчаливым кивком.

— Я вас понимаю, — сказал Николя, — однако, зная вашу привычку к точным определениям, отмечу, что вы употребили выражение «почти невозможным». Разумеется,

между «невозможным» и «почти невозможным» расстояние крайне незначительное, и правосудие вряд ли сможет удовлетвориться такой малостью. И все же я спрашиваю вас: что кроется за этим «почти»?

Сансон обернулся к невозмутимо взиравшему на него Семакгюсу.

— Есть основания полагать, — неуверенно начал он, — что мы обнаружили внутренние повреждения, появляющиеся в тех случаях, когда причиной прекращения жизнедеятельности организма становится сильное потрясение.

— Прекращение жизнедеятельности? — насмешливо переспросил Бурдо.

— Феномен прекращения жизнедеятельности по неизвестной причине или, скорее, по ряду неизвестных причин. Все подталкивает нас к тому, чтобы рассматривать отмеченные явления как противоречивые, однако сыгравшие решающую роль в *processus mortis*.[29] Сердце и сосуды никуда не годятся, а легкие являют картину остановки дыхания в результате асфиксии, или прекращения работы сердечной мышцы, или обоих нарушений сразу!

— Значит, вы подтверждаете, что тесто тут ни при чем?

— Нет, совершенно ни при чем, — ответил, прервав, наконец, молчание, Семакгюс. — Он упал в чан, или его туда столкнули. Я подтверждаю выводы, сделанные нашим другом. Тут есть какая-то загадка.

Торопясь вернуться к семье, Сансон, передав друзьям приглашение на ужин, откланялся. Семакгюс, все еще пребывавший в задумчивости, знаком попросил Николя и Бурдо задержаться. Прислушиваясь к шагам на лестнице, он подождал, пока палач покинул подвал. Его поведение удивило обоих полицейских.

— Не смотрите на меня такими удивленными глазами. Я прекрасно отношусь к Сансону и ценю его дружбу. Поэтому мне не хотелось лишний раз подчеркивать поверхностный характер его познаний; не приведя ни к чему, это бы лишь вызвало у него раздражение. У него есть все качества, необходимые практику, но его познания в медицине ограниченны. У меня перед ним преимущество в двадцать лет хождения по морям и океанам обоих полушарий в качестве корабельного врача, и мне есть чем подкрепить свое мнение.

— Так вот, господа, — внушительным тоном продолжил Семакгюс, — ранка на руке сначала не привлекла моего внимания, я вспомнил о ней только после вскрытия, так как при виде внутренностей мне показалось, что однажды я уже встречался с подобными симптомами.

— Ваши слова полны загадок. Какое они имеет отношение к господину Мурю?

— Пока не знаю; однако уверен, что изменение состояния внутренних органов указывает на отравление очень сильным ядом. Вспомним о странной царапине. Я не хотел опровергать Сансона в вашем присутствии, но эта некрозирующая ранка не оставляет меня в покое.

— И о чем, же, по-вашему, идет речь?

— Пока ум мой блуждает в потемках.

— Ваше замечание о царапине на ладони заинтриговало меня, — произнес Бурдо. — Неужели вы полагаете, что яд в организм Мурю ввели через руку?

— Возможны еще более неожиданные способы. Во времена Борджиа во Флоренции существовали перчатки со скрытыми шипами; уколов палец, они вводили в него яд. Мне кажется, что сейчас мы имеем дело с чем-то подобным.

— У меня даже мороз по коже, — поежился Бурдо.

— А можно ли определить яд? — спросил Николя.

— И полностью ли вы в этом уверены?

— Готов отдать палачу руку на отсечение. Странный цвет крови в совокупности с другими феноменами внутреннего разложения красноречиво свидетельствуют именно об отравлении; у меня больше нет сомнений.

— А как это можно доказать?

— Надо найти убийцу и посмотреть, чем он воспользовался.

— Иными словами, — проговорил Бурдо, — надо схватить змею за хвост! Однако будет весьма затруднительно убедить в этом судью по уголовным делам. Господин Тестар дю Ли артачится из-за любого пустяка, а уж про яд Борджиа и говорить нечего!

Бросив на инспектора странный взор, Семакгюс что-то пробормотал, но быстро закусил губу.

— Давайте сохраним наше открытие в секрете. Рассмотрим отравление неизвестным ядом как исходную гипотезу. Господин Тестар дю Ли не станет расспрашивать подробности. Что касается нашего друга Сансона, то по дороге на улицу Пуассоньер я шепну ему, что кое-какие мелкие детали окончательно убедили нас в том, что это убийство.

Все согласились с Николя, однако Семакгюс продолжал еще о чем-то размышлять. Выходя из мертвецкой, Николя спросил Бурдо:

— Все говорят, что супруги Мурю не ладили между собой. Жену булочника недолюбливали; подмастерья осуждают ее за надменность. Муж, как я слышал, вел себя безжалостно по отношению к беднякам, с должников драл три шкуры, а когда речь заходила о прибыли, озверевал окончательно. Соседи считали его рогоносцем. Предполагают, что булочница водила шуры-муры с учеником, смазливым прощелыгой, сорившим деньгами во всех злачных местах Парижа.

— А что наши двое подмастерьев?

— О них отзываются по-разному, одни их защищают, другие поносят. Они всегда вместе, вот люди и судачат об их нравах. Тем более что старший всегда оберегает младшего. В общем, они рискуют попасть на костер; везде есть охотники нацарапать донос.

— Среди посетителей садов Тюильри немало тех, кто предпочитает греческую любовь, — возмущенно начал Семакгюс, — но я не уверен, что ко всем Ленуар относится столь неблагосклонно. Впрочем, обвинить несчастных детей, попавших в жернова большого города, гораздо проще, ибо если с нуждой они еще кое-как борются, то правосудию явно противостоять не смогут. Таких легко отправить на костер. В 1720-е годы одного подмастерья, действительно, сожгли.

— …из-за пристрастий, которые с милой улыбкой терпят при дворе, где бардашей можно встретить в каждом коридоре! — возмущенно подхватил Бурдо. — Увы, к несчастью, репутация обоих учеников булочника, действительно, вызывает подозрения. Возможно даже, хозяин грозился вышвырнуть их на улицу…

— Третий ученик насмехался над ними. Кстати, какого черта он не объявляется? Где его искать?

— Ума не приложу. Я оповестил всех наших осведомителей. Что касается записки, найденной у Мурю, то, как заверил меня Рабуин, речь идет о Гурдан, по прозвищу Графиня. Это своего рода суперинтендантша удовольствий, недавно она приобрела новый дом на улице Де-Пон-Сен-Совер.

— В ее прежнем заведении на улице Сент-Анн, — игривым тоном подхватил Семакгюс, — вы могли вкусить самых изысканных наслаждений. К сожалению, надо признать, иногда ее клиенты получали пинки Венеры.

— Не стоит ворошить неприятные воспоминания, — насмешливо произнес Николя.

— О чем вы говорите, сударь. У меня дома есть все, чего только можно пожелать, и хотя моя нынешняя кухня без перца, зато с огоньком, следовательно, я чувствую себя прекрасно.

— Мне кажется, Николя, — начал Бурдо, — что, прежде чем встречаться с Графиней, неплохо бы нанести визит нашей давней знакомице Полетте. Она знает этот мир и все его секреты.

— Поход к ней не доставит мне удовольствия. Может, вы к ней сходите?

От их последней встречи у него осталось крайне неприятное воспоминание. Из-за отъезда Сатин в Лондон ему пришлось выслушать немало едких упреков, разбередивших в нем чувства, близкие к угрызениям совести, о чем он до сих пор не мог забыть.

— Убежден, — бесстрастно продолжал Бурдо, — для вас она охотно запоет, ведь вы знакомы столько лет! По-моему, от вас она ничего не скроет.

— Хорошо, я пойду. Делать нечего. Учитывая возраст, наша давняя подруга вряд ли захочет встречаться с нами по доброй воле, а значит, будет либо изливать желчь, либо липко сюсюкать. Но, надеюсь, она предложит мне своего ликера! У нее он всегда превосходный! А госпожа Мурю?

— По-прежнему под домашним арестом.

— Надо внушить ей, что придется сидеть в четырех стенах до тех пор, пока она не будет с нами откровенна. А ученика надобно отыскать, сообщите об этом всем, кому следует. Во что бы то ни стало найдите его. Господа, уже поздно…

К великому удивлению комиссара, Бурдо и Семакгюс заговорщически переглянулись.

— Надо признаться, дорогой Николя, мы составили заговор, — произнес Семакгюс.

— Нам хотелось немного отвлечь вас от одолевающих вас забот.

— Господин де Лаборд, чье пристрастие к музыке и изящным искусствам вам хорошо известно, предложил нам билеты…

— Я не слишком доверяю нашему другу в том, что касается театра. Куда вы хотите меня вести? В заведение Гурдан?

— Пьер, — промолвил Семакгюс, — не кажется ли вам, что со временем характер нашего друга начал портиться? Он во всем видит только подвох. Разве можно сомневаться в благих намерениях таких друзей, как мы? Какое оскорбление! Идемте, дорогой, предоставим ему самому справляться со своей черной меланхолией.

И он с нарочито серьезным видом взял Бурдо под руку.

— Полно, господа, успокойтесь, я весь внимание. Я просто не могу упустить возможность посмеяться над заговорщиками.

— Благодарим покорно, — ответил Бурдо. — Теперь это называется «посмеяться». Меня, отца семейства и образцового супруга, записали в распутники!

— А что тогда говорить обо мне, — подхватил Семакгюс, — об отшельнике из Вожирара, полностью посвятившего себя ботанике и облегчению страданий наших ближних? Я так возмущен, что вряд ли мне еще раз захочется перекинуться словом с этим желчным насмешливым магистратом.

— Довольно! Я слагаю оружие к стопам дружбы.

— Вот наконец разумная речь. Тогда слушайте. Сегодня вечером мы приглашены в Оперу на премьеру «Серфаль и Прокрис» Гретри, на либретто господина Мармонтеля. В свое время спектакль был показан в Версале на свадьбе графа д’Артуа с Марией Терезией Савойской.

— О, Гийом заговорил языком *Меркурия*![30] — заметил Николя.

— Однако этот малый снова нас подкалывает! Ладно, Серфаль, Прокрис и Лаборд, двор и город ждут нас!

При этих словах у Николя промелькнула мысль, что в доме уже начался пожар, а двор и город по-прежнему бегут в Оперу, не думая о том, что будет завтра. В дежурной части, где Николя хранил дополнительный комплект одежды, все кое-как привели себя в порядок и, втиснувшись в фиакр, пойманный Николя, отправились на улицу Сент-Оноре. Николя так и не решился спросить Бурдо, нет ли новостей о Луи, полагая, что, если бы таковые были, он бы без промедления рассказал ему. Следовало также как-то затронуть еще одну деликатную тему.

— Пьер, у нас появилась возможность воспользоваться бесценной помощью, — произнес он робко, не зная, куда может завести его этот разговор.

— О какой помощи вы говорите?

— О помощи шевалье де Ластира; Сартин хочет, чтобы он вместе с нами занимался этим делом, а также помогал нам наблюдать за развитием событий.

Ответ был сравним с залпом картечью.

— Ну и куда сует нос наш морской министр? Разве мы помогаем ему вертеть ворот лебедки и опустошать гальюн на его кораблях?

— О! — совсем не к месту примирительно воскликнул Семакгюс. — Ластир — самый веселый спутник на свете, вдобавок у него есть еще одно большое достоинство: он сохранил нам Николя. Не будь его, мы бы сейчас оплакивали нашего друга.

— Ну, по этой части Пьер давно и далеко обогнал шевалье.

Несмотря на последнюю фразу, призванную успокоить собственнический эгоизм инспектора, зло свершилось: Бурдо молча кусал губы. Уговоры могли лишь усилить его возмущение. На протяжении оставшегося пути Семакгюс, не понимая, отчего настроение друга столь стремительно испортилось, постоянно отпускал жизнерадостные реплики. Чтобы войти в здание Оперы, как обычно, пришлось пробираться сквозь шумную толпу, кишевшую при входе. Все оставалось по-прежнему: лакеи суетились, бросаясь открывать дверцы карет, размахивали факелами, забрызгивая всех каплями стекавшего с них воска. Быстро взбежав по лестнице, они наконец почувствовали себя в безопасности. В углу фойе Николя поджидал сюрприз. Опираясь на руку Лаборда, в роскошном парике времен Регентства, при виде которого побледнел бы от зависти сам Сартин, в богато расшитом серебром фраке цвета сухих листьев и галстуке из валансьенских блондов, друзьям улыбался господин де Ноблекур. Тотчас посыпались восхищенные возгласы и поздравления.

— Вот Юпитер под руку с Меркурием! — воскликнул Семакгюс.

— Разве у моих башмаков выросли крылья?

— Разве я когда-нибудь метал молнии? Неужели за мной такое водится?

Тон благородных отцов, какими их представляют на сцене театра Бургундского отеля, почтенный магистрат передавал превосходно. Какой-то человек в черном бросился к Лаборду.

— Мой дорогой собрат, какая честь видеть вас сегодня в этом зале! Я был уверен, что хотя бы один знаток услышит меня и поймет мой замысел!

— Не верьте ему, Гретри! — произнес Ноблекур. — Он всегда поддерживал Глюка!

Улыбка тотчас сползла с лица композитора. Он собрался ответить, как вдруг рядом возникло разъяренное чудище в женском платье.

— А, вы здесь, чудовище без сердца и души, — уперев руки в бедра, заголосила мегера.

— Что это значит, мадемуазель? Немедленно вернитесь к себе в оркестровую яму!

— А вот и нет! Вы мне смешны! Знайте, сударь, у вас в оркестре зреет мятеж!

— Какой мятеж, мадемуазель, в оркестре Королевской академии музыки? Что это значит? Мы все на службе у короля и должны служить ему в меру наших сил.

— Я тоже хочу ему служить, сударь, но ваш оркестр сбивает меня с толку и мешает мне петь!

— Однако ритм полностью выдержан.

— Вы в этом уверены? Зарубите себе на носу, что ваша музыка — всего лишь смиренная служанка актрисы, исполняющей речитатив. За мной, сударь, и…

— Когда вы исполняете речитатив, я слежу за вами, мадемуазель, но когда вы исполняете арию, вам надлежит следить за мной… Так что умолкните и исчезните! — и он топнул ногой.

Раскрасневшаяся актриса удалилась, громко шелестя юбками, а композитор, вытащив из кармана большой платок, утер потное лицо.

— Она огорчает меня, убивает, вытягивает из меня все соки. Подумайте только, что за трещотка!

Ложа Лаборда располагалась рядом с ложей королевы. Перегнувшись через барьер, Николя привычным взором окинул зрительный зал. Морепа сидел вместе с супругой, чей картавый выговор был слышен во всех концах зала. В ярко освещенной ложе величественно восседал принц де Конти. Лаборд проследил за взглядом друга.

— Принц, как всегда, при деле: изображает из себя арбитра. К сожалению, его мнение очень важно для актеров, ибо оно является решающим. Слово, слетевшее с его уст, может как возвысить, так и бесповоротно погубить спектакль.

— Сегодня риска никакого, Гретри и Мармонтель — это та упряжка, что борозды не испортит.

— Не скажите. Эта опера напоминает о старой ссоре. Гретри следует традиции Рамо: увертюра, речитатив, балетный дивертисмент и балет в антрактах.

Обернувшись к Ноблекуру, он улыбнулся, увидев, с каким интересом почтенный магистрат лорнирует зал.

— Полагаю, сегодняшний спектакль понравится нашему другу, цепляющемуся за старую оперу не меньше, чем за старую кухню!

— Не собираюсь отвечать на ваши насмешки… Если пьеса провалится, Мармонтель расстанется с Гретри. Помните, что он нам сказал до прихода Николя, когда мы в первый раз встретились с композитором: «Меня попросили протянуть руку молодому человеку, который от отчаяния готов утопиться, если я не спасу его!» Но дважды он ему руку не протянет.

Спектакль шел ровно: публика не ликовала, но и не гневалась, наблюдая перипетии весьма условного сюжета. Серфаль, супруг Прокрис, питает страсть к Авроре, убедившей его прогнать жену. Диана примиряет супругов, однако муж во время охоты случайно убивает жену. Внимательный хозяин, Лаборд все предусмотрел: в перерыве им принесли заливное из дичи, шампанское, миндальное печенье и засахаренный миндаль. Семакгюс с трудом умерил пыл Ноблекура, полными горстями метавшего в рот угнетающие желудок обжаренные сладости.

Опера завершилась под вежливые аплодисменты публики. Но на выходе языки развязались. Чувствуя себя неудовлетворенными, большинство любителей утверждали, что худшая из комических опер автора, поставленных в театре Итальянской комедии, гораздо лучше сегодняшнего лирического опуса. Наиболее снисходительные хвалили балет, оказавшийся самой приятной частью представления. С блуждающим взором Гретри переходил от одной группы к другой и всюду твердил, что Глюк его задушил. Лаборд обратил внимание Николя на высокую красивую женщину, Софи Арну, исполнившую главную партию в «Ифигении в Авлиде». Она поссорилась с Глюком, и теперь ее намеревались заменить на Розали Левассер, дурнушку, однако опытную интриганку, любовницу австрийского посланника Мерси-Аржанто, усердно помогавшего ей делать карьеру.

Приветствуя принца Конти, певица неожиданно возвысила голос и изрекла:

— Музыка этой оперы, хотя и написана бельгийцем, гораздо более французская, чем либретто!

Глава VII
ЛИХОРАДКА

— Ах, граф, позвольте вас спросить,
Опомнитесь когда вы?
Народ вас может разлюбить.

— Не важно это, право,
Я в Оперу спешу.

Аноним, 3 мая 1774 года

Среда, 3 мая 1775 года

Ухитрившись пробудиться ни свет ни заря, господин де Ноблекур уже пил свой ежеутренний шалфей, когда вошел Николя. Сирюс и Мушетта встрепенулись: для них его появление означало появление бриошей и, соответственно, лакомых кусочков, предназначенных обоим попрошайкам. Задранные мордочки и трепещущие носы выдавали их нетерпение. Однако принесла Катрина только кувшинчик с шоколадом. Сердито замяукав, Мушетта выгнула спинку и улеглась спать, в то время как песик, вздохнув, вытянул лапы и устроил на них свою седую морду.

— Какая неприятность! Придется нам теперь искать другого булочника, а возможно, и другого нанимателя.

Казалось, вечер, проведенный в Опере, нисколько не утомил старого магистрата; он потребовал полный отчет о поездке в Версаль. Николя с удовольствием исполнил требование.

— Судя по вашим словам, наши правители отнеслись слишком легкомысленно к вашим сообщениям. Поверьте, буря не минует Париж. В этом городе все начинается и все заканчивается.

Он немного поразмыслил.

— А как там наше дело? Я говорю «наше», потому что преступление стало настолько дерзким, что явилось ко мне в жилище, нарушив мой покой.

— Вы тоже считаете, что речь идет об убийстве?

— О! Видимость — это всего лишь видимость, сама по себе она ничего не значит, точнее, она являет нам то, что пытаются нам внушить, или, напротив, то, что мы сами ждем от нее. Видимость противоречива, однако мраком своим она способствует нахождению истины. Надо идти против течения. Смотрите, желание найти виновных побуждает подвергать обвиняемых пытке одиночеством. Им угрожают, у них ослабевает воля, и они начинают говорить то, чего от них ожидают.

Привычка Ноблекура выступать в роли оракула давно уже не удивляла Николя, каждый раз с изумлением находившего в глубине загадочных речей зерно истины.

— Я более чем убежден, что вы, как обычно, погрузились в прошлое. Только в чье прошлое? В этом-то и вопрос. Не больше и не меньше. Надобно приподнять двойной покров…

Мысли Ноблекура перескакивала с одного на другое.

— Что касается Луи. Приободритесь, мне кажется, развязка близка. Никогда не стоит отчаиваться; в одну минуту несчастье может обернуться счастьем! Вы уже повидались с Эме?

Ноблекур читал в его сердце, словно в открытой книге.

— Честно говоря, мое долгое отсутствие сильно ее раздосадовало. Она избегает меня.

— Полно! Не волнуйтесь. Она к вам вернется. Мы всегда жалуемся на женщин, очаровавших нас своей грацией и приковавших к себе своими прелестями. Зная о волшебных женских чарах, влюбленный сам вручает ей оружие, с помощью которого она поработит его. Не настаивайте, ей надоест обижаться, и она явится сама! Подобная мимолетная неприятность вполне вписывается в наше повседневное бытие.

Выслушав приправленные цинизмом рассуждения Ноблекура, Николя вышел из дома на улице Монмартр и направился к Полетте. Он рассчитывал застать владелицу «Коронованного Дельфина» врасплох, когда она только пробудилась. К этому времени ночные бесчинства заканчивались, а наводить порядок, как принято в приличном заведении, еще не начинали. О шевалье де Ластире не было ни слуху ни духу; видимо, его удерживали иные дела. Отсутствие

шевалье, пожалуй, даже устраивало его: по крайней мере у Бурдо, чья обидчивость его весьма беспокоила, не будет повода для огорчения. А с Ластиром он поговорит, когда у него появится время. Начался дождь, и он взял портшез, оказавшийся крайне тесным, так что ему пришлось согнуться в три погибели.

В городе царило обманчивое спокойствие, напоминавшее затишье перед бурей. Привыкнув обращать внимание на все, что происходило вокруг, он с удивлением отметил, что вокруг галантного заведения на улице Фобур-Сен-Оноре кишат полицейские агенты. Он без труда распознал их, но они сделали вид, что не узнают его. Что означало столь пристальное наблюдение? От кого исходил приказ, кто его организовал? Об этом он непременно поговорит с Бурдо.

Шурша яркими разноцветными юбками, негритянка, которую он знавал еще девочкой, открыла дверь. Судя по кокетливой улыбке и оценивающему взгляду, которым она его одарила, он понял, что хозяйка заведения направила ее на путь галантных утех, и та, видимо, достигла на нем определенных успехов. Госпожа приводит себя в порядок, заявила негритянка и повела его в дальнюю часть дома. Услышав, как кто-то вошел в комнату, Полетта, сидевшая перед большим зеркалом-псише, не прерывая своего занятия, начала бранить предполагаемую посетительницу.

— Ты, как всегда, вовремя, Президентша! Ах, как мне не хватает Сатин! С тобой все наперекосяк, и заведение приходит в упадок. Да, я не собираюсь с тобой миндальничать, говорю все как есть. Вчера две новенькие, Адель и Митонетта, весь вечер корчили из себя недотрог, не только отказываясь исполнять желания общества, но и клиентов. А одна и вовсе потребовала от старого развратника увеличения оплаты. И что это значит? А это значит, что ты, Президентша, не способна подобрать девочек и правильно их оценить! Угождать мужчинам, какими бы странными нам ни казались их пристрастия, — вот наше главное правило. Если девочка считает, что клиент обходится с ней дурно, она вправе уйти от него, но при условии, что немедленно объяснит свое поведение тебе или мне. И если ее каприз окажется необоснованным, с нее надо взять штраф в количестве трехдневного заработка и на две недели отправить обслуживать стариков. Ну, что ты на это скажешь? Эй!

— Дражайшая Полетта, я бы хорошенько подумал, прежде чем говорить!

Опершись на беломраморную столешницу туалетного столика, она с трудом повернулась, явив ему толстощекое лицо, покрытое свежим слоем белил, где пятна кармина еще не успели превратиться в яркий румянец.

— А-а! Вот и еще один негодяй! Можешь войти, я давно тебя поджидаю. Понятное дело, твои фискалы меня выдали, то-то этот тип с вонючими ведрами только и делает, что шляется по улице Сент-Оноре, словно других мест нету…

Ее массивное тело содрогалось от ярости.

— Ты брюхатишь бедную девушку, а потом выбрасываешь ее на улицу вместе со своим семенем, ведь для тебя она всего лишь пустой сосуд…

— Но…

— Никаких «но», ты выслушаешь все, что у меня накипело. Ребенок родился, рос, а ты даже не пошевелился! Зато стоило тебе его случайно встретить, так нате вам, отправил его мать в изгнание, а его запихнул в тюрьму к долгополым! И как ты думаешь, что он там встретил? Брань, пинки, щелчки. Устав от оскорблений, он бежал и очутился на дороге в Париж, без денег, без ничего, оставалось только пойти с протянутой рукой. Но, слава Богу, его подобрали, отогрели, накормили. А его бездельник папаша по-прежнему беззаботно где-то ходит. Ты что-то сказал? Знаешь, меня он зовет теткой, и я имею право говорить все, что думаю. Так и жду какой-нибудь гадости, раз ты сюда притащился.

Несмотря на грубую брань Полетты, счастье волной захлестнуло Николя. Луи здесь, в нескольких шагах от него, живой, здоровый, свободный! Он чуть не задохнулся, подавляя рвущиеся из груди рыдания.

— Вы предъявили мне обвинение, сударыня, но я согласен забыть его из уважения к особе, приютившей моего сына. Тем не менее у меня к вам разговор. Сейчас велите привести Луи и оставьте нас. Мы поговорим потом.

Пока она, подчинившись, тяжело поднималась и, волоча ноги и цедя сквозь зубы неразборчивые слова, шла к двери, Николя думал, что, пожалуй, она тоже не знает истинных причин бегства Луи из коллежа. Через минуту, насупив брови и опустив глаза, вошел Луи. Его враждебная поза не предвещала радостной встречи.

— Я рад вас видеть, Луи. Я вас слушаю.

Он старался говорить как можно более ласково, однако в ответ получил молчание. Тогда он решил взять беседу в свои руки.

— Хорошо, молчите. Тогда я скажу вам, что у меня на сердце. Какими бы ни были ошибки, которые, по вашему мнению, я совершил по отношению к вам, я совершил их невольно. Скромность и благородство вашей матери стали тому причиной. Она слишком поздно сообщила мне о вашем существовании. Взывая к вашему чувству справедливости, я ожидаю от вас уважения и откровенности. Откройте ваше сердце и объясните мне причины вашего исчезновения, которые, как мне кажется, связаны с исключительно серьезными обстоятельствами. Иначе пришлось бы предположить, что вы совершили некий поступок, которого теперь стыдитесь, но в это я поверить не могу, ибо вы принадлежите к роду Ранреев.

— Отец, если вы так думаете, значит, вы вообще меня не знаете. Раз меня вынуждают объясняться, придется сказать, что мне не нравится, как вы ко мне относитесь, и я полагаю…

Что оправдывало столь надменный тон? Горькие воспоминания затопили Николя: он вновь переживал столкновение с собственным отцом в замке Ранрей. Всегда сдержанный и терпеливый, сейчас он чувствовал, как в нем нарастает раздражение; к счастью, ему вовремя удалось его сдержать.

— Вы забываетесь, Луи, и причиняете мне боль. Попробуйте обойтись без ненужных упреков и объяснитесь. А потом мы все взвесим на весах нашей совести.

Казалось, его слова успокоили Луи.

— Все зашло слишком далеко, — прерывисто дыша, неуверенно начал он. — Меня оскорбляли, унижали, обращались как с сыном…

— Замолчите! И никогда не позволяйте оскорблять вашу мать.

— Откуда вы знаете, что речь идет о моей матери?

— Потому что я сам найденыш и задолго до вас успел узнать все, что могут сказать в коллеже.

Прошлое вновь со всей ясностью встало перед ним, и он не смог сдержать горький вздох…

— Действительно, речь шла о моей матери, которую называли…

Шагнув вперед, Николя ладонью закрыл сыну рот и с удивлением обнаружил, что лицо его горит.

— Вы больны?

— Я простудился по дороге…

Внезапно Николя почувствовал, как напряжение мальчика прошло.

— …я не смог этого перенести. У нас был поединок. Что-то вроде дуэли.

— На циркулях, знаю.

— Нас развели. Меня посадили в чулан. Потом от вас с письмом прибыл отец капуцин. Я несколько дней дрожал от холода…

Николя кусал себе губы, но не решился перебить мальчика.

— …он сказал мне, что вы очень рассержены моим поведением и приказываете мне немедленно покинуть коллеж и отправиться в Лондон к матери, ибо больше не желаете меня видеть.

— Как вы могли этому поверить?

— Письмо было написано вашим почерком и запечатано вашей печатью. Как я мог сомневаться? Впрочем, вот оно. Судите сами.

Взяв письмо, Николя изумился сходством почерка.

— И вы могли представить себе, что я способен расстаться с вами?

— Никогда… но в какой-то момент… да… и меня охватило отчаяние.

— Почему мне сообщили, что вы бежали?

— Монах сказал мне — теперь я точно знаю, что не вы его прислали, — чтобы я бежал из коллежа, а он встретит меня на перекрестке. Но его там не было. Я не знал, как добраться до порта, а оттуда до Англии. Поэтому я пошел в Париж, но так как дороги я не знал, я шел следом за телегами. Прийти на улицу Монмартр я не решился и отправился в «Коронованный Дельфин», где меня встретила тетка.

— Ваша тетка?

— Полетта. Так я называл ее в детстве.

Из горла мальчика вырвались сдавленные рыдания. Николя распахнул объятия, Луи бросился к нему на шею, и они долго стояли, крепко обняв друг друга.

— Вам следует знать, что дела, которые я веду, и интересы могущественных особ, в них замешанных, побуждают меня сделать вывод, что через вас хотели поразить меня.

— Я это прекрасно понимаю. Отец, я не хочу возвращаться в Жюйи.

— Об этом и речи быть не может, тем более что у меня на вас иные виды. Но мне бы не хотелось навязывать вам какое-либо занятие, не зная, куда влекут вас ваши собственные наклонности.

— Я хочу служить королю с оружием в руках.

— Ваше желание вполне согласуется с моими планами. Так что идите, собирайте вещи, и я повезу вас на улицу Монмартр, где в вашу честь заколют упитанного тельца! Поблагодарите вашу… тетку за заботу и скажите, что я жду ее: мне надо обсудить с ней еще одно дело.

Бросив на отца сияющий счастьем взор, обрадованный Луи выскочил из комнаты. Волоча ноги, вернулась Полетта. Николя молча ждал ее.

— Вот она я, бедная женщина, — прокряхтела она. — Ну и норовистая, словно мул. Я знаю, ты на меня сердит. И ты прав. Я несла чушь, сама не понимала, что говорю. Малыш просветил меня. Мне перед тобой даже неловко, хотя…

— Хотя?

— Ты все равно не должен был отсылать Сатин в Лондон. Не говоря уж о том, какие убытки потерпело мое заведение, которым она так ладно управляла…

Он ни за что не сумел бы определить, о чем она сожалела больше. Разумеется, и о том, и о другом…

— Что-то вы слишком расчувствовались! Да будет вам известно, что она сама так решила. Я жалею лишь об одном и готов честно вам признаться: увидев, что она торгует в нижней галерее Версальского дворца, я излишне резко выразил ей свое неудовольствие. Надеюсь, вы понимаете, что я находился там как должностное лицо. Это все, но для нее оказалось достаточно. Но забудем об этом; по долгу службы мне придется задать вам несколько вопросов.

Вспомнив печальный взгляд Сатин, сердце его сжалось от сострадания. Полетта вздохнула: разговор сворачивал на привычную почву. Плюхнувшись в скрипучее кресло-бержер и ухватившись распухшей рукой за все свои многочисленные подбородки, она выжидающе посмотрела на него из-под полуприкрытых век.

— Добрая моя Полетта…

— Нечего рассыпаться в комплиментах, я давно изучила твои повадки!

— Вы помогли Луи, и наша дружба стала еще крепче.

— Как у повешенного с веревкой! — проворчала она. — Ладно, я и сама вижу, что все уладилось. Мир восстановлен; ты заслужил свой стаканчик ликера. У меня есть совсем свежий.

Она встала, открыла элегантный погребец из розового дерева, вынула оттуда два стакана из узорчатого стекла и наполнила их ароматной жидкостью. Одним махом опорожнив первый стакан, она одобрительно зацокала языком. Снова наполнив стакан, она протянула его Николя, который с удивлением обнаружил, что стакан покрыт черным лаковым рисунком с позолотой, введенным в моду при покойном монархе позолотчиком и багетным мастером Жаном Батистом Гломи.

— По-прежнему тот же поставщик?

— Теперь уже сын, — ответила она, и лицо ее неожиданно приняло мечтательное выражение…

Николя пригубил: в новом напитке огонь и сладость слились воедино.

— Как тебе, а? — спросила Полетта. — Вот он, самый смак, высший шик, так и ласкает небо! Ох, и за что я тебя люблю? Господи, как же долго мы с тобой приятельствуем… Подозреваю, ты снова станешь тянуть меня за язык.

— Да, все как прежде. Что вы знаете о Гурдан?

Она скривилась, и ее маленькие, глубоко засевшие в складках жирного лица глазки сузились настолько, что перестали быть видны вовсе.

— Вот уж точно вопрос полицейского. Будто ты ее не знаешь!

— Мне интересно не то, что знаю я, а то, что думаешь о ней ты.

— Безнравственная женщина, вот что я тебе скажу.

Комиссару ее слова показались странными. Его удивление не ускользнуло от внимательно наблюдавшей за ним Полетты.

— Не думай, что я не знаю, о чем ты подумал. На самом деле есть границы, которые я никогда не переступаю. Я никогда не заставляла своих девочек работать против воли, не покупала девственниц у их семей, да и еще много чего не делала.

И она с неодобрительным видом покачала головой.

— Значит, она…

— Старая мерзавка! Она не только набирает к себе в сераль совсем юных девочек, которых развратили их собственные родители, она еще и всякими штучками приторговывает.

— Например?

— Гурдан дает деньги под проценты, а если нечем платить, заберет товар: шелк с Востока, гродетур, тафту, шелковые чулки…

— Ну и где она нарушает закон? — спросил Николя, чувствуя, как щеки его розовеют под действием ликера.

— Тот, кто торопится получить наличные деньги, отдает все за бесценок, а это значит, Гурдан приобретает товар к великому убытку для торговца. Откуда, ты думаешь, у нее серебряные блюда? У меня только фаянсовые тарелки…

— Хорошо, а что еще?

— Еще? Сейчас я тебе расскажу, да еще и перчиком приправлю. Она совращает замужних женщин и бросает их в объятия старых развратников, отыскивает мощных жеребцов, готовых удовлетворить любую похоть. Дает пристанище любым парочкам. Обчищает англичан, которых после заключения мира пруд пруди. Берет хорошенькую девчонку, изображает при ней строгую дуэнью или заботливую кормилицу и ведет гулять в Тюильри, чтобы потом продать подороже. Сиротка всегда разжалобит клиента. Господи, скольких она уже общипала!

— Что еще?

— Ее девицы вертятся во всех местах увеселений: в Вокс-холле, на ярмарке в Сен-Жермен, в китайском павильоне. Тамошние заправилы раздают девицам бесплатные билеты, чтобы они завлекали всех и каждого на балы и празднества. И все это в ущерб честным борделям.

Разоблачая соперницу, Полетта пылала благородным негодованием. Придвинув кресло вплотную к Николя, она с таинственным видом склонила голову набок, призывая его прислушаться повнимательнее.

— Есть еще кое-что, о чем, бьюсь об заклад, ты даже не подозреваешь.

— Откуда вам все известно?

— О, он еще спрашивает! Я столько лет занимаюсь своим ремеслом, мне ли не знать всего и вся!

Она повысила голос.

— Одна девочка, которую я правильно воспитала, теперь работает у Гурдан, ну и рассказывает мне обо всем, что там происходит. Гурдан влезла в политику. Распоследнее это дело. Господин начальник полиции нас, конечно, терпит, но, сам знаешь, если что не так, нас и прихлопнуть недолго. А она давно с ними путается. Началось на улице Сент-Анн и продолжается на улице Де-Пон-Сен-Совер. В ее доме проходят собрания…

— Галантные?

— Да нет же, дурная твоя голова! Негоцианты, денежные воротилы, крупные коммерсанты, из тех, что торгуют зерном и мукой. Ну, соображаешь? Только сделай милость, сразу не дребезжи на всю улицу.

— Вы хотели сказать: молчите в тряпочку?

— Чего? Молчать в тряпочку? Ох, да не сбивай ты меня. Да, она привечает спекулянтов, тех, что все захапали и к себе пригребли. Об этом много болтают. Кстати, последнее собрание состоялось ночью, дня три-четыре назад. Понимаешь, всегда можно сказать, что они собрались развлечься, ну, там, утехи вчетвером, потом поменялись…

— И о чем же говорят на этих собраниях?

— Продул без единой взятки! Совсем ума лишился! Понятное дело, о своей торговле. Дом Гурдан полон тайн. Они проникают к ней незаметно, через потайную дверь, которой пользуются развратники в рясах. Дверь эта находится в соседнем доме, там, где лавка торговца картинами. К нему каждый может войти, не вызывая подозрений. А с Гурдан у них свой разговор. Ход к ней из соседнего дома открывается в одном из шкафов в…

— Картина поистине интригующая.

— Вот тебе мой совет. Поговори с инспектором Марэ, у него есть полный список галантных заведений. Он много чего может порассказать!

Выпустив последние стрелы, противники расстались вполне мирно. Луи с узелком в руках уже ждал Николя.

— Я забрал книги, подаренные господином де Ноблекуром.

— Вы могли продать их и выручить деньги на ваши нужды.

— Мои книги! Да еще подаренные господином де Ноблекуром! Отец, как вы могли подумать?

— Нет, конечно, нет. Я пошутил. Я знаю, сколь серьезно вы относитесь к учению и как дорожите привязанностью господина де Ноблекура.

Едва они оказались на улице, как к ним метнулся странный субъект. Николя узнал Сортирноса; клеенчатый плащ, прикрывавший коромысло с ведрами, делал его похожим на летучую мышь.

— Рад тебя видеть, наконец-то ты вернулся, — улыбнулся Сортирнос. — Узнав, что ты здесь, те, что тут караулили, быстренько смотались. Вокруг сегодня кое-где маленько поскандалили. Понятное дело, утром хлеб продавали по четырнадцать су четыре фунта.

— Надеюсь, ты мне скажешь, почему они кружили вокруг «Коронованного Дельфина»?

— Что говорить-то, они тут, чтобы защитить твоего малыша! Он уже несколько дней живет у старой сводни. По приказу Бурдо.

Итак, инспектор все знал, и Ноблекур тоже. Но они хотели, чтобы он сам уладил свои отношения с Луи, и лишь наблюдали, чтобы с мальчиком ничего не случилось.

— Скажи им, что каждый получит премию, — произнес он, вкладывая в руку Сортирноса двойной луидор.

— Всегда к вашим услугам, от всего сердца.

— Мне кажется, ведра твои пусты…

— Еще бы! Клиентов больше нет, и мне пришлось бросить ремесло.

Притопывая, словно медведь на ярмарке, он принялся напевать:

Давно по городу брожу,

Чтоб каждый мог свою нужду

Ко мне в ведро отлить.

Теперь куда захочешь — лей,

Не нужен мой сортир, ей-ей!

— Но ведь ты по-прежнему носишь свои игрушки!

— Сам знаешь, из любви к тебе я завел дружбу с осведомителями. Нынче я снова в деле, а с этими ведрами я могу появляться где угодно, не вызывая подозрений.

— Ты мне, без сомнения, понадобишься. Где тебя найти?

— Бурдо и Рабуин знают.

Пока они ехали на улицу Монмартр, Луи с удивлением спросил комиссара, почему к нему обращаются на «ты», и Николя объяснил, что учтивый человек должен уметь встать вровень с теми, кто с ним разговаривает, особенно когда эти люди, разумеется, по-своему, как умеют, выказывают ему свое дружеское расположение. Уверенный, что Луи примут как родного, Николя высадил сына у ворот дома Ноблекура и поехал дальше. Увидев, как мимо церкви Сент-Эсташ торопливо шагает Бурдо, он велел кучеру остановиться, открыл дверцу и подождал, пока инспектор заберется в экипаж.

— Я боялся пропустить вас.

Николя пожал ему руку.

— Пьер, я никогда не забуду, что вы для меня сделали. Я все знаю. Луи вернулся в родные стены. Я все понимаю. Мне трудно передать, насколько меня растрогала ваша деликатность. Мой долг вам возрос до бесконечности.

Бурдо покраснел, глаза его увлажнились, и он поторопился перевести разговор на иную тему.

— В Шатле прибывают тревожные известия. Грозные толпы людей под предводительством отчаянных вожаков стекаются в Париж. Сведения поступили с застав Конферанс, Сен-Мартен и Вожирар.

— Сортирнос рассказал мне о волнениях в квартале, что неподалеку от «Коронованного Дельфина».

— Наши осведомители сообщили, что мятежники пользуются условным языком. Когда в Вожираре кто-то спросил всадника в сапогах, куда им идти, тот ответил: «Три точки и тридцать один»; его ответ передавали от одного к другому, и, похоже, все его поняли. Самая густая толпа двинулась прямо к зерновому рынку; думаю, сейчас она уже там.

— Народ идет за толпой?

— Нет! Он в этом не участвует. Разумеется, всегда есть любопытствующие, готовые поживиться задарма хлебом, но в грабежах никто не участвует. Многие запирают двери и, отворив окна, глазеют, словно перед ними проходит процессия Тела Господня. Даже ремесленники, которые, казалось бы, могли присоединиться к разрушителям, в большинстве своем сохраняют спокойствие.

— А те, кто должен охранять общественный порядок?

— Полное замешательство, неуверенность и некомпетентность! Маршал Бирон отказался отменить церемонию благословения знамен отрядов гарнизона, хотя ему посоветовали…

— Посоветовали? Разве еще есть время для советов? Пора приказывать! Нынешние действия наших начальников выше моего понимания.

— Советчиком выступил Морепа; он вполне справедливо оценил обстановку. Бирон же боится, что жесткие меры возбудят народ и сыграют роль фитиля в пороховой бочке. Только черные мушкетеры заняли позиции на рынке.

— Да будет угодно Господу, чтобы их верность и стойкость смогли остановить толпу!

— В остальном приказов никаких. Одни мы с нашими осведомителями, бегаем из конца в конец, пытаясь понять, куда двинется толпа. Чем пассивней ведут себя власти, тем более дерзкими становятся подстрекатели. Когда Тюрго возвращался в Версаль, по дороге его остановила шайка подстрекателей. Потрясая кусками заплесневелого хлеба, эти люди орали, что народ хотят отравить. Когда один из наших выхватил у них кусок, мы убедились, что хлеб был черный, засохший, но ничуть не заплесневелый. Его просто опустили в какую-то зеленоватую краску. А в квартале Мобер толпа захватила и разграбила дом тамошнего комиссара, господина Конвер-Дезормо. Куда мы катимся?

— В управление полиции, мой дорогой, и постараемся объехать Министерство финансов стороной!

На улице Платриер собралась большая толпа, и им пришлось подать назад. Несколько вопивших во всю глотку мужчин и женщин пытались взломать двери булочной, молотя по ним палками, шестами и железными ломами. Находчивость спасла булочники от расправы: схватив только что вытащенный из печи противень с хлебом, он со второго этажа бросил в толпу горячие булки. В кожаных фартуках, в колпаках, надвинутых так глубоко, что лиц не было видно, возмутители спокойствия держали в руках мешки и крючья. Подскочив к фиакру, один из них, с налитыми кровью глазами, закричал:

— На Бастилию, вперед, на Бастилию! А потом на Бисетр! Долой замки, выпустим узников на улицы!

— Как же, на Бастилию! — проворчал Бурдо. — Пусть только попробуют, крепость неприступна.

Отряды городской стражи в бессилии взирали на бесчинствующих молодчиков. Осыпаемые бранью и угрозами, они под улюлюканье толпы сделали вид, что заряжают ружья.

Однако офицеры велели им отступить. Проходя мимо фиакра, один из них процедил сквозь зубы: «Пусть только прикажут, мы в два счета разгоним это сборище!»

Скрипя осями, экипаж покатил в объезд по улице Жюсьен, где царили покой и тишина. Итак, мятеж, похоже, вспыхивал в определенных кем-то местах и распространялся по указанным кем-то улицам, не затрагивая основную часть города. Николя приказал гнать в управление полиции. На вопрос Бурдо, отчего они едут именно туда, он коротко изложил свою беседу с Полеттой, а потом и собственные соображения.

— Итак, — подвел он итог, — сейчас мы не в состоянии никому помочь. Приказы, которые должны быть отданы, не отдаются. Как вы уже поняли, главное, что сообщила мне наша давняя приятельница, — это тайные собрания торговцев и скупщиков муки. Хорошо бы узнать…

Сжав кулаки, он размеренно ударял ими по потертому бархату сиденья:

— …что делал у Гурдан мэтр Мурю. Волочился ли за юбкой или явился на собрание. Судя по запасам муки у него в подвале, он активно скупал самый важный для питания народа продукт. Уверен, мы имеем дело с самым настоящим заговором провокаторов, скупающих муку и порождающих ажиотаж вокруг цен на хлеб.

— Так вы уверены, что убили его не свои, не домашние?

— Одно другому не мешает.

— И для этого вам надобно кое-что выяснить в полицейском управлении.

— …где находится бюро инспектора Марэ.

Бурдо хлопнул себя по лбу.

— Как же я не подумал! Он действительно должен быть в курсе. Начальник службы полиции нравов хранит не только списки девиц для утех, но и листовки с адресами, которые распространяют сводни. Однако к нему трудно подступиться, у него всегда несколько личин в запасе, ведь ему известны секреты едва ли не всех высокопоставленных особ, отчего ему постоянно приходится пребывать настороже. В сущности, он ходит по краю пропасти…

— А нет ли у нас, случайно, какого-нибудь средства убеждения, дабы применить к нему? Или мы имеем дело с новоявленным Ларденом?

Бурдо лукаво улыбнулся.

— Один из его служащих регулярно посещает Гурдан, чтобы выпить чашечку кофе.

— Видимо, он включил эти визиты в свои служебные обязанности. Среди служащих полиции нравов многие по собственной инициативе облагают данью содержательниц заведений и бедных девушек, нарушая закон и тираня несчастные создания, отнимая у них веру в справедливость.

— Согласен, хотя не все переходят границы. Тот, о ком я говорю, некий Мино, злоупотребляет своей властью и предупреждает Гурдан о поданных на нее жалобах, дабы потом за вознаграждение их замять.

— Да вы в курсе всего, Пьер. Откуда такая осведомленность?

— Вы парите в верхних сферах, я стою на земле. В двадцать лет, к счастью для нас обоих, вы одним прыжком очутились на самом верху лестницы. Но у такой старой рабочей лошадки, как я, повсюду остались связи. В нашем ремесле без связей никуда. Как только в нашем расследовании мелькнуло имя Гурдан, я вспомнил всех своих приятелей…

Бурдо, как всегда, угадывал еще не высказанные пожелания комиссара.

— Сплетни собирать бесполезно. Письмо Мино к Гурдан мы получили от одной из тех девиц, что сохнет по Рабуину.

Вытащив из кармана листок, он принялся читать:

«У вас, сударыня, грядут неприятности. Только что в полицию принесли на вас жалобу, но я сумел ненадолго отвлечь от нее внимание. Так что если вы придете ко мне около четырех

часов, я сообщу вам ее содержание, избавив вас таким образом от последующих неприятностей.

Но, поверьте, сударыня, неприятности не только у вас. Сейчас мне пришлось выложить двадцать пять луидоров, что поставило меня в весьма затруднительное положение, ибо завтра я должен оплатить вексель на эту сумму. Жду вас в четыре часа. Не опаздывайте. Бумага, кою мне удалось задержать, может быть пущена в ход…»

— Фи, вот мерзавец! Что ж, с этим мы заставим говорить и Марэ, и Мино, и сводню. Однако, девица, раздобывшая сей документ, поистине бесценный агент!

— Надеюсь, мы сумеем воспользоваться столь неоспоримой уликой.

— Если Марэ начнет упрямиться, мы предъявим ему доказательства.

— Кстати, этот обоюдоострый клинок прекрасно подойдет и для Гурдан.

Встреча с инспектором нравов прошла достаточно мирно. Не имея возможности опровергнуть доводы комиссара, инспектор, постоянно потиравший руки, не упорствовал и после нескольких формальных выпадов, согласился ознакомить следователя по особым поручениям с делом Гурдан.

Маргарита Сток, как звучало ее настоящее имя, вышла замуж за некоего Гурдана, сборщика податей из Шампани, ставшего затем управляющим по налогам в Бресте. Быстро расставшись с мужем, она открыла табачную лавочку, а потом под именем Дариньи начала работать «тайной сводней» — сначала на улице Сент-Анн, а затем на улице Контес-д'Артуа, откуда и пошло ее прозвище Маленькая Графиня.[31] У себя она принимала сливки общества: принца де Конти, герцогов Шартрского и де Лозена, маркиза де Ла Тремуйля и де Дюра. Впрочем, об этом Николя уже знал. Марэ явно чувствовал себя не в своей тарелке и постоянно старался отвлечь непрошеных визитеров от истинного характера его отношений с самой известной сводней Парижа.

Приберегая тяжелую артиллерию на закуску, Николя до такой степени измотал собеседника мелкими словесными перепалками, что тот, сбитый с толку, в конце концов сам коснулся интересующего комиссара вопроса. Видимо, подумал Николя, инспектору не раз приходилось закрывать глаза на нарушения Гурдан.

В самом деле, Марэ поведал, что на Гурдан неоднократно подавали жалобы, и, если бы он дал им ход, она давно бы потеряла и репутацию, и заведение. Некий галантерейщик жаловался, что сводня развратила его жену, а когда он попытался вернуть супругу, пригрозила, что с помощью своих высокопоставленных покровителей упечет его в тюрьму. Еще более серьезной, по мнению Марэ, была жалоба в Парламент на то, что в своем заведении она развратила госпожу д'Оппи, супругу великого бальи Дуэ; сейчас, обвиненная в супружеской измене, несчастная пребывала в Сент-Пелажи, а Парламент угрожал Гурдан арестом. Понимая, что лучше пожертвовать частью, чем потерять все, Гурдан согласилась стать осведомительницей. Тем не менее правосудие в любую минуту могло опустить на нее свою карающую длань, поэтому имелись все основания полагать, что она не окажется глухой к вопросам комиссара Ле Флока. Марэ подтвердил, что таинственные собрания, происходившие в доме по улице Де-Пон-Сен-Совер с завидной регулярностью, не имели никакого отношения к торговле сладострастием, но его любопытство не простиралось настолько, чтобы выяснять имена участников, что, учитывая занимаемую Марэ должность, показалось Николя странным.

На обратном пути Бурдо заметил, что Марэ оказался на удивление сговорчивым. Видимо, особое положение Николя как следователя по чрезвычайным делам и вдобавок маркиза, пользовавшегося авторитетом не только у Ленуара, но и при дворе, делали из комиссара весомого союзника, к которому Марэ мог бы обратиться в случае, если его деятельность поставят под сомнение. Сгорая от нетерпения незамедлительно взяться за Гурдан, Николя не стал спорить. Помня о задержанных, пребывавших в одиночном заключении и под домашним арестом, он хотел поскорее понять, можно ли отпускать их или нет.

Чтобы не оказаться на пути у мятежной толпы, кучер долго вез их по берегу реки, а затем по улице Сент-Оноре; и все же в начале улицы Монторгей фиакр оказался в самом центре бурлящего людского потока. Николя, полагая, что следовало свернуть на улицу Тиктон и, проехав по лабиринту закоулков, выехать на улицу Сен-Дени, вступил в пререкания с кучером. Тот, в свою очередь, стал убеждать комиссара, что на тех улицах небезопасно. В конце концов Николя и Бурдо отправились к дому Гурдан пешком. Неожиданно полил дождь. На углу улиц Тиктон и Сен-Дени струился широкий ручей. Какой-то мастеровой подкатил к перекрестку низенькую платформу на колесах, намереваясь, видимо, предложить ее в качестве моста через водную преграду. Вскоре Бурдо и Николя увидели, как добротно одетый горожанин отважно ступил на этот шаткий мостик, но, не сделав и пары шагов, оступился и упал в лужу. Весь промокший, он вскочил и пустился наутек, а за ним мчался мастеровой, требуя три су за предоставленный переход.

— Однако, прибыльная коммерция для дождливой погоды, — усмехнулся инспектор. — Если бы только клиенты не убегали.

На узкой улице Де-Пон-Сен-Совер, застроенной преимущественно недавно, дом Гурдан с лепным фасадом ничем не выделялся среди соседних домов. Узкий, он тянулся ввысь на несколько этажей, примыкая справа к ограде двора отступившего от улицы здания, а слева — к дому, похожему на него как две капли воды. Субретка в переднике, открывшая им дверь, немедленно поинтересовалась, не они ли те самые провинциалы, что заранее заказали две «любимые» комнаты. Не став вводить ее в заблуждение, они без лишних слов заявили, что желают видеть хозяйку. Когда служанка удалилась, Николя, обращаясь к Бурдо, заметил, что здешняя субретка выглядит как горничная из порядочного дома. Вернувшись, субретка любезно проводила их на второй этаж и там попросила подождать в гостиной со стенами, затянутыми пурпурным дамастом, обрамленным позолоченным багетом.

Обстановка состояла из нескольких кресел-бержер, трехместной оттоманки и шести кресел-кабриолет, обтянутых малиновым бархатом. Довершали убранство несколько зеркальных трюмо. На верхних панелях дверей были изображены: на одной — спящая Венера, а на другой — портрет покойного короля. Множество гравюр и эстампов привлекали внимание своими вызывающими сюжетами.

Вошла немолодая женщина, похожая на набожную горожанку, собравшуюся в церковь. Одноцветный рисунок ее платья напомнил Николя добрую даму из Шуази; худая, с вытянутым лицом и бледной кожей, Гурдан, похоже, совсем не пользовалась притираниями и гримом. Маленькая кружевная косынка прикрывала светлый парик с уложенной на затылке косой; парик сидел криво, приоткрывая ее собственные волосы цвета светлого каштана. Римский нос, зубы слишком ровные, чтобы быть собственными, придавали ее облику величие, чуть-чуть подпорченное крошечными глазками и столь тонкими губами, что только карминная полоса свидетельствовала об их наличии. Глядя на нее, становилось понятно, как ей, церемонно вышагивавшей с кем-нибудь из своих скромно одетых девиц, удавалось обманывать заморских простофиль, желавших завязать интрижку с добропорядочной парижанкой.

— Господа, мне сказали, что вы желаете поговорить со мной. Полагаю, вы ищете утонченных развлечений, которыми славится столица. И вы не ошиблись: мой дом, первый по всем статьям среди подобных заведений, устроен по последней моде. Нас посещают сливки как городского, так и придворного общества; уверяю вас, я могу предоставить вам…

— Боюсь, — произнес Николя, прерывая ее словоизлияния, — что вы ошибаетесь относительно цели нашего визита; он имеет несколько иную природу…

Улыбка женщины застыла где-то посредине между добродушной усмешкой и недовольной гримасой.

— Какая разница, господа, все равно, я рада вас приветствовать. Не стану долее терзать вас вопросами, ибо догадываюсь, что вы ожидаете найти в моем доме потворство вашим

вкусам. И я готова полностью удовлетворить ваши требования во всем, что касается изобретательности и разнообразия: в частности, у меня есть поистине королевские кусочки, ожидающие истинных ценителей…

— Сударыня, пора внести ясность, — произнес Николя, решив нанести удар сплеча. — Я комиссар полиции Шатле и прибыл сюда по приказу начальника полиции, чтобы допросить вас. Этот господин — инспектор, он помогает мне в работе, и в частности, он будет составлять протокол допроса.

Сжимавшие спинку кресла пальцы Гурдан побелели. Николя не назвал ни своего имени, ни имени инспектора, но она их и не спросила. То ли она уже знала их, то ли намеревалась сначала понять, с какой целью они явились, и только потом выяснять, кто они такие.

— Господа, господа, — продолжила она сладким, исполненным раскаяния голосом. — Простите, что приняла вас за провинциалов, прибывших в Париж в поисках удовольствий, коими славен сей город. Мой почтенный дом пользуется широкой известностью, все мои девушки зарегистрированы в полиции. Я всегда сообщаю, кому следует, об иностранцах и обо всех происшествиях. Вам лучше было бы поговорить с инспектором Марэ и с теми, кто давно знает меня как законопослушную и добрую подданную его величества…

— Например, Мино, что служит в полиции нравов?

— Почему бы и нет? И с ним, и с другими…

— …которым вы приплачиваете.

— Не вижу в этом ничего дурного; друзья могут оказывать друг другу небольшие услуги; впрочем, и другие также могут на них претендовать.

— Однако вы не можете пожаловаться на отсутствие самонадеянности! Итак, главное — иметь в полиции друзей, а еще лучше — должников. А как с ними договариваться? Да с помощью денег, не так ли, госпожа Гурдан?

На лице ее отразилось сострадание.

— Это обычная практика, и мне странно, сударь, что вас это удивляет, если, конечно, вы сами не пытаетесь воспользоваться проверенным средством. Но, видите ли, у меня свое обхождение с вашим братом, и я не вижу, почему для вас я должна делать исключение.

Увы, полиция не могла обходиться без осведомительниц, вербуемых среди проституток.

— Я готов мириться с рутинными методами, но только когда они не противодействуют следствию и не препятствуют отправлению правосудия.

— Сударь, я ваша смиренная служанка, но, вы, похоже, меня с кем-то путаете. Я могу многое рассказать. Не стоит набрасываться на честную женщину, которая давно приносит пользу многим.

— Это самое я и говорил инспектору, пока мы ждали вас. Ваш дом, бесспорно, самый известный, самый признанный и самый посещаемый, и я не стану…

Она подняла голову: на лице ее играла вымученная улыбка. Она думала, что переиграла его.

— Однако, — продолжал Николя, сплетая слова, словно паук паутину, — именно ваша репутация и обязывает вас избирать правильный путь в отношениях с магистратами, дабы во всем оставаться примером дозволенного и законного.

— Зачем вы меня пугаете? Вы же сами все ходите вокруг да около, словно распоследний лицемер! Это скорее я могу заподозрить вас в недобрых намерениях…

— Сударыня, — заявил Бурдо, — порок, позабывший про совесть, очень опасен. Вы плохо себя ведете. С комиссаром в таком тоне не разговаривают. Где же ваша обходительность? Вы слишком полагаетесь на свои высокопоставленные знакомства. В крайнем случае они помогут вам выйти из тюрьмы, но, черт побери, они не помешают вам туда попасть!

— Да скажите же, наконец, — вскричала она, внезапно утратив всю свою надменность, — в чем я провинилась?

— Успокойтесь, у нас множество улик и доказательств, которые вы не сможете опровергнуть. Поэтому настоятельно советую вам не прикидываться глупее, чем вы есть на самом деле.

— Сударь, вы забываетесь! Вы разговариваете с дамой!

— Да, — согласился Николя, — со сводней Гурдан, содержательницей борделя, который терпят власти. Ваш тон, сударыня, неприемлем, и мое терпение может иссякнуть. Если вы будете благоразумны, я удовлетворю ваше любопытство. А пока извольте оставить ваш наглый тон.

Он открыл свою черную записную книжечку.

— *Primo*, на вас поступают жалобы; вы заставляете заниматься вашим ремеслом детей, выкупая их у бесчеловечных родителей, и вовлекаете в разврат замужних женщин.[32]

— А разве я одна этим занимаюсь? К тому же все эти жалобы уже забрали назад.

— Включая ту, что касается высокородной дамы, супруги воина, служащего королю?

— Я свидетельствовала против нее.

— Да, защищая самое себя. Посмотрим, какое решение вынесет палата Парламента. А чтобы оживить вашу память, напомню, что, согласно королевскому ордонансу от 1734 года, вам может грозить клеймение, наказание кнутом и поездка на осле, лицом к хвосту, в соломенной шляпе и с табличками спереди и сзади, на которых будет написано: «сводня».

— Ничто не сравнится с вашим упорством, сударь. Да это просто шантаж! Даже полиции нельзя доверять!

Поражаясь наглости хозяйки борделя, он развернул листок и принялся читать: «У вас, сударыня, грядут неприятности. Только что в полицию принесли на вас жалобу…»

Когда он закончил чтение, она вся дрожала — то ли от ярости, то ли от страха.

— И какое я имею отношение к этому господину, ежели я его знать не знаю?

— Откуда вы знаете, что вы с ним не знакомы? Разве я назвал его имя? Вы платите ему, чтобы он уничтожал не угодные вам документы.

— Уверяю вас, это неправда. Я честная женщина, и никто не может сказать, что я не выполняю своих обязательств. Я могла бы назвать вам…

— Достаточно. Инспектор, составьте протокол об аресте. Вы сопроводите эту женщину.

— В приют?

— Нет, лучше в Бисетр. Там ей развяжут язык.

Он был уверен, что избранное им средство подействует, и не ошибся; внезапно стена рухнула.

— Ах, сударь, не губите меня! Какой вам толк арестовывать меня и отправлять в это ужасное место? Не будьте столь жестоки.

Ее игра, достойная примадонны, восхищала его. Впрочем, ее искренность его не интересовала; главное, цель достигнута: она, как ему кажется, готова все рассказать.

— Сударыня, я готов вас выслушать, но помните, что при малейшей попытке обмануть меня вы немедленно отправитесь в Бисетр. Советую вам не вилять, а идти прямо к истине. Тогда и только тогда мы посмотрим, что мы могли бы для вас сделать.

— Признаете ли вы, — монотонно начал Бурдо, — что некий Мино, служащий в полиции нравов, предложил вам за двадцать пять луидоров уничтожить поданную на вас жалобу? Письмо оного Мино было вам зачитано.

— Сударь, это противоречит… Ну, конечно… Да, подтверждаю.

— Прекрасно. Вот вы и сделали первый шаг. Вы записали, инспектор?

Опершись на каминную доску, Бурдо старательно водил пером по бумаге, делая вид, что записывает.

— *Secundo*, вы признаете, что поощряли распутное поведение замужних женщин в вашем заведении?

— Разумеется, нет!

— Итак, мы снова имеем дело с отступницей. Что ж, применим секретное оружие.

«Сударыня, я самая несчастная из всех женщин. Мой муж — старый сыч, не способный доставить мне ни малейшего удовольствия…» Мне продолжать, а заодно напомнить, какие кары влечет за собой это преступление?

— Признаю, признаю, — испуганно замахала руками Гурдан.

— Прекрасно, двигаемся дальше. Перейдем к недавнему делу, относительно которого вы упорно молчите. Решающий вердикт будет зависеть от ваших ответов.

— Я вас слушаю, сударь, — умирающим голосом пробормотала Гурдан, изо всех сил теребя рюши на манжетах.

— Сударыня, в ночь с воскресенья 30 апреля на понедельник 1 мая парочка, тайные встречи которой вы поощряете, провела у вас несколько часов. Что вы можете о них сказать?

Он ловил вслепую, как когда-то в Круазике ловил крабов среди прибрежных скал. Однажды его сильно укусил морской угорь, упорно не желавший, чтобы его выловили; от этого укуса у него до сих пор остался шрам. Гурдан, похоже, действительно смирилась, и он словно открытую книгу читал ее мысли. Тем более что спрашивал он всего лишь о любовном свидании.

— О! У меня такого рода встречи устраивают часто.

— Однако только что вы не были в этом столь уверены.

Она снова принялась кусать губы.

— Мы даем пристанище любви… Наша скромность такова, что…

— …что вы никого ни о чем не спрашиваете… Впрочем, я и сам вижу. Итак, в тот вечер?

— Народу мало — воскресный вечер, что вы хотите! Парочка, без сомнения, та самая. Женщина под вуалью. На мой взгляд, лет тридцати пяти. Молодой человек в треуголке и черной полумаске.

— Полно, сударыня, мы не на маскараде в Опере. Не пытайтесь меня убедить, что вы открываете дверь неизвестно кому. Их имена?

— Кровельщик передал мне записочку от имени госпожи Марты.

Марта, подумал Николя, Марта, Монмартр, улица Монмартр. Булочница Мурю недолго придумывала себе незамысловатое имя.

— Следовательно, комнату снимали от имени Марты?

— Как обычно. В заказ, разумеется, входил огонь в камине и поздний ужин.

— Да, — вздохнул Бурдо, — как обычно.

— Значит, эти встречи были регулярными?

— На протяжении шести месяцев, — со вздохом ответила она.

— В котором часу они пришли?

— Когда пробило девять.

— А ушли?

— Не знаю. По ночам мы не следим за своими клиентами.

— Давайте по порядку, а если я не прав, вы меня поправите. Итак, они пришли вместе и вошли через черный ход, которым пользуются духовные лица. Они поднялись на третий этаж?

— На четвертый.

— И никто из них не выходил?

— …Нет.

Услышав неуверенность, прозвучавшую в ответе, он решил ошеломить ее.

— А я уверен, что выходил.

Она в смятении уставилась на него; Бурдо с любопытством поглядывал на Николя.

— Ну, раз вам все известно… — неуверенно протянула Гурдан.

— Комиссар, — назидательно изрек инспектор, — знает все, что происходит повсюду и в любой момент. И он уверен, что вы с нами неискренни, а значит, нарушаете наше соглашение.

— Нет, что вы. Извините меня, я ошиблась по неведению.

Оба полицейских начинали находить удовольствие в этой игре, где к ним постоянно возвращалось преимущество.

— Да, около одиннадцати часов парочка позвонила: они хотели заказать еще бутылку вина. Но служанка не пришла — то ли шнурок от звонка порвался, то ли она его не услышала. Короче говоря, молодой человек спустился на первый этаж.

— И там встретил не только служанку, но и кого-то еще?

— Не могу утверждать. Все возможно. У меня в доме люди приходят и уходят…

— …постоянно, — насмешливым тоном, однако с каменным лицом подхватил Бурдо.

— Молодой человек мог встретиться с вашими клиентами?

— Разумеется, завсегдатаи…

— Но вы сказали, что вечером в воскресенье народу у вас не много.

— Конечно, конечно. Но всегда есть провинциалы, парочки, многолюдные…

— …собрания?

— Не слишком, по три-четыре человека собираются довольно часто.

— Но я говорю не о тех собраниях, сударыня. Ах, сударыня, моя добрая воля отступает под натиском вашей недобросовестности. Как вы считаете, инспектор?

— Считаю, что камера…

— Господа, вы злоупотребляете своим положением, я всего лишь несчастная женщина.

— Довольно, — произнес Николя. — Вам давно следовало понять, что нам многое известно, и от вас мы ждем всего лишь подтверждение того, что мы уже знаем, а также некоторых подробностей. В воскресенье вечером у вас происходило собрание. Зачем собирались его участники и знаете ли вы их по именам?

На лице Гурдан отразилось крайнее изумление: она не могла себе представить, что оба полицейских столь хорошо осведомлены о том, что происходит у нее в доме.

— Господин комиссар, в этом доме иногда собираются люди, желающие поговорить без свидетелей. В воскресенье вечером они вновь пришли ко мне. Лакей без ливреи предупредил меня за неделю. Их была примерно дюжина, причем самые разные: придворные, откупщики, крупные торговцы…

— Торговцы чем?

— Зерном, насколько я поняла.

— Один из них мог заметить вышеуказанного молодого человека?

— Конечно, но я не знаю… все возможно.

— Вы знаете имена тех, кто у вас собирается?

— Нет, ни одного.

— Предполагается, что вы должны указать их в отчете, который вы вручаете инспектору Марэ. Какой вывод нам придется сделать, если мы не найдем этого отчета?

— В комнате, где проходило собрание, я нашла пожелтевший листок, без сомнения, выпавший из чьего-то кармана. Старая афишка. Адрес, указанный на ней, гласил: господин Энефьянс, зерноторговец из Арм-де-Серес, улица Пуарье.

— Вот это уже лучше. Вы сохранили листок? Нет? Жаль. Тогда давайте вспомним, как и когда происходило собрание. В котором часу оно началось?

— После половины десятого, ближе к десяти.

— А закончилось?

— Вскоре после полуночи.

— Пригласите вашу служанку.

— Господа, не вмешивайте…

Ледяной взор комиссара подавил слабое поползновение сопротивления. Гурдан позвонила, и вошла горничная, та самая, что встретила их у порога.

— Помнишь парочку, — вкрадчиво начал Бурдо, — которую в воскресенье вечером ты проводила в комнату на четвертом этаже?

Девушка взглянула на сводню, но та развела руки и, закатив глаза к небу, дала понять, что надо отвечать.

— Да, правда. Дама в плотной длинной накидке, в шляпе-«коляске», и вместе с ней молодой человек в маске, бледный, словно цирюльник, то есть я хотела сказать — куафер.

— А когда ты успела так хорошо его рассмотреть?

— Когда он в одних панталонах спустился в поисках бутылки вина. Наверно, та дама высосала его до капли.

Окинув взором обоих полицейских, она удивилась, что ее шутка не произвела никакого впечатления.

— В котором часу?

— Ах, не могу вам сказать, боюсь ошибиться. Но точно больше полуночи. Как сейчас помню. Господа как раз покидали дом. Этот молокосос кого-то разглядел, да как подпрыгнет, даже про бутылку забыл. Он так быстро умчался к себе наверх, словно за ним сам черт гнался.

Она перекрестилась.

— Ты смогла бы узнать господина, напугавшего гостя?

— Да, конечно, он как раз стоял рядом с факелом. На нем был красивый темно-красный фрак. Свет бил ему прямо в глаза, поэтому он ничего и не заметил.

— Раз так, то мы, пожалуй, лишим вас, сударыня, вашей?..

— Колетта, к вашим услугам, — произнесла служанка.

— …Колетты на пару часов. Она является главным свидетелем в уголовном деле.

— Сударь!

— Мы благодарим вас за столь неожиданную помощь. Само собой разумеется, мы не забудем этой услуги. А вы — тем более, и подумайте о господине Мино; без сомнения, сей магистрат оценит вашу помощь полиции!

Они отыскали фиакр; не зная, перед каким домом их ожидать, кучер ездил кругами по соседним улицам. Беспрепятственно добравшись до Шатле, они провели Колетту в мертвецкую, где та, опознав в представленном ей трупе человека, бывшего на собрании, испустила пронзительный вопль и упала в обморок. Впрочем, сердечное средство папаши Мари, как всегда, явило свое благотворное действие.

Глава VIII

ВИДИМОСТИ

У кого есть нюх, тот видит глазами, куда надо идти, если только он не слепой. А из двадцати носов ни одного не найдется, который не расчухал бы, когда покойник воняет.

Шекспир (перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник)

В дежурной части Николя рассеянно листал реестр, куда ежедневно заносили события, о которых докладывали комиссары, осведомители и караульные. Встречая знакомые имена, он хмурился; неожиданно он так резко захлопнул реестр, что сидевший рядом Бурдо, с невозмутимым видом куривший трубку, даже подскочил.

— Хватит ждать! Рабуин сообщил, что кульминация позади. Не стоит пытаться удержать прилив, он все равно отступит.

— Значит, вернувшись в Версаль, Тюрго взял дело в свои руки, а наших людей бросили на поимку подстрекателей.

— И как всегда, с превеликой осторожностью, иначе говоря, приказали никого не арестовывать на месте преступления, чтобы избежать ответного насилия.

— Втихомолку, как заведено! Осведомители выслеживают подозрительных, чтобы арестовать их, когда они разойдутся по домам! Судя по последним сообщениям, конные мушкетеры брошены на разгон последних толп мятежников. Генеральному контролеру не позавидуешь: маршал, герцог Бирон, командующий гвардией, несущей караульную службу, не хотел даже слышать о жестких мерах. Пришлось опять просить короля собственноручно подписать приказ.

Николя уже не слушал, мысли его витали далеко. Решив не посвящать в свои размышления инспектора, он задавался вопросом, куда девался шевалье де Ластир, которого ему столь бесцеремонно навязал Сартин. Явились ли причиной его отсутствия народные волнения или же он следил за ним, дабы потом отчитаться перед Сартином? Затем он снова подумал о предполагаемом убийстве, в котором он пытался разобраться: похоже, оно на удивление тесно связано с последними событиями в королевстве, и причины ерз надо искать в тайных интригах, плести которые начали давным-давно.

— Пьер, я лечу на улицу Пуарье допросить Энефьянса. Мне хотелось бы кое-что уточнить. Убежден, наше дело каким-то образом связано с собраниями у Гурдан, и прежде чем тамошнее общество разбежится по кустам и скроется у себя в норах, я прорву оборону Энефьянса, чтобы, наконец, понять, что же мы ищем. А вы тем временем займитесь нотариусом Мурю. Помните, что посоветовала Бабен. Встретимся здесь. Кто придет первым, тому придется подождать второго.

Выехав из Шатле, фиакр двинулся по улицам Сен-Жак-ла-Бушри и Арси, а затем покатил по улице Сен-Мери. Такой маршрут позволил комиссару убедиться, что, хотя очаги возмущения еще появлялись то тут, то там, сам пожар неотвратимо затухал. На улицах появились полицейские и приданные им для подкрепления мушкетеры. На теле города виднелись шрамы, оставленные разгневанной толпой: разбитые витрины лавок и булочных, сорванные с петель двери. Очевидно, грабителям никто не препятствовал.

Он велел свернуть в улицу Тайпен, фиакр проехал по улице Бризмиш и оттуда выехал на улицу Пуарье. За время своего существования узкая, грязная и вонючая улочка, похоже, нисколько не изменилась. Выйдя из фиакра, Николя прошелся, с любопытством разглядывая старые фахверковые здания, напомнившие ему дома в Орэ, в его родной Бретани. Кое-где из стен торчали крюки для железных цепей, которыми несколько веков назад перегораживали улицы.

В горло заполз затхлый запах, острый и неприятный. В нескольких шагах от себя он заметил странную постройку, похожую на большую коробку: маленький домик с пологой крышей, сооруженный из старых необтесанных досок. Прилепившееся к слепой стене строение

справа подпирал узловатый ствол дикого винограда, воздымавший кверху свои кривые обнаженные ветви. На крыше загадочного сооружения спал, положив морду на лапы, старый шелудивый пес. Часть стены, закрепленной на шарнирах, исполняла роль навеса. Внутри дома, устроившись на потертой бараньей шкуре, склонился над работой старый безногий калека. Висевшие у него за спиной связки старых башмаков указывали, что здесь живет холодный сапожник. Николя вежливо обратился к нему:

— Добрый вечер, приятель! Сегодня всюду неспокойно, а у вас на улице благодатная тишина.

Ремесленник уставился на него, оценивая, что можно ожидать от такого красивого кавалера. Впечатление, видимо, оказалось, положительным, ибо, сплюнув, он одарил Николя обворожительной беззубой улыбкой.

— А все потому, что на этой несчастной улице на зуб положить нечего. Горлопанам, что прошли здесь сегодня утром, надо бы терпению поучиться. Готов поклясться моей подстилкой и моим треножником, что этим простофилям ничего не обломится. Да я, собственно, не охотник болтать, иначе кто, кроме меня, будет подшивать сапоги. Жак Ниверне, к вашим услугам. Ежели ваши сапоги прохудились, хотя, конечно, это на них не похоже, вот труженик, всегда готовый их починить. — И, схватив туфлю, принялся старательно полировать каблук куском дерева.

— А это вы зачем? — поинтересовался Николя.

— Клянусь честью, это дерево, добрый кусок дерева, очень твердый и очень гладкий, которым я тру и растираю кожу каблука, чтобы она засверкала.

— Видите ли, я очень интересуюсь старинными улочками. Давно ли вы здесь обитаете?

— С самого возвращения из-под Праги, где мы вели осаду вместе с господином Шевером.

Николя снял треуголку и поклонился, приветствуя старого солдата.

— Это был великий воин, друг мой.

— Да, он умел говорить с солдатами. А все потому, что сам начинал с солдата, а уж потом стал генералом… Это благодаря ему у меня образовалось немного денег, позволивших мне открыть вот эту лавочку. Так что я никогда не забываю съездить…

Приподнявшись на шкуре, он указал на ящик с четырьмя колесами и дышлом. Заметив заинтересованный взор комиссара, он объяснил:

— Мой пес Фриц тянет эту тележку. Я велю ему везти меня в церковь Сент-Эсташ, чтобы поклониться могиле Шевера; там еще висит мраморная доска с прекрасной надписью, которую мне прочли.

— Друг мой, — взволнованно произнес Николя, — на улице Монмартр, третий дом после тупика, спросите Катрину Госс, скажите от Николя; там вы всегда найдете плошку супа, кусок хлеба и горячую кашу.

Растроганный калека потянул себя за усы.

— Не каждый так разговаривает со старым солдатом. Если бы я знал, что вы ищете, я бы непременно помог вам отыскать.

— Ничего особенного, просто любопытствую. Мне нужен кто-нибудь, кто давно живет на этой улице.

— Считайте, вы его нашли! Кончено, провалялся я на больничной койке в Богемии, да когда это было, а в 1747 году я уже сложил свои пожитки здесь. И с тех пор отсюда никуда. Здесь я живу, здесь работаю. Давайте ваши сапоги, сударь, я за разговором начищу их вам до блеска.

Он прищелкнул языком.

— Они того стоят.

Не став препятствовать, Николя поставил ногу, и калека намазал сапог темной вязкой массой.

— Не знаете ли вы, случаем, торговца зерном по имени Энефьянс, что живет где-то здесь?

— Энефьянс… Энефьянс? Подождите, это имя я уже слышал. Ну да! Немного вниз, после того места, где старая стена обрушилась, вы найдете заброшенный дом. Давняя история, никто толком не знает, что да как. Энефьянс-отец был очень богат, один из тех пиявок, что сосут кровь из народа. Он и другие уже тогда спекулировали зерном. Когда он умер, сын продолжил его дело. Спустя немного времени его арестовали, но никто не знал, ни за что, ни почему. Просто однажды пришли приставы и все опечатали. Говорят, его приговорили к галерам. Потом прошел слух, что он сбежал. А почему вас это интересует?

Николя пропустил вопрос мимо ушей.

— И с тех пор в доме никто не живет?

— Честно говоря, я ничего не знаю, я за ним не слежу, но коли бы там кто поселился, я бы точно заметил. Я тут вроде привратника для всей улицы; хотя я и сижу на одном месте, зато мне отсюда все видно, и ничего от меня не ускользает.

Когда оба сапога приобрели небывалый блеск, Николя встал с маленькой трехногой табуретки и щедро вознаградил сапожника, пообещавшего непременно посетить улицу Монмартр. Комиссар был уверен, что приобрел не только друга, но и внимательного наблюдателя, и теперь он будет знать обо всем, что происходит на улице Пуарье. Доброе дело никогда не пропадает, особенно когда ты совершаешь его просто так, как нечто само собой разумеющееся. Он двинулся вперед по пустынной улице. Напротив дома Энефьянса стоял старый заброшенный особняк со слепым облупившимся фасадом. Понемногу старые дома в квартале разрушали, чтобы на их месте построить новые, в семь, а то и в девять этажей. Дом Энефьянса окружала каменная стена с деревянными проездными воротами, над которыми высилась небольшая, поросшая мхом двускатная крыша. Стена упиралась в стены трехэтажного дома с заколоченными окнами. Николя попытался открыть ворота, но тщетно: тяжелый замок преграждал путь. Порывшись в кармане, он вытащил оттуда отмычку и маленькую коробочку с жиром. Смазав отмычку, он ввел ее в замок; через несколько минут язычок уступил, но ворота не поддались. Ему пришлось долго толкать их плечом, пока, наконец, створка, скрипя петлями, не отворилась. Он вошел и старательно прикрыл ее за собой.

Перед ним простирался вымощенный двор; в промежутках между булыжниками буйно росла трава. В дом вела низенькая лестница. Вокруг дома располагались хозяйственные постройки — амбары или склады. Проникнув с помощью отмычки в дом, он осторожно двинулся вперед: ему показалось, что он очутился в кухне. Внезапно под тяжестью его веса пол с сухим треском проломился, и он стал падать вниз; в лицо ему полетели труха и пыль. Выбросив вверх руки, он сумел ухватиться за край пролома. Ноги его болтались в пустоте. Подтянувшись, он с усилием выбрался из ямы. Встав на ноги, он высек искру, вырвал листок из черной записной книжечки и зажег его. Заглянув в образовавшуюся дыру, он решил, что внизу находится подвал; пол подвала был завален какой-то рухлядью. Он снова поджег листок из записной книжки и с помощью этого крошечного факела обнаружил неподалеку от пролома подсвечник с огарками свечей. Подойдя к зияющему чреву, он опустился на колени, дабы осмотреть подломившиеся доски. Он провел пальцем по обломанным концам, обнюхал их и уловил запах древесины. Пол не должен был сломаться: толстые дубовые доски не прогнили, не покрылись плесенью и даже не испытали воздействия жука-точильщика, которого из-за издаваемого им тикающего звука в Геранде называли «часами смерти». Приглядевшись внимательно, он увидел, что половицы подпилены, причем недавно.

Ум его заработал на полную скорость. Если половицы подпилили недавно, значит, все эти годы дом отнюдь не пустовал. А если это ловушка? Вопросы теснились, налезая один на другой.

Кто-то либо захотел защитить дом от праздных зевак, хотя трудно предположить, что могло привлечь зевак к этим руинам, либо предугадал его визит, опередил его и подпилил половицы. Он мог поспорить, что распил свежий, из чего следовало, что сделали его недавно. Интересно, ловушку готовили для любого визитера или для кого-то определенного? Расстояние от пролома до пола в подвале не слишком велико, и, приложив определенные усилия, из подвала вполне можно выбраться, если, конечно, не покалечиться при падении или не разбиться, упав головой вниз. Ощутив неуместный приступ досады, он принялся себя успокаивать.

Кем бы ни был тот, кто устроил эту ловушку, намерения он явно имел недобрые. И хотя Николя не пострадал, он решил отложить обследование подземелья на потом, а сначала осмотреть дом. Обойдя все комнаты, он не нашел ничего, кроме обветшалых стен. После того как вынесли приговор Энефьянсу, обстановку, скорее всего, растащили. Покинув заброшенное жилище, он направился к службам, решив начать с сарая, расположенного прямо напротив дома. По мере приближения до его слуха стали долетать какие-то непонятные, торопливые звуки, чередовавшиеся с полной тишиной. Привыкнув всегда быть начеку, он застыл, словно охотник, почуявший дичь. Звуки не стихали. Проведя рукой по краю треуголки, он убедился, что подаренный Бурдо миниатюрный пистолет, не раз выручавший его в трудную минуту, на месте. Зарядив пистолет и положив палец на спусковой крючок, он, затаив дыхание, с бьющимся сердцем вошел в сарай и замер от неожиданности. С десяток кроликов, ослепленных дневным светом, насторожив уши, уставились на него. Земляной пол был изрыт норами, словно в кроличьем садке. Он опустил руку с пистолетом; напуганные его движением, зверьки тотчас прыснули в подземные убежища, оставив после себя недоеденные капустные листья. Он улыбнулся. Решительно, загадки прибавлялись. Тяжелые ворота заперты явно не вчера, но кто тогда подпилил половицы и развел кроликов? Человек или дух, один или несколько? Логика подсказывала, что владелец или владельцы кроликов вряд ли проживали поблизости, ибо если бы они жили в квартале Сен-Мери, они бы наверняка оборудовали для животных садок или настоящий крольчатник. Значит, неизвестные, посещающие дом, хотят, чтобы все считали это место заброшенным. Но зачем тогда расставлять ловушки и разводить в сарае кроликов, откармливая их свежей капустой? Ведь после только что пережитой королевством тяжелой зимы молодая капуста являлась дерзкой и бесстыдной роскошью. Зачем тратить столько экю на каких-то кроликов? Рассматривая изрытую землю, он пытался обнаружить среди обгрызенных листьев хоть какие-нибудь следы пребывания человека. Двигаясь вдоль стены, он перебрался в смежное помещение, где обнаружил проход, соединявший сарай с жилым домом.

Пройдя по узкому коридору и уперевшись в запертую дверь, он достал отмычку и, пошевелив ею в замке, не без труда открыл ее. Стоило ему войти внутрь, как дверь за ним захлопнулась. Осмотрев ее, он понял, что из-за приколоченных к двери кусочков свинца у нее смещен центр тяжести, а потому она все время стремится принять закрытое положение. Неужели столько сложностей только для того, чтобы сюда не попал кроличий народ? Любопытно, что по сравнению с другими комнатами это помещение показалось ему менее обшарпанным. Стены покрывали дощатые сосновые панели, а зола в камине оказалась подозрительно теплой. Внезапно резкий запах защекотал ему ноздри. Подняв повыше огарок, он довольно быстро обнаружил источник запаха: на стене напротив двери чернела нарисованная углем заглавная буква К, перечеркнутая черной линией, а рядом кто-то намалевал зеленой краской букву I. Он пощупал краску пальцем: совсем свежая! Кто-то, возможно, тот же, кто подпилил доски, зашел сюда и нарисовал эти загадочные знаки. Следовательно, надо выяснить, каким образом он проникает в дом, иначе говоря, осмотреть каждый уголок. Повернув назад, он заметил на земле маленькие комочки, тотчас пробудившие в нем воспоминания двадцатипятилетней давности.

Ребенком он нередко оставался ночевать у своего крестного в замке Ранрей; ему отвели комнату в башне, под самой крышей, и иногда по ночам он просыпался оттого, что кто-то топал

прямо у него над головой. Заслышав загадочные шаги, он в ужасе забирался с головой под одеяло. Когда же он поведал о своих страхах кормилице Фине, та с уверенностью заявила, что под кровлей замка блуждает выходец с того света.

— *Done da bardon an Kraon!* — воскликнула она. — И да простит его Господь! — И, убедившись, что поблизости нет каноника Ле Флока, она велела мальчику — если звуки будут повторяться — на одном дыхании девять раз произносить спасительное заклинание: *«Mar bez Satan, ra'z l pell en an Doue»*: «Именем Господа заклинаю тебя, уходи, если ты дьявол». После разговора с кормилицей ему стало еще страшней. Но однажды кто-то поведал о его страхах маркизу, и тот, взяв крестника за руку, отправился вместе с ним ночью на чердак; когда стало светать, в одной из бойниц появился чей-то темный силуэт; оглядевшись, неизвестное существо спрыгнуло на пол. Николя чуть не вскрикнул от страха, но маркиз зажал ему рот рукой. Николя смотрел во все глаза и вскоре различил филина, величественно вышагивавшего по чердаку; походив немного, птица занялась сооружением гнезда, используя для этого разбросанные по чердаку веточки, косточки и комочки из отрыгнутой шерсти съеденных им мышей. Урок пошел впрок. С этого дня мальчик решил, что ни о чем нельзя судить поспешно и только на основании видимости. Его отец, относившийся к тем счастливым скептикам, что делали выводы, основанные на опыте и разуме, больше всего боялся легковерных умов, готовых безоговорочно соглашаться с чем угодно. Цитируя Фернейского отшельника[33], он говорил, что не понимает, когда люди, «желая оказать уважение Высшему Существу», принимаются бичевать себя, царапать, бегать голышом, поститься и проделывать тысячи всевозможных сумасбродств. Он считал, что разум должен отталкивать от себя предрассудки, дабы те не препятствовали прогрессу. Только разум является подлинным источником истины, с надменным видом объяснял он Николя, а в глазах его прыгали веселые искорки. Он уважал религиозные догматы в той степени, в какой они отражали общие верования. В результате такого воспитания Николя, несмотря на свою непоколебимую веру во Всевышнего, непременную составляющую его верности, научился смотреть глубже и за видимостью всегда стремился отыскать суть.

Итак, если комочки отрыгнула ночная птица, каковых в городе водилось немало, как они попали в закрытую комнату? Может, птица поселилась на крыше и комочки падают в трубу? Сомнительно, однако за рабочую гипотезу принять можно. Облазив дом от погреба до чердака, он больше ничего не обнаружил, разве что сладковатый запах, висевший то в одном углу, то в другом; запах показался ему знакомым, но он так и не вспомнил, где его обонял. Перестав гадать, он закрыл дом, решив как можно скорее взять его под постоянное наблюдение.

Сев в ожидавший его фиакр, он поехал в Шатле. По дороге он встретил несколько подразделений конных мушкетеров. Порядок был восстановлен, зачинщиков арестовали. День угасал; после бурного дня вечерний город казался на редкость молчаливым. Взбежав по главной лестнице, он вошел в дежурную часть и увидев, что Бурдо на месте, немедленно поведал ему про свои поиски на улице Пуарье. Выслушав его рассказ, инспектор задумался.

— Нас пытаются сбить со следа. Мне кажется, кто-то усиленно старается направить нас по ложному пути.

— Согласен! Не исключено, что все, что я сейчас увидел, является прикрытием, видимостью, усугубляющей наше непонимание. Кто-то хочет либо привлечь наше внимание к дому Энефьянса, либо, наоборот, отвадить нас от него. У меня появился глаз, к сожалению, без ног…

Бурдо усмехнулся.

— Вы громоздите тайны на загадки!

— Старый безногий солдат, чья сапожная мастерская находится в нескольких ту азах от дома Энефьянса.

— И чем же вы его соблазнили?

— Дорогой Пьер, достаточно уметь слушать. Надо немедленно установить круглосуточное наблюдение за домом, отрядив туда не менее двух агентов.

Карандашиком он начертил на клочке бумаги план улицы и расположение дома Энефьянса.

— А что новенького у вас?

— Бабен сообщила мне имя нотариуса Мурю. Конечно, не сразу, но желание насолить хозяйке и Камине оказалось сильнее преданности хозяину.

— И каков результат?

— Я отправился к мэтру Деламаншу, чья контора расположена на улице Прувер, там, где ее пересекает улица Дез-Экю. Он сразу все рассказал, без выкрутасов. Представьте себе, за обучение Камине платил сам булочник. Платил самому себе. Но это еще не все. Он вполне мог бесплатно обучать сына своего друга и при этом не говорить об этом молодому человеку. Но он успел составить завещание, согласно которому его наследником становится Камине, которого он *de jure* признает своим внебрачным сыном.

Николя молчал, словно соизмерял важность рассказа Бурдо.

— А Камине знал об этом?

— С точностью не может сказать никто, даже нотариус.

— Не будем торопиться и делать ставку на это открытие, влекущее за собой целый ряд гипотез, противоречащих друг другу. Если ученик знал о своем происхождении, значит, он, скорее всего, знал и о завещании, то есть о том, что он является единственным наследником. Если судить по мезальянсу госпожи Мурю, она выходила замуж едва ли не в одном платье, без приданого и без свадебной корзины, иначе именуемой *donation propter nuptias*.

— Пощадите! — вскричал Бурдо. — Я, в отличие от некоторых, не служил помощником нотариуса в Ренне.

— Простите меня, Пьер. Я хочу сказать, что в свадебном контракте наверняка не было записано *preciput*, т. е. никаких преимуществ в части, относящейся к разделу наследства.

— И что же?

— А то, что дамочке нечего ждать, и она окажется на улице голышом, как было до свадьбы. Перспектива, скажу вам, для особы, помешанной на своем происхождении, совершенно невыносимая.

— Но знает ли она об этом?

— В том-то и загвоздка! Можно предположить, что эти двое замыслили убить Мурю, чтобы спокойно воспользоваться его денежками. А кстати, велико ли его состояние?

— Вы даже представить себе не можете, как велико. В Париже трудолюбивый ремесленник может сколотить изрядное состояние. Решительно, загадки так и витают вокруг трупа Мурю и вокруг дома Энефьянса, который…

— Не торопитесь! У нас нет никаких гарантий, что оба дела связаны между собой. Но у нас есть повод для допросов. Кстати, раз все деньги отходят нашему молодчику, значит, дама вне подозрений.

— А если, — задумчиво произнес Бурдо, — он хотел убить мужа в надежде, что его деньги достанутся вдове? Судя по рассказам, он не слишком много времени проводил у печи. Сей чичисбей молод, а дама в возрасте…

— Значит, надобно еще раз допросить вдову Мурю. И я, пожалуй, пойду к ней. Встретимся здесь.

Бурдо с улыбкой наблюдал за воинственно настроенным Николя. Перед ним стоял уже не ученик нотариуса в Ренне, привыкший копаться в пыльных бумагах, а потомок рыцаря, маркиза де Ранрея.

Сев в фиакр, Николя неожиданно решил посчитать, сколько лет он неутомимо ведет борьбу с преступностью. Служа королю, он распутывал загадки, раскрывал преступления, вытекавшие одно из другого… ему показалось, что он, словно хрупкая ореховая скорлупка, давным-давно плывет по течению бесконечной реки. Он никогда не скучал, но и не отдыхал и не имел времени на какие-либо иные занятия. Вспомнив о счастливо обретенном Луи, он почувствовал, что юные годы сына ускользают от него. Закрыв глаза, он увидел лицо Эме д'Арране. Где она сейчас? Надо ли ему написать ей? Растрогает ли ее его письмо? Но когда внутренний голос ясно спросил его: «Зачем?», он понял, что покорное следование по уготованному пути не для него. Не имея возможности предугадать все извивы судьбы, он чувствовал, что только от него зависит, будет грядущий день счастливым или несчастным. И, окунувшись с головой в текущие заботы, принялся обдумывать, как лучше начать разговор с госпожой Мурю. В черном перкалевом платье вдова Мурю сидела у себя в комнате; ее бледное, без грима лицо выдавало ее подлинный возраст; увидев Николя, она метнула на него гневный взор.

— Сударь, долго мне еще торчать в четырех стенах собственного жилища?

— Зависит только от вас. Если я пойму, что вы со мной искренни, я немедленно сниму охрану с ваших апартаментов. В противном случае… Поэтому советую вам правдиво отвечать на вопросы, кои я вам сейчас задам.

Пристально глядя на него, она, похоже, пыталась отыскать в его словах скрытый смысл.

— Сударыня, я раскрываю карты, дабы вы убедились, что все козыри у меня. Поэтому сопротивляться не советую. Я знаю, где и с кем вы провели ночь с воскресенья на понедельник. И знаю, о каком молодом человеке идет речь. Если вы станете опровергать мои слова и отрицать очевидное, я немедленно призову свидетеля, сидящего у меня в экипаже.

Он не раз имел возможность убедиться, что изобилие подробностей увеличивает меткость удара.

Она пожала плечами.

— И что будет?

— Я немедленно вас арестую, препровожу в Шатле и передам судье по уголовным делам.

— А на каком основании, сударь?

— По подозрению в убийстве мэтра Мурю, вашего супруга.

— Сударь, последний раз, когда я видела его, он был жив и вполне здоров.

— И, без сомнения, ел свою кашу?

Скрестив руки, она выдержала удар.

— Кто-то сказал мне, что видел его живым и здоровым.

— Кто же, сударыня? Мне кажется, вы решили заменить одну ложь на другую.

— Я ничего не решаю, я знаю. Это все.

— Этого недостаточно. Разве не Дени, Дени Камине, ваш юный любовник, разве не он спустился вниз в поисках бутылки вина и наткнулся на группу мужчин, среди которых узнал своего хозяина?

Она издала резкий смешок.

— Вы не можете понять.

— Не стоит заблуждаться, последующие события восстановить довольно просто. Вы родились не для того, чтобы стать булочницей. Вас заставила нужда. Появился молодой человек, он вам улыбался, и в конце концов он вам понравился. Вы сопротивлялись, а потом

уступили. В этом нет ничего необычного, даже если оставить в стороне соображения морали. Но вот убивать собственного мужа не стоит, ибо это уже чересчур. Да и посещать дом Гурдан я бы тоже не советовал. Наконец, сударыня, стыд… и…

— О ком вы говорите? Я не знаю этой женщины.

Ему показалось, что на этот раз она сказала правду.

— Где вы обычно встречались с Камине?

— В гостинице. В хорошей гостинице.

— Что ж, придется вам объяснить, что вы встречались в веселом доме, принадлежащем Гурдан, главной парижской своднe. Полагаю, этим все сказано.

Она зарыдала.

— Господин комиссар, Дени не убивал моего мужа. Я сейчас вам все расскажу. Заметив мэтра Мурю, он испугался, что тот его узнал. Разволновавшись, он бросился наверх. Но так как ничего не произошло, он немного успокоился. Он решил покинуть улицу Монмартр, его будущее ремесло ему не нравилось, он хотел подыскать себе иное занятие, тоже в Париже, и как только все пойдет хорошо, обещал дать мне знать. Я отдала ему драгоценности, бывшие на мне в тот день. Мы ждали…

Он протянул ей носовой платок.

— …Он решил выйти через дверь, ведущую на улицу Де-Пон-Сен-Совер, в то время как мне предстояло воспользоваться черным ходом. Я выбежала из дома, взяла фиакр и поехала на улицу Монмартр.

— И с тех пор вы не получали от него никаких известий?

— Как я могу их получить? Запертая в комнате, не имея возможности выйти за пределы этих стен, под охраной ваших сбиров!

— Нам необходимо найти его. Его отсутствие усугубляет наши подозрения.

Он сделал долгую паузу.

— Сударыня, я верну вам свободу, но при одном условии: как только вы получите известие от Камине, вы немедленно дадите мне знать. Если он появится, предупредите меня. Договорились?

— Да, господин комиссар.

От госпожи Мурю он направился к Бабен. Она не смогла назвать ему точный час возвращения своей хозяйки, ибо сама вернулась домой только утром. Принимая во внимание ее неприязнь к булочнице, он решил, что она говорит правду, и объявил ей, что она свободна, хотя и не может покидать город. Выйдя на улицу, он неожиданно почувствовал страшную усталость. Искушение зайти домой и немного отдохнуть было столь сильно, что, дабы не потерпеть поражение в борьбе с самим собой, он быстро вскочил в фиакр.

В Шатле его ждал сюрприз. Семакгюс, весь день пробывший в Королевском ботаническом саду, где он сравнивал наброски, сделанные им в Вене, с местными гербариями, явился в дежурную часть и вместе с Бурдо ожидал его возвращения. Николя быстро рассказал друзьям о своем визите на улицу Монмартр.

— И как ты нашел безутешную вдову? — спросил инспектор.

— Госпожа Мурю красиво говорит, еще лучше молчит, охотно спорит, а иногда готова подпустить шпильку.

— Однако для женщины это комплимент, — со смехом произнес Семакгюс.

— И вы полагаете, она сказала правду? — озадаченно промолвил Бурдо.

— В любом случае этот допрос приблизил нас к истине. Разумеется, у нас пока имеется лишь картина без рамы, ибо я действительно не могу утверждать, что, расставшись с любовником, она отправилась домой. Тем не менее замечу, что, выходя на улицу Де-Пон-Сен-

Совер, Камине не мог не знать, что он рискует наткнуться на Мурю… А булочник, если он, конечно, узнал своего ученика — на самом деле своего внебрачного сына, — вполне мог его дождаться. Но когда так много «если», сомнительно…

— Мэтр Мурю, — произнес Бурдо, — окончил дни свои в собственной пекарне. Вправе ли мы предположить, что после долгой беседы оба возвращаются на улицу Монмартр, а потом Камине дает булочнику яд? Ведь наши высокочтимые анатомы констатировали смерть именно от яда.

— Отравление, кое мы констатировали, — вмешался Семакгюс, — вполне могло произойти на улице, хотя в принципе это сложно, ибо требует предварительных приготовлений, а все говорит о том, что Камине не ожидал увидеть своего хозяина у Гурдан. Таким образом, мы не можем с точностью сказать, где и в какое время булочнику ввели яд.

— Золотые слова, Гийом, — отозвался Николя. — Не стоит нарушать законы логики, иначе возникнут недоразумения. Итак, давайте набросаем схему. Камине выходит от Гурдан. Он сталкивается с Мурю. Булочник не предполагает, что молодой человек только что выскользнул из объятий его жены, и считает их встречу случайной. А что дальше?..

— А дальше сцена третья, действие пятое, — усмехнулся Семакгюс. — И мы не знаем, что в ней происходит.

Лихорадочно размышляя, Николя не ответил. В этой головоломке ему не хватало деталей. А те, что были под рукой, слишком легко входили одна в другую, оправдывая любую версию. Конечно, можно подобрать доказательства, однако они не кажутся убедительными, а значит, их нельзя признать бесспорными.

Сложив руки на коленях, Семакгюс перегнулся пополам, склонившись почти до пола.

— У вас опять начались боли, Гийом? Не знал, что настало время приступов.

— Вовсе нет, насмешник. Хотя, конечно, иногда слишком долгое пребывание на ногах доставляет мне неприятности. Но сейчас я просто восхищаюсь сиянием ваших сапог и…

— Какая странная манера восхищаться! Но я с гордостью могу сообщить, что славный солдат, служивший под командой Шевера, из дружеских чувств к вашему покорному слуге начистил их до блеска и придал им поистине несравненный глянец, обративший на себя ваше столь пристальное внимание.

Стараясь скрыть одышку, Семакгюс преклонил колени и, схватив правый сапог комиссара за носок, водрузил на нос очки, которые стеснялся носить постоянно.

— О, дело нешуточное, — насмешливо произнес Бурдо, — наш дражайший анатом вытащил очки!

— Смейтесь сколько угодно, — бросил Семакгюс, — однако тут действительно есть дело для ботаника. В моем возрасте вы или видите хорошо, или не видите ничего. Издалека я все прекрасно вижу.

И, умолкнув, он снял с сапога крошечную частицу, похожую на кусочек ногтя.

— Что, разве сработано не отлично? Осталась грязь?

Не отвечая, Семакгюс внимательнейшим образом разглядывал свою находку.

— Заговорит он наконец, — с нарочитым гневом завопил Бурдо, — или слова придется вытягивать из него клещами? Что ж, позовем на помощь Сансона!

— Я осмысливаю свою находку и никак не могу справиться с изумлением, в кое она меня повергла.

— Боже, — воскликнул инспектор, — без сомнения, у господина де Ноблекура отменные ученики! Теперь Семакгюс начнет вещать со своего треножника!

— Смейтесь, мы об этом еще поговорим, — изрек корабельный хирург, осторожно положив крошечный кусочек в середину большого платка и, старательно связав узелком концы, спрятал платок в карман.

— Всего один вопрос, Николя. Ваш солдат действительно счистил грязь с ваших сапог?

— Без сомнения! Результат безупречен. Он чистил их щеткой, скоблил, смазывал, натирал, затем отполировал до блеска, а под конец вновь прошелся щеткой. Говоря «отполировал», я имел в виду шпоры.

— Потом, судя по рассказу Бурдо, вы отправились обыскивать дом Энефьянса.

— Да, он находится в двух шагах от лавки сапожника.

— Благодарю, это все, что я хотел узнать. Сегодня я вам больше ничего не скажу.

— Вот так теперь держат слово!

— Полно, господа, — заговорил Николя. — Вернемся к вещам серьезным. Полагаю, нам следует допросить наших подмастерьев. Надеюсь, посидев в одиночных камерах, они стали сговорчивее. Уверен, они знают гораздо больше, только не хотят говорить.

Бурдо взглянул на часы.

— Идемте, а затем я приглашаю вас в наш любимый трактир.

Семакгюс первым ответил согласием на предложение инспектора. Николя вспомнил, что его ждет сын. Однако время было не раннее, и, даже отклонив предложение Бурдо, он все равно явится домой поздно. К тому же после допроса следовало подвести итоги. Луи устал и наверняка уже спит. Спустившись по лестнице, они направились в ту часть крепости, что служила тюрьмой.

— Начнем с самого юного, — предложил Бурдо.

Он приказал надзирателю дать им фонарь, а тюремщику — проводить их в камеру. На улице стемнело, и тюрьма погрузилась в кромешный мрак. Позвякивая ключами, тюремщик шел впереди. Узнав, что двое мошенников сидят в платных камерах, он даже не пытался скрыть усмешки. Надо быть полным безумцем, чтобы вот так выкидывать деньги на ветер, в то время когда цена на хлеб растет не по дням, а по часам. Комиссар сухо предложил ему замолчать и без лишних слов проводить их куда приказано. Однако на тюремщика его слова произвели обратное действие: он принялся громко производить подсчеты:

— О! Понимаю, чего ж не посидеть, когда у тебя есть высокий покровитель… Они сидят здесь уже два дня. Одиночная камера с кроватью, это пять су в день, а две камеры — все десять. А известно ли вам, что простыни там меняют аж раз в три недели? Про кормежку я и не говорю: на каждого уходит в день по ливру и четыре су! А ведь какой-нибудь несчастный трудяга вряд ли заработает больше ливра в день. Бывают же счастливчики! Многие, думаю, захотели бы оказаться на их месте!

— Если ты немедленно не закроешь рот, — прикрикнул на него Бурдо, — потеряешь свое место. И только попробуй обращаться с ними дурно, мы сразу об этом узнаем!

Выругавшись, тюремщик замолчал. Пройдя по первому этажу, он подошел к массивной двери и со скрипом повернул в замке ключ. Пинком распахнув дверь, он, высоко подняв фонарь, вошел в камеру. Осветив голые стены, пляшущий луч замер на кровати, где под одеялом угадывались очертания скорчившегося тела. Почуяв хорошо знакомый неприятный запах, пресный, с металлическим привкусом, Николя покрылся холодным потом: неужели предчувствие не обмануло его и произошло самое ужасное? Много лет назад в соседней камере повесился старый солдат. Какое бы страшное преступление он ни совершил, совесть по-прежнему мучила Николя, не позволяя забыть о самоубийце. Тревожную тишину нарушало только дыхание посетителей.

— Маленький негодяй спит, — неуверенно проговорил тюремщик.

По глазам Семакгюса Николя понял, что не он один почувствовал неладное.

— Давайте все отойдем, — промолвил он. — Доктор Семакгюс попробует разбудить свидетеля.

Приблизившись к узкому лежаку, хирург осторожно потянул за одеяло; не встретив сопротивления, оно соскользнуло на пол. Николя приблизил фонарь. Упавшее одеяло явило на свет жалкое зрелище. На залитом кровью лежаке покоилось свернутое в клубок недвижное тело Фриопа. Семакгюс схватил хрупкое запястье и, вытащив из кармана зеркальце, приставил его к губам мальчика. Широкая спина хирурга заслоняла от Николя узника; последующие мгновения показались ему целым веком. Наконец, отбросив в сторону пропитанные кровью узкие холщовые бинты, Семакгюс сурово произнес:

— Тюремщик, живо за квартальным врачом!

Затем, повернувшись к комиссару, он покачал головой, и на его широком лице появилось выражение сострадания.

— Николя, ваш свидетель жив и здоров, хотя и очень слаб…

— Он пытался по…

— Нет, никоим образом. Но кое-что вас, несомненно, удивит: ваш подмастерье… Как его там зовут?

— Фриоп, Анн Фриоп.

— Анн! Тогда все понятно.

— Гийом, я вас не понимаю.

— Дело в том, что ваш подмастерье не мальчик, а девушка, самая настоящая девушка!

— Девушка?

— И прекрасно сложенная! Так хорошо, что никто не заметил, что она была беременна, на втором или на третьем месяце. У нее случился выкидыш, от которого, полагаю, она оправится, несмотря на большую потерю крови. Бурдо, не могли бы вы раздобыть горячей воды, бинтов и корпии, а также чистую простыню и одеяло потеплее. Здешняя якобы шерстяная тряпка никуда не годится!

— Это многое объясняет и одновременно усложняет, — проговорил Николя.

Раздался шум шагов, и в камеру следом за тюремщиком вошел мужчина; возбужденный случившимся, тюремщик попытался продвинуться поближе к несчастной, дабы насладиться зрелищем, однако комиссар оттолкнул его. Подняв глаза на вновь прибывшего, он узнал тонкое лицо и карие, излучавшие улыбчивое дружелюбие глаза доктора Жевиглана.[34]

— Сударь, как я рад нашей встрече!

— Ах, дорогой друг, — воскликнул доктор, — вам известен предмет моих исследований. Наряду с основными докторами, господами де Ла Ривьером и Леклерком, я теперь являюсь сверхштатным королевским врачом Шатле. Мои коллеги охотно предоставляют мне возможность выходить вместо них; вот и сегодня я их замещаю.

— Вы уже знакомы с инспектором Бурдо. Разрешите представить вам моего друга, доктора Гийома Семакгюса, корабельного хирурга. Во время наших расследований мы нередко прибегаем к его помощи, ибо у него необычайно богатый врачебный опыт.

— Я всего лишь хирург, — произнес Семакгюс, — и не претендую на звание, принадлежащее иному цеху.

— Я питаю к нему несказанное уважение. Не вы ли, случаем, являетесь тем самым ботаником, знатоком тропических растений, которому поет хвалы господин Жюсье?

— Ваш слуга, сударь, это действительно я. Однако время торопит. Речь идет о выкидыше. В нескольких словах: эта женщина выдавала себя за мужчину, а потому перетягивала грудь, ну, и все остальное соответствующим образом.

Раздался слабый стон. Николя и Бурдо вышли, освободив место для служителей Гиппократа. Тюремщик, испуганный полученным известием, сбегал за водой и чистыми тряпками. Через некоторое время Семакгюс и Жевиглан вышли в коридор.

— Мы оба пришли к выводу, — произнес Жевиглан, — что узник, без сомнения, является лицом женского пола. Ее хрупкое сложение, юный возраст и, без сомнения, страх и пережитые волнения, связанные с ее заключением в тюрьму, привели к случившемуся несчастью. Но, главное, чтобы сохранить плод, ей не следовало заниматься тяжелым физическим трудом. Работа в булочной стала для нее роковой. Теперь ей надлежит соблюдать покой и постельный режим.

— Да, — подтвердил Семакгюс. — Легкая пища, преимущественно жидкая, каша, хлебная похлебка, суп-потаж. И несколько стаканов доброго вина.

Николя хотел спросить, но друг предупредил его намерение.

— Пока никаких вопросов. Господин де Жевиглан решил сегодняшнюю ночь провести подле больной, чтобы понаблюдать за температурой: если она начнет подниматься, жизнь девушки окажется под угрозой.

Оставалось выслушать Парно. Его камера находилась в этой же галерее, за поворотом. Когда они вошли, он сидел на лежаке, обхватив голову руками. Испугавшись неожиданного вторжения сразу трех человек, он вскочил и встревоженно уставился на гостей. Его била дрожь — то ли от холода, то ли от дурных предчувствий.

— Друг мой, — ласково начал Николя, — должен сообщить тебе, что расследование продвигается и у нас появились веские основания усомниться в искренности твоих предыдущих показаний. Следовательно, вы с Фриопом подозреваетесь.

Молодой человек подскочил словно ужаленный.

— Фриоп тут ни при чем. И у меня совесть чиста. Я ни в чем не виноват. В тот вечер я всего лишь шел следом за Камине. Поверьте мне, господин Николя.

И, совершенно пав духом, он умолк.

— Ну вот ты и сделал первый шаг! Мы его непременно учтем. А теперь попробуем во всем разобраться. Ты сказал, что шел следом за Камине; в котором часу это было?

— Примерно в половине восьмого. Он шел пешком, и я проследил за ним до самой улицы Де-Пон-Сен-Совер. Там он скрылся в одном из домов, и я больше его не видел. Я стал ждать. Через полчаса в конце улицы остановился фиакр, из него вышла госпожа Мурю и отправилась туда же, куда и Камине.

— Отлично. Скажи, а еще кто-нибудь прошел туда, куда и они?

— Несколько человек, и все по одному. Хорошо одетые и, похоже, навеселе; потом еще несколько человек приехали, сразу в трех экипажах. Они вошли через дверь, что выходит на улицу.

— Ты кого-нибудь узнал?

— Нет, кареты мешали мне разглядеть лица.

— И долго ты там караулил?

— Да до получаса после полуночи.

— А как ты так точно определил время?

— У меня есть старые часы, доставшиеся мне от отца. Их у меня отобрали в канцелярии суда.

— Не беспокойся, тебе их вернут. Продолжим.

— Тут вышли сразу несколько человек. Среди них я узнал хозяина. Но он не сел в карету. Казалось, он чего-то ждал.

— Мэтр Мурю?

— Да, он самый. Он стоял один, словно размышлял о чем-то. Долго стоял, пока дождь не пошел… Ну а когда пошел, он тоже двинулся вперед. И тут появился тот, другой…

— Кто?

— Да Камине же! И они заспорили. Хозяин хотел увести его, а тот сопротивлялся изо всех сил, у них даже потасовка началась. И вдруг Камине упал и ударился головой о тумбу. Он не шевелился, а хозяин схватился за голову, застонал, а потом стал вертеть его в разные стороны, то направо, то налево, словно хотел оживить. Тут появился третий. Он, похоже, был знаком с хозяином. Он наклонился над телом, потом выпрямился и взял Мурю под руку. Хозяин сопротивлялся, но этот третий все равно увел его. Точнее, увез, я слышал, как по мостовой застучали колеса. И я вернулся домой. Фриоп ничего не знал, он, бедняжка, спал. Я ему ничего не говорил.

— В котором часу ты вернулся?

— Думаю, еще часу не было.

— Вот что называется подробный рассказ. Остается главное. Почему ты не подошел к Камине и не попытался оказать ему помощь?

Парно разрыдался, словно ребенок, пойманный за руку на непростительной шалости.

— Мне было очень страшно. Я боялся, что убийство повесят на меня. Да что тут говорить, вы же сами считаете, что я в чем-то там замешан!

— Согласись, у нас действительно есть основания заинтересоваться рассказанной тобой историей. Что понесло тебя на ту улицу? Зачем ты следил за Камине? Чего добивался?

Переводя взор с одного полицейского на другого, подмастерье крепко сжимал себя руками, словно боялся выпустить на свободу свой секрет.

— Он угрожал нам, Фриопу и мне…

Николя решил, что пора помочь ему.

— Ты все время что-то от нас скрываешь, и это что-то является основной причиной твоей скрытности. Но в твоих интересах и интересах Фриопа довериться нам. Ну как, все еще молчишь? Послушай, королевская полиция никогда не наказывает невиновных и всегда ловит преступников; так что в твоих же интересах честно во всем признаться.

Подняв голову, Парно с лихорадочным вниманием слушал комиссара. Ловушка, расставленная ему, имела целью всего лишь проверить его искренность.

— Хорошо, тогда я сейчас тебе скажу, что мы вправе о тебе подумать. Камине преследовал тебя и Фриопа своими насмешками, и вы желали ему зла. Почему он каждый день издевался над вами? Возможно, он подозревал, что в вашей тесной дружбе кроется нечто большее, та постыдная связь, которая, стань она известна, могла бы плохо для вас кончиться. Загнанный в тупик, ты решил действовать. Ты знал, что поведение Камине раздражает хозяина, и стал собирать о нем слухи и сплетни. Ты хотел сам во всем убедиться, собрать доказательства и противопоставить его шантажу свой шантаж. Разве не так?

— Да, господин Николя, — с облегчением поспешно ответил Парно. — Да, я признаю, все правильно.

— Увы, цена твоим благородным признаниям в нынешнем положении не дает тебе никаких преимуществ и индульгенций. Ты продолжаешь обманывать правосудие, пытаясь увести его в сторону от истины. Кто такой Фриоп?

— Что вы этим хотите сказать? Это мой товарищ.

— А вот и нет! Мы все, здесь присутствующие, знаем, что Анн Фриоп — девица, и вдобавок беременная. Но она только что потеряла ребенка. Твоего, полагаю? Успокойся, сама она вне опасности. Я вынужден сообщить тебе эту печальную новость, ибо, хотя ты и не желаешь быть с нами искренним, я тебя обманывать не намерен. Обманщики, вроде тебя, обычно полагаются

на доверчивость тех, кого они обманывают. Это дешевый трюк, не способствующий торжеству истины.

Опустив голову, Парно заплакал.

— Я слушаю твои объяснения.

— Это правда. Мы очень старались не выдавать себя. Но всегда была опасность, когда мы переодевались в рабочую одежду. Камине часто опаздывал и приходил тихо, без стука и предупреждения. Так он обнаружил, что Фриоп не тот, за кого себя выдает, и пригрозил нам, что или он нас выдаст, или… или…

— Или?

— …она должна ему уступить. Мы долго сопротивлялись, как могли. В ту субботу он дал нам последний срок. В отчаянии я стал следить за ним. Все это истинная правда!

— Но она нисколько не объясняет, почему Анн Фриоп переодевалась мальчиком.

— Мы встретились случайно и решили, что так нам будет легче не разлучаться. Имя облегчило наш замысел, а так как Анн согласилась работать без заключения договора… Мэтр Мурю принял ее, ибо на этом он немало экономил.

— Но и рисковал изрядно! — воскликнул Бурдо. — Видимо, у него было очень прочное положение в своей корпорации, если он позволял себе такие вольности!

— Мы никому зла не делали. Анна выполняла свою работу не хуже других и уж точно лучше, чем Камине. А можно мне ее повидать?

— Позже. Сейчас она в хороших руках, и за ее состоянием наблюдает врач. Это все, что ты хочешь нам сказать?

— Помогите мне, господин Николя!

— Мне и самому этого хочется. Почему ты раньше не спросил у меня совета? Ладно, посмотрим, что можно сделать.

Тюремщик запер дверь камеры, и они в молчании покинули тюрьму. Николя немного отстал, записывая что-то в свою черную книжечку; Бурдо и Семакгюс не торопили его. Под дождем они быстро добежали до трактира, расположенного поблизости, на улице Пье-де-Беф. Трактирщик радостно встретил их и, не дожидаясь заказа, принес графинчик их любимого вина.

— Земляк, — начал Бурдо, — что ты можешь нам предложить сегодня вечером?

— Увы, в такой день, как сегодня, у нас не было клиентов, и мы ничего не готовили. Есть только телячья лопатка; она тушится, дабы завтра я приготовил из нее заливное. Согласен отхватить от нее кусочек, еще горячий. Надо вам сказать, что тушится она в бульоне вместе с косточками и кусочками сала, сбрызнутая душистым эстрагоновым уксусом, с добавлением морковок, луковичек, гвоздики, пряностей — ну, словом, всего, что полагается. Я даже замазал горшок тестом, чтобы свои три часа она спокойно булькала в печи. Сейчас я зачерпну немного соуса и полью им мясо.

— Однако сей рецепт пробудил во мне аппетит, — заявил Семакгюс. — Чем можно заморить червячка, пока ты будешь черпать и резать?

— Подам вам блюдо, приготовленное для себя, но ради вас и ради веселого приятеля из «чудного погреба» нашего прекрасного Шинона я готов его лишиться.

— А что это за блюдо?

— Молоки и икра сельди, по моему собственному рецепту.

Обсуждение меню завершилось.

— А теперь, — заявил Николя, — подобно королю Артуру, я жду совета от своих верных рыцарей круглого стола.

— Мои слова могут показаться вам неожиданными, — начал Семакгюс. — Тем не менее я убежден, что показания Парно одновременно являются его защитительной речью, наивной по части убедительности аргументов.

— Да, но прежде Николя пришлось пробить брешь в его обороне. На мой взгляд, его искренность слишком многоступенчата.

— Бурдо прав, но страх дурной советчик, а он боится за Фриоп, ибо для него важнее всего выгородить ее. Вряд ли он пытается нас провести. И все же, собрав воедино все детали, мы видим, что главное по-прежнему ускользает от нас…

— Поэтому нам приходится соглашаться и с ссорой, и с потасовкой, и с третьим человеком, и с бегством, и с безжизненным телом, — монотонно перечислял Бурдо. — А главное, мы до сих пор не нашли ни Камине, ни его труп. Не говоря уж о булочнике, скончавшемся при столь странных обстоятельствах, что мы никак не можем понять, как же он отошел в мир иной. Не говоря уж о переодетом подмастерье, о подпольной парочке, о выкидыше, о попытке перекрестного шантажа и всего, что из этого следует!

После неутешительной речи Бурдо надолго воцарилась тишина.

— Наши сомнения равны векам, наши колебания — молниям, — задумчиво промолвил Семакгюс.

— Расследование подобно лестнице, где мудрец предпочитает середину, — подвел итог Николя.

Бурдо озадаченно уставился на друзей.

— Это вам за прочувствованную речь!

Веселый смех, объединивший их, был прерван прибытием икры и молок, разложенных на ломтиках поджаренного на угольях и политого дымящимся ароматным соусом хлеба. Друзья немедленно приступили к лакомому блюду, а трактирщик, зная их привычки, принялся объяснять, как ему удалось сохранить в целости пленки молок, а главное, икринок, чтобы ни одна не лопнула, а само кушанье не затвердело, не сварилось и не стало безвкусным. Для этого молоки и икру следовало немного подержать в растопленном масле строго определенной температуры, а чтобы они обрели цвет и аромат, в масло добавили мелко накрошенный лук-шалот и немного соуса, для приготовления которого пришлось развести в плошке добрую ложечку горчицы со щепоткой коричневого сахарца, добавить на глазок сухого белого вина и хорошенько перемешать. В конце приготовления блюдо сдобрили перцем и зеленью петрушки.

— А почему бы просто не обдать молоки кипятком? — спросил Семакгюс.

— Все дело в приправах. После растопленного масла они лучше впитывают соус, а следовательно, становятся более изысканными на вкус.

Трактирщик наполнил их стаканы.

— У нас есть бесспорные доказательства, — продолжил обсуждение Николя. — О собрании у Гурдан говорят почти все действующие лица, кроме Фриоп…

— Но это ничего не доказывает, — перебил его Бурдо.

— Увы, да! Что касается Камине, если он убит при выходе из веселого дома, то, по логике вещей, он не может быть убийцей своего хозяина. А вот госпожа Мурю имела больше возможностей для совершения преступления, ибо после ее возвращения домой и до обнаружения тела ее мужа прошло немало времени. У нас еще есть Бабен… Хотя вряд ли она желала зла своему хозяину, к тому же у нее алиби. Время интересующих нас событий окончательно смешалось у меня в голове. Пьер, вы мастер в этом деле: подготовьте мне сводную таблицу перемещений подозреваемых, час за часом, начиная с вечера воскресенья и до обнаружения трупа булочника, то есть до утра понедельника.

— Непременно сделаю, она нам поможет определить связь, существующую между преступлением и загадочным сборищем скупщиков муки и зерна в доме у Гурдан. Пора поставить точку в этом деле, иначе мы рискуем допустить серьезный просчет. Все говорит о том, что Мурю принадлежал к числу мучных монополистов и являлся активным членом некоего общества, организованного с целью обеспечить безопасность скупщикам и спекулянтам. Какие выводы мы можем из этого сделать?

Трактирщик принес наполненные до краев тарелки. Ломтики нежной и сочной телятины трепыхались подобно кусочкам желе. Снова наступила пауза.

— Что, если, — начал Семакгюс, — драмы в доме Мурю отвлекают наше внимание от иных, менее заметных происшествий? По-моему, расследование увязло в разборках с прислугой, а истинная причина трагедии по-прежнему не ясна. Смерть булочника не дает мне покоя. Мне кажется, славные рыцари и вы, сэр Ланселот, что, если бы мы точно знали, как скончался мэтр Мурю, у нас появились бы основания для новых гипотез.

— Если все, что вы говорите, Гийом, верно, это означает, что нельзя разъединять оба дела. Вероятно, имеется некая нить, затерявшаяся среди вороха подробностей, связывающая убийство булочника с нашими необъяснимыми приключениями во время поездки в Вену.

— Не считая загадочных происков, невинной жертвой которых стал Луи, — добавил Бурдо.

В указанный час на узкую улочку Пье-де-Беф прибыл экипаж Семакгюса, и корабельный хирург развез друзей по домам. Когда Николя вошел в дом, там царила тишина. Поднявшись на четвертый этаж, он увидел, что сын его спит, а в ногах его с удобством устроилась Мушетта. Опустившись в кресло, он принялся размышлять о ходе времени, но вскоре сон и усталость сморили его. Проснувшись утром, Луи увидел, что у его изголовья сидит и спит отец.

Глава IX
ВЕНСЕНН

Кто может чувствовать себя невиновным, когда обвинить можно любого?

Юлиан Отступник

Четверг, 4 мая 1775 года

Отдохнувший, хотя и с ломотой в костях после ночи, проведенной в кресле, Николя, умытый, побрившийся и причесанный, спустился к Ноблекуру, где пред ним предстало очаровательное зрелище. Хозяин дома в своеобычном утреннем одеянии, а именно в шелковом халате и ярком головном платке, беседовал с Луи, устроившимся напротив него, на том самом месте, которое по утрам обычно занимал его отец. Прислонившись к дверному косяку, комиссар прислушался к их беседе.

— Поймите меня правильно, дитя мое, видимость — это главное. Если вид, являемый вами тем, кто на вас смотрит, не соответствует образцовому, они не преминут отметить ваши недостатки. Образ, какой вы решите принять, не должен казаться ни подражательным, ни вызубренным, он должен являться продолжением вас самих, плодом тайного гения, вашего согласия с самим собой. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Разумеется, сударь. Еще хотелось бы знать, чего следует избегать, а также практические правила, коими следует руководствоваться честному человеку.

— Ваш отец и я, равно как и все наши друзья, к вашим услугам. Я, в частности, подумываю о господине де Лаборде, великом знатоке придворных манер. На первых порах вам следует научиться управлять своим телом, а отсюда последует и все остальное. Приятно, когда не только в лице, но и во всем человеке преобладает гармония, поэтому всегда стремитесь к равновесию, и прежде всего в способе выражать свои мысли. Добивайтесь уверенного звучания слов и естественности интонации, дабы вас не заподозрили в хвастовстве; не повышайте голоса, ибо это режет слух и умаляет действие слов. Впрочем, будьте уверены, вам

нужная интонация дарована самой природой. Следует только не злоупотреблять ею, иначе вы можете впасть либо в позерство, либо в педантизм.

— Я прослежу, сударь, чтобы сохранить ее в чистоте.

— Главное, избегайте занудства и пошлости. Не увлекайтесь зубоскальством: нынче эта болезнь в моде. Никогда не верьте, что в свете непременно надобно всех поднимать на смех, а смеясь, использовать дурное слово или оскорбительную двусмысленность. Некоторые начнут вас убеждать, что только так можно приобрести репутацию остроумца и научиться говорить на языке, принятом в свете. Помните, похвалы, которые вы снищете, встав на этот путь, будут расточать исключительно для того, чтобы сделать вас посмешищем. Никогда не оскорбляйте никого без причины. Такое поведение пристало только трусу. Ваш соперник может не понять вашу речь, но если поймет, вызов вам обеспечен. В этой жизни имеется множество серьезных поводов, когда приходится рисковать жизнью. Полагаю, вы понимаете, о чем я говорю. Слух о поединке на циркулях…

Луи с улыбкой опустил голову.

— Вот что значит почтительная ирония! — ответил Ноблекур, стараясь подавить смех. — Ваш облик также должен отличаться гармоничностью. Посмотрите на вашего отца. Он унаследовал от маркиза де Ранрея величие, вызывающее зависть у многих. Держите голову прямо, обращайте внимание на плечи: они должны находиться на одном уровне. К свойствам воспитанного человека относится непринужденность. Неблагопристойно держать обе руки в карманах или закладывать их за спину: столь невоспитанно ведет себя только чернь.

— Вот основные принципы, над которыми вам следовало бы поразмыслить, — произнес Николя, выходя из своего укрытия.

Луи встал, уступая ему место. Рассказав Ноблекуру о вчерашних событиях и открытиях, Николя стал в задумчивости листать записную книжечку; старый магистрат поинтересовался, что его так беспокоит.

— Глядя на вас, можно подумать, что вы вышли из пещеры Трофония, — произнес он.

— Сударь, — спросил Луи, — кто такой этот Трофоний?

— Слушайте, — ответил Ноблекур, довольный заданным вопросом. — Беотийский оракул Трофоний предсказывал в пещере. Любопытный, рискнувший посоветоваться с ним, выходил от него неуверенным шагом, озабоченный, с мрачным взором, погруженный в печальные мысли.

Николя рассказал про загадочные буквы на стене дома Энефьянса.

Под критическим взором Ноблекура Луи перебирал ногами от нетерпения.

— Если позволите, отец, это просто детская игра, здесь все ясно. В Жюийи каждый мальчишка умеет отгадывать такие ребусы!

— Черт возьми! Не думал, что образование, которое дают наши добрые ораторианцы, включает в себя подобные предметы! Я вас слушаю.

— Не смею учить вас, но вы прочли неправильно. Речь идет не о перечеркнутой букве K и нарисованной зеленой краской букве I, а… Нельзя ли взглянуть на рисунок этих букв?

Николя раскрыл черную книжечку на той странице, где он зарисовал загадочные буквы.

— Именно то, о чем я и подумал, — внимательно приглядевшись, произнес Луи. — Если правильно прочесть этот ребус, получится таверна Гранд-Ивер![35]

— Кабаре Гранд-Ивер! — воскликнул изумленный Николя. — Я не знаю заведения с таким названием.

— Он похож и на деда, и на отца, — сообщил Ноблекур вертевшемуся под столом Сирюсу.

— Могу я знать, что за три точки поставлены над этим ребусом?

Николя забыл про эту незначительную деталь.

— Думаю, они являются напоминанием о приказе, звучавшем в толпе мятежников, двигавшейся по дороге из Версаля в Париж.

Он задумался.

— Мне сообщили… Бурдо, разумеется… о некоем кавалере, что обращался к толпе в Вожираре. Я пока не знаю, что все это значит. Там это звучало как пароль, но здесь? Быть может, это нечто вроде подписи, средства узнавания… что еще можно придумать?

— А может, — произнес Ноблекур, — эти знаки поставлены, чтобы привлечь ваше внимание? Или же внимание кого-то, кого мы не знаем?

— И одно, и другое предположение равно сомнительно.

— Луи, пожалуйста, оставьте нас, — неожиданно произнес Ноблекур, — я должен поговорить с вашим отцом.

Сосредоточившись, Ноблекур глубоко вздохнул и вперил свой взор в удивленного Николя.

— Мне снова приходится говорить с вами о будущем Луи. О! Я знаю, что не имею никакого права…

Николя, протестуя, замахал рукой.

— …Никакого, кроме привилегии возраста и дружбы. Вчера вечером я долго разговаривал с Луи. Каковы бы ни были берега, к которым ему пришлось пристать в детстве, надо признать, его мать и его собственная природа оберегли его от худшего. Порок соскользнул с него как с гуся вода. Добрая кровь не может лгать, и теперь он хочет с оружием в руках служить королю. Вы это предчувствовали, я вам не открываю ничего нового. Полагаю, вам это занятие кажется подобающим?

— Разумеется.

— Остается решить, как удовлетворить его желание на наиболее почетных условиях. Вчера поздно вечером ко мне неожиданно явился маршал Ришелье. Вы знаете, как он любит являться без предупреждения. Но он приходил не за тем, чтобы повидаться со стариком. Он получил письмо от вашей сестры Изабеллы…

— От моей сестры! — изумленно воскликнул Николя.

— Да, от сестры Агнессы из ордена Милосердных сестер, монахини в Фонтевро. Ришелье знавал многих, но расположение питал не к каждому. Вашего отца он любил. Я восхищен предусмотрительностью мадемуазель де Ранрей. В письме она сообщает герцогу о своем уходе из мира и о том, что отныне Николя, именуемый Ле Флоком, является маркизом де Ранреем и главой старшей линии вашего дома. А еще она просит для своего племянника Луи место пажа при Большой конюшне, которая, как вам известно, находится под управлением первого дворянина королевской опочивальни и главного конюшенного. Собственно, Ришелье и прибыл ко мне в качестве первого дворянина опочивальни, дабы расспросить меня. Полагаю, вы представляете, что я ему ответил.

— Но мое рождение и рождение моего сына…

— Чума на вашу скромность! Разумеется, Пажеская школа рассчитана исключительно на благородное происхождение, ибо надобно предъявлять дворянские грамоты, восходящие по меньшей мере к 1550 году, и, само собой, никакого аноблирования! К счастью, ваша сестра обо всем позаботилась, сопроводив свое письмо копиями картуляриев Ранреев! Да будет вам известно, что ваш предок Арно сопровождал Дюгеклена во время его похода против Педро Жестокого, короля Арагона. Вдобавок у меня сложилось впечатление, что Ришелье, похоже, каким-то таинственным образом раздобыл сведения о вашей матери, также принадлежавшей к древнему роду!

Странное чувство охватило Николя; неожиданно перед его внутренним взором предстало лицо каноника Ле Флока. Каноник любил его, защищал, кормил и заботился о нем.

Почувствовав его волнение, Ноблекур торопливо продолжил:

— Дурно принятый при нынешнем дворе и опасаясь, что вскоре его и вовсе перестанут принимать, маршал, с помощью своего давнего пособника Морепа, поговорил с кем надо, предупредив, тем не менее, что вы не осведомлены о его демарше. От себя добавлю, что служба пажом при короле и придворных вельможах является прекрасной ступенью для последующей карьеры.

— Однако говорят, что, несмотря на руководство господина Главного и господина Первого, воспитанием пажей в значительной мере пренебрегают, заменяя его верховой ездой, обращением с оружием и уроками светской жизни.

— Мы исправим этот недостаток. Как вы могли заметить, я уже взялся за дело.

— И преумножили, если это еще возможно, основания для моей признательности.

— Довольно об этом! Что касается оплаты, здесь она меньше, нежели в коллеже в Жюйи. Разумеется, надо будет снарядить и одеть юношу. Пажи Большой конюшни не только сопровождают короля на охоту и в часовню, но и держат ему правое стремя, когда он садится в седло. Они идут впереди принцесс или несут их шлейф, гарцуют вокруг королевских экипажей. На охоте, как вам прекрасно известно, они меняют и заряжают ружья, подбирают убитую дичь и ведут ей счет. Они исполняют поручения, а во время войны несут службу при королевских адъютантах. Наконец, каждый паж, который спустя три или четыре года выйдет из Пажеского корпуса, имеет право и привилегию выбрать себе полк, где бы он хотел служить в чине подпоручика.

— Вы полагаете, Луи сумеет смириться с дисциплиной, которую требуют от пажей? Ученичество для пажей является одним из самых суровых испытаний, и новичок всегда находится в полном подчинении у старшего. Повиновение — первейшее качество пажа.

— В каждом выборе имеется свой риск. Успокойтесь, Ришелье подчеркнул, что нынешние строгости не чета прошлым; к тому же паж обычно зачисляется в полк, где к нему относятся благосклонно. А так как все быстро узнают, что новичок пребывает под бдительным оком маршала и живет в Версале[36], никто не станет искать ссоры с вашим сыном.

— Но, надеюсь, никаких поблажек!

— Поговорим об экипировке: королевская ливрея, голубой фрак с позументом из темно-красного и белого шелка, костюм для верховой езды, состоящий из куртки и красных панталон с золотым позументом, и коротенькая курточка из синего тика и кожаные гетры для охоты. Луи будет великолепен!

Ноблекур отметил, как на лице Николя промелькнуло выражение неуверенности.

— Я знаю, что вас волнует. Но перестаньте терзать себя. Вспомните, через какие испытания и публичные унижения пришлось пройти вам по прибытии в Париж. Будущее, открывающееся перед Луи, более чем почетно, и для него путь к завоеванию положения в обществе станет значительно более приятным и простым, нежели был у вас. Если говорить честно, он или преуспеет, или провалится. Разумеется, никто не может гарантировать, что его не станут попрекать его рождением, но у него славное имя, и, будучи потомком рода, мужчины которого посвятили себя служению королю, он имеет все шансы преуспеть. В остальном же, Николя, вы вряд ли сможете сделать для него больше. Подумайте и дайте мне ответ, Ришелье ждет. И как только ваш внутренний голос примет решение, поговорите с Луи.

Поблагодарив Ноблекура, Николя пешком отправился в город. Как он ни старался выкинуть из головы незавершенные и сбивчивые мысли, они продолжали толкаться, не позволяя толком додумать ни одну. Любимый город суетился вокруг него, являя взору сведущего наблюдателя тысячи разных забавных сценок. Однако, омраченный заботами, он видел в окружавшем его балагане исключительно грустные и тревожные сцены. Проходя мимо церкви Сент-Эсташ, он заметил женщин, тащивших тяжелые заплечные корзины; лица их раскраснелись, вены вздулись; женщины дышали тяжело, словно кузнечные мехи, и ему стало жалко их. А может, виной тому было его мрачное настроение? Ему казалось, что на пути ему

попадаются только грязные, оборванные полуголые субъекты, доведенные до крайности нищетой и утратившие чувство собственного достоинства. Сгибаясь под огромными тюками, носильщики надсадно крякали, вскидывая груз на спину. Впервые он смотрел на них иным взором и поражался их крайней нищете. Город вновь обрел спокойствие, его гарантом выступали многочисленные конные караулы. Перед каждой булочной стояли часовые.

В полицейском управлении к нему, задыхаясь от волнения, бросился старый дворецкий, однако речь его была настолько сбивчивой, что Николя ничего не понял. Войдя в кабинет начальника полиции, он увидел облако пыли, посреди которого генерал-лейтенант в одних панталонах и рубашке складывал дела в чемоданы. Увидев Николя, он невесело улыбнулся.

— Это очень в вашем духе: отдать дань уважения несчастному, попавшему в немилость. Однако, судя по выражению вашего лица, вы ничего не знаете. Сегодня утром я получил пакет от господина де Ла Врийера с двумя письмами, одно от короля, другое от генерального контролера, и в обоих сообщалось о моей отставке.

— Вашей отставке, сударь!

— И немедленной! Своим бездействием полиция способствовала разжиганию беспорядков. Я слишком плохо служил… Но обстоятельства были таковы… Тюрго известно далеко не все.

Николя попытался ответить себе на вопрос, полиция ли плохо несла свою службу или же Ленуар навлек на себя немилость двора?

— Тон королевской записки не оставляет никаких иллюзий. Мне действительно очень жаль.

Достав из-за манжеты маленький листок бумаги, он печальным голосом прочел:

— «Господин Ленуар, так как ваш образ мыслей никак не согласуется с занятой мною позицией, я прошу вас прислать мне свое прошение об отставке…»[37] Вот так. Как следствие, будут сформированы два подразделения, одно в стенах Парижа, под командованием маршала де Бирона, и другое, за пределами города, во главе с маркизом де Пуйаном. Теперь в случае волнений войска получили приказ открывать огонь… Схваченные на месте преступления мятежники попадают под юрисдикцию прево. Но я продолжаю утверждать, что в Париже смутьяны не сумели разгуляться, потому что здесь всегда соблюдались старинные ордонансы.

Он тяжело рухнул в кресло.

— Судьба преподносит нам урок. После смерти короля вы были отстранены от службы по причине несправедливого предубеждения. Это была моя ошибка, за которую совесть гложет меня до сих пор.

— Поверьте, сударь, что…

— Нет, нет, я чувствую за собой вину, а ваша снисходительность делает вам честь и приободряет меня. Я загнан в тупик. Как закалить себя, противостоять ударам судьбы? Благословен тот, кто освободил вас от груза и вернул вас самому себе, семье, друзьям, для которых вы…

— Я не дерзнул, сударь, убеждать вас в этом.

— Мы переживаем не самые легкие времена; преданность встречается все реже. Поражение не всегда влечет за собой несчастье. Человеком движет множество причин: интерес, тщеславие и тысячи иных вещей. О, чтобы противостоять судьбе, надобно быть высеченным из мрамора.

Повисавшие в воздухе многозначительные фразы следовали одна за другой; наконец Ленуар поднял голову: в глазах его читался вызов.

— Мне не в чем себя упрекнуть; меня не отправили в изгнание. Впрочем, когда в ваших седельных сумках вы увозите с собой истину, не важно, куда вам предстоит держать путь. Я не получил никаких инструкций, а потому посчитал необходимым сделать все, чтобы избежать взрыва народного негодования; я не мог отдать приказ стрелять в народ. Я всегда считал, что, соблюдая сдержанность, я забочусь о спокойствии народа, а значит, жар народного гнева остынет сам собой. Нельзя полностью подавлять энергию народа, она заключена в его характере, и нашей задачей является направлять эту энергию в такое русло, где она чрезмерностью своей не посягала бы на власть и не наносила ей ущерба. Те, кого схватили вчера, в большинстве своем принадлежат к состоятельным слоям населения. Исключений очень мало. Почтенные во всех отношениях горожане, молодые щеголи, завитые и напудренные, — они-то уж точно не страдают от нищеты. Значит, кто-то подговорил их поддержать мятеж?

— Вы думаете, что…

— Боюсь, вас выслушали вполуха; недавние волнения окутаны тенью заговора. Моя отставка напоминает игру в бильярд: по мне бьют как по ненужному шару, чтобы ловчее достать Сартина, никогда не скрывавшего своих взглядов на нынешние реформы, и в частности, на свободу торговли зерном. Начинается гонка за добычей. Тюрго и его единоверцы-физиократы попытаются продвинуть своих ставленников, дабы перейти к еще более решительным действиям. Я не утверждаю, что реформы невозможны, но нельзя осуществлять их столь дурным способом, когда часть принимают за целое. Но довольно! Время генерального контролера пройдет, и мы вернемся вновь. Народ быстро проникнется к ним презрением. Мы еще не видели всей его силы.

— Сударь, я должен отчитаться перед вами. Вам наверняка интересно знать, куда движется дело об убийстве булочника. К тому же я надеюсь воспользоваться вашими инструкциями и советами.

— Считайте, что совет я вам уже дал. А инструкции теперь будете получать у Альбера, назначенного моим преемником.

— Альбера?

— Да, еще одного оголтелого экономиста из секты Тюрго! Вы только подумайте, интендант из торгового ведомства, управлявший департаментом по снабжению зерном! Это назначение — изначально великая ошибка! Как можно на следующий день после мятежа, вызванного подорожанием хлеба, выдвигать на должность начальника полиции человека, отвечавшего за сбережение и оборот зерна, основного продукта питания? Брюзгу, непоследовательного и недалекого? Говорят, изучение канонического права сделало его мелочным и заносчивым. Надеюсь, ваше положение при дворе избавит вас от унижений со стороны нового начальника, слывущего медлительным, тяжеловесным и сварливым, а ваш ум позволит правильно оценить его противоречивые указания. Итак, как же продвигается ваше расследование?

Рассказав об опасностях, встретившихся на его пути, комиссар высказал уверенность, что убийство на улице Монмартр каким-то образом связано с собирающимся в доме Гурдан таинственным советом, в состав которого входит немало крупных перекупщиков зерна. Окружение Мурю оказалось также более чем подозрительным, и есть все основания искать убийцу среди этого окружения.

Вжав голову в плечи, Ленуар, казалось, задремал, однако пальцами правой руки он энергично барабанил по столешнице, что свидетельствовало о лихорадочной работе мысли. Наконец он остановился и, знаком подозвав Николя, шепотом заговорил:

— Полагаю, вы помните прошлогодний скандал с королевским альманахом? Тогда впервые всплыло имя некоего Демирвало, управителя зернохранилищ, принадлежащих королю.[38]

— …а легковерная публика поверила в существование так называемого «пакта голода», сговора, участники которого якобы спекулировали зерном в пользу покойного короля с целью пополнить кошелек госпожи Дюбарри.

— Ее и многих других. О том, как король торгует зерном, даже сочиняли куплеты. Грязная клевета, однако, чем чернее клевета, тем больше в нее верят. Слух зародился в 1765 году, когда генеральный контролер финансов Лаверди заключил контракт с богатым мельником по имени Матиссе на создание резервного запаса зерна с целью поддерживать равновесие на рынке и не допускать голода. Когда цена на зерно начинала слишком быстро идти вверх, для сохранения цен на прежнем уровне государство само начинало торговать зерном. В этом случае Матиссе получал двести процентов комиссионных. Тогда в возбужденном уме некоего Лепрево де Бомона, секретаря управляющего церковной собственностью, возникла мысль, что король лично участвует в скупке зерна, и он раструбил об этом повсюду. Он источал столько яда, говорил столько дурных слов о достойных служителях его величества, и в частности, о Шуазеле, Сартине и обо мне, что в ноябре 1768 года его посадили в Бастилию. Он сидит в одиночке, однако ухитряется передавать на волю записочки.

— Как, — в ужасе воскликнул Николя, — как могло случиться, что он уже семь лет в Бастилии, а суда все еще не было?

— Вот так. Безумие не покидает его, а оно опасно для государства. Сегодня он в Венсеннской крепости, где по-прежнему неутомимо заявляет о своей невиновности. Не проходит и месяца, чтобы я не получил одно из его прошений. Желая вам помочь, я составлю своего рода завещание в вашу пользу, последнее, что я могу сделать, пока мое место не занял сьер Альбер.

Конец фразы, произнесенный через губу, прозвучал в высшей степени презрительно. Ленуар взял большой лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу, которую держал щекастый амурчик из позолоченного серебра, и принялся писать. Иногда он останавливался, словно подыскивая точное слово или выражение. Затем, посыпав песком, дабы быстрее высушить чернила, разогрел воск, накапал толстым слоем на бумагу и с яростью придавил своей печатью.

— Вот, и никто не посмеет возразить. Сейчас я вам прочту. Бумага адресована господину де Ружмону, управляющему королевским замком Венсенн.

Сударь,

Будьте столь любезны и предоставьте моему следователю по чрезвычайным делам возможность доступа в камеру известного вам государственного узника в любой час и на любое время. Оному следователю дозволяется беседовать с вышеуказанным узником наедине столько времени, сколько ему понадобится, ибо в этом заключен интерес его величества. Когда поручение будет исполнено, подпишите эту бумагу и передайте ее моему посланцу.

Написано в Париже, в управлении королевской полиции
4 мая сего 1775 года

Ленуар

— Я не просто советую вам молчать о посещении Венсенна, я вам приказываю. Ружмон тоже будет молчать, это в его интересах. Вам же я повторю: полное соблюдение тайны; приказ распространяется на всех. Сами понимаете, все должно остаться между нами; разглашение тайны пошатнет наши позиции… насколько их еще можно пошатнуть.

— Однако, сударь, не боитесь ли вы, что узник, имеющий налаженные связи с внешним миром, сам сообщит кому следует о моем визите?

— Я полагаюсь на вас, на вашу ловкость; надеюсь, вы сумеете ему доказать, что в его интересах лучше молчать, нежели разгласить тайну.

Встав, он протянул Николя руку, и тот с грустью заметил, что в глазах генерал-лейтенанта блеснули слезы.

— Не забывайте меня! А теперь идите.

Необычайно взволнованный, Николя вышел, не оборачиваясь. На улице его окликнул знакомый голос. Это оказался шевалье де Ластир.

— Я отправился за новостями на улицу Монмартр, — сообщил он, — где мне сказали, что вы, вероятнее всего, в Шатле, откуда я сейчас и возвращаюсь. Прогулялся попусту. Утром я тоже попал впросак: пытался разогнать мрачное настроение Ленуара. Слава Богу, хотя бы вас я нашел.

— Как ваша рана? — спросил Николя, ибо голову шевалье по-прежнему украшал тюрбан.

— Она оказалась весьма прочной. Голова, разумеется! Поверьте, я в отчаянии, что мне не удается принять участие в вашем расследовании. Но пока я курсирую по городу, мотаюсь в Версаль и обратно… Ах, да что там говорить! Это дело явно связано с растущим недовольством народа, попавшего в безвыходное положение. Ну, об оплошностях городских властей говорить не будем, хотя они, надо признать, не без последствий: ходит слух, что Сартин, а значит, и Ленуар приложили руку к разжиганию волнений из ненависти к Тюрго. Теперь пора начинать вешать, и без лишних проволочек, для наглядного примера, и порядок воцарится сам собой. Да вы и сами видите. В городе стало гораздо спокойнее. А я продолжу свои изыскания, дабы снять с министра морского флота обвинения, которые, без сомнения, будут ему предъявлены. Тем более что я совершенно уверен, что не могу быть вам ничем полезен в деле об убийстве на улице Монмартр. И все же, что вам удалось узнать?

Николя не намеревался раскрывать секрет, доверенный ему Ленуаром, никому, а тем более новому приятелю, и пустился в туманные рассуждения о благоприятных стечениях обстоятельств. Он не забыл, с какой настороженностью отнесся к Ластиру Бурдо. Нежелание шевалье непосредственно участвовать в расследовании вполне удовлетворяло Николя, ибо гарантировало спокойствие Бурдо, значившего для него гораздо больше, нежели Ластир.

— Косвенные доказательства указывают, что искать надобно в кругу близких людей: супруги и учеников. Полагаю, мы скоро закроем это дело.

Ластир предложил воспользоваться его экипажем, но Николя отклонил предложение, сказав, что хочет пройтись пешком до Шатле, чтобы лучше почувствовать настроения города. Прощаясь, жизнерадостный шевалье пригласил его на ужин, когда он «вернется из Версаля». Пройдя площадь Виктуар, комиссар направился по улице Пти-Шан, а затем по Сент-Оноре, держа курс на Шатле. От разговора с Ленуаром в душе остался мутный осадок. Грустная ирония — теперь уже бывшего — начальника плохо скрывала страдание и крайнюю усталость. Он тотчас вспомнил мрачные периоды собственной жизни, когда казалось, что все рушится и нет надежды на спасение. Итак, размышлял он, магистрата, исполненного заботой об общественном благе, сухо поблагодарили и отправили в отставку, не предоставив возможности и дальше употреблять свое усердие во благо королю.

Надо было справляться со своим несчастьем, убеждать себя в неизбежности случившегося. В этой борьбе он черпал силы для противостояния тем трудностям, которые жизнь, словно река, выбрасывающая на берега обломки, подобранные течением на всем своем протяжении, неустанно преподносила ему. Он шел, словно сомнамбула, и думал о том, что самое трудное — это найти срединный путь, путь равновесия. Не скатиться в самоуничижение и не замкнуться в гордыне. Способность сопротивляться последствиям крушения ярче всего высвечивала суть человека. Маркиз де Ранрей не раз говорил, что легче подняться во весь рост в траншее, нежели противостоять невидимой опасности, когда только душа и сердце знают, каково тебе приходится. В свое время на Семакгюса пало подозрение в убийстве, Сартин пребывал под угрозой опалы, маркизу де Помпадур неотступно преследовали интриги соперниц, покойный король на пороге смерти исполнился истинного величия… каждый из этих людей, на свой манер, научили его великодушию и спокойному достоинству. Лишенный должности Ленуар, уязвленный значительно сильнее, нежели он об этом говорил, тоже

сопротивлялся на свой лад. Все эти люди на собственных примерах убеждали его в том, что лучше страдать от несправедливости, нежели от угрызений совести. В нем вновь проснулся юный казуист из иезуитского коллежа в Ванне, и он вспомнил, как ему удавалось доказать, что добродетели сродни самолюбию, а от самоуничижения до греховной сатанинской гордыни всего один шаг.

Вернувшись в день сегодняшний, он решил спросить у Бурдо, не знает ли он, где находится кабачок Гранд-Ивер, и продолжить поиски, связанные с Камине, чье тело до сих пор не обнаружили. Почему оно исчезло? Неужели его обобрали и раздели какие-нибудь бродяги-старьевщики? Такое часто случалось, но тогда тело, без сомнения, спрятали. Надо бы направить расследование в эту сторону. Ох, когда же они, наконец, поймут modus operandi, а проще говоря, способ, которым мэтра Мурю лишили жизни. Потом он нашел предлог не посвящать Бурдо в свои планы. Он скажет, что отправляется к Анн Фриоп, умолчав о том, что далее он поедет в Венсенн.

Довольный удачно придуманной уловкой, остаток пути он прошел бодрым шагом, уворачиваясь от грязных брызг, летевших из-под колес экипажей, и перепрыгивая через оставшиеся после вчерашнего дождя лужи. Добравшись до Шатле, он столкнулся с Рабуином; при виде своего начальника лицо агента немедленно расплылось в улыбке.

— Каким добрым ветром тебя сюда занесло?

— На улице Пуарье происходит некое движение. Какая-то женщина вошла в заброшенный особняк напротив дома Энефьянса. Со мной был Сортирнос, и я оставил его караулить.

— А дальше?

— А дальше из трубы дома Энефьянса повалил дым.

— Дым? Вот это да! Продолжайте наблюдение. Это очень важно.

Бурдо, очевидно раздраженный, проявлял все признаки нетерпения. Хорошо его зная, Николя предположил, что причиной тому был Ластир, заходивший в дежурную часть и ожививший подозрения инспектора о наличии некоего союза, из которого он, Бурдо, чувствовал себя исключенным. Услышав, что шевалье занят совершенно иными делами, инспектор вновь расцвел и принялся живо обсуждать новости, доставленные Рабуином. Николя поручил ему найти кабачок под вывеской Гранд-Ивер, обнаруженный благодаря находчивости Луи. Для начала следовало пойти в охранное отделение, где хранились списки питейных заведений, и в случае обнаружения искомой таверны пойти и взглянуть на нее, причем как можно скорее. Сам же он займется Анн Фриоп и, если ее состояние позволит, допросит ее. Неожиданно в дежурную часть влетела запыхавшаяся Катрина. Она прибежала предупредить Бурдо, что на улицу Монмартр в тележке, запряженной сторожевым псом, явился безногий калека, бывший солдат, и сослался на комиссара. После обильного угощения, состоявшего из миски супа с салом и доброго стакана вина, он сообщил, что в известный комиссару дом проникла какая-то женщина. Ну и все такое.

— Зтоило пежать, чтопы зоопщить то, что все уже знают! — обиженно произнесла она.

Сообщение Рабуина подтвердилось, немедленно породив несколько новых версий, позволивших Николя с чистой совестью скрыть свое намерение отправиться в Венсенн. После визита к Анн Фриоп он поедет на улицу Пуарье, чтобы на месте понять, что же там происходит. Только отправится он туда не сразу, а после посещения Венсенна.

У изголовья заключенной сидел доктор Жевиглан. Проспав остаток ночи, девица чувствовала себя значительно лучше, и врач попросил дозволения отправиться к себе, пообещав вечером зайти проведать пациентку. Девицу облачили в платье, больше смахивавшее на монашеское одеяние, под голову положили подушку, при ближайшем

рассмотрении оказавшуюся свернутой мужской одеждой, которая была на ней прежде. При виде Николя Анн Фриоп испугалась.

— Мадемуазель, — произнес комиссар, — я с удовлетворением отмечаю, что вы чувствуете себя значительно лучше. Мне надо задать вам несколько вопросов. Ваш друг признался, что вечером в воскресенье он следил за Камине, который, как мне известно, шантажировал вас самым отвратительным образом.

Она, похоже, вздохнула с облегчением.

— Тем не менее вы и ваш друг по-прежнему числитесь среди подозреваемых в убийстве мэтра Мурю, а ваш друг, похоже, еще и среди возможных убийц Камине. Этот субъект угрожал вам, и есть свидетели, видевшие, как Парно склонился над его телом.

Двигаясь на ощупь, Николя позволил себе несколько изменить истину. Ответ последовал незамедлительно.

— Это все ложь, он к нему не приближался.

Он решил не прерывать ее взволнованную речь.

— Нет, он к нему не приближался, — повторила она тише, — и я могу это подтвердить.

— Он сам вам об этом сказал?

Ее бледное лицо залилось краской, и она расплакалась. Ему стало жаль бедную девушку, не видевшую конца своим несчастьям.

— Да.

— В таком случае это всего лишь слова, не подтвержденные доказательствами, а потому не имеющие силы. Так что Парно по-прежнему остается одним из подозреваемых.

Она закашлялась.

— Я была там… я там… была… шла следом за Парно, когда он пошел по улице… Опасаясь худшего, я притворилась спящей, а сама выскочила следом за ним!

— И он вас не заметил?

— Нет. По возвращении мне не удалось ни догнать его, ни перегнать. Шел дождь. Так что я вернулась после него. Он с ума сходил от беспокойства. Мне пришлось ему во всем признаться.

— Потом вы пошли к Мурю?

Она со страхом глядела на него.

— Нет, господин Николя. Мы легли спать. Чтобы как обычно, в назначенный час прийти в пекарню.

— Помните, мадемуазель, все ваши слова мы тщательно проверим. Мне очень хочется вам верить, и я надеюсь получить доказательства вашей правдивости.

— Что с моим другом?

— Он тревожится за вас; успокойтесь, я сообщил ему о вашем состоянии.

Он вышел из камеры. Каждое новое показание, словно лист карточного домика, опиралось на предыдущее. Достаточно одного ложного признания, и все сооружение рушилось, ставя под сомнение с трудом выстроенную версию. Взяв фиакр, он, чтобы обмануть слежку, если таковая имелась, велел везти его на площадь Руаяль. Там он попросил высадить его и, велев кучеру ждать на углу улиц Эгу и Сент-Антуан, прогулочным шагом дважды обошел площадь, дошел до улицы Эшарп, вошел в церковь Сент-Катрин, прошел ее насквозь и вышел через боковой придел; оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, он отправился к ожидавшему его фиакру. Прибыв в Венсенн, он попросил кучера подождать его неподалеку от крепости, а сам, избрав сложный и извилистый путь, чтобы убедиться, что за ним никто не следит, пешком отправился в крепостной замок.

Вход в крепость преграждали два подъемных моста: мост поуже предназначался для пеших посетителей, мост пошире — для экипажей. Далее ему пришлось пройти через трое хитроумных ворот. Предъявив удостоверяющую его полномочия бумагу подозрительному привратнику и приданному ему в помощь часовому, он очутился во дворе перед высоким донжоном, напомнившим ему башню Элвен, старинную бретонскую крепость. В свое время он вместе с отцом, маркизом де Ранреем, часто охотились на волка неподалеку от ее мощных стен. Глубокий сорокафутовый ров, окружавший тюремный замок, делал его неприступным. Донжон насчитывал шесть этажей и четыре угловые башни. Доступ в крепость преграждали три расположенные друг за другом двери. Привратник провел его в большой зал первого этажа, где ему пришлось довольно долго ждать. Наконец появился разъяренный комендант, громко выражавший свое неудовольствие дерзким посетителем, побеспокоившим его в начале обеда. Ознакомившись с распоряжением Ленуара и придирчиво оглядев печать, он уставился на подателя бумаги. Наконец, решив исполнить приказ, он тем не менее заявил, что, согласно инструкции, намерен присутствовать при свидании, ибо речь идет о государственном преступнике. Комендант вел себя столь настырно, что Николя пришлось пригрозить ему карами высшего начальства, если тот немедленно не прекратит препятствовать комиссару исполнить поручение начальника полиции. Ружмон недовольно отступил.

По темным лестницам и узким проходам его провели до самой камеры. Подступавший к горлу запах плесени и каменной соли напомнил ему, как кто-то сравнил воздух в тюремных застенках с мышьяком. В камеру также вели три двери, все три с тяжелыми железными засовами и двумя замками, запиравшимися на три поворота ключа. Решительно, подумал Николя, в Венсенне с узниками обходятся гораздо более сурово, чем в Бастилии. Двери открывались в противоположные стороны. Первая преграждала проход во вторую, а вторая — в третью. Процедура отпирания дверей сопровождалась скрежетом, скрипом и жалобными воплями дверных петель.

Войдя в камеру, он сначала ничего не увидел. После кромешного мрака коридора слабый свет, падавший в окошко, забранное тройной решеткой, ослепил его. Когда глаза его привыкли к скудному освещению, он увидел, что находится в комнате с высоким сводчатым потолком; высота помещения была раза в три больше его ширины. В глубине, возле стены, на деревянном лежаке, напоминавшем ящик, сидел узник; зябко кутаясь в обтрепанный плащ, сквозь дыры которого виднелись болтавшиеся на шее остатки галстука, он пристально и испытующе взирал на визитера. Из-за длинных волос и бороды, скрывавших бледное исхудавшее лицо, возраст узника не поддавался определению. От ручных кандалов к вделанным в стену кольцам тянулись цепи. Цепь на правой ноге крепилась к массивному железному кольцу, торчавшему прямо из пола. Перемещался узник явно с большим трудом и в ограниченном пространстве.

Пока надзиратель закрывал скрипучие двери камеры, мужчины рассматривали друг друга. Николя торопливо соображал, как ему лучше приступить к разговору, одновременно ругая себя за то, что не поразмыслил над этим по дороге. В конце концов он решил не лгать, не давать ложных надежд и объяснить свой визит служебной необходимостью.

— Сударь, — начал Николя, — мое имя барон д'Эрбиньяк…

Он не лгал, такое имя действительно носили земли, принадлежавшие сеньорам де Ранрей.

— …король поручил мне осмотреть тюрьмы и посетить заключенных, содержащихся там без суда и следствия.

Узник окинул его скептическим взором.

— Интересно, с чего это король после шестидесяти лет правления вдруг заинтересовался своими тюрьмами! Сударь, я ничего ни от кого не жду, а потому могу всего лишь выслушать вас.

Николя сообразил, что узник не знает о смерти Людовика XV и о восшествии на престол Людовика XVI.

— Как долго вы сидите в этой тюрьме?

— Вот уж, действительно, верно сказано: сижу! Семь лет, сударь, не считая одиннадцати месяцев в Бастилии! И ни там, ни тут никто не удосужился мне сообщить, почему я здесь, что, полагаю, вам прекрасно известно, равно как и известна истинная причина моего заточения, коя не только не оправдывает меня, но и делает мне честь.

— И что это за причина? Я буду вам весьма признателен, если вы мне ее изложите.

— В 1768 году я совершенно случайно раскрыл отвратительный заговор, составленный — если судить по ее целям — поистине дьявольской лигой. Иными словами, я обнаружил заговор против короля и всей Франции.

Постепенно возбуждаясь, он попытался воздеть руки к небу, но цепи со звоном воспрепятствовали этому движению.

— О какой лиге идет речь? И о каком заговоре? Что вы имеете в виду? Вы уверены в своих словах?

— Слава Богу, если эта лига более не существует! Собственно, чтобы помешать ее разоблачению, меня и упрятали в темницу.

— И кто же был подстрекателем?

Многозначительно взглянув на Николя, Лепрево де Бомон[39] похлопал рукой по деревянному лежаку, приглашая его присесть рядом. Комиссар принял приглашение. В нос ему немедленно ударила вонь, подобная той, что исходит от запертых в клетках животных.

— Надо быть осторожным, меня подслушивают, — прошептал узник, беспокойно озираясь по сторонам. — Давайте говорить как можно тише. Хотя я вас совсем не знаю, но почему-то готов вам все рассказать. Наверное, вы внушили мне доверие. Зачинщиками заговора выступили господа Лаверди, Сартин, Бутен, Ланглоэ, Шуазель, Ленуар, Крана дю Бур, Трюден де Мартиньи и многие другие высокопоставленные лица. Ну скажите, почему меня держат в тюрьме, меня, разоблачившего сговор против народа? А если они утверждают, что никакого сговора не было, тогда тем более, зачем держать меня в тюрьме, если меня не в чем больше обвинить?

Николя подумал, что аргументация человека, числившегося сумасшедшим, была не лишена логики.

— Вы сами видите, сударь, сколь чудовищен произвол власти, допускающей арест без всякой на то причины. Я лишился места, имущество мое описано, дела пришли в упадок, все существование мое порушено. О, я несчастный! Прибавьте сюда ночное похищение, диктатуру деспотов, именующих себя судьями, инквизиторов, заставивших меня на собственной шкуре испытать их отвратительную тиранию. Ах, сударь, сколько злоупотреблений, с коими мне довелось столкнуться, дают мне право законным образом подать жалобу его величеству! Наш король не может остаться нечувствительным к творящимся у него под носом беззакониям!

Привыкнув к полумраку тюремной камеры, на высоте человеческого роста Николя заметил надписи: словно кто-то напечатал на стене слова. Лепрево заметил направление его взгляда.

— Вопреки постоянным терзаниям, причиняемым мне моим тюремщиком, я работаю, пишу, делаю выписки из прочитанных мною книг. Господин граф де Лале, проживающий в замке и располагающий библиотекой в четыре тысячи томов, любезно одалживает мне книги без ведома коменданта, передавая их мне через привратника. Господи, я совсем забыл об осторожности. Безумец, что ты творишь? Я неосмотрительно доверился вам, и теперь вы расскажете об этом всем!

— Сударь, клянусь честью, что господин де Ружмон не узнает ни слова из того, что вы соблаговолите поведать мне во время нашей беседы. А вы, в свою очередь, также не говорите никому о содержании нашей беседы. Оно интересует только короля.

— Как вам будет угодно, обещаю вам. Вижу, вы пытаетесь прочесть надписи на моих стенах. Мне ничего не остается, как записывать свои разоблачения, хотя комендант время от времени закрашивает их известкой. Я пишу большими печатными буквами.

— Но где вы берете чернила?

— Это, сударь, сажа, образованная при обжигании березовых веточек в пламени свечи. Из них я делаю себе перья. Поверьте, письмо — очень долгое занятие; за час мне удается вывести не более пяти десятков букв. Однако вернемся к интересующему нас вопросу.

— К сговору, который обычно называют «пактом голода»?

— Да, сударь. Речь шла о том, — и я буду повторять это до самой смерти, — чтобы на двенадцать лет отдать снабжение зерном на откуп четырем миллионерам. Эти четверо хотели накопить огромные запасы зерна и муки, дабы стать единственными монополистами и устроить в стране голод. Придумал этот план некий Матиссе, бывший руанский булочник, чья булочная находилась возле церкви Сен-Поль. Сумев подкупить полицию, он развязал себе руки и нанял целую армию поджигателей, комиссаров, покупателей, посредников, сторожей на складах, инспекторов, бродяг, изготовителей вьючных седел, молотильщиков, веяльщиков, сеятелей, контролеров, проверяльщиков, сборщиков, налоговых инспекторов, приказчиков, булочников… Словом, целую шайку, из тех, кто имеет дело с зерном! Когда я разоблачил их в парламенте Руана, меня немедленно убрали из мира живых.

— И с тех пор вы пребываете в неведении?

— В забвении, в молчании! Даже святых мучеников не лишали права голоса! Молчание несовместимо с человеческой природой! Шесть лет я пребываю в этом адском донжоне. Вы видите, сколь я несчастлив, видите мое жалкое ложе, напоминающее эшафот, видите мои оковы, мои лохмотья. А голод, который меня постоянно мучит! А ведь, как мне недавно стало известно, на содержание мое государственная казна отводит три тысячи ливров. Но, видимо, эти деньги поступают в карман Ружмону, который только и делает, что преумножает мои страдания, не исполняет приказы и клевещет на меня в своих доносах. А жестокосердый Сартин, похитивший меня во мраке ночи, возненавидел меня еще больше и, похоже, вознамерился погубить.

Внезапно Николя, посмотрев в глаза узнику, прошептал:

— Три точки и тридцать один.

Узник с криком отшатнулся.

— Предатель, так ты, значит, принадлежишь к этому адскому отродью?

— Сударь, уверяю вас, вы заблуждаетесь. Слова эти долетели до меня из толпы, их произнес какой-то подозрительный субъект, зачинщик беспорядков. Если вам, как вы сами утверждаете, дороги интересы короля, государства и народа, объясните, что значит эта формула.

Заколебавшись, Лепрево де Бомон вперил взор в Николя, словно пытаясь понять, что скрывает открытое лицо посетителя.

— Сударь, не знаю, почему, но верю вам на слово. Невидимыми путями, указать которые я не могу, ибо узнал их совершенно случайно, став слепым орудием судьбы, ко мне попали эти слова, служащие сигналом для общего сбора. Значит, все по-прежнему… В свое время, когда существовали тайные договоренности, слово это являлось своего рода магическим ключом. Однако формула *nihil obstat*[40] должна была измениться и, возможно, послужить иным целям.

— Но что все это значит? Что за тайная формула?

— Устраивались собрания. Полагаю, на этих собраниях встречались сообщники. Совет обычно проходил в Париже, в одном из трех мест, откуда и три точки, и состоял из тридцати трех человек. Это первый ключ, второй, мне неизвестный, позволял уточнить место, одно из трех… Во всяком случае, мне так кажется.

— Благодарю вас, сударь. Не угодно ли? — и он протянул узнику открытую табакерку.

Некоторое время они усиленно чихали, что, как неоднократно убеждался Николя, укрепляло чувство доверия.

— Сударь, — продолжил Николя, — мне хотелось бы задать вам еще несколько вопросов. Вам знакомо имя Энефьянс?

И снова узник дернулся, подтверждая тем самым подозрения Николя.

— Сударь, — ответил Лепрево, — могу лишь повторить, что вы проникли в их тайны гораздо глубже, нежели сами можете предположить. Впрочем, я уже ничем не рискую, если попробую расширить ваши знания. Хотя едва ли я знаю больше вашего. Но, видимо, вам неизвестно, что булочник с улицы Монмартр, имя которого я не знаю, разгадал попытки Энефьянса-сына обмануть лигу и сообщил об этом совету. Нечестивца сразила молния, иначе говоря, Энефьянс был уничтожен, не узнав, кто и откуда нанес ему удар.

— Еще одна подробность. Когда именно вы узнали о доносе?

— Незадолго до моего похищения людьми Сартина.

— Сударь, — подвел итог Николя, — надеюсь, вы были со мной искренни.

— Я знаю, как тебе противна ложь любая,

Что жизнь — и ту отдаст, о Лепрево[41],

Коли ему, дабы себя от смерти сохранить,

Уста хоть словом лжи придется осквернить.

Так что сами видите, сударь, несчастный узник не напрасно пользуется библиотекой господина де Лале. Надеюсь, я могу рассчитывать на ваше благорасположение.

Николя всегда мучили призраки прошлого; вот и теперь перед ним предстала камера, где отчаявшийся узник, назавтра ожидавший приведения приговора в исполнение, тоже просил у него заступничества.[42] А он не мог ему ничего ответить.

— Сударь, будьте уверены, если представится случай, я не премину походатайствовать за вас.

— Благодарю вас, вы кажетесь мне человеком чести.

Николя толкнул тяжелую дверь и вышел из камеры. На первом этаже он нашел коменданта, и тот с недовольным видом подписал записку Ленуара. Напомнив Ружмону о необходимости держать его визит в полнейшей тайне, Николя покинул крепость и ее неприятного управляющего.

Сев в фиакр, Николя предался размышлениям. Несмотря на возбуждение, речи узника звучали вполне осмысленно. Собственно, в чем его обвиняли? Не похоже, чтобы он злоумышлял против короля. Значит, из его речей можно было сделать вывод о существовании заговора государственных мужей. Столкнувшись со злоупотреблениями, честный и простодушный Лепрево стал громко возмущаться… Но горе тому, кто поднимает шум с благими намерениями! Видимо, подозрения поборника истины завели его слишком далеко и высоко. Служители короля, министры, интенданты, откупщики, оптовые торговцы и армейские поставщики постепенно, незаметно для посторонних глаз, захватывали торговлю зерном в свои руки. Тайна скрывала продажность и служебные злоупотребления, а донос пресекал любые поползновения сделать махинации достоянием гласности. Честный и упорный Лепрево де Бомон, не обладая достаточными доказательствами, попытался выступить в роли разоблачителя, но те, кто стоял у руля государства, не могли этого допустить.

Служа королю, Николя вполне мог представить себе мотивы, по которым Лепрево удерживали в одиночном заключении. Множество подданных его величества были уверены в существовании заговора, «пакта голода», а потому выход на свободу человека, готового во всеуслышание доказывать существование сговора, мог породить ненужные волнения. В 1774

году портной, мэтр Вашон[43], сообщил комиссару королевской полиции, что, судя по слухам, короля обвиняли в создании ажиотажа вокруг запасов зерна. В то время даже Бурдо верил этим слухам, а когда Николя стал их опровергать, посчитал своего начальника излишне прекраснодушным и не знающим жизни.

Убеждения Николя помещали истину где-то посредине. Прежняя система регулирования торговли зерном, несомненно, открывала простор для махинаторов, извлекавших выгоду из ее несовершенства. Возможности множились, пользовались ими бесконтрольно, и дряхлый механизм монархии стал давать сбои. Зло зарождалось, росло и расползалось по всему королевству; откупщики и прочая сомнительная публика, кишевшая вокруг главного продукта питания, показала зубы, беспорядки привели к несправедливостям. Бывший секретарь управляющего церковной собственностью, радея за государство, принялся кричать о злоупотреблениях на всех углах.

Николя окончательно заблудился в собственных мыслях, уводивших его далеко от срочных нужд дня сегодняшнего. Но постепенно его охватила хорошо известная ему лихорадка охотника, почуявшего дичь. Связь между семьей Энефьянс и убитым булочником с улицы Монмартр открывала простор для новых версий… Следовало уточнить обстоятельства исчезновения сына Энефьянса. Поглощенный обдумыванием новой версии и связанных с ней новых задач, Николя велел кучеру высадить его у начала тихой улочки Пуарье.

Глава X
УПРЕЖДАЮЩИЕ ШАГИ

Истина, как солнце, не может двигаться в обратном направлении.

Барон Гольбах

Уверенный, что, посетив Шатле, Рабуин вновь присоединился к Сортирносу и они вместе несут службу где-нибудь неподалеку, Николя спрыгнул на мостовую и огляделся. Судя по тому, что лавка сапожника была заперта, хозяин ее в настоящий момент отсутствовал. В этот предвечерний час улица казалась пустынной, однако он точно знал, что осведомители где-то здесь, в незаметном на первый взгляд укрытии. Озираясь по сторонам, он ожидал сигнала, которым Рабуин обычно выдавал свое присутствие: крика птицы, свиста или неожиданно выкатившегося из-под ног камня. Но все было тихо, и он встревожился. Неужели неизвестный вышел из дома и оба агента, оставив наблюдательный пост, отправились за ним? Или же Рабуин задержался, а Сортирнос отправился следить за женщиной?

Время шло неимоверно медленно; не вытерпев, он направился к обветшавшему особняку, расположенному напротив дома Энефьянса. Ворота уступили при первом же толчке; при входе под портиком он заметил разбросанную солому. Постройка ничем не отличалась от владений Энефьянса. Жилой дом пришел в негодность, и, хотя Николя двигался очень осторожно, половицы то и дело потрескивали. Внезапно он замер от удивления: впереди на полу валялось снаряжение Сортирноса — два ведра, клеенчатый плащ и коромысло. Неужели их владелец стал жертвой нападения? Оглядевшись, он заметил запачканную и помятую треуголку Рабуина, легко узнаваемую по светлому кремовому цвету. Что здесь произошло? И куда делись его друзья? Он спешно обошел все комнаты, внимательно заглядывая в каждый угол. Вокруг царила приводившая в отчаяние тишина, и только под ногами трещали деревянные полы.

Отыскивая вход в подвал, он услышал сдавленные крики, доносившиеся из-за кучи гнилых заплесневевших дров: там открывался темный узкий проход. Ступив под высокие своды, он выдрал листок из записной книжки и зажег его, но сквозняк тотчас загасил импровизированный светильник. Он двинулся на ощупь, и вскоре приглушенные призывы зазвучали более отчетливо. Неожиданно нога его наткнулась на что-то мягкое; нагнувшись, он разглядел распростертое тело. Рука нащупала лицо с кляпом во рту. Порывшись в карманах, он вытащил перочинный ножик и не без усилия перерезал плотные завязки. Раздался шумный выдох.

— Кто бы вы ни были, благодарю! — прозвучал знакомый голос Рабуина.

Николя помог агенту встать на ноги, перерезал путы, стягивавшие ему руки, а затем поджег еще одну страничку, мысленно пообещав себе отныне носить в кармане огарок свечи. Обхватив руками голову, Рабуин с трудом держался на ногах; Николя поддержал его.

— Ты один? А где Сортирнос?

— На улице, там, где я его оставил.

Листочки из черной записной книжечки один за другим таяли в огне. Они пошли дальше и вскоре наткнулись на опутанное веревкой безжизненное тело Сортирноса. После многих усилий им удалось привести его в чувство и пробудить в нем дар речи.

— Когда Рабуин вошел в дом…

— А почему ты покинул свой пост на улице? — спросил Николя Рабуина.

— Ворота приотворились, и кто-то позвал меня по имени.

— По имени?

— Я решил, что это вы. А кто ж еще? Я и побежал. Вбежал во двор, а там никого. Ну, я пошел в дом, а там кто-то сильно ударил меня по голове, и я потерял сознание.

— Со мной случилось то же самое, — сказал Сортирнос. — Я увидел, как кто-то, приоткрыв ворота, машет треуголкой Рабуина, и подумал, что это он меня зовет. Ну и тоже, во дворе никого, а как вошел в дом, так сразу получил по макушке, а вдогонку тумак по шее, и вот я на земле!

Догорел очередной листок, и они снова очутились в темноте. Сортирнос достал из кармана куртки огарок свечи, и при его свете они молча оглядели подземелье. Усыпанный соломой проход упирался в тяжелую панель. Однако когда ее толкнули, она неожиданно повернулась вокруг своей оси, и они, к своему изумлению, оказались в доме Энефьянса. На другой стороне панели Николя увидел тот самый ребус, который разгадал Луи. Заметив, что в камине под грудой пепла дотлевает огонь, Николя бросился выгребать на пол содержимое камина. Но сыщиков постигло разочарование: бумаги сгорели, все до единой; в качестве добычи им достался лишь маленький кусочек пестрой ткани необычной текстуры. Рассматривая обгоревший клочок, Николя пытался понять, зачем некто пытался сжечь кусок дорогой материи. Понимая, что любая, даже самая ничтожная, подробность может помочь выяснению личности таинственного обитателя дома, он решил показать клочок своему портному, мэтру Вашону, признанному знатоку модных костюмов и тканей, как легких, так и тяжелых. Еще раз обойдя владения Энефьянса, они обнаружили исчезновение кроликов; судя по усыпавшей подземный проход соломе, их перенесли в другое место, но вот куда? Неужели неизвестный обитатель здешних мест рискнул увезти их на телеге?

— Кажется, мы все обошли и ничего не упустили. Держу пари, больше здесь никто не появится.

— Тогда стоит ли продолжать наблюдение? — спросил Рабуин. — Поднятый зверь никогда не возвращается в свое прежнее логово.

На всякий случай Николя опечатал входную дверь в дом Энефьянса, равно как и дверь дома напротив. Если кто-то решится проникнуть в один из домов, они об этом узнают. Собирая свое снаряжение, Сортирнос поведал, что без него он чувствовал себя половинкой человека, но теперь, когда он снова во всеоружии, он готов выполнить любое задание. Сапожник вновь восседал в своей лавке и, отвечая на приветствие Николя, рассыпался в благодарностях за прием, оказанный ему на улице Монмартр; особенно ему понравилось, что Катрина в прошлом была маркитанткой. Комиссар попросил бывшего солдата наблюдать за обоими домами и при первом же подозрительном оживлении предупредить его. Просьбу сопровождал луидор, а потому, покидая лавку, Николя был уверен и в преданности, и в благодарности ее хозяина.

Высадив Рабуина на углу улицы Сент-Оноре, он приказал везти себя на улицу Вьей-дю-Тампль: он хотел навестить мэтра Вашона и показать ему спасенный от огня клочок ткани. Сколько он ни ломал голову, он не мог понять, зачем кто-то хотел уничтожить такой красивый лоскут. Ему нравилась мастерская мэтра Вашона, которую он после своего приезда в Париж, иначе говоря, вот уже пятнадцать лет посещал довольно часто. Спрятанная в глубине темного дворика, она выглядела неказисто, и вряд ли кто-нибудь с первого взгляда сумел бы догадаться, что ее посещают самые знатные лица королевства. Сейчас сия обитель хорошего вкуса светилась огнями, словно собор в день большого церковного праздника. Высокий и прямой как палка, мэтр Вашон самозабвенно вещал, успевая при этом внимательно следить за когортой учеников, сидевших, по-портновски поджав ноги, на скамье из светлого дуба.

— Господа, надеюсь, мне не придется повторять эту заповедь дважды. Никогда, вы слышите, никогда ножницы не передают из рук в руки. Один кладет их на прилавок, другой берет. Иначе что может произойти?

— Несчастье войдет в дом, и торговля хозяина придет в упадок, — взревели хором ученики.

Заметив Николя, Вашон сделал пируэт и, кланяясь, с легкостью согнул свою тощую фигуру пополам.

— Господин маркиз, теперь вам наверняка понадобятся новые костюмы! Рад засвидетельствовать вам свое почтение!

Николя в который раз отметил, что любые новости достигали ушей портного с поистине невероятной скоростью; недаром он считался самым осведомленным человеком в Париже.

— Как идут ваши дела?

— Как нельзя лучше, вот только мучная пыль сыплется… Коронование приближается, заказы множатся. Хотя многие костюмы для этого торжества заказаны у Боке и Делестра, то есть у художника и портного из ведомства, занимающегося устройством развлечений для его величества. Но им не справиться со всеми заказами. Я не жалуюсь, даже когда приходится иметь дело с новыми фасонами. Новое царствование, новые моды. Элегантность, достойный вид и выправка вынуждены уступать место непринужденности и удобству, чтобы не сказать — небрежности! Долой традиции, дорогу вольностям и воображению! Впрочем, довольно! Я умолкаю.

Схватив трость, он несколько раз постучал по полу. Словно по команде, подмастерья склонили головы над работой.

— Ах, эти вольности, — продолжил он. — Настали времена сюртуков, жилетов, двубортных курток с двумя рядами пуговиц. И они хотят, чтобы достойные люди носили такие костюмы! Да эта мода пристала разве что хлыщам, что шляются по улицам без дела! Вы только подумайте! Панталоны с застежкой спереди в виде клапана! Долой панталоны с завязками под коленом! Подавай им фрак из ратина или тика, галстук из черной тафты, и косу, приподнятую гребнем! Бархат зимой, шерсть, крашенина и нанка летом. Мелкая вышивка, вышивка по вышивке! Во имя простоты все распарываем и перешиваем! Как же, ведь теперь Лондон задает тон!

Не обращая внимания на сдавленный смех подмастерьев, Вашон с видом оскорбленного достоинства опустил голову. Но скорби его хватило ненадолго.

— А если обратиться к дамам… О, к счастью, мое искусство не для них. Один из моих собратьев по благородному ремеслу написал мне, что жена его отправилась в Оперу «в платье из мягкой ткани приглушенных тонов, украшенном точечкой скорби посреди сверкающей искренности. Ее туфельки цвета волос королевы и расшитые взрывами коварных бриллиантов, сраженных диковинными изумрудами, явили собой прекрасное дополнение украшенной перьями непостоянства шляпки а-ля уверенное завоевание, прикрывавшей каскад локонов, струившихся возвышенными чувствами. Плащ цвета брюшка молодой блохи, надетый поверх

платья цвета кошки встреченного вчера нищего, позволял видеть стройную щиколотку, обтянутую чулком цвета опалового отчаяния, а изящные ручки прятались в муфте моментального волнения»! Да это просто карта страны Нежности! И, заметьте, сие безумие побеждает. Роскошь перестала быть пороком исключительно сильных мира сего. Уроки скромности уже пора давать народу!

По мнению Николя, Вашон преувеличивал. Собственно, он сам пополнял свой кошель за счет бешеной гонки за модой. Николя не мог припомнить, чтобы цены у мэтра когда-нибудь шли вниз.

— И вы следуете этой моде?

— А что остается делать? Я следую ей, но умеряю ее капризы, сохраняя то, что всем к лицу. Если взять, к примеру, фрак, то я готов смириться с маленьким стоячим воротником, убрать складки со спинки и уменьшить обшлага, избавив их от привычного ряда пуговиц.

— Все же мне кажется, что народ по-прежнему далек от фатовства. Вы сами видели, как он взволнован.

С непроницаемой физиономией взирая на Николя, мэтр Вашон на всякий случай бросил гневный взор на выводок подмастерий, усердно работавших иголками, а потом схватил комиссара за рукав и потащил в крошечную гостиную, где стояло два больших зеркала-псише, и резко захлопнул за ними дверь.

— Господин маркиз, где, по-вашему, ключ к этим сварам, к этим беспорядкам, что бушуют у наших стен и будоражат умы от провинции до Версаля и от Версаля до Парижа?

— Полагаю, вы, как всегда, прекрасно обо всем осведомлены, а потому сгораю от нетерпения выслушать все, что вы мне скажете. У вас настоящий талант — да что я говорю? — гений, не ограничивающийся ножницами и иглой. Ваш любознательный ум разбирается не только в том, что видно невооруженным глазом, но и понимает глубинные причины событий.

Опираясь на свою вечную трость, мэтр Вашон, словно монарх, принимал величественные позы, размноженные двумя стоявшими друг напротив друга зеркалами, и с блаженным видом внимал Николя.

— Да-да-да, в том, что вы говорите, есть немало правды, даже если вы иногда и перехлестываете, — с лицемерным и отнюдь не скромным видом проговорил портной. — Если бы я дерзнул поведать вам…

Николя молчал, побуждая мэтра продолжать.

— Вам известна моя скромность, — произнес комиссар. — Лишь однажды я сделал исключение…

Портной помрачнел; на его вытянутом лице появилось выражение оскорбленной невинности. Лицо инквизитора, взирающего на упорствующего еретика, повторно впавшего в заблуждение.

— Сударь! Исключение?..

— Да. Однажды я сказал его величеству: *этот достойный господин Вашон…*

— *Этот достойный господин Вашон.* Вы так и сказали его величеству?

— Разумеется. Вы знаете, как я высоко вас ценю. После того, как вы подобрали мне зеленый фрак, способствовавший тому благоволению, кое мне удалось снискать подле покойного короля и маркизы де Помпадур, моя признательность постоянно возрастает.

Разволновавшись, мэтр Вашон смахнул слезу.

— Какое счастье! — с благоговением произнес он. — Да, так вот, то, что я вам сообщу, может заинтересовать самого короля. Вы знаете, ко мне в лавку приходят очень знатные господа…

— Не сомневаюсь, ибо для этого есть все основания.

— Однако некоторые из этих могущественных сеньоров… О! очень немногие, ибо я хожу только к самым знатным… в общем, они просят, чтобы я пришел к ним домой.

— Разумеется.

— Надеюсь, вы понимаете, что им приходится просить и умолять, чтобы я согласился?

— Иначе и быть не может.

— И что только принцы крови имеют право на подобную привилегию?

— Вне всякого сомнения.

— Вы всегда меня понимали. Короче говоря, я был в Тампле у монсеньора принца де Конти. Приступив к примерке, мне стало ясна *adaequatio*[44] объекта моему шедевру. Великолепно!

Николя, давно сдерживавший смех, едва не расхохотался, выслушивая высокопарные заявления мэтра Вашона.

— Но вы хотели сказать…

— Вы правы, я действительно немного отвлекся. Так вот, положив готовое изделие, я стал вынимать из него булавки, а принц перешел в соседнюю комнату, неплотно прикрыв за собой дверь. Сами понимаете, я не собирался подслушивать, но кое-какие слова невольно донеслись до моих ушей… Вы же знаете, сколь непоследовательны сильные мира сего и как громко они рассказывают свои секреты, не удосуживаясь посмотреть, есть кто-нибудь рядом или нет.

— В какой день состоялась примерка столь высокого полета?

— Да вчера же, ближе к вечеру! Мой экипаж едва не въехал в уличную заварушку. Ну и дела!

— Итак, принц де Конти разговаривал. С кем?

— Этого я в точности не скажу, ибо плохо его запомнил. От волнения я опрокинул свою коробку с булавками. Да будет вам известно, что для лиц высокопоставленных я использую весьма дорогостоящие позолоченные булавки. Итак, ползая на коленях по ковру, я собирал булавки. Мне показалось, монсеньор обращался к какому-то аббату, постоянно напоминавшему о своем господине. Имена Рогана, Шуазеля и Сартина так и вились в воздухе. Принц возмущенно заявлял, что морской министр хотя и роет копытом землю, но увиливает и не желает сделать первый шаг, несмотря на свою ненависть к генеральному контролеру. Никто ничего не хочет делать, внезапно закричал он. Тогда с него довольно, отныне мучные дела его больше не интересуют, тем более что он от них никогда ничего хорошего не ждал. Одни неприятности, да вдобавок крестьяне разгромили его собственную усадьбу! Он хотел всего лишь отставки Тюрго. Но все провалилось, потому что они все плохо организовали. А он не намерен терять свои пятьдесят тысяч ливров ренты и привилегии квартала Тампль. Но если подагрик продолжит свои реформы, с привилегиями будет покончено. Как вы понимаете, я ничего не понял!

— О, дела сильных мира сего! — с неопределенной интонацией произнес Николя; не упустив ни единого слова из сбивчивого рассказа мэтра Вашона, он жаждал продолжения. — И это все?

— Тут прибыл третий. Он принес дурные вести. В Версале дело провалилось, как и в Париже, к тому же… Ну дальше я вообще потерял нить разговора.

— И все же о чем могла идти речь?

— Третий заговорил о гончей, что ведет зверя и вот-вот повиснет у него на хвосте, а потому надо соблюдать особую осторожность… Однако монсеньор не стал слушать, сказав, что в таком случае он обратится к кому-нибудь другому, чтобы устранить эту неприятность, и вообще эти низменные подробности ему надоели, и пусть они больше не морочат ему голову.

Затем он спросил, по-прежнему ли Шуазель намерен встретиться в Реймсе с королевой и попытаться поговорить с королем. Понятно, что коронование является его последним шансом вновь ухватить за хвост фортуну, но он, принц де Конти, не уверен, что у бывшего министра все получится, ибо ненависть к нему короля нисколько не уменьшилась.

— А дальше?

— Дальше? Ничего. Собрав свои булавки, я тихонечко покинул апартаменты принца, сделав все, чтобы он не заметил моего нежелательного присутствия во время явно секретного разговора. Надеюсь, вы расскажете обо всем его величеству. *Этот достойный господин Вашон!* Кто бы мог подумать!

И, оперевшись на трость, он выкинул очередное антраша.

— Можете на меня рассчитывать. Его величество оценит и не оставит без внимания ваше сообщение. Могу ли я теперь прибегнуть к вашей науке и привлечь ваше внимание к иному предмету, занимающему мой ум?

— Господин маркиз, я в вашем распоряжении.

Николя вытащил из кармана клочок ткани, спасенный из пламени камина в доме Энефьянса, и протянул его мэтру Вашону.

— Откуда взялась эта ткань? Мне никогда не доводилось видеть подобной материи.

Портной взял клочок, понюхал его, потер в ладонях, снова понюхал, выдернул нитку и сжег ее в пламени свечи. Потом, оглядев клочок со всех сторон, принял позу пророка и произнес:

— М-м-да! Странная ткань… откуда-то с Востока… основа из хлопковой нити, с шелковым междустрочием и включением золотой нити… хм! Я видел такую ткань у посланника Великого Сераля. Сделали ее, несомненно, где-то в Ост-Индии, точнее на юге Индии. Хотя, возможно, и еще дальше. Скорее всего, ее доставили из голландских факторий на острове Ява. Да, именно оттуда.

— Вы не поверите, как я вам признателен.

— Вы будете в Реймсе на короновании?

— Пока не знаю.

— Я сошью для вас белый фрак, в нем вы будете неотразимы! Это будет мой подарок. *Этот достойный господин Вашон!* Король знает меня по имени! Сам король!

Наперекор правилам своего цеха, Вашон лично приобретал для своих клиентов ткани, уверенный, что его репутация и опыт избавят его от неудобств, настигавших тех, кто не мог сразу предложить материю клиенту. Николя с трудом удалось выплыть из потока любезностей почтенного портного, который, к изумлению своих помощников, проводил комиссара до кареты.

Забившись по обыкновению в угол, Николя сидел на обтянутой плюшем скамье, уставившись невидящим взглядом в окошко кареты. Пытаясь связать воедино события последних дней, он никак не мог отделаться от мысли, что таинственному противнику доставляло удовольствие играть с ним в кошки-мышки. Откуда он узнал, что в доме на улице Пуарье будет обыск? Кто сообщал ему о перемещениях комиссара? Разумеется, относительно Гурдан Николя не питал никаких иллюзий. Опасная и изворотливая, сводня могла солгать и рассказать о визите к ней полиции. Оказавшись под угрозой разоблачения, неизвестный постарался привлечь внимание комиссара к загадочным надписям, дабы направить расследование в другую сторону. Николя корил себя, что не сразу отправился в дом Энефьянса, дав противнику возможность для маневра. Пока служанка Гурдан опознавала труп мэтра Мурю, он потерял драгоценное время, позволив неизвестному подготовиться к его визиту: все спрятать и уничтожить документы. Николя сомневался, что поиски трактира Гранд-Ивер увенчаются успехом.

Еще один допрос Гурдан ни к чему не приведет: второй раз она вряд ли будет столь многословна. Ей с большим трудом удалось оправдаться и доказать полиции, что она не зря ест свой хлеб. Как еще можно выйти на след неизвестного? Жалкий кусочек ткани из Ост-Индии, загадочные кролики и прошлое семьи Энефьянс, не считая, разумеется, подозреваемых из булочной Мурю. Вспомнив советы Ноблекура, он решил, что пора, пожалуй, углубиться в прошлое. Убитый булочник был связан с сыном Энефьянса. В прошлом часто таились ключи к пониманию настоящего. Он не помнил ни одного дела, чтобы копание в прошлом его участников не приблизило бы его к решению загадки.

Но и слова мэтра Вашона заинтриговали его. В течение нескольких лет в народе ходил слух о «пакте голода». Нынешний заговор, если таковой действительно имел место, опирался на всеобщее недовольство, и кое-кто воспользовался обстоятельствами, дабы преуспеть в закулисных интригах. Николя еще раз подробно вспомнил слова принца де Конти. Свобода торговли зерном его не интересовала, однако она являлась хорошим предлогом, чтобы избавиться от генерального контролера финансов. Более всего принц опасался продолжения реформ, и прежде всего упразднения цеховых корпораций, что, без сомнения, повлекло бы за собой упразднение привилегий квартала Тампль, где, к великой выгоде его владельца, ремесла и торговля не облагались налогами.

Николя не мог отделаться от мысли, что, как бы неприятно ни звучало сие определение, но под гончей, на которую намекал таинственный собеседник принца, подразумевался именно он. Кто иной, если не комиссар короля, приехав из Вены, начал пресекать происки, опасные для государства? Он был готов держать пари, что аббат, упомянутый Вашоном, — не кто иной, как Жоржель. Его имя в сочетании с именем Рогана, также упомянутого в разговоре, связывало австрийские нити с нитями, тянущимися в Версаль и Париж. Если даже заговора не существовало, все признаки его были налицо. Поддержанная Парламентом разношерстная коалиция, сложившаяся против Тюрго, была порождена партией знати. Уверенный в правильности своих выводов, он надеялся, что мотивы, двигавшие участниками коалиции, столь разнятся, что они никогда не смогут достичь согласия.

Упоминание принцем имени Сартина, без сомнения, удручало Николя, однако возмущение Конти медлительностью морского министра не могло его не радовать, ибо оно означало, что, несмотря на свою неприязнь к генеральному контролеру, Сартин, каким бы он ни был, остался верен себе и своему королю.

Перед Шатле дорогу его экипажу преградила щегольская карета. Получив приказание из-за зашторенного окна, лакей в ливрее направился к наблюдавшему за ним Николя и спросил, имеет ли он честь говорить с господином Ле Флоком. Получив удовлетворительный ответ, он сказал, что его господин желает побеседовать с господином Ле Флоком, а потому не угодно ли ему проследовать в карету его хозяина. На вопрос, как зовут хозяина, ответа не последовало. Полагая, что вряд ли его захотят похитить прямо у ворот здания, где вершится правосудие, он все же сунул в карман подаренный Бурдо миниатюрный пистолет. Никогда не знаешь, с кем придется иметь дело, а после Вены он никому не доверял. Повинуясь резкому толчку изнутри, дверца кареты распахнулась, комиссар поднялся и обнаружил господина де Сартина, во фраке сизого цвета и с недовольным лицом. Щелкнул кнут, и карета тронулась.

— Итак, сударь, вам мало, что вы заставили меня бегать за вами по всему Парижу! Куда бы я ни приехал, вас уже нет! Вы мне нужны, а вас нигде не отыщешь! Я приезжаю, а вас нет!

— Только потому, что я неутомимо служу вам, сударь, — ответил Николя; за время работы под началом Сартина он переживал и не такие бури.

— Нет, вы только подумайте, он еще упражняется в остроумии! Так вот, извольте объясниться и дать подробнейшие разъяснения вашей деятельности.

Николя не мог понять, являлось ли сие желчное начало частью обычной игры бывшего начальника полиции или же он действительно был раздражен.

— Я ваш смиренный и покорный слуга.

Сартин обеими руками хлопнул себя по ляжкам.

— Он все еще смеется! Смиренный — весьма сомнительно, покорный — быть может, при условии, что сия покорность совпадает с вашими планами. Не говоря уж о попытке проникнуть в государственные дела, пробудив эхо дел, давно канувших в Лету.

Наверняка он сейчас заговорит о Венсенне, подумал Николя.

— Вы, разумеется, хотите услышать о моем походе к Гурдан? — невинным тоном спросил он.

— К Гурдан? При чем тут Гурдан? Какая муха вас укусила, что вас понесло к этой сводне? Я, господин комиссар, говорю о вашем бессмысленном визите в королевскую тюрьму Венсенн. Используя уж не знаю какой хитроумный способ, вы сумели убедить Ружмона пропустить вас в крепость. Что вы о себе вообразили? Что он станет молчать о ваших низменных поступках?

Николя понял, что комендант Венсенна говорил с Сартином, однако остерегся сообщать о приказе, подписанном Ленуаром.

— Я вообразил, сударь, что господин де Ружмон даст отчет вышестоящему начальству, а вы пожелаете вместе со мной обсудить состоявшийся разговор. Если бы события последних дней позволили, не сомневайтесь, я бы уже сообщил вам обо всех подробностях моего расследования.

— Ну и над чем мы теперь смеемся? У него, видите ли, не было времени повидаться со мной! А откуда, скажите на милость, вы неожиданно узнали о государственном преступнике, упрятанном в самые недра памяти? Я говорил с Ленуаром, и он утверждает, что ничего об этом не знает. Так откуда вам о нем известно? Отвечайте.

Значит, подумал Николя, каждый действует в меру имеющихся у него полномочий и правит лодку туда, куда дуют ветры его интересов. И сейчас эти интересы вошли в противоречие с его верностью.

— Ну, чего вы ждете, сударь? Отвечайте!

— Когда во время расследования некое имя поразило мой слух, я обратился в полицейские архивы, кои, как вам известно, организованы лучше всех прочих архивов в Европе: там всегда находишь то, что ищешь. Поиск в архивах утомителен, однако результат всегда приносит плоды, особенно когда надобно понять причины каких-либо событий. Мы расследуем дело, где домашнее убийство тысячью нитей связано с заговором против государства. А еще мы стараемся помочь почтенным лицам, принося им собранную во время наших скромных поисков добычу, которую они вправе ожидать о нас, ибо мы все являемся добрыми слугами короля.

Различные чувства сменяли друг друга на суровом лице министра: удивление, гнев, недоверие, веселье и… нежность.

— Вы правы, наши архивы… Хорошо, я не стану ничего проверять. Раз ваша буйная активность вступила в противоречие с принципами, полагаю, вы использовали ее по назначению… Но скажите, наконец, что вам удалось извлечь из этого венсеннского безумца?

— О! не слишком много. Кое-какие подробности, позволившие объяснить некоторые необъяснимые факты. Но я, сударь, также обнаружил, что любой, будь он безумец или обыкновенный болтун, легко может попасть в заточение без суда и следствия, а это, как мне кажется, противоречит принципам, внушенным мне в свое время неким начальником парижской полиции.

— Ах, опять эта упертая бретонская башка! У вас, как ни у кого другого, развито чувство справедливости. Но давно пора научиться взвешивать последствия. Представьте себе, что этого субъекта освободили? и он немедленно развязал язык; надеюсь, вам понятно, о чем он начнет говорить везде и всюду? Публицисты Гааги, Лондона и Берлина тотчас сообщат обо

всем в свои газеты, затем последуют памфлеты, листовки и куплеты, остроумцы напишут обо всем в рукописных новостях, что распространяют в гостиных… И каковы будут последствия для королевства? Об этом вы подумали? Те, кто стоит у кормила власти, всегда вынуждены балансировать между двумя неудобными решениями, одно из которых непременно будет несправедливым.

Тут он заколебался, словно в чем-то усомнился, но в конце концов оставил сомнение при себе.

— А что интересного говорят обо мне?

— Неужели такой человек, как вы, сударь, станет интересоваться сплетнями?

— Ну, почему же! Иногда это полезные сведения.

— Если говорить о венсеннском узнике, то, полагаю, вы понимаете, какие чувства он испытывает по отношению к вам… В остальном упорно ходит слух, что вы по-прежнему руководите полицией, а Ленуар лишь действует по вашей указке…

— Однако!

— Также говорят, что беспорядки в городе отнюдь не подавлены, ибо они являются частью плана, направленного на свержение Тюрго, чьей отставки вы столь жаждете.

— Я ее не жажду, я на нее надеюсь. Это все?

— Другие, впрочем, считают, что, несмотря на ненависть к генеральному контролеру, вы заняли выжидательную позицию, ослабляя, таким образом, движение за изгнание непрошеного министра.

— Ого! И это тоже говорят? Кто же?

— Мой осведомитель назвал мне имя одного из принцев крови.

— Орлеана или Конти, ясное дело. Скорее даже Конти… А откуда вы знаете, что говорит сей принц?

— Я пятнадцать лет служу в полиции и являюсь вашим учеником, сударь.

— Черт побери, похоже, я слишком хорошо вас обучил! Какое нахальство!

— А вы, сударь, в свое время внушили мне, что главное — это умение держать в секрете имена своих осведомителей.

— И вы применяете мои правила, когда они вас устраивают!

— Мне остается только прибегнуть к вашей помощи…

— Ого! Он хочет моей помощи; Боже, мир перевернулся! В конце концов, будь…

— В деле, касающемся венсеннского узника, вам, полагаю, приходилось слышать имя некоего Энефьянса, зерноторговца и спекулянта с улицы Пуарье? В то время вы занимали пост судьи по уголовным делам.

— Разумеется. Хотя сам я этим делом непосредственно не занимался. История деликатная, следы вели к самому генеральному контролеру. Кажется, на этого Энефьянса поступил донос. Принимая во внимание обстоятельства, рассудили, что открытый процесс может вызвать серьезные волнения. Тогда мы еще пребывали в состоянии войны… С точки зрения государственных интересов, галеры оказались наилучшим выходом. Потом я узнал, что, проведя в Бресте год или два, этот человек бежал, и больше его никто не видел и ничего о нем не слышал. Считают, что он утонул; лодку, на которой он совершил побег, нашли в открытом море.

— Почему он выбрал морской путь для бегства?

— По суше побег из Бреста невозможен. Там всюду патрули, всюду ведется наблюдение. Каждый побег немедленно становится известен. Каждый колокол превращается в набат. К тому же тот, кто не говорит по-бретонски, просто не выживет в тех краях.

Николя показалось, что для магистрата, едва знакомого с делом, Сартин знает слишком много подробностей. Но он не стал высказывать эти мысли вслух, удовлетворившись сведениями, сообщенными ему министром. Карета въехала под своды Шатле.

— И как вы ладите с шевалье де Ластиром?

— Прекрасно — когда пути наши пересекаются. Пока события решают за нас. Насколько я понял, он внимательно следит за волнениями последних дней, и дело об убийстве на улице Монмартр его не интересует. Так что мы встречаемся, обмениваемся сведениями, и не более того.

Задумавшись, Сартин что-то пробурчал себе под нос, а потом снова обратился к Николя:

— Да, он уже сделал мне отчет. Надо сказать, в ночь с воскресенья на понедельник он предупредил меня о том, что готовится в Версале. У него есть нюх. Прислушивайтесь к его советам. А сейчас я вас покидаю. Полагаю, вы спешите на одно из ваших кошмарных сборищ, столь пришедшихся вам по сердцу? Еще один труп, из тех, которые вы сеете на своем пути?

— Нет, сударь, — ответил Николя, направляясь к воротам, — всего лишь пропавшие кролики.

Кучер щелкнул кнутом, карета тронулась, но Николя успел разглядеть изумленное лицо Сартина. В дежурной части Бурдо и Семакгюс о чем-то увлеченно беседовали.

— Как я рад, что вижу вас обоих! — воскликнул Николя. — Мне надо многое вам рассказать.

Судя по лицам друзей, им также было чем поделиться.

Не говоря ни слова, Бурдо протянул ему свернутый пополам лист бумаги. Николя развернул его и увидел нарисованный углем большой вопросительный знак.

— Что это значит?

— Это значит, что после долгих поисков я узнал, что трактир Гранд-Ивер расположен на улице Фобур-дю-Тампль, возле Ла Куртий. Я немного побродил вокруг; неожиданно в глаза мне бросилась побеленная стена с остатками вывески заведения, находившегося там лет пятнадцать назад. Но это еще не все. Разозлившись, я стоял и смотрел на развалины, как вдруг ко мне подбегает посыльный и протягивает мне эту бумагу. Я еще головы поднять не успел, как мошенник уже исчез, и я не успел спросить, кто поручил ему передать этот листок.

— Мне кажется, — промолвил Николя, — нас хотят направить на ложный путь. Наш противник захотел привлечь мое внимание к тем местам, чтобы помешать вести расследование здесь.

— Этот рисунок вам о чем-то напоминает?

— Мне кажется, я уже видел лист с таким необычным краем… Надо подумать.

Он рассказал им о своем походе на улицу Пуарье и о злоключениях Рабуина и Сортирноса.

— Черт, денек сегодня явно выдался неудачный! — воскликнул Бурдо. — Как теперь мы его поймаем? Ниточка оборвалась, птичка улетела!

— Быть может, мы еще найдем его. Не только мы преследуем его, но и он ищет нас. Так что вряд ли он оставит нас в покое. Мне почему-то кажется, что он стремится досадить именно мне.

— Господа, — сделав многозначительную паузу, торжественно объявил Семакгюс, — у меня для вас важные новости. И весьма удивительные. Николя, извольте показать мне свои сапоги.

Опершись обеими руками на стол, удивленный комиссар поднял правую ногу. Нацепив на нос очки, Семакгюс присел на корточки и, тотчас побагровев, тяжело задышал: живот изрядно препятствовал ему. Аккуратно собрав мелкий мусор, прицепившийся к подошве комиссара, он встал и, восстановив дыхание, принялся внимательно разглядывать свою добычу.

— Так я и думал. Вы вернулись из того же места. Как и в прошлый раз. Ничего удивительного. Одни и те же причины имеют одни и те же следствия. Мои предположения подтверждаются.

— Скажете ли вы, наконец, Гийом, что побуждает вас изъясняться столь загадочно?

— Прежде я расскажу вам одну историю, которая, как вы убедитесь, подведет нас к убийству мэтра Мурю и приведет на улицу Пуарье. Четверть века назад, во время захода в Пондишери, я узнал, что крупного коммерсанта с острова Маврикий нашли мертвым в одной из комнат губернаторского дворца. Все терялись в догадках о причинах его кончины. Потом заподозрили отравление, столь часто случавшееся в тех краях. Капитан торгового судна отвез тело в Порт-Луис, а тамошний губернатор попросил меня забальзамировать его. Намереваясь исполнить работу добросовестно, я приступил к вскрытию и обнаружил те же явления, что и при вскрытии тела мэтра Мурю. А через некоторое время один из слуг губернатора скончался при невыясненных обстоятельствах.

— А вы так ничего и не обнаружили? — спросил Бурдо.

— Разумеется, обнаружил! Нашелся свидетель, утверждавший, что слугу укусила гамадриада.

— Как! — воскликнул Николя, вновь ощутив себя воспитанником иезуитов. — Его укусила лесная нимфа?

Семакгюс звучно расхохотался.

— Во время любовных забав! Нет, так ученые называют азиатскую королевскую кобру, иначе именуемую очковой змеей.

Вытащив из кармана свинцовый карандаш и клочок бумаги, он уверенно набросал голову рептилии; Николя внимательно разглядывал рисунок.

— Но при чем здесь господин Мурю? Насколько мне известно, на улице Монмартр подобных рептилий не водится.

— Вы совершенно правы. И тем не менее у жертвы были обнаружены все симптомы отравления ядом.

— Значит, его кто-то укусил или уколол?

— Помните мое замечание относительно небольшой ранки на ладони? Мне не хотелось опровергать Сансона у вас на глазах, но омертвевшие края ранки не выходили у меня из головы, напоминая об уже виденных мною точно таких же повреждениях. Хотя в нашем случае речь идет скорее о надрезе, а не об уколах, характерных для зубов кобры.

— Возможно, это была не кобра. Что вы скажете о гадюке?

— Я о ней думал, однако сомневаюсь. Укус гадюки, сколь бы глубоким он ни был, не всегда смертелен для человека. Разумеется, он убивает воробья, кролика, курицу, иногда собаку, если это еще щенок. От господина Жюсье мне известно, что некий Фонтана, физик великого герцога тосканского, провел более шести тысяч подобных опытов.

— Ваш рассказ о ранке заинтриговал меня, — произнес Бурдо. — Каким образом ввели змеиный яд в организм мэтра Мурю?

— Как вы помните, у меня пока всего лишь догадки. Возможно, перед нами случай, где вместо яда змеи использовали обычный яд.

— Мне уже не по себе, — сообщил инспектор. — И все же, чтобы отравить человека змеиным ядом, надобно иметь змею.

— И содержать ее в тепле, ибо кобры живут в тропических странах и не переносят холода.

— В Королевском ботаническом саду есть кобры?

— Только заспиртованные.

— А у частных лиц?

— Я таких не знаю. Но нет ничего невозможного. Главное, чтобы для рептилии поддерживали нужную температуру.

— Судя по вашим словам, — заметил Николя, — вы полагаете, что можно собрать змеиный яд, но я не представляю, как это сделать.

— Нет ничего проще, — ответил Семакгюс. — Я раз двадцать видел, как это делают в Индии. Факиры и дервиши, которые управляются со змеями, заставляют их кусать ткань, натянутую на калебас.

— Калебас?

— Высушенная и особым образом обработанная тыква. Что-то вроде круглой супницы.

— А это не опасно?

— Сначала змею раздражают палкой с рогаткой на конце, а потом, изловчившись, хватают за голову и сжимают ее. Защищаясь, змея выпускает яд. Когда отпускаешь змею, следует соблюдать предельную осторожность!

— Так, значит… — словно отвечая самому себе, начал Николя, — улица Пуарье, кролики, комочки шерсти, огонь в запертой комнате…

— И желтоватые и темные желтые чешуйки, которые оба раза вы принесли на своих сапогах! — объявил Семакгюс, торжественно потрясая мусором, собранным с подошв сапог Николя. — Да, дорогой Николя, на улице Пуарье преступник содержит кобру, чей яд убил мэтра Мурю!

За этим заявлением последовала долгая тишина.

— Круг поисков суживается, — задумчиво произнес Бурдо. — Насколько мне известно, в Париже кобрами не торгуют.

— Быть может, цыгане? Они иногда показывают рептилий на ярмарках.

— Маловероятно. Они слывут похитителями детей, а потому за ними ведется постоянный надзор. Это стало бы известно.

Николя покачал головой.

— Тогда частное лицо? Похоже, мы снова выходим на нашего неизвестного. Получается, он содержал змею на улице Пуарье. Но зачем и почему?

— Два хитроумных сыщика констатируют существование змеи и отравление ядом, — заговорил Семакгюс. — Эти же сыщики располагают клочком ткани, происходящим из Ост-Индии. Но у них нет ни одной версии. Так позвольте же мне, простому хирургу, высказать предположение, что тот, кто убивает с помощью змеиного яда, скорее всего, является моряком, солдатом, монахом или негоциантом, ибо такое живое оружие может попасть в руки только тех, кто побывал в жарких странах. Разумеется, от этого поиски не становятся легче, зато обретают целенаправленный характер. Я сам бывал в дальних краях и видел кобр, и готов разоблачать уловки противника, дабы полностью снять себя подозрения.

— Вы только послушайте его! — рассмеялся Николя. — Боюсь, наш Гийом хочет снова вкусить Бастилии.[45] Но, в сущности, он прав: пора готовить наступление. Нас ждет решающая битва. Шеренги строятся и наступают врассыпную. Давайте еще раз составим план того, что нам предстоит сделать в ближайшие дни.

И он подробно изложил порядок дальнейших действий.

— Один факт по-прежнему продолжает беспокоить меня, — заметил Бурдо. — Энефьянса-сына приговорили к галерам, следовательно, его имущество должно было перейти в пользу короны…

— Я вас перебью, Пьер, — сказал Николя. — Когда не было ни процесса, ни приговора, речи не идет и о передаче имущества.

— Значит, поэтому дом и оказался заброшенным?

— Без сомнения, хотя это не объясняет исчезновение мебели. Ее увезли, но почему и кто? Вопрос открыт. Вдобавок имеется еще загадочный дом напротив. Пьер, я призываю вас начать действовать в этом направлении. Узнайте, кому он принадлежит. Походите и порасспрашивайте соседей, а также местного нотариуса. У меня такое ощущение, что отсутствует какая-то очень важная деталь, и когда мы ее найдем, мы многое поймем.

— Вам надо бы, — вставил Семакгюс, — расспросить людей в Министерстве морского флота. Без сомнения, Сартин распахнет перед вами дверь архивов своего департамента, к коему относится и каторга в Бресте.

— А почему мы продолжаем говорить о галерах, когда таковых более не существует? — спросил Бурдо.

— Да будет вам известно, — назидательным тоном объяснил Семакгюс, — что королевские галеры прекратили свое существование в 1749 году, после смерти своего последнего главнокомандующего. Тысячи узников в Тулоне, Бресте и Рошфоре перешли под начало Морского министерства…

— Но галер более нет, остались только праздные узники!

— Вы не правы! Неужели вы думаете, что кому-то могло прийти в голову лишить государство рабской рабочей силы? Когда в 1755 году я был в Бресте[46], каторжники занимались строительными работами по обустройству порта. Кирками и мотыгами они разрушали скалистые берега реки Пенфельд, копали землю, вывозили камни и ил, откачивали воду, забивали сваи, строили фортификационные сооружения и пороховые склады, выполняли тяжелейшие земляные работы.

— Что ж, давайте зайдем с этой стороны.

— Пока мы будем добывать сведения, человек с улицы Пуарье снова ускользнет от нас! — воскликнул Бурдо. — Словно мы ищем иголку в стоге сена!

— Положимся на случай. Помните, как недавно мы случайно обнаружили в желудке жертвы остатки ананаса[47], оказавшиеся главной уликой? Я очень верю в случай, хотя его неведомая сила превосходит наше понимание.

Бурдо усмехнулся, но так, чтобы Николя не увидел его усмешки.

— Итак, я беру на себя Морское министерство и Ост-индскую компанию. Бурдо отправится к нотариусу.

— А ваш Камине? — неожиданно спросил Семакгюс. — По-прежнему ничего? Ни одного нового трупа для вскрытия?

— Мы распространили его описание. Трупы, выловленные в реке, тщательно осматривают, равно как и тела, найденные в окрестностях города.

— Хорошо. Я продолжу поиски нашего изворотливого ядовитого убийцы среди своих ученых собратьев из Королевского ботанического сада.

Когда они расстались, ночь уже вступила в свои права. Сидя в карете, Николя нажал кнопку звонка часов с репетицией, и те пробили семь. Посмотрев на циферблат, он обнаружил, что стрелки опаздывают на пятнадцать минут. Усталость, сотканная из голода и желания выспаться, давила на него всей своей неподъемной тяжестью. Однако стоило ему подумать, что дома его ждет семейный ужин в обществе сына и Ноблекура, как усталость сменилась радостью. Но мысль об Эме д’Арране сжала ему сердце. Девушка упорно не давала о себе знать. Он попытался отогнать тревожные мысли и — хотя он и не желал признаваться в этом — ревнивый страх, вызванный ее молчанием. Призрак госпожи де Ластерье вновь возник между ним и его очаровательной возлюбленной, продолжая держать его в напряжении.

Перед домом Ноблекура он увидел роскошный экипаж и узнал гербы маршала Ришелье: маршал приехал навестить старого друга. Значит, надежда на спокойный вечер откладывалась. Войдя во двор и бросив взгляд в сторону погруженной во мрак булочной мэтра Мурю, ему стало

грустно. Интересно, когда во двор вновь вернется аромат горячего хлеба, к которому, оказывается, он успел привыкнуть настолько, что теперь чувствовал себя обделенным. Жизнь дарила и отбирала. Мгновения счастья складывались в минуты и часы, но он замечал их, только когда они исчезали. Среди взрывов смеха, доносившихся с кухни, он узнал смех Луи, и вошел потихоньку, чтобы не нарушить всеобщее веселье. Размахивая половником, Катрина рассказывала что-то ужасно интересное, так что даже Пуатвен прекратил водить щеткой по башмаку. У Марион от смеха на глазах выступили слезы, и она вытирала их кончиком передника. Луи, верхом на стуле, сотрясался от хохота. Сирюс, радостно тявкая, размахивал в такт хвостом. И только устроившаяся на подоконнике Мушетта бесстрастно и презрительно взирала на непонятные содрогания человеческих существ.

— Так вот, — продолжала Катрина, — я этому индюку каждое утро кошачий концерт устраивала, чтопы божрать бригласить. И вот настал день, когда я ему польше ничего не давала, а к вечеру и вовсе бринялась гонять его бо всему бтичьему двору, чтоп он бобегал.

Присев на корточки, она изобразила бегущего индюка, вызвав очередной взрыв хохота благодарных слушателей.

— Но, боже мой, к чему такие сложности? — давясь от смеха, спросила Марион.

— Чтопы довести его до отчаяния и набугать до болусмерти. Когда он зовсем очумеет и берепугается, его хватают, накидывают на шею петлю, зловно брестубнику, и заставляют броглотить болстакана уксуса с зольей и имбирем. Ну, тут он лапы и отпрасывает! А как пьется при этом! Но куда ж ему, петняге, теваться! Его душат и на бару тней оставляют висеть на крюке. Затем его ощипывают, потрошат, ошпаривают, промывают холодной водой, натирают зольей, перцем и имбирем, шпигуют салом, добавляют корицу, рыльца гвоздики и — давай, давай! — на фертел![48]

Новый приступ веселья нарушило небольшое происшествие, укрепившее Николя в его предположениях. Первой увидела своего хозяина Мушетта; с того дня, когда он подобрал ее в Клюни, она выказывала ему безоговорочное обожание; вот и сейчас, спрыгнув на пол, она, как обычно, подбежала к нему и принялась тереться мордочкой о его ноги. Внезапно она резко обнюхала его и, охваченная страхом, испустила хриплый стон и, грозно выгнув спину, распушила хвост. В воздухе повис приторный запах, и кошка, будто завороженная, уставилась на сапоги, словно они являли собой грозного противника. От необычного поведения Мушетты весельчаки даже перестали хохотать и наконец заметили комиссара.

— Что случилось с Мушеттой, отец? Она зла как черт!

— Не обращайте внимания, от моих сапог пахнет врагом.

— Николя, хозяин просил передать, — произнесла Марион, — что, как только вы придете, он просит вас сразу подняться к нему. У него с визитом господин маршал.

Вручив треуголку Пуатвену и попросив ее почистить, он осторожно вынул пистолет и сунул к себе в карман: ему не хотелось, чтобы оружие попало в руки Луи. Едва он ступил на лестницу, как до него донесся громкий визгливый голос, уверенно о чем-то рассуждавший.

— Только подумайте, друг мой, в Бордо парламентские чиновники, эти драные кошки в чужих мехах, позабыв стыд и совесть, пытались мне возражать! Я привык, чтобы мне подчинялись безоговорочно и склонялись перед моей волей. Да как они смели возражать губернатору провинции, маршалу и пэру Франции? Они, видите ли, хотели запретить игру, и где? — у меня в доме! А я-то думал, что, завизировав роспуск парламента Бордо, я израсходовал все свое презрение! Ну ничего, я им это припомню!

— И вы еще жалуетесь, монсеньор, что воссозданный Парижский парламент не идет вам на уступки в тяжбе с госпожой де Сен-Венсан!

Октавий, твердым будь! Колеблешься напрасно.

Пощады хочешь ты? Кого ж ты сам щадил?[49]

Маршал улыбнулся.

— Я не только не намерен скрыть от вас свои горести, но мне, напротив, самому хочется излиться перед вами, и я с удовольствием открою вам свою душу.[50]

— Воистину, достойный ответ! — ступив на порог, произнес Николя. — Лукавому бесу есть чему поучиться у вашей мудрости. Вы достойно украшаете одно из сорока мест академии!

— Ах, черт побери! Однако он недурно владеет словом. Видимо, надо быть бретонцем, чтобы узнать слова автора «Жиль Блаза», «Хромого беса» и «Тюркаре»!

— Лесаж родом из Сарзо!

— Что я вам говорил? Ах, да! Оставив в стороне злопамятство, надо сказать, что разгон парламентов оказался весьма выгодным для королевства. Иначе бы судейское сословие, исключая, разумеется, одного прокурора…

Привстав в кресле, Ноблекур поклонился.

— …непременно наводнило бы все уровни власти, и все эти магистраты, вплоть до распоследнего писаря, сидящего где-нибудь в деревне, почитали бы себя королями. Монарх должен править без ограничений и разных там парламентских заявлений о злоупотреблениях. Но кто теперь нас слушает? Так что же, господин маркиз, какой ответ дадите вы от имени вашего сына? Мы сделаем его пажом?

— Господин маршал, моя благодарность поистине безмерна, однако надо спросить его самого.

— Как это — спросить его самого? Ну и странные же слова вы говорите! Какой еще ответ может быть дан на столь заманчивое предложение? Ему следует немедленно занять свое место в ряду Ранреев, а мы поведем его дальше. Нет, вы слышали? Когда это детей спрашивали об их устройстве? Следовать путем предков и преумножать славу своего рода! Так и только так. Ладно, пусть пошлют за ним, а я подожду. Вдруг этот оголец начнет капризничать, ему начнут утирать сопли…

Николя заметил, что по примеру своей приятельницы, госпожи де Морепа, уязвленный Ришелье быстренько переходил на простонародный язык, принятый среди либертенов эпохи Регентства.

Впрочем, что ему оставалось делать? Маршал знал, что Луи находится в доме. Николя предпочел бы заранее узнать мнение сына об этом предложении, но он не успел поговорить с ним, и от этого ему сейчас было на удивление грустно. Ему казалось, что у него только что отобрали естественную привилегию, дарованную ему самой природой. Решение, принятое сейчас, окажет влияние на всю дальнейшую судьбу Луи. Неумолимое колесо времени пришло в движение, и перед его взором предстали астрономические часы, находящиеся в Страсбургском соборе, который он посетил по дороге в Вену. В ушах раздался механический скрип шестеренок, и вместе с ним выстроилась роковая цепочка событий. Когда-то его отец маркиз де Ранрей своей волей нарушил размеренное течение его жизни. Что он тогда мог противопоставить судьбе, кроме страданий и страхов? Однако Париж принял его в свои объятия, а Сартин и Ларден направили на стезю, которая стала его, хотя он ее и не выбирал. Вот и сейчас ему оставалось лишь надеяться, что путь, открывавшийся перед Луи, отвечал чаяниям и желаниям мальчика. Вздыхая, он отправился за сыном.

Все произошло так, как он и предполагал. Герцог де Ришелье расписал свое предложение в самых заманчивых красках. Его ласковый тон и цветистые комплименты, вкупе с авторитетом, которым по праву пользовался победитель при Магоне в глазах юного Ранрея, соблазнили бы и менее простодушную натуру. Завладев воображением мальчика, Ришелье без особых усилий получил согласие Луи связать свое будущее с самой опасной и блистательной труппой, выступающей на подмостках придворного театра. Среди открывшихся перед Луи возможностей

первостепенное значение имели две: он будет приближен к персоне короля и подготовится к военной карьере, о которой он мечтал давно и страстно.

— Идите, — произнес Ришелье, с милостивым видом отпуская молодого человека, — и будьте достойны ваших предков и вашего отца…

Подождав, пока мальчик вышел, он промолвил:

— …я возлагаю на него большие надежды. У него приятная внешность, красивое лицо, смышленый взгляд. Его надо будет выгодно женить на какой-нибудь девице из знатного рода.

И герцог игриво усмехнулся, отчего лицо его, напоминавшее мумию, пошло мелкими складками.

— На сем, господа, я отбываю. В городе меня ждут…

И, не завершив фразы, он небрежно помахал рукой; по его самоуверенному виду было ясно, куда дальше повлекут его стопы. Ноблекур встал и отправился провожать гостя. Взяв факел, Николя пошел вперед, освещая дорогу. Все спустились на улицу.

— Николя, у вас очень мрачный вид, — опираясь на руку комиссара, со вздохом произнес Ноблекур, поднимаясь обратно по лестнице.

— Нет… Но все произошло так стремительно. Я опасаюсь, что Луи дал свое согласие, не слишком хорошо представляя, к чему оно его обязывает.

— Зная вас уже давно, я предвидел ваши сомнения. Вы хотели прежде поговорить с Луи. Но подумайте, что изменилось бы от вашего разговора? Луи гораздо более взрослый, чем вам кажется. Когда по просьбе Лардена я давал вам уроки права, вы были совершенно неопытны, но ваш сильный характер давал о себе знать. Так позвольте ему самому формировать свой характер и укреплять его! Слишком серьезное отношение родителей, особенно отцов, к детям лишает их наивности и чистосердечия, место которых тотчас занимает ханжеское лицемерие. Вы же знаете, как ему хочется стать достойным слугой короля. И как вы считаете, куда его может привести это достойное желание? Это желание досталось ему от Ранреев, от вас и, я бы даже сказал, от матери, достойной женщины, выброшенной судьбой на обочину общества. Довольно грустить. Не дайте сыну заподозрить, что вы сомневаетесь в правильности его выбора. Напротив, поддержите его, окружите советами, необходимыми в его новом положении. Убежден, он достойно последует своим путем, тем более что цель его возвышенна.

Успокоенный жизнеутверждающей философией старого магистрата, Николя спросил:

— Что говорят о принце Конти? Для вас ни в городе, ни при дворе нет секретов.

— Странно, что вы спрашиваете меня о нем именно сегодня. Незадолго до вашего прихода старый лис Ришелье рассказал мне о сговоре принца с Парламентом. Отсюда, собственно, и услышанная вами яростная диатриба высокого полета против советников в кошачьих мантиях.

— Говорят, Конти пользуется популярностью?

— Пф! Он на это претендует, впрочем, как и на многое другое. Он считает, что способен повести за собой Парламент и стать для народа новым герцогом де Бофором. На самом деле Парламент его не уважает, а народ не знает. Принц готов на все, но он ни к чему не пригоден. Самый красивый и самый величественный из мужчин, кумир и образец для достойной — или дурной — компании либертенов. Говоря языком Рабле, у него свои повадки и свой стиль, а иногда и свой язык. Лучше всего его охарактеризовала его собственная мать: «Мой сын не обделен умом, причем ум его весьма разносторонний, так что поначалу замечаешь исключительно его широту. Но он подобен обелиску, и чем выше он поднимается, тем уже становится, а завершается и вовсе шпицем, словно колокольня!»[51]

— Однако маршал по-прежнему не угомонился?

Ноблекур меланхолично покачал головой.

— Есть два способа быть старым. Одни драпирутся в неудобства возраста, словно в мантию для коронования, а другие, подобно Ришелье, убеждают себя, а заодно и всех остальных, что они не замечают своего возраста.

— Да, молодость Ришелье доживает второе сорокалетие. А каков ваш способ?

Ноблекур улыбнулся.

— Кстати, а как по-вашему, могу я считать себя старым? Ведь все зависит только от меня. Если говорить честно, я предпочитаю соединять оба способа. Я заявляю, что не намерен следовать Ришелье, и иногда мне это удается. По крайней мере я готов появляться в облике старца, главное — не давать лениться телу и уму. Тем хуже для тех, кто с этим не согласен. Я также признаюсь себе, что не хочу умирать. Я еще слишком любопытен… Не знаю, как у меня это получится.

Из библиотеки доносился звон хрусталя и фарфора, сопровождаемый журчанием голосов: Катрина и Марион ставили на стол приборы. С испуганным видом прошмыгнул Луи. Николя с гордостью окинул его придирчивым взором: действительно, в нем гораздо больше чувствовалась порода, нежели в нем самом в его возрасте, а посадка головы один в один напоминала его деда-маркиза. Катрина отчитала опоздавших к столу, и те, устыдившись, съели суп в полнейшей тишине.

— Возможно ли, отец, — нарушил молчание Луи, — что этот маленький манерный человечек когда-то был великим полководцем?

— Вот он, суровый приговор юности!

— Луи, — ответил Николя, — никогда не доверяйте внешности. Вы знаете про битву при Фонтенуа, где отличился мой отец. А знаете ли вы, что успех наш висел на волоске и в любую минуту мог обернуться катастрофой? Так вот, этот человек и был тем самым волоском. Наши войска теснили со всех сторон, офицеры главного штаба впали в панику. Покойный король собрал экстренный военный совет, во время которого позволил офицерам не покидать седел; никто не знал, что делать. Взяв слово, Ришелье напомнил, что у нас в запасе имеется еще одна батарея и если огонь ее направить в нужную точку, она уничтожит вражескую пехоту и нанесет врагу невосполнимый урон. Маршал Мориц Саксонский приказал не трогать резерв. «Король выше маршала; королю стоит только приказать», — произнес Ришелье.

— А дальше?

— А дальше король последовал его совету, и правильно сделал. После двух или трех залпов противник дрогнул, и Ришелье вместе с отрядами его величества и вашим дедом пошли в атаку и искрошили противника в куски. Так пишется история. Запомните этот рассказ, а также помните, что маршал всегда оказывал мне покровительство. При дворе вам будут говорить про него много плохого; но так уж устроен двор. Для вас главное запомнить: герцог — отважный солдат и друг нашего дома и дома господина де Ноблекура.

При этих словах Ноблекур величественно кивнул Луи.

— Ах, отец, как бы мне хотелось в такие минуты оказаться на поле сражения!

Восторги детей питают тревоги отцов, мрачно подумал Николя. Разумеется, он сам доставлял немало хлопот маркизу де Ранрею… Хотя за время своей работы он насмотрелся немало ужасов, когда он вспоминал подробные рассказы отца о кампаниях и баталиях, в которых тот принимал участие, его по-прежнему охватывала дрожь, и он с трудом прогонял видение поля битвы, усеянного грудами сваленных в беспорядке мертвецов, иссеченных и ограбленных. Между тем Луи подробно расспрашивал отца об обязанностях пажей. Ноблекур дополнял ответы Николя полезными советами. Марион и Катрина, как обычно, превзошли себя, приготовив жирного кролика, одного из тех, которых выращивал в клетке Пуатвен. Клетка стояла в глубине садика, и он регулярно обходил одному ему известные места в поисках корма для ушастых. Принесенного в жертву зверька старательно освободили от костей, начинили его

собственной печенью и кусочками свиной грудинки, приправили пряными травами и обернули тончайшей, словно кружево, жировой пленкой свиного сальника. Увернутую таким образом тушку уложили в выстланную шпиком форму для террина, полили бульоном из телятины и стаканчиком белого вина и отправили тушить в духовку. Сейчас ломтики этого изысканнейшего мяса покоились на ложе из щавеля.

— После Жюйи для меня это настоящая рождественская трапеза! — воскликнул Луи, обычно не позволявший себе разговаривать за столом.

— Ты еще не знаешь, что будет дальше, — подмигнула ему Катрина.

Вскоре на стол принесли истинный шедевр: башню, сложенную из кусочков омлета, скрепленных вареньем из абрикосов, смородинным желе и мармеладом из мирабели. Шедевр был припорошен сахаром и глазирован с помощью раскаленной лопатки. Пришлось унимать Ноблекура, который, вдоволь отведав кролика, или, как он выразился, своего жильца, положил себе такой объемный кусок омлета, что обе служанки тотчас встали на дыбы и, объединившись, к его великому разочарованию, отобрали у него тарелку.

Вечер завершился вполне мирно, под обсуждение предстоящей церемонии коронования. Раскрасневшись, Луи то и дело спрашивал, сможет ли он присутствовать на церемонии, хотя на этот вопрос ему никто не мог дать ответа. Николя пообещал, что, как только выпадет свободное время, он отвезет его посмотреть на парадные экипажи и королевскую карету. Их выставили на всеобщее обозрение, и день ото дня все больше людей приходило полюбоваться пышными украшениями и необыкновенной росписью королевского экипажа, восхищавшего признанных знатоков. А в лавке ювелира Обера сверкала всеми огнями алмазная корона; ее алмазы регент и Санси оценили более чем в восемнадцать миллионов ливров. На днях опубликовали порядок церемонии и прохода короля. Его величество выезжал из Версаля в большой карете вместе с королевой, принцами, двором и министрами. Во дворце оставались только его тетки и беременная графиня д’Артуа. В каждом городе, через который проезжал королевский кортеж, было велено стрелять из пушек, звонить во все колокола и встречать карету бурным народным ликованием. Предусмотренное ликование вызвало улыбку у Ноблекура; он полагал странным планировать выражение эмоций; впрочем, он не отрицал, что ликовать, как и палить из пушек, вполне можно по команде. Луи с восторгом зачитал, что между Парижем и Реймсом одновременно будут курсировать двадцать тысяч почтовых лошадей. Это известие у каждого вызвало улыбку, связанную с собственными воспоминаниями.

— Уже поздно, — сообщил Николя, взглянув на часы на каминной полке.

— Быть не может! — воскликнул Ноблекур. — Эти часы стоят, их забыли завести. Впрочем, два раза в день они с заслуженным постоянством показывают верное время!

Глубокой ночью Николя разбудил душераздирающий крик. Ему показалось, что крик исходит из комнаты Луи, и он бросился к сыну. Сидя на постели, мальчик растерянно озирался по сторонам; по лицу его струились капельки пота. Обняв его, Николя почувствовал, как он весь дрожит.

— Успокойтесь, это всего лишь кошмарный сон. Ужин был слишком плотным, и, как следствие, тяжесть в желудке и дурное пищеварение.

— Отец, я снова видел капуцина.

— Какого капуцина? Того самого, из Жюйи?

— Да, он хотел увести меня… я сопротивлялся… И проснулся.

Успокоившись, он, похоже, погрузился в собственные мысли.

— Увидев его во сне, я вспомнил одну деталь, которая, возможно, будет вам полезна.

— Я вас слушаю, Луи.

— Вам известно, в чем ходят монахи-капуцины?

— Разумеется, ряса с остроконечным капюшоном, веревка вместо пояса и босые ноги…

— …в кожаных сандалиях.

— И что же?

— Когда он вновь предстал у меня перед глазами, я вспомнил, что у него на щиколотках виднелись следы как от ожогов.

— Ожогов?

— Розоватые шрамы на каждой ноге.

— А лица его вы не помните? Во сне оно по-прежнему оставалось скрытым?

— Не помню… В Жюйи он опускал голову и глубоко надвигал капюшон. Я видел только кончик его бороды. Все остальное словно во сне.

Вторую ночь подряд Николя сидел, оберегая сон сына. Однако вскоре он задремал, но даже погрузившись в тревожный сон, он продолжал обдумывать сообщение Луи.

Глава XI
НИКАКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Не понимаю, кто может поверить, что брожение умов можно пресечь раз и навсегда; насколько мне известно, волнения всегда предшествовали революциям.

Письмо бальи де Мирабо герцогу де Ла Врийеру, 1775 год

Пятница, 5 мая 1775 года

Ранним утром следующего дня на улицу Монмартр явился Лаборд: герцог де Ла Врийер поручил доставить к нему Николя. Поздно вечером бывшему служителю опочивальни Людовика XV принесли записку от министра Королевского дома, где, без объяснения причин, говорилось, что комиссар должен прибыть к министру утром и как можно раньше. Прежний двор, и прежде всего те, кто присутствовал при последних минутах Людовика XV, пришли в движение. Сев в карету, друзья перекинулись парой слов, но быстро умолкли. Николя лихорадочно соображал, что мог хотеть от него министр; с тех пор как ему нечаянно удалось проникнуть в личную тайну Ла Врийера[52], тот старался держать комиссара на расстоянии.

Карета остановилась во дворе особняка Сен-Флорантен. Лаборд остался ждать, а Николя, стараясь прогнать воспоминания о жестоких преступлениях, связанных с этим домом, один отправился в апартаменты герцога. Лакей Прованс встретил его радостной улыбкой, словно старого знакомого. Войдя в кабинет, где внутренние ставни еще не открывали, он увидел бледную тень, размытую светом догоравшего камина, и узнал в ней герцога де Ла Врийера; закутанный в халат с неподвернутыми рукавами, герцог сидел, забившись в кресло. Николя изумился произошедшими с ним переменами: герцог похудел, осунулся, руки дрожали, глаза, казалось, упали на самое дно глазниц. Бросив пустой взор на посетителя, он усталым жестом пригласил его сесть и вздохнул.

— Точно, точно, вам не отвертеться! Вчера при пробуждении и перед большим выходом его величество упоминал о маркизе де Ранрее. Так что считайте это представлением. Пусть даже вы с незапамятных времен охотитесь вместе с нашим юным королем! Также его величество высказал свое удовлетворение, что Луи де Ранрей, ваш сын, принят в число пажей. Это настоящее признание!

Внезапно Николя понял, отчего Ришелье так настаивал. Он бы не принял отказа, ибо все уже решено.

— Сударь, я нисколько не…

— Как это, как это? Вы что, считаете, я забыл, как вы в присутствии покойного короля весьма откровенно высказали свои чувства по отношению к титулу? Маркиза де Помпадур напомнила мне об этом за несколько дней до кончины. Так надо, сударь. Хотя бы ради собственного сына. Главным образом для сына.

Голос его возвысился до визга.

— … вы должны появляться при дворе!

Николя молчал, испытывая искреннее сочувствие к страданиям министра.

— О! Мне известна ваша скромность. В свое время я в полной мере смог ее оценить. Вы храбры и преданны, покойный король об этом знал, его величество в этом убежден. Вот почему я желаю вас видеть. Не перебивайте меня. Мне надо поделиться с вами кое-какими соображениями.

Он выпрямился и с усилием пододвинул свое кресло к Николя.

— Мои дни как министра сочтены. Нет, нет, не возражайте! Я больше не принадлежу двору, хотя последние события сблизили меня с королем. Впрочем, мне не на что жаловаться. Столько лет у власти![53] Почему бы и не отдохнуть? Мой родственник Морепа поддержит меня, тем более что ему это никак не повредит. Мы только что стали свидетелями нешуточных событий, однако все еще впереди. Каждую ночь на стенах расклеивают гнусные пасквили, расклеивают везде, вплоть до дверей королевского кабинета в Версале! Вот, смотрите, урожай сегодняшней ночи.

Он взял со столика скомканный листок.

— Держите, держите! «Людовик XVI будет помазан 11 июня и зарезан 12-го». А вот еще: «Если цена на хлеб не упадет, мы истребим короля и весь род Бурбонов и подожжем дворец с четырех сторон».[54] Раньше, по крайне мере, угрозы сыпались в адрес фаворитки!

Он забыл, что слухи о «пакте голода» ходят уже давно, подумал Николя; тем не менее волнение министра растрогало его.

— Подобные крайности повергают в ужас добрых граждан.

— Вы в этом что-нибудь понимаете? Огромная волна соединенных усилий, за которыми чувствуется организующая сила, по-прежнему пребывающая в тени, выплеснулась и покатилась к неведомой нам цели, угрожая трону. Кого мы дерзаем подозревать? Тех, кто вне подозрений!

Голос его стал еле слышен.

— Да, да, тех, кто вне подозрений. Отребье, сочиняющее пасквили и листовки, выходящие из английских клоак и начиненные всевозможным вздором, они приводят вперемежку слова то мадам Аделаиды, то Сартина, то Ленуара, то аббата Террэ… Любопытно, они не называют ни одного имени тех, кому действительно выгодны мятежи. Тех, кто является истинной душой заговора против короля… Один из этих… В общем, его величество обеспокоен. «Надеюсь, — сказал он мне, — что эти писания не более чем клевета». Подозревают, разумеется, этого ублюдка, помесь фазана с курицей.

Некогда славившийся своими шуточками министр, когда гневался, вновь становился прежним. За извилистыми фразами скрывалась персона принца де Конти. Откровенность короля также была объяснима: он не любил Ла Врийера, но в связи с обострившимися обстоятельствами вспомнил, что герцог все же являлся последним доверенным лицом его деда, покойного короля, и понимал, что ему можно доверить самые заветные мысли.

— В прошлом мы видели, — продолжал министр, — как поднимались цены на хлеб, причем хлеб дрянной, гораздо хуже того, какой предъявляют нам сегодня, но никаких народных возмущений не наблюдалось. Сейчас претензии возмутителей спокойствия нельзя назвать серьезными. Нет ни голода, ни нехватки хлеба. А что мы имеем? Люди, у которых еды полно, громят склады и швыряют в реку зерно и муку![55] А золото, что рекой течет в карманы тех, кто оказался под арестом! Хорошо еще, что мы догадались обыскать их.

— Такого же мнения придерживается и начальник полиции. Известно, что господин Ленуар…

— Что, что вы там говорите? Увы, не будем о нем! Я еще помню, как после смерти короля, нашего незабвенного монарха, я оплакивал вашу немилость. Я успел поговорить о вас с его

преемником Альбером. Он еще ничего не решил, но так как моя рука и рука короля по-прежнему простерты над вами, он вряд ли станет вредить вам и искать с вами ссоры. Тем не менее вы должны знать, что он считает вас креатурой Сартина, и когда пробьет час, непременно начнет ставить палки в колеса. Кстати, если говорить о вашей работе, кто же убил булочника Мурю?

Вопрос застал Николя врасплох. Итак, министр по-прежнему прекрасно осведомлен, и Сартин наверняка приложил к этому руку.

— Ответ дать гораздо сложнее, чем задать вопрос, но, главное, ответ явится преждевременным.

— Именно так я и думал. Идите, господин маркиз, и не поддавайтесь. Когда-то вы учили меня не отчаиваться. А если у вас начнут опускаться руки, вспомните, что нашему юному королю нужна помощь.

Взволнованный, Николя удалился. Министр стоил гораздо большего, чем его репутация. Во время разговора его осунувшееся лицо неоднократно принимало выражение необычайной благожелательности; еще Николя вспомнил, что пока Ла Врийер был при должности, он всегда оказывал ему покровительство. Когда на последнем суде на чаши весов бросят пороки Ла Врийера и его преданность королю, возможно, министра ожидает спасение.

Лаборд ждал комиссара в карете; он никуда не спешил, а потому предложил подвезти Николя; они направились в резиденцию Индийской компании, расположенную в одном из флигелей дворца Мазарини, на углу улиц Вивьен и Нев-де-Пти-Шан. Лаборд, недавно заделавшийся финансистом, заметил, что в квартале, куда они направляются, денег больше, чем во всем остальном городе. Там обитали банкиры, торговые агенты, маклеры, сновавшие между конторами и биржей, словом, все те, кто превратил звонкую монету в товар. И со смехом добавил, что тамошние шлюхи прекрасно разбираются в товарно-денежных отношениях и безошибочно отличают клерков от банкиров. Николя поверил ему на слово.

Компания, некогда являвшаяся обширной торговой империей, с 1763 года, то есть после утраты большинства владений Франции в Индии, пребывала в состоянии неопределенности. Комиссару, не сумевшему толком объяснить, ни что он ищет, ни чего бы он хотел узнать, пришлось долго убеждать надменных приказчиков пропустить его к ним в контору. Наконец какой-то привратник, с тросточкой в руках, провел его на чердак и сказал, что здесь он может сколько угодно копаться в грудах сложенных документов. Не зная, с какой кипы бумаг ему начать, Николя пребывал в нерешительности; неожиданно он услышал странный шум; по мере приближения звуки становились все более отчетливыми. Содрогнувшись, он подумал, что рано утратил бдительность. До ушей его долетел скрежет, за ним последовал шорох; все вместе сопровождалось тяжким прерывистым сопением. Нащупав рукоятку крошечного пистолета, спрятанного под полями треуголки, он осторожно взвел курок. Серые от пыли стекла мансардных окон с трудом пропускали жидкий свет. Заняв позицию против света, он стал ждать. В наступившей тишине тяжелое дыхание послышалось совсем рядом. Возле огромной колонны, составленной сложенными друг на друга пожелтевшими кипами бумаг, на полу появилась тень, по форме напоминавшая гигантский башмак, надетый на короткую ногу. За странной тенью следовал бесформенный субъект в черном, горбатый, с огромной головой на коротком туловище и с необычайно длинными руками. Кроткий взгляд больших черных глаза придавал его серьезному одутловатому лицу одухотворенное выражение. Сделав усилие, субъект резким движением бедра выбросил вперед искривленную ногу и, выпрямившись, насколько было в его силах, низким голосом произнес:

— Боюсь, сударь, я вас напугал. Надеюсь, вы меня простите, ибо я не имел сего намерения. Господь сотворил меня таким, что каждое мое появление свидетельствует не в мою пользу.

Завершив речь, он медленно и замысловато поклонился. Николя вернул на прежнее место курок и спрятал пистолет за полями треуголки.

— Мне очень жаль, сударь, что я не сразу разглядел вас. Меня зовут Николя Ле Флок, комиссар полиции Шатле. Опыт научил меня всегда быть начеку, готовым к нападению врагов.

— Жюстен Белом, к вашим услугам. Да, сударь, именно так меня и зовут[56], — произнес он с улыбкой, растянувшей его рот в ужасающую гримасу. — Я архивариус Компании. Если вас допустили сюда, значит, у вас есть на это право, а следовательно, я к вашим услугам.

— Увы, я ищу иголку в стоге сена! Некоего пассажира, вернувшегося из Ост-Индии два, а может и фи, года назад… Все очень приблизительно.

Вскарабкавшись на один из шкафов без единой дверцы, Белом, раскачивая ногой для равновесия, перебрался на высоченную кипу документов и, выдернув три связки бумаг из столь же высокой соседней кипы, соскользнул вниз и опустился прямо перед Николя.

— Что ж, посмотрим, — проговорил он, — Тулон 1772, 1773 и 1774. — Но вы должны заранее знать, что здесь есть только списки кораблей, вошедших в порт, и сведения о кораблекрушениях и захватах кораблей пиратами.

Комиссар немного подумал.

— Получив списки кораблей, что я могу в них найти?

— Если у вас есть разрешение и средства, вы можете получить списки пассажиров всех кораблей. Но для этого вам придется отправиться в Лорьян или Порт-Луи.

— Сколько времени потребуется для проверки списков?

— Часы и часы… тут все вперемежку — и Африка, и Америка. Я могу этим заняться; обязанности мои необременительны и не слишком интересны.

— Сударь, мне совестно нагружать вас дополнительной работой. Если у вас есть нужда, если я могу быть чем-нибудь вам полезен…

— Ничем, сударь. Приходите завтра утром, думаю, я уже закончу.

И, вооружившись линейкой, любезный архивариус погрузился в учетные книги, а Николя вернулся к Лаборду. Утомившись от чтения, бывший служитель королевской опочивальни с радостью встретил Николя, и тот немедленно рассказал ему о результатах своего похода. Узнав, что Николя надобно ехать в Версаль, в Морское министерство, Лаборд предложил отвезти его туда. Похоже, он был рад возможности провести время с другом. Николя согласился, и они поехали. Дорожный разговор постепенно перешел в череду признаний. Один говорил об Эме д’Арране, другой — о своей любви к юной супруге. Из-за разницы в возрасте и опыте, а возможно, и по каким-то неведомым причинам, супруга Лаборда постоянно недомогала. Ее нервическая меланхолия не поддавалась никакому лечению, и Лаборд стал подумывать, не определить ли ее на какую-нибудь должность при доме королевы или одной из принцесс, дабы светские развлечения постепенно рассеяли ее затянувшееся уныние. Затем, попросив Николя извинить его за то, что он терзает его своими заботами, Лаборд поинтересовался, как дела у Луи.

Узнав, что мальчик стал пажом Малой конюшни, он посоветовал другу не терять сына из виду. В этом заведении молодых людей готовили к придворной карьере, однако царившие там нравы не могли считаться образцовыми. Пажей обучали изящным манерам, но в самом заведении царил крайне дурной тон. Никто не отвечал ни за благопристойное поведение, ни за нравственность молодых людей. Предоставленные самим себе, дворянские недоросли нередко брали пример со старших, именно с тех, кто мог продемонстрировать молодежи только дурные мысли и нравы.

Экипаж пересек мост через Сену; разговор перешел на недавние события.

— Вы знаете наших французов, — начал Лаборд. — Рантье и состоятельные буржуа напуганы, но, как всегда, волнения улеглись, и они вновь готовы обманывать правительство и

оправдывать мятежников. Полагают, господин Тюрго поступил неправильно, выделив в отдельную статью расходы по содержанию стянутых к Парижу войск; говорят, они обойдутся то ли в тридцать, то ли в сорок миллионов. А наши модницы уже придумали «колпак мятежницы»! И все завершится песенками! Печальный итог первого года царствования.

В Версале Министерство морского флота располагалось рядом с Министерством иностранных дел. Когда Николя уже собрался просить аудиенции у Сартина, он увидел, как ему навстречу направляется адмирал д’Арране. Только что вернувшийся из инспекционной поездки, адмирал спросил Николя, что привело его в Министерство? Ни один, ни другой не упомянули об Эме, но на протяжении всего разговора оба явно ощущали ее незримое присутствие. Возможно, поэтому Николя показалось, что между ним и адмиралом постепенно выросла невидимая стена. Адмирал провел его по всем министерским помещениям и сдал на руки служащему, ведавшему документами каторги в Бресте. Поблагодарив адмирала, Николя повернулся, как вдруг адмирал схватил его за руки:

— Не отчаивайтесь, в свое время вы привели ее ко мне, теперь это же предстоит сделать мне. Она очень капризна.

Тепло улыбнувшись и что-то бормоча себе под нос, он ушел, оставив комиссара в полной растерянности, но совершенно счастливым. Проводив Николя в рабочий кабинет, служащий, желая угодить лицу, имеющему столь весомые рекомендации, стал подробно объяснять, что означает приговор к пожизненной каторге и как сложно, практически невозможно, совершить побег.

— Днем приговоренных к галерам сковывают попарно посредством ножных кандалов, а ночью их приковывают к таволам.

— Таволам?

— Да, сударь, так называется чурбан, на котором каторжники спят, и к которому они прикованы. Даже если кто-то сумеет бежать, ему будет очень трудно скрыться, так как на плече у каждого из них клеймо…

Николя подумал, что раз Энефьянсу приговор не вынесли, то, возможно, клейма у него нет. И тут же вспомнил о сне Луи и о капуцине со шрамами на щиколотках.

— Беглецу необходимо найти повседневную одежду, ибо в его костюме каждый узнает в нем каторжника. У него бритая голова. Да и покинуть Брест нелегко. Вооруженные огнестрельным оружием караульные постоянно патрулируют городские улицы. Порт обнесен крепостной стеной, город также окружает стена. Городские ворота строго охраняются. В случае побега стреляют из пушки и немедленно отряжают солдат на поиски беглеца. Тому, кто первым его обнаружит, обещана премия, так что жандармы рьяно устремляются прочесывать окрестные заросли кустарников. Судите сами, сударь, дорог, ведущих в Брест, не много. Единственный большой тракт идет из Морле в Ренн. Порт Ландерно, можно сказать, заперт на засов: его охраняют особенно бдительно. Можно морем добраться до Крозона, а оттуда двинуться по дороге на Кемпер. Но если вы не говорите по-бретонски, долго вы не проходите.

Порывшись среди архивных документов, толстенные стопки которых вполне соперничали с архивом управления полиции, служитель вытащил дело Энефьянса. Доставленный в 1768 году в цепях в Брест, Энефьянс исчез в 1769 году. Умный и образованный, он работал за пределами тюрьмы. В деле стояла помета, что он выучил бретонский. Утверждать, что он погиб, пытаясь бежать морем, служащий не стал, ибо доказательств, что он бежал на той лодке, что нашли в море, не было.

Вновь присоединившись к Лаборду, Николя обдумывал вопрос, мог ли беглец добраться до одного из ближайших портов. В самом деле, Лорьян и Порт-Луи расположены не слишком далеко от Бреста, а оттуда прямая дорога вела на Восток и в Индию. Знание бретонского давало беглецу множество преимуществ: крестьянин, по природе своей недоверчивый, всегда рад помочь несчастному, говорившему на одном с ним языке. Оставалось предположить, что

бывший каторжник ухитрился стать пассажиром одного из судов Ост-индской компании. Николя очень надеялся, что Жюстен Белом поможет ему отыскать судно, а также имена пассажиров, прибывших в Лорьян. Но, скорее всего, поиски будут напрасны, ибо если Энефьянс и вернулся во Францию, то наверняка под другим именем.

Что ж, придется придумывать способ отделить овец от козлищ. Хотя и этого недостаточно, чтобы отыскать Энефьянса. Необходимо какое-нибудь событие, случай, при котором фигура каторжника неожиданно совпадет с чьей-либо личностью. Но Николя не отчаивался: он верил в действенную благодать, не раз снисходившую на него, дабы помочь ему в расследовании.

Время было позднее; Лаборд предложил Николя вместе поужинать и остаться ночевать в Версале, в его маленькой квартирке на тихой улочке; это пристанище он сохранил за собой после смерти короля. Николя сообразил, что принужденный к воздержанию по причине постоянных недомоганий супруги, прежний поклонник галантных удовольствий не пожелал полностью отказаться от плотских утех и заключил с небом определенный компромисс. Ужин оказался выше всяческих похвал, а присутствие очаровательной субретки скрасило их мужское общество. Обсуждали оперу, путешествия, успехи картографии и книгоиздания, а потом, как обычно, принялись с волнением вспоминать времена Людовика XV и проговорили до поздней ночи.

Суббота, 6 мая 1775 года

Рано утром Лаборд отвез Николя в Шатле. Там его ждала дурная новость. Примчавшийся утром посыльный из Индийской компании сообщил, что Жюстен Белом найден мертвым посреди рассыпанных архивных документов: кто-то пробил ему голову. Разумеется, ни о каком несчастном случае не могло быть и речи. Мертвец сжимал в руке обрывок листа из учетной книги, явно вырванной у него из рук. Судя по царившему вокруг разгрому, добыча досталась преступнику после долгой борьбы. Бурдо немедленно выехал на место преступления и должен был вот-вот вернуться. Он просил передать комиссару, если тот приедет раньше, подождать его.

Итак, думал Николя в ожидании, еще один невиновный погиб по его оплошности. Перед взором его чередой двинулись призраки из прошлого: Моваль, убитый при поединке вслепую; старый солдат, повесившийся в тюремной камере; Трюш де Ла Шо, казненный на Гревской площади… он увидел добрые глаза Белома; несчастный архивариус без лишних вопросов вызвался помочь ему… Почему судьба решила сделать Николя своей карающей дланью? Какой демон привел его на чердак, где хранились архивы Индийской компании? Ему стало так больно, что никакие доводы разума не могли заглушить эту боль. Он не мог убедить себя, что не повинен в этой смерти. И каноник Ле Флок, и Ноблекур всегда утверждали, что совпадения никогда не бывают случайными.

Оставалось утешаться тем, что он движется в правильном направлении. Жюстен Белом погиб, потому что нашел нечто такое, что грозило разоблачением его убийце. А что еще, кроме названия корабля и, как следствие, списка его пассажиров, он мог обнаружить?

Следовало немедленно отправить курьера в Лорьян для поиска в тамошних архивах. К счастью, область поисков сжималась. Тем не менее он опасался, что, получив длинные списки, он не сумеет определить противника. Что еще можно предпринять? Если бы содержание документа, хранившегося в парижском отделении Компании, не представляло опасности для преступника, он не стал бы убивать невинного человека. Дело принимало крайне дурной оборот. Всегда имея при себе чистые бланки с подписью герцога де Ла Врийера, Николя, как обычно в случаях крайней нужды, написал на бланке приказ, позволявший открывать все двери и расспрашивать всех, кого необходимо. Имея такой ключ, Рабуин найдет то, что он должен найти. Едва он успел наложить печать, как появился Бурдо.

— Вас искали повсюду. Управляющий сообщил нам, что вчера вы встречались с жертвой.

— Речь идет о Жюстене Беломе, не так ли?

— О нем. Он остался на ночь, чтобы поработать: об этом свидетельствуют несколько свечных огарков. Убийство, совершенно очевидно. Царапины, следы ударов, разорванное платье, разбитый череп. Бедняга защищался изо всех сил. У него нашли вот это…

Бурдо вытащил из кармана крошечные, запятнанные кровью треугольные клочки бумаги и протянул их Николя; тот внимательно осмотрел улики.

— Смотрите, Пьер, — начал комиссар, — это уголки страниц с печатью Компании: щит с короной, под ней цветки лилии, ниже расположен Нептун; щит поддерживают два туземца, у одного в руках лук, другой опирается на якорь. Это обрывки реестра, который просматривал Белом и который вырвали у него из рук. Знаете, почему?

— Я пока не понимаю, к чему вы клоните.

— А вот к чему. Почему он не хотел отдавать реестр?

— Понятия не имею.

— Потому что он наверняка обнаружил в нем сведения об Энефьянсе, скорее всего, те самые, о которых я его спрашивал. Смотрите, вот нумерация страниц: 134, 135 и 136, а дальше половинка от года — 74, то есть 1774 год. Однако в реестр вписывали только названия судов, а одни названия никак не могли помочь нам в поисках…

— Но тогда почему он столь яростно защищал этот реестр?

— Видимо, в нем содержались какие-то разъяснения. Я отправляю Рабуина в Лорьян. Там он наверняка найдет копию этого реестра.

Он протянул Бурдо бланк с приказом.

— Пусть выезжает немедленно. И не думает о расходах. А я иду в управление представляться новому начальнику. Возможно, потом нам это пригодится… Надо ли производить вскрытие тела бедняги?

— Нет. Причина смерти ясна. Несчастный случай исключается. Двери особняка были закрыты, однако посреди ночи кто-то постучал, привратник проснулся, открыл, но никого не увидел. Возможно, конечно, что привратник толком не проснулся и убийца, воспользовавшись темнотой, прошмыгнул мимо. Покинуть же особняк труда не составило: чтобы Белом по окончании работы мог уйти, дверь закрыли изнутри на задвижку.

— Что ж, похоже на правду, но не более того!

— Мне кажется, у убийцы был сообщник, точнее, сообщница.

— На чем основано предположение? У вас есть доказательства?

— Почти. «Сыч» все видел.

— Как? Ретиф? Впрочем, он, как всегда, там, где его совсем не ждешь. Черт возьми, его свидетельство должно нам помочь.

— Он уже у нас, так что, если хотите, можете его выслушать.

Когда Ретиф неуверенно вступил в дежурную часть, Николя подумал, что манера литератора передвигаться бочком напоминает передвижение крабов, каковые в изобилии водились на побережье его родной Бретани. И сам Ретиф, и слухи, что о нем ходили, вызывали у Николя брезгливое чувство. Сегодня на «Сыче» был надет просторный зеленоватый плащ, а голову украшала шляпа с широкими, завернутыми в две параллельные трубочки полями.

— Итак, господин Ретиф всегда в засаде?

— Я люблю бродить по темным улицам нашей необъятной столицы. Сколько всего можно увидеть, когда все укладываются спать! Во мне похоронено множество тайн, но те, что пахнут пороком и преступлением, я передаю вам.

— Прекрасно, прекрасно. Расскажите мне, что вам удалось увидеть сегодня ночью? Но прежде скажите, что привело вас в те края?

— Судите сами. Случай такой странный, что я, будучи добрым гражданином, сам захотел поделиться своими наблюдениями. Ранним утром, возвращаясь в кордегардию на улице Вивьен, я увидел инспектора Бурдо…

— Об этом после. Давайте с самого начала.

— От вас у меня секретов нет. Я бродил вокруг королевской библиотеки, когда неожиданно…

— Давайте уточним. В котором часу это было?

— О! Подобные мелочи меня никогда не интересуют, однако, если судить по положению луны, где-то около полуночи. Так вот, когда я вышел на улицу Сент-Анн, где-то возле особняка Лувуа, мимо меня, высоко поднимая юбки, прошмыгнула очаровательная особа, но я успел заметить ее точеную ножку, изящную лодыжку и крошечную ступню, словом, все то, что я боготворю!.. Сами понимаете, я прерываю свой путь, разворачиваюсь и иду следом за красоткой. Я уже приготовился поведать ей о том, какое наслаждение мне доставляет созерцать ее, когда из ворот, освещенных светом месяца, выскользнула тень, метнулась к красотке и что-то прошептала ей на ухо. Зазвенело и заблестело золото, и девица пошла с этим субъектом. Мне, как всегда, стало любопытно, чем все закончится, и я пошел за ними следом, двигаясь бесшумно и не покидая теневой стороны улицы. Дойдя до улицы Нев-де-Пти-Шан, у них состоялся еще один разговор. Монах…

— Монах? До сих пор вы о нем не упоминали.

— Простите меня, увлекшись действием, я забываю о деталях. Да, это был монах-капуцин. Он снова что-то сказал красоточке, а потом притаился в закоулке, подальше от света, что отбрасывал фонарь. Вскоре я понял, почему он так поступил: подойдя к особняку Индийской компании, девица взялась за дверной молоток и постучала. Через некоторое время привратник отворил дверь. Его изрядно шатало: он то ли еще спал, то ли был пьян. Отведя его в сторону, девица принялась бесстыдно завлекать его.

— И долго она этим занималась?

— Ровно столько, сколько понадобилось монаху, чтобы проскользнуть в особняк. Тогда девица оттолкнула привратника, тот шлепнулся в канаву, поднялся и, ругаясь, поплелся обратно. Девица же, не ожидая своего сообщника, обеими руками подхватила юбки и побежала дальше, мелькая точеными ножками. Бросившись за ней, я, совершенно запыхавшись, догнал мошенницу на площади Виктуар.

— И спросили ее, что означает ее странное поведение?

— Да, по-своему, по-отечески, мягким тоном…

И он с ханжеским видом потер руки.

— …Я сказал ей: «Милашка, куда вы столь быстро бежите?» Увидев, что имеет дело с человеком почтенным, она доверилась мне и все откровенно рассказала. Она только начинает свою карьеру; впрочем, это я заметил с самого начала. Прибыв в город следом за подружкой, она тотчас попала в объятия красавца гвардейца и теперь преумножает содержание бравого воина. Капуцин, что подошел к ней, рассказал ей какую-то глупую историю о молодом человеке, влюбленном в какую-то красавицу, к которой он хотел пробраться ночью. Ее роль в этой истории состояла в том, чтобы на несколько секунд отвлечь внимание привратника. Расставшись с Колеттой — а именно так звали девушку, — я вернулся к особняку Компании, где мне посчастливилось увидеть, как тот самый влюбленный покидал особняк.

— У него было что-нибудь в руках?

— Сейчас, когда вы меня об этом спросили, мне и в самом деле кажется, что под рясой он что-то прятал. Я проследил его вплоть до пассажа Валуа, прошел вдоль всего Пале-Руаяля, где — о чудо! — его ждала карета…

— А дальше?

— Увы! Она исчезла. Но я заметил кое-что, что, полагаю, в высшей степени заинтересует вас.

— Говорите же скорей!

— Экипаж принадлежал очень знатному семейству, чрезвычайно знатному…

И он выразительно подмигнул Николя.

— …Ладно, не стану скрывать. Это была карета принца де Конти.

— Вы в этом уверены? — воскликнул Николя, подпрыгнув от такого заявления; если это правда, его расследование поворачивало совсем в иное русло.

— Так же, как уверен в том, что на дверце был нарисован герб — золотой щит с алым крестом, окруженный шестнадцатью лазурными алерьонами, по четыре в каждом углу щита. Они, конечно, заклеили его бумагой, но от дождя она промокла и не скрывала изображения.

— Отлично! А вы могли бы отыскать эту девушку?

— Разумеется, только дайте время. Но не думайте, что вам она расскажет больше, чем мне. Она послужила всего лишь орудием в какой-то гнусной интриге.

— Как вы думаете, она узнает того монаха?

— Нет, полагаю. Он надвинул капюшон на лицо и все время держался в стороне от фонарей.

— И все-таки отыщите ее. Когда я его поймаю, я устрою им очную ставку.

— Непременно все сделаю, вы же знаете, я всегда готов помочь вам.

— Мы ценим вашу помощь, — ответил Николя; несмотря на всю свою природную доброжелательность, он с трудом заставлял себя иметь дело с субъектом, за которым числилась масса неаппетитных делишек.

— Ваш покорный слуга.

Когда Ретиф вышел, Николя долго молчал, а потом начал диктовать инструкции Бурдо.

— Не забудьте проверить, как обстоят дела на улице Пуарье. С сегодняшнего дня следите за каждой каретой с гербом принца де Конти. Оцепите квартал Тампля осведомителями, по всему периметру. У нас появился шанс поймать незнакомца, если он, конечно, кроется в этом убежище, неподвластном законам!

Когда он собрался идти в полицейское управление, появился Рабуин в сопровождении Сортирноса. Красные и запыхавшиеся, они радостно улыбались, всем своим видом выражая горячее желание поделиться важной новостью.

— Что случилось? — невозмутимо спросил комиссар.

— У нас новость, да еще какая!

— Я вас слушаю.

— Сначала Сортирнос, ведь это благодаря ему у нас все сложилось.

Бретонец выступил вперед, и на его смышленой физиономии появилась лукавая улыбка. Было видно, что он ужасно доволен собой.

— Николя, сынок, за тобой шпионят и следят!

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, не сомневайся. И следит не один, а целая свора.

— Но откуда ты об этом узнал?

Сортирнос удовлетворенно хмыкнул.

— Видишь ли, по просьбе Рабуина, всегда пекущегося о твоем здравии и безопасности, я собрал своих приятелей-поденщиков, тех, кому доверяю, и поручил им наблюдать за тобой, а ежели понадобится, то и защитить. Ты на собственном опыте знаешь, что тот, за кем следят,

редко обнаруживает своего шпиона. Иначе всех осведомителей давно бы перебили, а тайная полиция перестала бы существовать.

— И что же?

— Так вот, за тобой ходят по пятам.

— А доказательство?

— Вчера ты отправился к господину де Сен-Флорантену, то есть герцогу де Ла Врийеру, в экипаже господина де Лаборда. А за вами по пятам ехала карета. Потом эта же карета поехала за тобой в особняк Индийской компании. Ну, потом я не уследил, так как ты выехал из города, а там у меня шпионов нет.

— Да, правда, я ездил в Версаль. А сегодня?

— Точно так же, как вчера. Когда ты приехал в Шатле, следом за каретой Лаборда трусил аналогичный экипаж.

— Аналогичный, нет, вы только послушайте: аналогичный! — рассмеявшись, повторил Бурдо. — Сортирнос, друг мой, да ты заделался ученым!

— Не знаю, только вот мой приятель точно мне сказал.

— Он столь же учен, как наш Сортирнос, — произнес Николя. — Тогда чего мы ждем?

— М-м-м…

— Что-то я тебя не пойму.

— Ну, мы решили поймать его в его же собственную ловушку, коли так можно выразиться.

— Ладно, хватит играть в прятки. Все всё знают, а я, слепец, не смог догадаться! То-то мне все время кажется, что какая-то важная подробность от меня ускользает! Как вы обнаружили моего преследователя?

— А что тут сложного? Мы знали, что рано или поздно ты приедешь в Шатле. Надо только подождать. И в самом деле, за тобой ехал фиакр.

— Значит, он все еще ждет меня?

— Ты что, принимаешь нас за тупоголовых полицейских? Посовещавшись, мы направились к этому фиакру, но тот, кто там сидел, видимо, заподозрил в нас дурное и тотчас смотался.

— И вы его потеряли.

— Вовсе нет, — взял слово Рабуин, — мы и убраться-то его заставили только потому, чтобы удобнее было за ним следить. Слежкой занимается команда Сортирноса, и с минуты на минуту к нам явится гонец, дабы доложить о всех его перемещениях.

— Отлично, — кивнул Николя, — вы свободны. Бурдо останется здесь, а мне все же надо побывать в полицейском управлении. Рабуин, для тебя есть задание, Бурдо сообщит тебе подробности.

Выйдя из особняка на улице Нев-Сент-Огюстен, комиссар остановился в нерешительности. Новый начальник полиции, безо всяких знаков отличия и в выцветшем рыжем парике, принял его на ходу, велел продолжать текущие расследования и дать ему отчет через несколько дней. Тем не менее несколько фраз, что произнес он на бегу, прозвучали вполне дружелюбно. Николя понял, что за столь благожелательное обхождение со стороны личности, известной своей крайней неучтивостью, он обязан благодарить герцога де Ла Врийера. Внезапно он понял истинный смысл приглашения Лаборда отвезти его в особняк Сен-Флорантен: министр Королевского дома не хотел, чтобы об этой аудиенции стало известно сьеру Альберу. А он в разъездах потерял драгоценное время. Вернувшись в Шатле, Николя нашел Бурдо в преотвратном настроении. Оказалось, недавно заходил шевалье де Ластир и сообщил, что он нашел Камине.

— И где же он отыскал его тело? — поинтересовался Николя. — Надобно позвать Сансона и Семакгюса.

— Не торопитесь! Никаких покойников, никаких трупов. Если верить вашему другу, молодой человек прятался в одном из подпольных игорных домов на улице Муано, в квартале Сен-Рош…

— Каким образом он его нашел?

— По его словам, посещение этого заведения входило в его задание. Во время игры — а речь идет о партии в пикет — игроки поссорились, и дело дошло до потасовки. У Камине старшие карты были чуть длиннее, и вдобавок он подмигивал партнеру! В общем, подмигивание плута и выдало!

Утешь меня, маркиз, вчера, в пикет играя,

Я сделал в партии отменно глупый ход…[57]

— «Докучные»! Пьер, вы по-прежнему горячий поклонник Мольера?

— Неизменный! Итак, спор, ссора, оскорбления и размахивание ножами. Для успокоения разбушевавшихся игроков хозяин притона вызвал караул, и нашего молодого человека увели в караульню квартала Сен-Рош. Сейчас я иду туда, а вы, я думаю, сидите и ожидаете известий о таинственном фиакре.

Оставшись один, Николя почувствовал, как его одолевает многолетняя усталость. Все вокруг, включая любимый им город, казалось ему мрачным, печальным и грязным. По улицам двигались отвратительные субъекты с гнусными рожами, отмеченными пороками и преступлением. От отвратительного зрелища этого библейского Вавилона к горлу поднялась тошнота. Внезапно появилось искушение все бросить. Он вспомнил, что теперь замок Ранрей, с которым связаны счастливые воспоминания его детства, принадлежит ему, и в ушах его зазвучал рокот свободных океанских волн. В родных краях он сможет обрести мир, далекий от окружающей его суеты. В эту минуту солнечный луч проник в мрачную дежурную часть, озарив ее золотистым светом, и к нему вернулись силы. Так было всегда. Забавная маска на фасаде, лукаво ему подмигнувшая, возвращала городу его прелесть, и он вновь наслаждался его бьющей через край роскошью и размашистой поступью, подминавшей под себя окружающие его предместья и пустоши. Лица друзей всегда возвращали его к реальности, какой бы суровой она ни была. Лицо юного короля, занявшего трон своего деда, память о котором будет жить в его сердце вечно, помогло ему прогнать минутную слабость. Радостная волна уверенности захлестнула его, и он вверил себя судьбе.

Из задумчивости его вывел папаша Мари: он сообщил, что мальчишка-посыльный принес записку от Сортирноса. Фиакр, преследовавший Николя, въехал в ворота дома на улице Вандом, что возле бульваров, рядом со зданием Интендантства, напротив монастыря Дев Господних. Порывшись в ящике, Николя вытащил лист плана Латтре. С интересом обнаружив, что интересующий его дом находится рядом с постройками, что располагались в черте квартала Тампль, он решил немедленно туда отправиться, поручив папаше Мари собирать все новости, которые ему будут доставлять и без промедления отправлять их вслед за ним.

Когда Николя высадился в начале улицы Вандом, колокол часовни монастыря Дев Господних пробил полдень. Заметив слившихся со стеной Рабуина и Сортирноса, он отправил их на поиски караульных. Путь ему преграждало скопление телег, распространявших зловонные ароматы, затопившие всю улицу. Сообразив, о чем идет речь, он подумал, что наконец-то случай пришел ему на помощь: под прикрытием телег с бочками ассенизаторов он незаметно доберется до интересующего его дома. Издалека он узнал вдову Ламарш, главную в корпорации ассенизаторов и мусорщиков; ему довелось познакомиться с ней во время одной неприятной истории, разобраться в которой его попросил Ленуар. Суть заключалась в том, что из отхожего места дома, принадлежавшего кавалерийскому полковнику де Шоньи, исходил зловонный запах, означавший, что владелец неподобающим образом содержит свою

собственность, и полиция предписала полковнику привести в приличное состояние отхожее место. Последующая дискуссия между главной ассенизаторшей и старым воякой едва не превратилась в сражение. Вояка, полагая, что небрежение в обустройстве выгребных ям является недостатком всеобщим, не хотел платить за очистку названную корпорацией сумму: он считал ее завышенной и утверждал, что труд поденщиков стоит не в пример дешевле. В самом деле, несчастные поденщики часто соглашались очистить выгребную яму за меньшую стоимость, хотя на этой грязной и мучительной работе им приходилось целыми днями дышать вредными испарениями, от которых многие из них погибали.

Сейчас он мог лично наблюдать, как вдова Ламарш не соблюдает предписания последних эдиктов. Не только содержимое выгребной ямы выливалось в дырявые бочки, разбрызгивавшие по тротуарам свое пахучее содержимое, но и сама работа производилась отнюдь не в предписанные властями ночные часы. Последующее мытье прилегающей территории мадам Ламарш, похоже, также осуществлять не собиралась. Ему, конечно, следовало составить протокол, но у него и без протокола хватало дел. Поэтому он лишь погрозил вдове пальцем, а та, широко улыбнувшись беззубым ртом, в ответ послала ему воздушный поцелуй.

Отыскав нужный ему дом, он толкнул калитку и вошел в сад. Поодаль виднелись еще одни ворота, куда, без сомнения, и въехала карета. Узкая дверь, защищенная портиком, вела в дом. Озираясь по сторонам, он приблизился, повернул ручку и, шагнув вперед, начал искать какой-нибудь предмет, дабы подпереть им дверь. Не заметив трех узких стесанных ступенек, он поскользнулся и полетел на пол; тем временем дверь с сухим стуком захлопнулась. Больно ударившись коленками, он встал, на ощупь отыскал дверь и, попытавшись открыть ее, обнаружил, что изнутри у нее нет ручки. Поняв, что он попал в ловушку, он почувствовал, как у него перехватило дыхание: запертые помещения всегда действовали на него угнетающе. К счастью, он извлек урок из предыдущего опыта, и теперь у него в кармане лежало не только огниво, но и свеча. Пока он пытался высечь искру, ему в затылок хлынула волна света. Обернувшись, он с ужасом увидел, как в освещенном проеме появился темный силуэт монаха в капюшоне; монах направлял на него пистолет. Николя так никогда и не узнал, какой добрый дух напомнил ему слова старинной бретонской сказки, еще в детстве заученной им наизусть:

— *Ha yann ha mont ha darch'haouln un taol bazh houarn gantan diwar e berin, hag e lazhan hep n areas zoken na bramm!* («И Жан ударил его железной палкой по голове, и убил его, так что тот даже не успел вскрикнуть!») — изо всех сил прокричал он.

Результат превзошел все его ожидания. Решив, что комиссар обращается к тому, кто стоит у него за спиной, испуганный монах обернулся, предоставив Николя необходимые секунды, чтобы выхватить спрятанное в треуголке оружие. Маленький пистолет, подаренный Бурдо, выплюнул сноп огненных искр, однако выстрел не достиг цели, неизвестный еще раз повернулся к Николя, отпрыгнул назад, и дверь за ним захлопнулась. Комиссар вновь очутился в кромешном мраке. Желая успокоить сильно бившееся сердце, он глубоко задышал, не переставая сожалеть, что не успел перезарядить пистолет и сделать второй выстрел. Запалив свечу, он осторожно осмотрел узкий проход и сбоку обнаружил вход в просторное помещение, заполненное разнообразным старьем. Сундуки, вспоротые тюки тканей, изваяния языческих идолов, взиравших на него неживыми глазами… И всюду странный запах, смесь вони от нечищеной клетки и неизвестных духов. Наклонившись к одному из ларей, он убедился, что так пахнет дерево, из которого сделан ларь. За ящиками он обнаружил клетку, набитую перепуганными кроликами. Не менее интересными показались ему и следы на ящиках, словно кто-то стирал, а кое-где даже выжигал сделанные на них надписи. Он предположил, что прежде там стояло имя владельца. В углу валялись перчатки из толстой кожи и высоченные, доходившие до самых бедер сапоги из того же материала.

Впереди виднелась еще одна дверь; открыв ее, он немедленно сунул в щель шляпу, чтобы она не захлопнулась. Комната оказалась почти пустой: посредине лежал ковер, на нем стояла

корзина из ивовых прутьев. Потрескивала фарфоровая печка, распространяя влажный жар, исходивший от сосуда, над которым клубился пар. Температура здесь резко отличалась от температуры в соседней комнате. Приблизившись к корзине, он, не веря своим глазам, увидел, что ковер сам по себе ходит ходуном. Внезапно бахрома приподнялась, и по стене взметнулась гигантская тень. Замерев от ужаса, Николя понял, что перед ним та самая гамадриада, о существовании которой давно догадался Гийом Семагкюс; рисунок, сделанный корабельным хирургом, ожил, и сейчас он видел перед собой змею. Сверкая глазами, кобра в упор смотрела на него; капюшон ее плавно вздымался и опадал, хотя тело оставалось неподвижным. Послышался тихий свистящий звук. В мгновение ока Николя оценил ситуацию. Он безоружен, а убежать невозможно: дверь далеко. Малейшее движение — и змея бросится на него. Может, огонь испугает животное? Свеча подходила к концу: значит, во что бы то ни стало надо сохранить горящий фитилек. Только сейчас он понял назначение перчаток и сапог: они служили таинственному владельцу жилища защитой от змеи. Но и сапоги, и перчатки лежали слишком далеко, чтобы он мог ими воспользоваться.

Зашевелившись, кобра вытащила из-под ковра длинное тело, расписанное узором первозданной красоты. Змеиные чешуйки, белые и светло-коричневые, переливались на свету. «Имя твое легион», — подумал Николя. Должен ли он и дальше стоять, не двигаясь? Подползая все ближе и ближе, противник изгибался дугой, готовясь нанести удар. Николя охватило отчаяние, ему хотелось кричать, но он не издал ни звука и только молился про себя. Змея раскрыла пасть, затрепетал раздвоенный язык… вдруг чья-то ладонь зажала Николя рот, и в ту же минуту зазвучало протяжное песнопение. Перед глазами комиссара промелькнула темная рука: ее пальцы тянулись в сторону змеи. Речитатив набирал силу, голова кобры раскачивалась в заданном им ритме. Наконец, подобно длинной ленте, змея вытянулась на полу и замерла, словно мертвая. Кто-то резко оттолкнул Николя, и он отлетел в угол. Неведомый спаситель осторожно схватил змею за треугольную голову, поднес ко рту и подул на нее. Тело кобры обмякло, неизвестный швырнул ее в корзину и захлопнул крышку. Затем он обернулся, и Николя с изумлением узнал покрытое татуировками лицо Наганды.

Друзья обнялись.

— Дорогой Наганда, каким чудом вы появились здесь, чтобы спасти мне жизнь?

— Не будем об этом, я обязан вам гораздо большим. Папаша Мари в Шатле, где я рассчитывал найти вас, сказал, что вы только что отбыли на улицу Вандом. Я прыгнул в фиакр, прибыл по указанному адресу и тут встретился с господином Рабуином, дополнившим рассказ папаши Мари. Рабуин очень не хотел уходить, так как опасался, что вы можете угодить в ловушку.

— И он не ошибся.

— Устремившись в указанный им дом, я издалека услышал звук выстрела.

— Увы, у меня была только одна пуля. Я промахнулся и, встретившись со змеей, оказался безоружным.

— А я успел и очень рад, что сумел оказаться вам полезным.

От охвативших микмака чувств устрашающие татуировки на его лице словно побледнели. Индеец был одет в темный синий фрак военного покроя, треуголка скрывала его длинные волосы, собранные в прическу а-ля Катоган. Присев на корточки, он тщательно примотал крышку к корзине.

— Лучше перестараться, чем недоглядеть. Я не знаю, что это за вид. Змея длинная и, без сомнения, ядовитая. У нас самой ядовитой змеей считается болотная змея, на нашем языке мы зовем ее *mokissin*.[58] Ее укус смертелен.

— И она вам подчиняется точно так же, как подчинилась рожденная в Азии королевская кобра, или гамадриада, — улыбнулся Николя. — А мне-то казалось, что самое удивительное я про вас уже знаю!

Обняв комиссара за плечи, Наганда вперил в него взор своих черных глаз:

— Моему народу известно много секретов живой природы. Вы знаете, что я вождь моего народа, и более того…

Многозначительный ответ напомнил Николя загадочные действия, совершаемые индейцем из Новой Франции во время их первой встречи.[59] Благодаря комиссару с Наганды было снято обвинение в убийстве, а покойный король избрал его наблюдателем, поручив ему следить за происками англичан на границах Новой Англии и Канады.

— Чему я обязан радостью видеть вас?

— Молодой король, принимая во внимание недавние волнения, захотел лично выслушать мой отчет. Он вспомнил о наших беседах и пригласил меня представлять мой народ на коронации в Реймсе.

— Я очень рад. Где вы остановились?

— У доктора Семакгюса… Мы хотели устроить вам сюрприз, но вы оказались неуловимы! На самом деле я отправился искать вас только потому, что *Kluskabe*, наш герой-лягушка, послал мне видение: «Сын камня в опасности!» И я помчался. Нашему другу я привез много растений и семян. Мне кажется, что эта…

— …кобра…

— …наполнит его радостью, кою он сможет разделить со своими учеными собратьями из Ботанического сада.

Поведав о своем расследовании, Николя предложил Наганде вместе осмотреть дом. Очевидно, в нем никто не жил. Высадив захлопнувшуюся дверь, они убедились, что мощеная дорожка ведет к третьей калитке, выходившей в парк, расположенный на территории квартала Тампль. Вернувшись в дом, они отправились изучать брошенную обстановку: свернутые в трубки ковры, статуи, блюда с серебряными краями, сундуки, обитые медью и отделанные слоновой костью, и прочие диковинные штучки.

— Мы наложим арест на эти вещи и составим точную их опись. Я застал монаха в его гнезде, так что, полагаю, сюда он больше не вернется. Шаг за шагом мы будем выкуривать его из нор, вынуждая метаться, как загнанного зайца.

Тут раздался шум, и, затаившись, они погасили свечу. Через несколько минут появился Рабуин с караульными.

— Я чертовски беспокоился за вас. Только узнав, что с вами рядом будет господин Наганда, я отправился исполнять ваше приказание.

Николя рассказал ему, что произошло. Агент протянул руку Наганде.

— Но у меня кое-что не сходится.

— Это бывает.

— Так вот, когда мы возвращались на улицу Вандом с подкреплением, впереди остановилась карета, и из нее вышел человек. Я не сразу узнал его, так как он прижимал платок к лицу, словно защищаясь от запаха… Направляясь к дому, он заметил караул и тотчас повернул обратно. На нем была обычная одежда, но я узнал его даже издалека.

— И кто это был?

— Наш аббат из Вены. Неугомонный Жоржель.

Николя нисколько не удивился, ибо давно обрел уверенность, что их приключения в Австрии тесно связаны с парижскими событиями. Постройка, наконец, обретала форму и близилась к завершению, хотя мысли его все еще метались, словно сбившиеся с пути птицы. Николя велел Рабуину немедленно готовиться к поездке в Лорьян. Почтовое сообщение слишком медленно и подвержено превратностям больших дорог. Следовательно, ему придется ехать верхом и, предъявляя на заставах свой приказ, требовать самых выносливых лошадей.

Николя и Наганда прибыли в Шатле. Вскоре появился Бурдо, толкая впереди себя молодого человека со связанными руками; в пожелтевшем парике, в очках с закопченными стеклами, он шел, опустив голову и не глядя по сторонам.

— Вот дичь, — суровым тоном объявил инспектор.

Николя с трудом узнал Камине; раньше он видел его только в костюме булочника. Преждевременно состарившееся из-за распутной жизни лицо, отмеченное печатью порока, скрывало истинный возраст молодого человека. Подозвав Бурдо, Николя шепнул ему, что надо любыми способами заставить подозреваемого сказать правду. Камине умоляюще глядел на комиссара, словно ожидая от него спасения.

— Что мы узнаем? Ты пошел по дурной дорожке. Разве пристало честному ученику булочника посещать сомнительной репутации заведение, где собираются падшие особы и записные шулера?

Словно подкрепляя сказанное, Бурдо бросил на стол колоду карт, а Николя одним движением руки раскинул ее по столу.

— Хорошенькие штучки! Вот арсенал мошенников, который приведет тебя прямым путем на виселицу. Мне сказали, что ты уже пролил кровь?

— Я только защищался, — жалобно проблеял молодой человек.

Парик соскользнул с него, и непослушная прядь каштановых волос упала ему на лоб.

— И поделом тебе, — произнес Бурдо. — Ты обманом выиграл двадцать пистолей у несчастного, не ведавшего, с кем он сел играть.

— Но… мне просто везет.

— Разумеется! Только почему-то слишком часто.

— Я все искуплю, господин Николя.

— Всему свое время. А сейчас лучше скажи, почему ты удрал из дома мэтра Мурю?

Ученик помрачнел; судя по его взгляду, он не намеревался делиться своими тайнами.

— Мне не нравится ремесло булочника. Мэтр всегда ругал меня… С меня довольно! Не желаю больше иметь дело ни с мукой, ни с тестом!

И он энергично взмахнул рукой.

— Но твоим товарищам ремесло нравится.

— А, этим… — усмехнулся он презрительно.

— Мне кажется, — продолжал Николя, — они заслуживают похвалы. Они всегда приходят вовремя да и работают неплохо. Всегда любезны с клиентами.

— Подумаешь!

— Похоже, ты их совсем не уважаешь, хотя тебе надо бы на них равняться.

— Ха, на этих…

— Кого «этих»? Давай, договаривай. Кто тебе так не нравится? Мадемуазель Фриоп?

Камине так возмутился, что истинный смысл вопроса ускользнул от него.

— Никакая она не мадемуазель, она просто шлюха!

— Не волнуйся, мы прекрасно знаем, что она девушка, но также знаем, что ты гнусно шантажировал ее и ее друга.

Весь вид ученика свидетельствовал о том, что он, наконец, сообразил, что сел в лужу.

— Я ничего такого не делал. Всего лишь пару раз пошутил; у подмастерьев так принято.

— Разумеется, но о последствиях ты подумал? Сейчас они задержаны в качестве подозреваемых, и над ними навис меч закона. Двое несчастных, и ни у одного, ни у другой нет

алиби. Иначе говоря, никто не может подтвердить правдивость их слов. Но они — не единственные подозреваемые…

— Я не понимаю, о чем вы говорите, господин Николя.

— Сомневаюсь. Госпожа Мурю все рассказала.

— О чем же?

— Что вы хотели избавить ее от мужа и бежать вместе с ней, — солгал Николя.

Камине разразился нервным смехом.

— Да кто ей поверит, — заходясь от хохота, закричал он, — кто поверит, что я все еще жажду ее потасканной шкуры? Вы посмотрите на меня, а потом на нее!

— Мы смотрим на вас, — серьезным тоном ответил Николя, — и видим преступника, против которого имеется множество улик.

— Я не преступник, а жертва! — неожиданно заорал Камине. — Жертва! Этот Мурю постоянно доставал меня своими советами, постоянно поучал меня!

— Жертва кого или чего?

— …Жертва… он ударил меня!

— Кто? Мурю? Расскажите нам.

— Я был в одной гостинице, ну, с той, старухой…

— Если для вас она старуха, зачем вы с ней встречаетесь? Ваша интрижка превосходит мое понимание!

— Из-за денег, она не могла мне ни в чем отказать. В общем, я был в гостинице…

— Весьма своеобразная гостиница.

Камине в ужасе смотрел на комиссара. Откуда он мог об этом знать?

— Я спустился вниз раздобыть бутылку вина. И увидел Мурю, вместе с другими. Он узнал меня. Я быстро сообразил, какую выгоду можно извлечь из этой встречи. Мне давно хотелось порвать с ним и покинуть улицу Монмартр. Не раскрывая Селесте своих планов, я предупредил ее и, спустившись вниз, выскочил на улицу Де-Пон-Сен-Совер. Я не ошибся: он ждал меня. Ну, я все ему и выложил, булочнику, значит. Он почему-то хотел удержать меня, даже ударил. От этого удара я упал и потерял сознание. А когда начался дождь, пришел в себя и убежал. Так что это я жертва.

— Прекрасная сказка! Значит, будучи полностью свободным, ты сразу избрал своим пристанищем подпольный игорный дом.

— Я и раньше там бывал.

— Врешь, — произнес Бурдо. — Свидетель, которому у нас нет оснований не верить, утверждает обратное. Он никогда тебя там не видел, ты появился неожиданно, в три часа ночи, держа в руке бумажку с адресом. А случилось это в понедельник, 1 мая.

— Он морочит вам голову! Он мне за это еще заплатит!

— Прежде чем сводить счета с другими, хорошо бы расплатиться по своим!

— И еще одна деталь, — продолжил Бурдо, подмигивая комиссару. — Где ты взял деньги для бегства?

— У меня были небольшие сбережения.

— Черт побери! А все почему-то говорят, что ты транжира и что мэтр Мурю, хоть ты им и недоволен, постоянно подбрасывал тебе небольшие суммы. Впрочем, оказывается, зря.

С этими словами Бурдо водрузил на стол большой кожаный кошель, внутри которого что-то звякнуло.

— Найдено в каморке под лестницей на улице Муано. Господин комиссар, в этой сумке девятьсот ливров золотом. Вот уж, действительно, небольшие сбережения ученика! Добавлю,

что с той поры как этот господин обосновался на улице Муано, он скорее терял, нежели приобретал. Видимо, он настолько неловок, что девицы, с коими он имел дело, основательно его общипали. Говорят, по прибытии на улицу Муано капитал его равнялся двум тысячам ливров.

— Черт возьми, — воскликнул Николя, — неплохая сумма! Жду твоих объяснений. Откуда у тебя такие деньги?

— От госпожи Мурю.

Бурдо достал из кармана кольцо, серьги и ожерелье.

— Опять ложь. Вот драгоценности, которые она тебе отдала: ты даже не пытался их продать.

Внезапно Николя осенило.

— Подобной щедростью обладает монах-капуцин, не так ли?

Реакция Камине превзошла ожидания комиссара. Он завертел головой во все стороны, словно пытаясь найти выход, заломил руки, а потом, согнувшись в три погибели, разрыдался.

— Мне кажется, пора рассказать нам правду.

— Этот монах… он остановил меня на улице.

— Где и когда?

— За несколько дней до моего бегства, возле церкви Сент-Эсташ. Он предложил мне сделку. Я должен был назначить Селесте свидание в воскресенье вечером, в доме Гурдан, и в урочное время выйти на лестницу, где меня непременно должен был заметить Мурю. Монах сказал, что меня предупредят, когда надо выходить. Я давно хотел расстаться со своей любовницей и жить самостоятельно. Монах вручил мне кошелек, вернее, показал, пообещав, что если все пройдет, как ему надо, он отдаст его мне.

— Думаю, это еще не все.

— Еще я должен был поссориться с мэтром, оскорбить его и довести до белого каления, чтобы он меня ударил. После надо было упасть на мостовую и притвориться мертвым. Я так и сделал. Я услышал, как Мурю увели. Потом капуцин вернулся и, склонившись надо мной, принялся меня осматривать, а пока осматривал, незаметно сунул мне в карман кошелек и бумажку с адресом дома на улице Муано.

— Похоже на правду, — произнес Николя. — Но почему ты пришел в этот дом так поздно?

— Я заблудился. Пошел дождь, и я испугался.

— Придется проверить. Насколько нам известно, именно в это время твой хозяин был убит. Судя по твоему рассказу, ты вполне мог успеть вернуться на улицу Монмартр, открыть своим ключом булочную и там убить хозяина с помощью той штучки, что дал тебе капуцин, или еще как-нибудь. Разве не таков подлинный конец твоей истории? Или ты хочешь сказать, что не знал, что в случае смерти Мурю ты становишься его наследником? Не знал, что булочник был не только твоим мастером, обучавшим тебя ремеслу, но и твоим отцом?

Камине непонимающим взором смотрел на Николя.

— Моим отцом?

— Да, твоим отцом.

Ученика булочника отвели в камеру, однако стены старинной крепости еще долго оглашали его горестные вопли.

— Виновный, сообщник или жертва? Вскоре мы это узнаем, — задумчиво промолвил Николя.

Глава XII
ТИСКИ

Если ты в начале пути не позаботился о своей карьере, то, ступив на иной путь, тебе уже не удастся снискать успеха.

Масийон

С воскресенья 7 мая до пятницы 12 мая 1775 года

В воскресенье все обитатели дома на улице Монмартр во главе с Ноблекуром отправились к обедне в церковь Сент-Эсташ. Луи удостоился чести нести копилку за сборщиком пожертвований. Став вождем, Наганда, воспитанный в христианской вере, сумел примирить ее с верованиями своего народа; обе религии прекрасно уживались в его душе. Вид его сначала испугал паству, но страх быстро сменился почтительным любопытством. В этот раз священник присовокупил к проповеди чрезвычайное послание Людовика XVI: в связи с недавними волнениями монарх обращался ко всем епископам королевства: «Полагаю, вам известно, что шайки разбойников разграбили селения вокруг столицы, уничтожив имевшиеся там запасы зерна. Злодейства докатились и до Версаля, где случились у нас на глазах. Мы не исключаем, что беспорядки и грабежи грозят и иным провинциям нашего королевства. Если мятежники приблизятся к вашему диоцезу, или, хуже того, объявятся в нем, я уверен, что вы выставите против них все мыслимые заслоны, кои рвение ваше, ваша преданность моей персоне, а также святая религия, служителями коей вы являетесь, смогут вам подсказать. И Евангелие, и государство велят нам блюсти общественный порядок, и все, кто осмеливается нарушать его, являются преступниками согласно законам Божеским и мирским».

— Подобное послание не может являться руководством к действию. Текст слишком многословен, мудрен и косноязычен. Попытки генерального контролера выстроить оборону превращаются в наступательное оружие против него самого, — шепнул Ноблекур на ухо Николя.

В честь приезда Наганды решили устроить вылазку за город. Возле церкви их уже ждали фиакры, в одном из которых сидел Семакгюс; уподобившись Фернейскому отшельнику, он уважал Господа, однако избегал наносить Ему визиты. Компания двинулась в направлении заставы Бас Куртиль де Поршерон, где находился знаменитый трактир Рампонно «Королевский барабан». Друзья хотели познакомить индейца микмака с простыми радостями парижан.

Пригнув головы, они преодолели три ступеньки и спустились в прямоугольный зал. Катрина и Марион с завистью поглядывали на сооруженный в кухне величественный камин, огромную плиту и несколько медных источников для фильтрования воды. Почти все места на скамьях, приставленных к большим столам, занимали посетители, отчего в зале царил неумолчный шум. Краснолицый приземистый хозяин заведения, с виду напоминавший упитанного Силена[60], встретил их радостной улыбкой и проводил за стол, расположенный на небольшом возвышении, откуда был прекрасно виден весь зал. Хозяин сразу узнал Николя: ему не раз приходилось иметь с ним дело. Луи развлекался, разбирая надписи на стенах: «Главное — чувствовать себя непринужденно. Камарго. Настроение отличное. Кредит сдох. *Bonum vinum laetificat cor hominis*: доброе вино радует сердце. *Gallus cantavit*: петух пропел. Доктор и Полишинель». Особенно всех развеселил рисунок, изображавший Рампонно, сидящего на бочке.

Простая еда, подававшаяся в погребке, успела прославиться на весь Париж. Желая на время позабыть о придворных манерах, сильные мира сего не брезговали инкогнито захаживать к Рампонно. При содействии Авы, также приглашенной на пиршество, Семакгюс заказал трапезу. Они попробовали жареную рыбу, дичь на вертеле и фрикасе из кролика в белом вине; к кролику подавался салат из зелени: мелко нарезанные салатный цикорий, лук-татарка и кервель, с добавлением зубчика чеснока, крутого яйца и нескольких ломтиков сала. Довольный Семакгюс заявил, что фрикасе приготовлено «как надо», ибо в нем, помимо крольчатины, наличествуют кусочки молодого угря, предварительно обжаренного в сливочном масле с грибами и маленькими луковичками. Чтобы угорь не разваливался, обжаривать его

следовало очень быстро. Крольчатину же, залитую смесью взятых в должных пропорциях белого вина и бульона, томили до тех пор, пока не выпарилась примерно треть всей жидкости. К трапезе подали слабенькое вино из Сюрена. Завершилось пиршество блюдом сухих пирожных-колечек, лепешек, жаренных в масле и обсыпанных сахаром, сухариков и прочей выпечки, кофе и рюмочкой улучшающей пищеварение настойки, достойной даже ангелов. Возле заведения народ устроил шумные танцы под визгливое пиликанье скрипки. Господин де Ноблекур, которому корабельный хирург дозволил попробовать всех блюд понемногу, решил вспомнить молодость и, попросив инструмент, принялся, отбивая ногой такт, наигрывать неаполитанскую песенку. Толпа пришла в восторг, и число танцующих немедленно увеличилось. Неаполитанскую мелодию сменила зажигательная фарандола, и сотня, а может, и все три сотни посетителей Рампонно, взявшись за руки, лихо заплясали, весело скача между столами и попирая ногами тех, кто успел свалиться на пол от излишних возлияний.

В последующие дни обнаружился целый ряд интересных фактов, продвинувших расследование далеко вперед. Победоносно завершив битву с нотариусами, Бурдо сообщил Николя, что дом Энефьянса по улице Пуарье после предполагаемой смерти каторжника по решению суда выставили на торги и его приобрел некий Матиссе, бывший торговец зерном, весьма известный в своих кругах. Он же купил и дом напротив. Услышав имя Матиссе, Николя так и подскочил и тотчас принялся сверяться с записями. Это имя упоминал Ленуар в связи со слухами о «пакте голода», а Лепрево де Бомон назвал зерноторговца одним из главных заговорщиков и спекулянтов. Когда же Бурдо добавил, что нотариус нехотя признался, что оба приобретения совершены с «небольшими нарушениями» и с выгодой для некоего известного лица, имя которого он назвать отказался, фигура Матиссе показалась еще более любопытной.

Посланные Николя осведомители и агенты за два дня не только выследили это известное лицо, но и донесли о его многочисленных встречах с аббатом Жоржелем. Матиссе же, похоже, выпроводили из квартала Тампль. Видимо, принимая во внимание развитие событий, принц де Конти решил разорвать связи, переставшие приносить ему пользу.

Долгие пешие прогулки по саду Тюильри помогли Николя выстроить логический порядок всех его версий. Если Энефьянс не погиб во время побега, говорил он себе, следовательно, он жив. Тогда где он мог появиться? Очевидно, он хотел отомстить предавшему его Мурю. Но, возвращаясь к Мурю, можно ли утверждать, что предатель по-прежнему занимал достойное место среди заговорщиков и принимал участие в тайных собраниях? Может, заговорщики считали, что так за ним легче следить? Может, он чувствовал нависшую над ним угрозу? Какой вывод напрашивается из противоречивых предположений? Вспомнил об уроках своих учителей-иезуитов, и в памяти всплыли слова Декарта, ученика такого же иезуитского коллежа в Ла Флеше: «Человеческий ум настолько гибок, что даже ошибается двумя способами: либо додумывая, либо, наоборот, забывая». И он решил вновь перебрать все детали обоих, без сомнения, связанных между собой, дел.

Прежде всего, следовало найти того, кто смог бы подтвердить показания Камине. В связи с этим мысль его вновь вернулась к загадочному капуцину. Интересно, он действительно уговорил ученика булочника сыграть комедию, пообещав ему кругленькую сумму? Или… В любом случае этот тип заранее изучил мизансцену, знал привычки и порядки в доме Мурю и даже скрытую от праздных взоров изнанку тамошней жизни. Участие булочника в тайном собрании у Гурдан у него сомнений не вызывало, но вот дальнейшие действия… Кто склонился над притворщиком Камине, кого видели Фриоп и Парно? Пока он мог только предполагать…

От кого капуцин узнал тайны булочника и его окружения? От двух подмастерьев? Интуиция отказывалась этому верить. От госпожи Мурю? Возможно. От Камине? Когда монах познакомился с учеником, он знал о нем все. Внезапно он вспомнил о Бабен, злоязыкой кумушке, подмечавшей каждую мелочь в личной жизни ее хозяев, и, не откладывая, отправился к ней. Визит оказался плодотворным: несмотря на упорное сопротивление, ему удалось вытянуть из кумушки правду. Действительно, как-то раз, когда она возвращалась с

улицы Монторгей, к ней прицепился какой-то тип. Нет, точной даты она не помнит. Да, он назойливо расспрашивал ее. Да, она рассказала ему обо всем, о чем он спрашивал. Потому что он заплатил ей столько, сколько ей за всю жизнь у Мурю не заработать. Так что теперь, когда она совсем состарится, у нее есть на что жить. Ей никогда не хотелось завершить дни свои в приюте с казенным супом. И она оказалась права, потому что булочник умер. Да и как она могла отказать человеку, коли она давно его знает? Несколько лет назад мэтр Мурю вел дела с мэтром Матиссе. Она ему все подробно рассказала, и об одних, и о других. Почему? Да все потому, что демон, живущий у нее в языке, заставлял ее вспоминать все новые и новые подробности. Нет, ей даже в голову не пришло поинтересоваться, зачем ему это нужно. Так, постепенно вырезанные из плотной бумаги частички головоломки[61] выстраивались в нужной последовательности. И чем больше он размышлял над ними, тем отчетливее виделся ему грозный размах заговоров, наложившихся друг на друга, словно черепицы на крыше.

Ожидая возвращения Рабуина из Лорьяна, Николя проводил время вместе с Луи и Нагандой. Его индейский друг сообщил, что женился и у него родился сын. В эти драгоценные минуты счастья Николя казалось, что время остановилось. Они посещали столичные парки, места для гуляний, променировали по Арсенальной аллее, обсаженной с обеих сторон четырьмя рядами деревьев. В конце аллеи молодые люди ловко и энергично гоняли деревянные шары, пытаясь закатить их в маленькие сквозные железные воротца, вкопанные в землю возле защищенных досками посадок. С террасы Тюильри они любовались видом на Пале-Бурбон и Кур-ла-Рен, побывали в Шайо, где молодая художница, чье имя постепенно становилось на слуху, выставляла портреты кардинала Флери и Лабрюйера, предназначенные для Французской академии. Художницу звали Луиза Элизабет Виже. Завороженная лицом индейца, она набросала его портрет и, расцветив его гуашевыми красками, подарила индейцу, чем привела его в полнейший восторг. Прогулки по Парижу привели их в особняк, где на всеобщее обозрение выставили экипажи и королевскую карету для коронования, драгоценности, алмазную корону, золотую утварь, подаренную кардиналом Ришелье в 1636 году, предметы, потребные для коронования, сделанные по заказу Франциска I, а также вышивки и картины, выполненные по рисункам Рафаэля из Урбино. Наконец, помня о поступлении Луи в школу пажей, они одели его с головы до ног у лучших поставщиков.

Утром 11 мая время возобновило свой бег. Служитель полицейского управления, чей возраст не поддавался определению, прибыл на улицу Монмартр и передал комиссару Ле Флоку приказ начальника полиции Альбера. Господин Ле Флок, в облачении и мантии магистрата, в парике и с жезлом из слоновой кости — в этих маниакальных уточнениях Николя увидел проявление мелочного характера своего нового начальника — обязан присутствовать при казни осужденных мятежников, схваченных 3 мая. Собираясь, Николя спросил служителя, кто же попал в число виновников мятежа. Смертных приговора вынесли только два: Жану Депорту, парикмахеру, и Жану Шарлю Легийу, ткачу; их арестовали с поличным во время разбоя и грабежей и передали в руки правосудия. Таким образом власти хотели успокоить буржуа и ремесленников, бурно переживавших ущерб, при-чиненный им возбужденной толпой; Николя с ужасом осознал, что чернила на приговоре еще не успели высохнуть, как уже назначен день казни.

Улицы заполняли войска. Чем ближе Николя подходил ко Гревской площади, тем солдат становилось больше. Блестели штыки, ездили патрули конных драгун. Перед зданием ратуши высились две непривычно высокие виселицы; как объяснил ему с суровым видом посыльный, конструкция отвечала требованиям нового начальника полиции, пожелавшего, чтобы казнь видели отовсюду; мрачное зрелище должно было обескуражить возможных бунтовщиков и пресечь на корню попытки нового мятежа. Гвардия конная и пешая, выстроенная по ходу следования преступников, направляла движение толпы в единое русло. Солдаты двойным кольцом оцепили Гревскую площадь, одни стояли лицом к зрителям, другие — к виселицам. Николя вышел из экипажа и, подобрав полы мантии, направился к группе магистратов. Сансон

в алом парадном костюме палача издалека приветствовал его едва заметной мрачной улыбкой. Николя сообразил, что впервые видит Сансона при исполнении служебных обязанностей. Когда привели осужденных, по толпе пробежал глухой ропот, в котором не прозвучало ни жалости, ни призыва к мести. Оба приговоренных изо всех сил кричали о несправедливости королевского правосудия и утверждали, что гибнут за народ. До самого подножия эшафота они кричали о своей невиновности, потом все пошло на удивление быстро. Николя закрыл глаза: глухой звук двух падающих подставок резким толчком отозвался в его собственном теле. Над собравшейся толпой повисла тишина. Постепенно, в гробовом молчании, угрюмая толпа начала расходиться. На обратном пути он слышал разные речи. В основном народ жалел казненных, принесенных в жертву спокойствию общества и истинным виновникам волнений, «тех, к которым отнеслись с необъяснимым снисхождением». Удрученный, он подумал, что тех, чьи тайные происки явились подлинной причиной мятежей, рука правосудия не достанет никогда. Вечером он отправился в Версаль, где, отчитавшись де Ла Врийеру о том, как прошел день, ему пришлось стать слушателем безудержных излияний герцога. Отходя ко сну, доверительно говорил Ла Врийер Николя, король сожалел о гибели осужденных и велел господину Тюрго «не трогать людей, обманом вовлеченных в мятеж, а заняться поимкой главарей».

Пятница, 12 мая 1775 года

Утром в доме на улице Монмартр появился утомленный и покрытый грязью Рабуин. Достав из-за пазухи помятую бумагу, он протянул ее Николя. Прочитав бумагу, Николя немедленно послал за экипажем и повез агента в Шатле. Позаботиться о лошади поручили Луи, напомнив, что, когда она отдохнет, ее надобно отвести в конюшни в Мессажери. В дежурную часть Шатле срочно вызвали Бурдо. После короткого разговора с Николя инспектор отбыл, снабженный четкими инструкциями, а комиссар нанял экипаж и отправился в Версаль, куда он прибыл ближе к полудню.

Распахивая все двери и нарушая все правила этикета, он прервал аудиенцию Вержена и, перехватив Сартина, собиравшегося ехать в Париж, едва ли не силой потащил его к министру Королевского дома. Там он заявил, что желает сообщить нечто важное, для чего необходимо как можно скорее собрать совет. Прибывшее послание от Вержена оказалось весьма своевременным, ибо говорило в поддержку его требования.

Вернувшись к вечеру в Париж, он встретился с Ленуаром и, получив от него приглашение на семейный ужин, в свою очередь передал ему приглашение на совет с участием Сартина, назначенный на завтра в особняке Сен-Флорантен. Принимая во внимание решающую роль шевалье де Ластира в поимке Камине, шевалье также получил приглашение. Польщенный вниманием стольких высокопоставленных персон, Ленуар спросил о своем преемнике. Согласно приказу герцога де Ла Врийера, нынешний начальник остался в стороне от дела, начатого до его вступления в должность. Ленуар улыбнулся; подобный предлог изящно маскировал отстранение бестолкового и считавшегося креатурой Тюрго начальника от рассмотрения деликатного дела, затрагивавшего не только интересы частных лиц, но и безопасность государства и трона.

Суббота, 13 мая 1775 года

Ранним утром на улицу Монмартр прибыл Бурдо. Поднявшись к Николя, он долго отчитывался об исполненных поручениях. Получив новые инструкции, он спешно отбыл, обремененный советами, в частности, как, в случае необходимости, организовать перевозку некоторых подозреваемых в особняк Сен-Флорантен. Самому инспектору предстояло прибыть в указанное место ровно в одиннадцать часов. Поговорив с сыном, ожидавшим Наганду и Семакгюса, чтобы вместе с ними отправиться в Королевский ботанический сад посмотреть на

знаменитую кобру, Николя вышел из дома, дошел до улицы Сент-Оноре, а оттуда до площади Людовика XV. Если бы кто-нибудь наблюдал его в те минуты, он бы заметил, как губы его шевелились, словно он рассказывал самому себе выученный наизусть урок или текст данной ему роли. В действительности же, приободряя себя ритмичным шагом, он выстраивал аргументы, необходимые для убеждения сдержанной и недоверчивой аудитории. Несколько отсутствовавших деталей он надеялся обрести во время дебатов, которые непременно вызовут его догадки.

Удивленный Прованс, не привыкший к столь резкому нарушению привычного покоя особняка, встретил Николя со всеми подобающими почестями: он помнил, что именно комиссар в свое время снял с его господина страшное обвинение.[62] Поднимаясь по большой лестнице, Николя взглянул на большое живописное полотно «Благоразумие и Сила», и ему показалось, что персонажи его взирают на него с усмешкой. Неужели судьба намеревалась оставить его в дураках? Ведь сегодня ему наверняка понадобятся и благоразумие, и сила.

В рабочем кабинете министра, как обычно, царил полумрак, а в огромном камине из крапчатого мрамора гудел адский огонь. Хозяин дома, Сартин и Ленуар переговаривались вполголоса. Николя церемонно поклонился, приветствуя собравшихся, а затем подошел к Ла Врийеру и что-то сказал ему на ухо, старательно делая вид, что не замечает гневного вопрошающего взгляда Сартина. Министр кивнул. Николя позвонил, вошел Прованс и, получив от комиссара инструкции, вышел. За несколько секунд до одиннадцати в форме подполковника, в парике и без повязки на голове появился шевалье де Ластир. С любезной улыбкой шагнув ему навстречу, министр морского флота представил его герцогу и Ленуару.

— Вот один из достойнейших служителей созданной мною службы, цель которой вам прекрасно известна.

— Значит, все в сборе, — промолвил Ла Врийер, — и можно начинать. Господин маркиз, мы вас слушаем.

Вряд ли можно было с большей элегантностью обозначить, что заседание секретное и при этом подчеркнуть уважение, кое министр питал к комиссару. Подобное начало необычайно приободрило Николя.

— Господа, вы пожелали доверить мне миссию в Вене; поводом для поездки стала необходимость сопроводить бюст королевы, подаренный ее величеством ее августейшей матери, а истинной причиной — необходимость разобраться в некоторых обстоятельствах, способствовавших проникновению Австрии в тайны нашей дипломатической переписки. Я не мог себе представить, что выполнение этой миссии приведет меня в Париж, причем окольным путем, через обычное бытовое преступление, оказавшееся связанным — а сегодня у меня есть тому доказательства — с недавно пережитыми нами событиями.

— Через муку, я полагаю? — спросил Сартин с той иронией, от которой он редко мог удержаться.

— Что такое, что такое! — проскрипел Ла Врийер. — Если мы с самого начала будем прерывать докладчика, мы никогда не доберемся до конца! Продолжайте, прошу вас.

— Волнения в королевстве, заказной характер мятежей и противоречивые действия мятежников изначально побуждали подозревать наличие заговора или, по крайней мере, некоего тайного организатора, умело воспользовавшегося беспорядками и направившего их в нужное ему русло. Любая иная гипотеза не только ставит нас перед пугающими перспективами, но и говорит о наличии злой воли, умышляющей против трона, каковой умысел ни разум, ни чувства принять не могут.

— Однако мы удалились от Вены, — нарушая собственное предписание, заметил Ла Врийер.

— Напротив, сударь, мы туда вернемся. В моем распоряжении имеется несколько непреложных фактов. С одной стороны, то ли из бахвальства, то ли по наивности, аббат Жоржель…

— Наивности? Аббат Жоржель? Кому вы это говорите! — воскликнул Сартин.

— …секретарь посланника короля принца Рогана стал инструментом австрийских секретных служб; через него под видом секретных материалов они передавали нам никому не нужные и ничего не значащие сведения. Сложившиеся обстоятельства устраивали аббата, находившего в них выгоду для себя и своих парижских друзей, что серьезно компрометировало достижения дипломатических служб королевства. Покушение на меня, после которого я остался жив только благодаря вмешательству шевалье де Ластира…

Шевалье поклонился.

— …и обнаружение обрывков политической переписки Жоржеля, свидетельствовавшей, что в скором будущем следует ожидать неприятностей, позволяло говорить о заговоре, тайном сговоре между австрийцами и группой заговорщиков, делавших все, чтобы погубить меня или, по крайней мере, удержать подольше в Вене. Итак, что я обнаружил? Разумеется, истину! Теперь мне придется вспомнить наше возвращение в Париж, равно как и последствия непостижимых событий, связь которых между собой — и я в этом уверен — обусловлена весьма вескими причинами.

Он встал и медленно обошел кабинет, не отрывая взгляда от трех вершителей власти.

— Едва проехав парижские заставы, я узнал, что мой сын исчез, сбитый с толку неким капуцином, вручившим ему письмо, якобы написанное мною. Только счастливое стечение обстоятельств помешало мальчику отправиться в Лондон. Узнав о пропаже сына, я отправился его искать… Тут случилась смерть мэтра Мурю, булочника, снимавшего помещение на улице Монмартр, в доме господина де Ноблекура, где живу я сам. Став выяснять причины смерти булочника в собственной пекарне, я столкнулся с большим числом улик, убедивших меня, что речь идет не о естественной смерти, а об убийстве. Орудием преступления стал яд, однако способ его введения, оставивший на руке крохотную ранку, оказался крайне необычным. Я сосредоточил свое внимание на этом деле, в ущерб наблюдению за нараставшими волнениями, о чем я, впрочем, постоянно докладывал.

И он в упор посмотрел на Сартина; бывший начальник полиции ответил устремленным на него немигающим взглядом. Ленуар опустил голову. Ла Врийер, от которого ничего не ускользало, поочередно переводил взор с одного на другого.

— Итак, избавлю вас от подробностей.

— Да, избавьте, — закивал Сартин, — давайте к делу.

— Придется сказать несколько слов о жертве. Сей булочник занимался не только изготовлением булок, но и скупкой зерна и муки. Подозреваемый в принадлежности к тайной сети негоциантов…

Ленуар кашлянул.

— …создателя которой, некоего Матиссе, молва обвиняет в организации так называемого «пакта голода». Вам это имя знакомо, поэтому не будем на нем задерживаться.

— Отвратительная и гнусная клевета, — проговорил Ла Врийер.

— В свое время интересы булочника Мурю пришли в столкновение с интересами одного из заговорщиков, и Мурю донес на неугодного ему собрата. Жертву доноса, некоего Энефьянса, отправили на каторгу в Брест, откуда он сбежал. Предполагают, хотя и бездоказательно, что он утонул в море. Мурю мог действовать с согласия других заговорщиков, но, возможно, у него имелись и личные причины ненавидеть Энефьянса; как бы то ни было, сам он в этом деле не пострадал. Однако отметим, что недавно Мурю сам пошел наперекор заговорщикам, не решившись поднять цену на хлеб, — то ли потому, что испугался угроз, то

ли желая подождать, когда нехватка хлеба ощутится еще сильнее, а, значит, цена поднимется многократно даже по сравнению с новой ценой. Для полноты картины скажу, что у булочника имеется внебрачный сын, которого он выдавал за ученика; делая вид, что оплачивает его обучение, он на самом деле потакал всем его капризам и составил на его имя завещание. Как вы понимаете, жильцы улицы Монмартр не имеют оснований желать смерти булочнику!

— А что выигрывает общество, к которому принадлежал этот булочник, от его смерти?

— Скорее всего, он на свой страх и риск отказался платить взносы в общую кассу. В таком случае его смерть могла послужить примером и заставить задуматься тех, кто тоже захотел бы действовать самостоятельно.

— Как можно утверждать, что тайное и могущественное общество не сумело найти иных средств принудить какого-то булочника соблюдать надлежащие правила? Мне кажется, мы обсуждаем факт, ничем не подтвержденный! — воскликнул Сартин.

— Но, сударь, я ни разу не сказал, что именно общество несет ответственность за гибель Мурю, хотя он, без сомнения, умер насильственной смертью. Я ответил господину Ленуару, а теперь завершаю свою мысль: смерть булочника служит интересам данного общества.

— Продолжайте, продолжайте, а то мы снова отклонились.

— Поговорим немного о жене Мурю. Из-за не покидающего ее сознания мезальянса она превратилась в весьма язвительную особу. Неожиданно у нее появился шанс начать все сначала с другим человеком, моложе ее на много лет. Поэтому мысль избавиться от мужа вполне могла ее посетить. Была ли она сообщницей убийцы или мы должны считать ее невиновной, так как в ночь смерти Мурю она находилась в объятиях Камине, ученика и внебрачного сына Мурю?

— А что из себя представляет этот сын? — спросил Ленуар.

— Дурной тип. Знал ли он о своем родстве с булочником? Знал ли о завещании, составленном в его пользу? Об этом знали другие, и они могли сообщить ему. Сам он — игрок, шулер, волокита и мот. Все эти качества ставят его в число подозреваемых. Виновен ли он? Сообщник ли? Кто знает! Перейдем к двум подмастерьям, Парно и Фриоп. Второй — переодетая девушка, более того, беременная от своего напарника. Камине проник в их тайну и стал их шантажировать. Они оказались в положении, когда им со всех сторон грозила опасность. Если бы Камине разоблачил их, Мурю бы выгнал их, и они бы оказались на улице без источника существования. Так что исчезновение хозяина их тоже устраивает. Имеется еще служанка по имени Бабен; она так сильно ненавидит хозяйку, что готова на все, лишь бы ту обвинили в убийстве и осудили.

— Ну а вы сами, господин маркиз, что думаете об этом деле? — спросил Ла Врийер.

— Сейчас я сообщу свое главное умозаключение. Способ, которым убит булочник, предполагает столь сложные приготовления, что ни один из названных мною лиц не может быть единственным виновником убийства. Я не говорю, что они невиновны, я лишь утверждаю, что убийца должен был иметь сообщника.

— Снова одно из тех странных орудий, что вечно всплывают у вас в расследованиях, — сварливо вымолвил Сартин.

Николя подумал, что отставка Ленуара и обвинения, выдвинутые против него Тюрго, затронули Сартина за живое и отразились на его характере не в лучшую сторону. Герцог де Ла Врийер нервно поглаживал свою серебряную руку, свидетельство недавней драмы.[63]

— Вы не ошиблись, сударь. На этот раз речь идет о гамадриаде, азиатской королевской кобре, грозном аспиде, обладающем смертельным ядом.

Трое высокопоставленных чиновников в изумлении переглянулись.

— Но, полагаю, это был несчастный случай? — спросил Сартин, первым оправившийся от изумления.

— Нет, это убийство, причем одно из самых дьявольских! Сейчас объясню. Чтобы вызвать гибель человека, достаточно собрать яд кобры и через любую царапину ввести его в кровь жертвы. Благодаря внимательности доктора Семакгюса во время вскрытия тела булочника на ладони была замечена небольшая царапина. Собственно, все дело в умении. Предприняв необходимые предосторожности, надев кожаные сапоги и перчатки, вы хватаете змею за голову и заставляете ее кусать край чаши, прикрытый бумагой. Яд стекает в чашу. Затем все просто, для убийства достаточно одного рукопожатия; вы, разумеется, при этом остаетесь в перчатках. Крошечный стеклянный флакончик, наполненный смертоносной жидкостью, лопается, осколки царапают кожу, и яд проникает…

— Но… флакон? — спросил Сартин, явно с трудом успевавший следовать за рассказом Николя.

— Валялся на полу в булочной; я, не заметив, наступил на него, а потом собрал осколки. Я долго не понимал смысл этой находки и только недавно с помощью доктора Семакгюса смог правильно ее оценить.

— Но змея? — спросил все еще немногословный Сартин.

— Вы можете полюбоваться на нее в Королевском ботаническом саду, куда ее поместил наш хирург, дабы иметь возможность изучить ее повадки.

— Хорошо, хорошо, — произнес Ла Врийер. — Раз вы нашли змею, значит, я делаю вывод, что вы нашли и убийцу.

— Разумеется, — улыбнувшись, ответил Николя, — после множества ошибок. Мне очень помогли кролики!

Вскочив с места, Сартин по привычке заходил по кабинету.

— Господин комиссар, вы смеетесь над нами?

— Быть может, вы дадите ему возможность договорить? — кротко промолвил Ленуар. — Пусть все объяснит, мы для этого здесь и собрались.

— Использование аспида предполагает утонченную изощренность преступника, заранее задумавшего свое преступление. И предполагает приобретение данного вида змеи там, где она водится. А еще необходимо иметь возможность сохранить живым этот опасный вид, то есть поддерживать ту температуру, к которой он привык, иначе говоря, создать ему климатические условия его родных мест. И, наконец, господа, напомню, что кобра питается исключительно живыми существами, что и объясняет присутствие кроликов.

— Какой ужас! — воскликнул шевалье де Ластир. — И как же вы об этом догадались?

— Странная история, в которой случай объединился с интуицией. Я попытаюсь объяснить вам все как можно короче и по возможности точно. Вернемся немного назад по времени, чтобы яснее увидеть настоящее. Энефьянса без суда и вынесения приговора отправили на каторгу в Брест. То есть он просто исчез, как исчезают многие заключенные…

Господин Ленуар выразительно кашлянул.

— …Честно говоря, мы не знаем, в чем, собственно, обвинил его Мурю. Возможно, Энефьянс задел интересы кого-то из высокопоставленных особ, отчего и удар, нанесенный ему, оказался столь суров. В Бресте, насколько нам известно, его ценили за ум и сообразительность. Там же он выучил бретонский, непременное условие успеха задуманного побега. Я не думаю, что он решился бежать морем. Найденная лодка — всего лишь средство отвлечь внимание от своей персоны и имитировать собственную смерть. Полагаю, он по суше добрался до Лорьяна или Порт-Луи и там сел на корабль, отходивший в Ост-Индию. Где он высадился? Что с ним стало? Кто знает… Однако мы уверены, что он вернулся во Францию, и кобра является тому подтверждением. По возвращении он либо сумел оправдаться, либо его арест был произведен в интересах вышеназванного общества, членом которого он вновь стал по возвращении.

— Но под каким видом, под каким именем? — спросил Ленуар.

Закрыв глаза, Николя немного помолчал.

— В этом-то все и дело! Готов держать пари, он не раз надевал рясу капуцина… Он узнает адрес своего врага и хочет наказать его и отомстить. Для выяснения подноготной семьи Мурю он использует Матиссе. Бабен, служанка в доме Мурю, с удовольствием посвящает Матиссе в семейные неурядицы хозяев. Наступает ночь с 30 апреля на 1 мая. В доме Гурдан на улице Де-Пон-Сен-Совер собираются Мурю, его жена, Камине и некто третий, которым, скорее всего, является сам Энефьянс…

— Довольно предположений, — оборвал его Сартин, — переходите…

— Давайте, давайте, к фактам!

— Камине, подкупленный этим третьим, настроен против булочника. Мурю поджидает ученика за дверью. Ученик выходит на улицу, далее крики, ссора, обмен ударами, и ученик, упав, притворяется, что ударился головой о камень. Появляется третий и объявляет, что Камине мертв. Он уводит Мурю, везет его на улицу Монмартр и там, в пекарне, убивает булочника. Предвижу ваши замечания: почему он не избрал более простое оружие? Отвечу: убийца хотел, чтобы его жертву считали умершей от остановки сердца. Не исключено, что он предусмотрел и версию с ядом: в отчаянии, что убил собственного сына, булочник принял сильнодействующий яд. Если бы, на несчастье убийцы, у нас не оказалось врача, жившего в тех краях, где водятся кобры… Добавлю, что…

— Довольно, Николя, — заявил Сартин. — Слушая вас, начинаешь верить, что вы лично присутствовали при каждой сцене, которую вы столь лихо описываете.

— Мои слова основаны на показаниях нескольких свидетелей: Колетты, служанки Гурдан, а также учеников Фриоп и Парно, которых вы сами можете допросить, ибо они содержатся в камере в качестве подозреваемых.

— Почему вы уверены, что преступник и жертва отбыли в экипаже?

— Один из свидетелей слышал шум колес. Для меня же убедительным доказательством являются чистые туфли убитого Мурю: в тот вечер в Париже шел дождь, а вам прекрасно известно, какими становятся улицы нашего города после дождя.

— Но скажите, — остановил его Сартин, — почему Мурю не узнал Энефьянса?

— Я тоже задавал себе этот вопрос, сударь, и, кажется, нашел ответ. Если это действительно был Энефьянс, то похоже — хотя доказательств у меня и нет, — что Мурю не был с ним знаком, ибо вел дела главным образом с его отцом. Я почти уверен, что он не знал его в лицо. Но если я ошибаюсь, то десять лет ссылки, каторга и климат Индии также могли основательно изменить его внешность.

— Согласен, все вполне логично, но вы нам так и не сказали, каким образом вы вышли на след человека с коброй?

— Во время нашего визита к Гурдан мы обнаружили листок бумаги с именем Энефьянса; листок привел нас на улицу Пуарье. Предупрежденный, без сомнения, сводней Гурдан, человек, обитавший в тех краях, посмеялся над нами и, задав нам загадку, отправил нас от тех мест подальше. Но я успел обнаружить там весьма необычные улики. К моим сапогам прицепились змеиные чешуйки, учуяв которые, моя кошка повела себя угрожающе, подтвердив тем самым предположения доктора Семакгюса. К несчастью, неведомый обитатель дома бежал, и мы вновь потеряли его. Тогда он совершил первую ошибку, устроив за мной слежку. Но, как известно, наши агенты — самые лучшие агенты в мире.

Впервые за все время Сартин улыбнулся.

— Они его тотчас заметили и, в свою очередь, стали за ним следить. Тем временем, обеспокоенный моим интересом к архивам Ост-Индской компании, этот человек, увы, зверски расправился с тем, кто вызвался помочь мне отыскать сведения о кораблях, отбывавших на

Восток. Совершив убийство, он вырвал из рук своей жертвы, архивариуса Белома, листок из реестра; однако по остаткам листа, зажатым в руке убитого, мы сумели узнать то, что нас интересовало. Наши шпионы проследили за ним до самого дома на улице Вандом, вплотную примыкающего к ограде квартала Тампль…

Ленуар закашлялся еще более выразительно, а Ла Врийер заерзал в кресле.

— След оказался правильным. Капуцин угрожает мне, я стреляю, промахиваюсь, и он убегает. Обыскивая дом, я натыкаюсь на кобру, она нападает на меня, и только вмешательство Наганды спасает меня от ужасной смерти.

— Да, да, да, — произнес Ла Врийер, — это тот самый алгонкин, которого высоко ценил наш покойный король. Так он вернулся?

— Да, сударь; король пригласил его на коронацию в Реймс.

— Работа нашего несравненного полицейского, риск, которому он постоянно подвергается, заслуживают восхищения, — воскликнул Сартин. — Однако мы по-прежнему не знаем главного. Кто этот капуцин? Мы понимаем, что речь наверняка идет об Энефьянсе, но под каким именем он здесь? Надеюсь, вы его нашли? Его надо арестовать.

— Наконец-то мы встретимся с нашим неуловимым незнакомцем. Позвольте мне, господа, пригласить Бурдо, который передаст мне разъяснительные документы.

Не дожидаясь ответа герцога, Николя позвонил. Вошел инспектор и, протянув ему стопку бумаг, перевязанных голубой ленточкой, бесшумно исчез. Все взоры устремились на Николя.

— 1 июля 1775 года судно «Бурбоннез», принадлежавшее Ост-Индской компании, пришвартовалось в Лорьяне; на его борту прибыли военные, негоцианты и несколько священников из иностранной миссии. Я располагаю… — и он потряс стопкой документов, — списком пассажиров и описанием их вещей, ящиков и чемоданов. В бортовом журнале указано, что 30 апреля тело пятнадцатилетнего юнги Жака Легерена после отпевания опустили в море. Юнга скончался при загадочных обстоятельствах, и никто не сумел определить причины его смерти. Происшествие заинтересовало корабельного врача, и он подробно описал его в бортовом журнале. Согласно его описаниям получалось, что моряка укусила именно кобра, каким-то образом оказавшаяся на борту. Внимание мое привлекло также имя одного из пассажиров судна. Речь идет об офицере. Я посетил военную канцелярию на улице Сен-Доминик…

— И что же? — поинтересовался Сартин.

Николя заглянул в бумагу.

— Мы узнали, что сей офицер с 1770 года состоял на службе у Гайдара Али.

— Как, как? Мы такого не знаем.

— Гайдар Али, сударь, являлся генералом армии раджи Майсура, но потом он сверг раджу. С помощью французских офицеров он создал конфедерацию вождей маратхи, выступивших против англичан. Интересующий нас человек попал в засаду, все его товарищи были убиты. Спасся он один. Несколько лет он пробыл в плену, но потом ему удалось бежать и добраться до нашей фактории в Пондишери. Никто раньше его не видел, а следовательно, никто не мог его узнать. Он вернулся во Францию, где узнал, что его род угас. Я сумел найти медальон, где сохранился его портрет в молодости. А теперь я вам расскажу другую историю.

— Почему, почему? Этак мы совсем далеко уйдем!

— Эта история приведет нас во Францию. Один человек выдает себя за другого, узурпирует его имя, звания, титулы. Но хуже всего, что ему удается обрести поддержку и помощь целого круга людей, которые, пребывая в тени трона, потакают собственным амбициям и плетут заговоры, пользуясь неопытностью короля и возвращением парламентов. Круга, который безосновательно или нет, изо всех сил противится реформам генерального контролера. Ловкость позволяет нашему человеку занять место подле одного из министров, и

даже более того, место в одной из недавно созданных служб, предназначенной для противодействия проискам держав, ведущих политику, враждебную Франции. Когда этот круг узнает о моей миссии в Вене, он решает, что за мной необходимо проследить и воспрепятствовать моим поискам. Документ, обнаруженный у аббата Жоржеля, доказывал, что аббат вступил в переписку с этими лицами, а также состоял в сговоре с неким офицером, которого придали мне, чтобы, так сказать, защищать меня!

Сартин резко встал.

— Вы часто переходили границы, сударь, но теперь дерзость ваша стала нестерпимой! Ушам своим не верю! Вы полагаете, что я намеренно поместил шевалье де Ластира…

— Кто мог такое подумать, сударь? Как бы неприятно ни было, но вами, как и мной, злоупотребили и обоих сделали жертвами.

— Как это, как это? — воскликнул Ла Врийер. — Сударь, вы слышите, какие серьезные обвинения выдвинуты против вас? Что вы на это скажете?

Шевалье пожал плечами.

— А что я могу ответить на рассуждения безумца? Наверное, господин Ле Флок забыл, что я спас ему жизнь.

— Совершенно верно! — воскликнул Сартин. — Только что вы благодарили его за это.

— Истина, увы, выглядит несколько иначе. Я долго размышлял над тем нападением. Если шевалье спас меня, значит, постановка сцены требовала ввести меня в заблуждение.

— Доказательства! Доказательства!

— Пока лишь предположения, но доказательства не замедлят появиться. Нам придется снова вернуться назад. По пути из Парижа в Вену так называемый шевалье рассказывал о кампаниях, в которых он участвовал. Наверное, он упомянул Индию, скажете вы? Нет, он говорил только о сражениях в Германии. Но однажды в разгар беседы, когда он пытался вычислить курс обмена денежных единиц в Священной Римской империи, он заговорил об аннах, медных и серебряных монетах, имеющих хождение в Индии. И я прекрасно помню, как он заявил мне, что было время, когда он носил тюрбан. Тогда я решил, что он побывал с миссией при дворе великого султана. Кстати, как вы думаете, где я нашел медальон с портретом Энефьянса? В одном из сундуков, что стояли в доме на улице Вандом. И есть еще кое-что…

— Туман, дым! — небрежно бросил шевалье.

— Вы сами нашли верное слово! Трижды меня поразил необычный запах табака. В Вене, когда в трактире вы закурили трубку, в пекарне у Мурю и на улице Пуарье. Этим запахом пропахла вся наша почтовая карета. Уверен, когда австрийская полиция обыскивала наш багаж, вы считали, что туман скрыл вас. Вчера Рабуин, долго колебавшийся, потому что очень боялся ошибиться, сказал мне, что он тогда заметил вас. Он прав, ибо вы следовали за нами и сообщали о наших передвижениях преследователям. Вы полагаете, что напустили туману, когда предъявили моему сыну письмо, написанное якобы моей рукой? Действительно, он узнал мой почерк! Ведь я поручил вам отправить свои письма, что, без сомнения, позволило вам самому либо с чьей-то помощью подделать мой почерк.

— Может, вы еще усомнитесь в моем ранении? — закричал Ластир. — Вы что, не видели мою повязку?

— Конечно видел. Фальшивый тюрбан, найденный в доме на улице Вандом. Ранение, говорите? Сказка, чтобы оправдать ваше опоздание. Фальшивая повязка, фальшивое ранение, фальшивый капуцин и настоящие убийства Мурю, Белома и Николя Ле Флока; впрочем, к последнему судьба оказалась благосклонна.

— Одно лишь слово, и все ваши хитроумные построения рухнут. Кто-то, необычайно похожий на меня, использует мое имя. И я немедленно это докажу. Знайте, что в час, когда

убивали булочника, я с отчетом об уличных волнениях находился у господина де Сартина. Собственно, кто, скажите, выдал вам Камине? Разве преступник так поступил бы? Вы меня явно с кем-то путаете…

— Что ж, попробуйте это доказать!

—.. и докажу, сударь. А потом вы мне ответите, ибо ваши слова я расцениваю как оскорбление!

— Я к вашим услугам, если, конечно, король позволит мне скрестить шпагу с убийцей!

— Господа, — прервал перебранку Ла Врийер, — продолжим. Может ли шевалье сказать нам, где он находился в то время, когда было совершено преступление?

— Я сам сообщил об этом комиссару еще тогда, когда в моем поведении никто не смел усомниться.

— Хорошо, хорошо. Значит, вы были у господина де Сартина.

— Совершенно верно, — подтвердил министр морского флота. — Меня разбудили. И я его принял. Мне кажется, вы же и сообщили о его прибытии. Это было в ночь с 30 апреля на 1 мая, в половине первого, часы в моем кабинете только что пробили именно этот час.

— Убийца не мог оказаться у вас в особняке раньше двух часов ночи.

Николя лихорадочно размышлял. Внезапно ему вспомнились слова Ноблекура: «Когда стрелки останавливаются, маятник по-прежнему два раза в день показывает точное время».

— Кто доложил о приходе Ластира?

— Мой старый слуга. Вы его знаете.

— Ваш посетитель ожидал вас в кабинете?

— Да, но я не вижу…

— Следовательно, он имел доступ к вашим часам?

— Разумеется!

— Всегда ли они отбивают полчаса?

— Да, но я не понимаю, почему…

— А я прекрасно понимаю! И заявляю, что в тот ночной час один удар мог означать и половину первого, и час ночи, и половину второго. Мы никогда не узнаем, чей коварный палец остановил стрелки ваших часов. Впрочем, возможно, об этом знают слуги, те, кто обязан заводить часы. Уверен, они прольют свет истины на ваши часы.

Сартин, казалось, окаменел. Николя достал из кармана медальон, и тот закачался на цепочке. И тут события понеслись галопом. Рванувшись к Николя, Ластир одной рукой нанес ему удар в лицо, другой вырвал у него медальон, швырнул на пол, раздавил каблуком и выкинул покореженную вещицу в огонь. Все это произошло столь стремительно, что присутствующие не успели опомниться от изумления. Сартин пришел в себя первым, но едва он попытался встать, как шевалье, выхватив из-за пазухи пистолет, направил его на присутствующих и, держа всех под прицелом, выскочил в коридор, захлопнув за собой дверь.

— Не двигайтесь! — закричал Николя, вскакивая на ноги; из разбитого носа у него текла кровь. — Все меры приняты! Он от нас не уйдет!

Раздались глухие звуки, их сменила тишина, затем послышался шум голосов, следом за которым почти одновременно грянули два выстрела; и снова воцарилась тишина. Наконец дверь медленно отворилась, и пошатываясь, в кабинет вошел Бурдо. По виску его стекала тоненькая струйка крови. Не удержавшись на ногах, инспектор рухнул на стул. Комиссар бросился к нему.

— Он хотел выскочить в окно, а я пытался помешать ему. Он пригрозил мне пистолетом; мы выстрелили почти одновременно. Он промахнулся… ну, в общем, пуля слегка задела висок.

А моя пуля достигла цели, и он навзничь упал во двор. Однако негодяй оказался опасным противником!

— Правда, правда, — воскликнул Ла Врийер, — этот дом воистину проклят.

Все молчали; тем временем Николя, скинув фрак, оторвал рукав рубашки и, несмотря на смущение инспектора, принялся перевязывать ему голову. Ла Врийер сбегал к себе в комнату, где хранил запас вина, принес бутылку с ликером, наполнил два стаканчика зеленоватой жидкостью и протянул обоим сыщикам. Все сели.

— Еще один вопрос, Николя, — проговорил Ленуар. — Подозреваю, что медальон явился ловушкой, расставленной вами Ластиру, а точнее, Энефьянсу?

— Вы совершенно правы, сударь. Преступник не знал, что сей предмет, якобы найденный в сундуках, принадлежавших подлинному шевалье де Ластиру, не имеет к нему никакого отношения. В этой коробочке из меди и стекла ничего не было. Но я был уверен, что преступник непременно решит, что, роясь в вещах настоящего Ластира, которые тот перед отъездом с миссией к Гайдару Али, без сомнения, оставил на складе в Пондишери, он этот медальон не заметил.

— Он мог предположить, что этот медальон вы взяли вовсе не в багаже.

— Не исключено. В любом случае он должен был опасаться такой находки. Разумеется, он также мог предположить, что я нашел медальон с портретом Ластира здесь, во Франции.

— Да, да, — запинаясь, проговорил Ла Врийер. — Но в таком случае он мог бы и не отвечать на ваш выпад. Тогда никто бы не усомнился, что он именно тот, за кого себя выдает.

— Нет, такого случиться не могло, ибо в этом случае я бы предъявил свой последний аргумент…

И он вытащил из кармана фрака маленькую овальную табакерку с портретом на крышке.

— …портрет подлинного шевалье, который тот вместе с драгоценностями оставил на хранение своему нотариусу перед отъездом в Индию. И, как видите…

Он протянул магистратам табакерку.

— …Энефьянс нисколько не похож на Ластира, — заключил Ленуар.

— Вот почему он не собирался сдавать позиции; понимая, что отступать некуда, он надеялся как-нибудь выкрутиться. Перевод часов нельзя считать уликой, ибо подтвердить его мы не могли. А эту улику он опровергнуть бы не смог: если он не Ластир, чей портрет у нас имеется, значит, он может быть только Энефьянсом. Осталось только выяснить: каким образом он сумел обмануть бдительность министра морского флота?

Припомнив Сартину его ослепление, Николя продолжил, наслаждаясь своей маленькой местью:

— Хотя, думается, это действительно навсегда останется тайной. Видимо, мошенник обладал рекомендацией какого-то очень высокопоставленного лица, раз он осмелился явиться к такому проницательному магистрату, как вы, сударь! Впрочем, все это уже выше моего воображения.

— О, об этом даже говорить не стоит, загадка все равно останется нерешенной, — отмахнулся Сартин, не обращая внимания на устремленный на него пристальный взгляд Ла Врийера. — Готов признать: мною гнусно воспользовались. Я даже не попросил его предъявить послужной список. К счастью, все, наконец, уладилось. И я очень рад, что помогал вам на протяжении всего столь деликатного расследования. В ваших действиях, как всегда, присутствует талант, присущий всем моим людям.

Николя промолчал. Непорядочность министра являлась неотъемлемой частью его обаяния. Только председатель Парламента Сожак мог соперничать с ним в лицемерии.

— Отлично, отлично, — пробурчал Ла Врийер. — А что прикажете делать с вашим Камине? Преступника нет, ибо он умер, следовательно, нет и судебного процесса. В таком случае полная секретность, так как, с какого конца к этому делу ни подойди… в начале злоупотребили доверием Сартина, а в конце обнаружили преступника на улице Вандом, рядом с… ну, вы понимаете, с кем, грозным… В общем, пусть правосудие разбирается с ним как с мошенником и зачинщиком драки. Мы дадим Тестару дю Ли, нашему судье по уголовным делам, надлежащие указания, и тот все сделает быстро и без шума. А ваш мошенник пусть радуется, что его не привлекли как соучастника убийства.

— Николя, — спросил Ленуар, — какие чувства вы теперь испытываете к Энефьянсу?

— Думаю, сударь, что несчастье и несправедливость озлобили этого человека и ввергли его в отчаяние. Отсюда его жестокосердие и жажда мести. Энефьянс стал и жертвой и палачом одновременно. Сколько всего полезного мог бы он совершить, если бы употребил свою ловкость для служения добру! Да простит его Господь; это все, что я могу о нем сказать.

— И последний вопрос. Откуда взялись сапоги и перчатки из кожи, способной защитить от укуса кобры?

— Из Индии. Я передал их доктору Семакгюсу, и тот внимательно их обследовал. И узнал кожу слона.

— Что ж, — пробурчал Сартин, — все одно к одному: сначала кролики, потом кобра и наконец слон!

ЭПИЛОГ

До тех пор, пока вы будете порядочными людьми, послушными Богу и королю, вы никогда не станете великими.

Великий Конде

С 5 июня по 19 июня 1755 года

Волнения остались в прошлом, настало время коронования. 5 июня двор отправился в Компьень, где Луи де Ранрей впервые принял участие в травле кабана в качестве королевского пажа. Он с радостью подал коня своему отцу. Герцог де Ла Врийер поручил Николя обеспечивать безопасность во время переездов и церемоний. Вечером после охоты король призвал Николя к себе в апартаменты, дабы ознакомиться с его рапортом о различных событиях, случившихся в мае месяце. Король сел и, поднеся к носу очки, с видимым трудом принялся внимательно просматривать текст. Завершив чтение, он надолго задумался, а потом, искоса глядя на Николя, сказал:

— Благодарю вас, сударь. Теперь мне все ясно. Однако мне не хотелось бы начинать свое правление с наказаний; достаточно несчастных, что 11 мая… Сейчас имеется некое равновесие, и лучше не нарушать его…

Он бросил рапорт в камин и стал смотреть, как огонь пожирает бумагу.

— Продолжайте и дальше хорошо служить мне, тем более что теперь мне служит и ваш сын: я видел его несколько раз. И всегда говорите мне правду, чего бы это ни стоило — и вам, и мне… А теперь идите, сударь.

Николя поклонился и поцеловал протянутую королем руку.

По традиции королевская процессия направилась через владения первой династии меровингских королей: Вилье-Коттре, Фим и Суассон. Королева и ее свита поехали Дорогой Дам. Николя гарцевал возле дверцы королевской кареты; иногда его величество высовывался из окошка и перебрасывался с ним парой слов. Луи ехал вместе со своими товарищами в свите маршала Ришелье. Погода стояла чудесная, дороги не узнать: расчищенные, выровненные, посыпанные песком и убранные цветами руками тех, кто отрабатывал дорожную повинность. Они отрабатывали ее в последний раз, ибо Тюрго решил заменить дорожную повинность денежным налогом. В пути Николя убедился, что хлеб подорожал всюду, но тем не менее

ожесточение народа постепенно сходило на нет. Гусары Бершени под командованием Виомениля патрулировали окрестности на случай непредвиденных осложнений. Многие шептались, что во время коронования лучше держать войска наготове.

В пятницу 9 июня король, возглавив торжественную процессию, состоявшую из экипажей и парадно одетых всадников Королевского дома, в роскошной карете въехал в Реймс. Тотчас зазвучали фанфары, к которым вскоре присоединился звон большого колокола. На паперти короля встретил архиепископ, монсеньор де Ла Рош-Эмон, и вместе с ним монарх вошел в храм, дабы прослушать первые молитвы.

На следующее утро Николя отправился в дом архиепископа, где королеве отвели крошечные апартаменты, дабы засвидетельствовать свое почтение ее величеству. Глядя на исполненную изящества Марию Антуанетту, Николя неожиданно вспомнил ее мать, Марию Терезию. Солнце впервые светило по-летнему жарко, и шумная толпа на улице неуклонно увеличивалась. Присутствовавший тут же граф д'Артуа отпускал веселые шуточки и, не обращая внимания на укоризненный взор своего брата, графа Прованского, нашептывал что-то на ушко дамам.

В тот же день, когда выдалось время, Николя пригласил Луи пойти в городской парк полюбоваться слонихой, привлекавшей толпы людей добродушным нравом и фокусами. Слониха самостоятельно вытаскивала пробку из бутылки, а затем пила из этой бутылки воду, являя всем свою ловкость и смекалку. Радость и восторги Луи напомнили ему, что сын его еще не вышел из мальчишеского возраста. Король присутствовал на вечерней службе, во время которой епископ Экса сказал, что «Франция может погибнуть только из-за собственных несовершенств, но если она пребудет такой, какой ей надлежит быть, она станет вершительницей судеб мира, дабы в этом мире воцарилось счастье».

Поздно вечером Николя вызвал господин Тьерри, первый служитель королевской опочивальни; когда он наспех переоделся в предоставленной ему на ночь каморке подле апартаментов короля, Тьерри отвел его в королевскую прихожую, где уже ожидал капитан гвардии. Вместе с капитаном ему предстояло сопроводить короля в собор Сен-Реми, где его величество пожелал помолиться накануне своего коронования. В коричневом сюртуке и круглой шляпе, какие носят простые горожане, монарх всю дорогу хранил молчание. Из храма доносились размеренные песнопения монахов. Король преклонил колена и два часа молился. Поднявшись с колен, он словно преобразился. Взглянув на выступившего из тени Николя так, словно видел его впервые, он протянул ему руку.

— Сударь, я не забуду, что сегодня вечером вы находились рядом со мной. Вы были преданы моему деду, так будьте также преданы и мне.

На следующий день, 11 июня, в воскресенье Св. Троицы, епископы Лана и Суассона постучали в дверь королевской спальни и дважды позвали короля, и тот дважды ответил им: «Король спит». Третье обращение прозвучало по-иному: «Мы зовем Луи, которого Господь дал нам в короли». Тогда дверь открылась. В длинной, сотканной из серебряных кружев хламиде, поддерживаемый под руки двумя прелатами, король отправился в собор, где его усадили в кресло под свисающим с потолка балдахином, расшитым цветами лилии. Николя занял место справа от алтаря; на нем был великолепный белый костюм, шедевр портновского искусства мэтра Вашона. На резном позолоченном балконе, где разместилась королева со своими дамами, в верхних галереях и обрамленных цветами междустолбиях, в амфитеатре — везде толпились придворные в сверкающих парадных костюмах. Со стен свисали прекрасные гобелены, подчеркивавшие пышность и величие убранства собора.

После *Veni, Creator*, король, возложив руки на Евангелие, принес три обычные клятвы. Архиепископ опоясал его мечом Карла Великого, а брат короля прицепил шпоры. Приор собора Сен-Реми открыл священный сосуд и передал его архиепископу; тот золотым стержнем извлек из него капельку величиной с пшеничное зерно и смешал ее со святым елеем. Король пал ниц,

а затем, встав на колени, распахнул на груди одежды, дабы к плоти его шесть раз прикоснулись золотым стержнем. Потом архиепископ благословил кольцо и передал его королю. После того как король принял скипетр и руку правосудия, священнослужитель взял корону и, подержав ее над головой короля, со словами: «И да коронует вас Господь этой короной славы и правосудия», возложил корону на царственную голову. Тотчас двенадцать пэров, мирян и клириков простерли в ее сторону руки, образовав оси символической ступицы.

Людовик XVI был помазан и коронован; наступил черед возведения на трон. Облачив короля в мантию с длинным шлейфом, отороченную мехом горностая и вышитую цветами лилии, его величественного, с короной на голове, со скипетром и рукой правосудия, подвели и усадили на стоявший посредине собора трон. Зазвучали фанфары, двери собора распахнулись, в воздух взвились выпущенные голуби, снаружи раздались залпы и громко зазвонили колокола. Настал час всеобщей радости: бессчетное число голосов выкрикивало здравицы, и клич «Да здравствует король!» летел до самого небесного свода. Архиепископ, присоединивший свой радостный возглас ко всеобщему ликованию, затянул *Te Deum*.

И снова Николя увидел, как, исполненный искренней радости, король полностью преобразился. Он выглядел уверенно, а на лице его появилась невиданная прежде серьезность. Королева зарыдала. У Николя на глаза навернулись слезы. Нахлынувшие на него печальные воспоминания о перевозке тела Людовика XV в Сен-Дени унеслись прочь, словно коронование положило конец печальным временам. Монархия, которой он посвятил всю свою жизнь, продолжала жить. Внизу, у подножия трона, он разглядел раскрасневшегося от счастья сына, одетого в ливрею Королевского дома; поодаль, среди послов, в разноцветном плаще, расшитом перьями и жемчугом, застыл Наганда, устремив взор вдаль. Внезапно на плечо Николя легла чья-то рука. Он обернулся. В придворном наряде, ему нежно улыбалась Эме д'Арране. Небо просветлело, и сердце его радостно забилось. Ему показалось, что перед ним открылась новая жизнь, и в ней он еще может обрести счастье.

Примечания

1

Имя узника и его история подлинные.

2

В те времена французский язык в Европе являлся универсальным языком добропорядочных людей.

3

Император, король римский (лат.). Имеется в виду, что старший сын Марии Терезии Иосиф II являлся императором Священной Римской империи.

4

Австрийский канцлер.

5

Т.е. шпионят в пользу прусского короля Фридриха II.

6

Имеется в виду мудрый царь Пилоса, пользовавшийся всеобщей любовью и уважением.

7

Герцог де Рифферда (1690–1737): голландец на службе Испании. Попал в немилость в 1726 году.

8

Дочерей Людовика XV.

9

В одном туазе шесть футов, или около двух метров.

10

П. Корнель. «Гораций». Д. III, сц. 6. Пер. Н. Рыковой.

11

См. «Убийство в особняке Сен-Флорантен», гл. 8.

12

Строки, исполняемые хором в опере-балете Рамо «Галантные Индии».

13

Председатель финансовой палаты Ломбардии, находившейся в то время под властью Австрии.

14

См. «Загадка улицы Блан-Манто».

15

В этом описании автор вдохновлялся подлинными сведениями о событиях, происходивших в 1775 году в Оксоне (Бургундия).

16

Примерно 54 евро.

17

Осведомленный читатель наверняка узнал маршала Ришелье, старого друга Ноблекура.

18

См. «Призрак улицы Руаяль».

19

Сегодня — улица Марии Стюарт в 11-м округе.

20

Tire-Boudin — от «tirer» (тянуть, тащить) и «boudin» (кишка, кровяная колбаса): Tire-Vit — от «tirer» и «vit» (мужской член).

21

См. «Дело Николя Ле Флока».

22

Автор заимствует это образ у Караччиоли (1721–1803).

23

Читатель помнит, что Сартин хранил свои парики в специальном шкафу с музыкой.

24

Альберони (1664–1752) — кардинал и первый министр короля Испании Филиппа V.

25

Вокансон — см. «Убийство в особняке Сен-Флорантен».

26

Жю — мясной сок, мясной соус-подлива.

27

Наиболее тщательно охраняемая часть Версальского дворца.

28

Подлинный текст.

29

Наступление смерти (лат.).

30

Речь идет о газете «Меркюр де Франс» («Mercure de France»).

31

Графиня — фр. «Cortesse», название улицы: Cortesse-d’Artois.

32

Преступления против священного института брака считались особенно тяжкими.

33

Вольтера.

34

См. «Убийство в особняке Сен-Флорантен».

35

Le K barre, le grand I vert — cabaret Grand-Hivert, cabaret (фр.) — кабачок, таверна.

36

Пажеский корпус и комнаты для пажей были размещены в помещении королевских конюшен только в 1784 году.

37

Подлинный текст записки Людовика XVI, адресованной Ленуару.

38

См. «Дело Николя Ле Флока».

39

История заточения Лепрево де Бомона подлинная. Освобожденный после падения Бастилии, а именно 5 сентября 1789 года, он провел в заточении двадцать один год, о чем впоследствии рассказал в своих воспоминаниях, озаглавленных «Государственный преступник».

40

Ничто не препятствует (лат.).

41

«…о Лепрево»: заменить на «о супруга Иодая» (Расин. «Гофолия», III–IV. Пер. Ю.Б. Корнеева).

42

См. «Человек со свинцовым чревом».

43

См. «Дело Николя Ле Флока».

44

Соразмерность (лат.).

45

См. «Загадка улицы Блан-Манто».

46

Автор благодарит Филиппа Жарну за его труд «Survivre au bagne de Brest» («Выжить на каторге в Бресте»), 2003, откуда он почерпнул свои сведения по данному вопросу.

47

См. «Убийство в особняке Сен-Флорантен».

48

Автор вычитал этот рецепт из книги: Charles Gerard. «L’Ancienne Alsace a table», 1877 (Шарль Жерар. «О том, как в старину ели в Эльзасе»).

49

П. Корнель. «Цинна». Д. IV, сц. 2. Пер. Вс. Рождественского.

50

Лесаж. «Хромой бес». Гл. 13. Пер. под ред. Е.А. Гунста.

51

См. «Мемуары принца де Линя».

52

См. «Убийство в особняке Сен-Флорантен».

53

Граф де Сен-Флорантен, герцог де Ла Врийер занимал пост министра в течение пятидесяти лет.

54

Подлинные тексты 1775 года.

55

Замечание Вольтера.

56

Фамилия персонажа Belhome (фр.): bel — «красивый», homme — «человек».

57

Мольер. «Докучные». Д. 11, явл. 2. Пер. Вс. Рождественского.

58

Североамериканская ядовитая мокасиновая змея.

59

См. «Призрак улицы Руаяль».

60

Лесное божество, отец Диониса.

61

В то время слова «пазл» еще не было.

62

См. «Убийство в особняке Сен-Флорантен».

63

См. «Убийство в особняке Сен-Флорантен».
